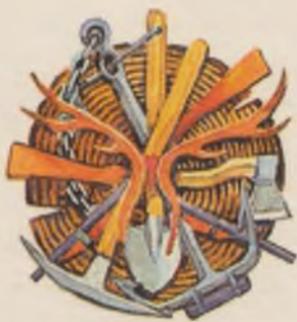

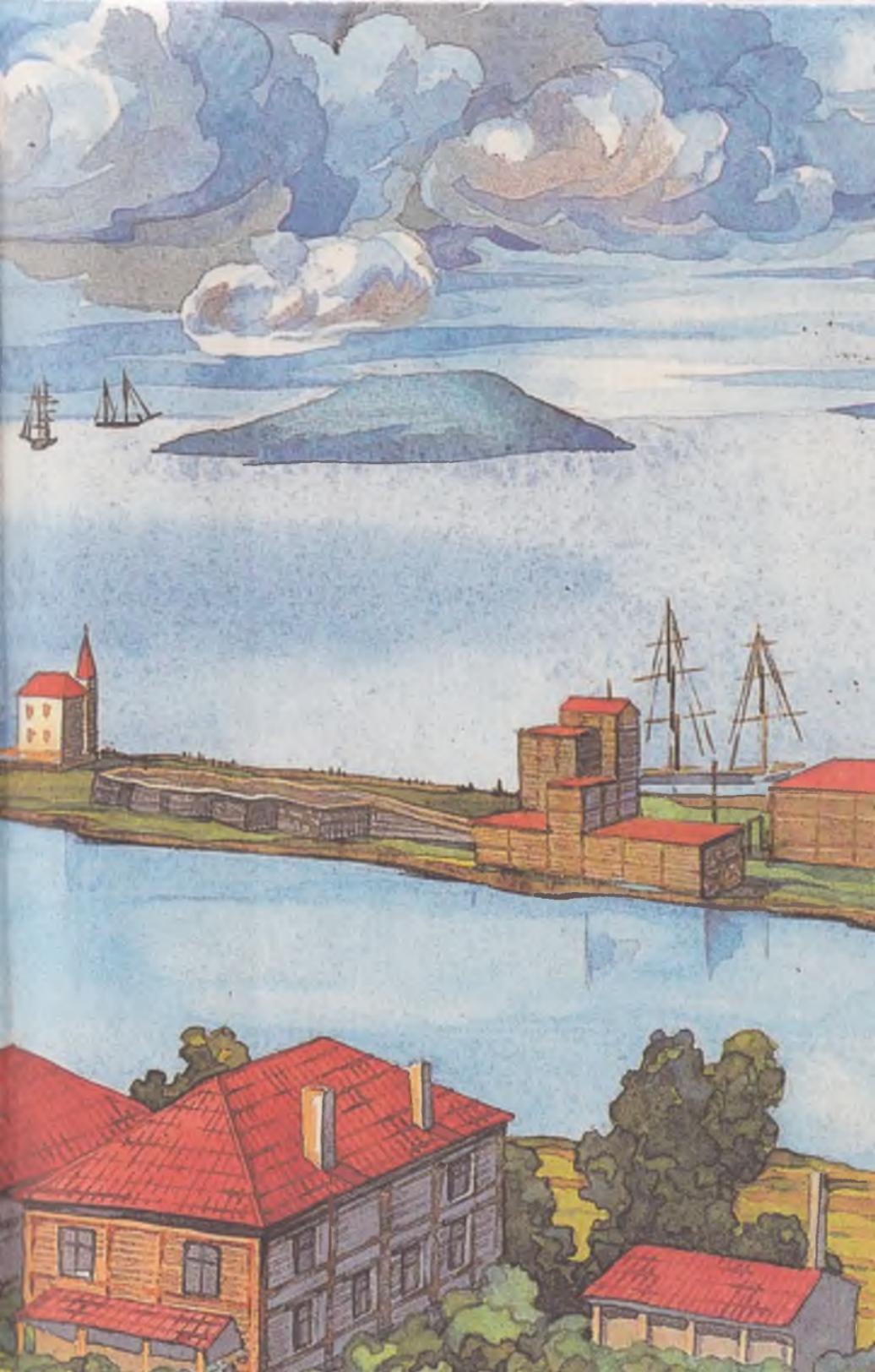
82

ФРИДРИХ ГЕРШТЕККЕР
МАЛЕНЬКИЙ
ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ
В КАЛИФОРНИИ

ЛУИ БУССЕНАР
ЗА ДЕСЯТЬЮ
МИЛЛИОНАМИ
К
РЫЖЕМУ ОПОССУМУ
(ЧЕРЕЗ ВСЮ АВСТРАЛИЮ)

5/12

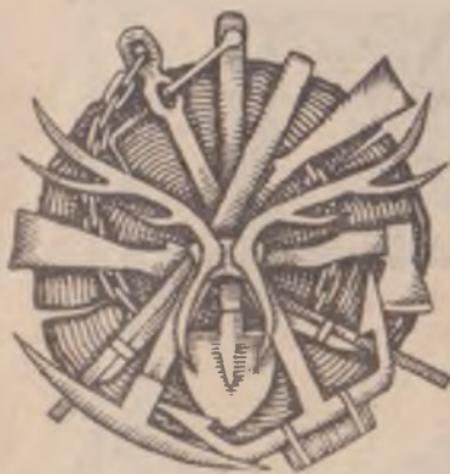
.

.....
.....
.....

ФРИДРИХ ГЕРШТЕККЕР
МАЛЕНЬКИЙ
ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ
В КАЛИФОРНИИ

ЛУИ БУССЕНАР
ЗА ДЕСЯТЬЮ
МИЛЛИОНАМИ

К
РЫЖЕМУ ОПОССУМУ
(ЧЕРЕЗ ВСЮ АВСТРАЛИЮ)

Москва — Ташкент
Фирма «Фонд», ИПК «Шарк»
1992

П023

В книгу включены два произведения, общая тема которых — путешествия и приключения.

Имя известного французского писателя Луи Буссенара хорошо знакомо нашим читателям. Его увлекательный роман «За десятью миллионами к Рыжему Опоссуму» доставит громадное удовольствие любителям литературы.

Фридрих Герштеcker (1816—1872) — немецкий писатель и путешественник, автор множества путевых очерков, которые насыщены богатым этнографическим материалом и пользовались популярностью среди молодежи. В его произведении «Маленький золотоискатель в Калифорнии» ярко и непосредственно повествуется о приключениях семьи, переехавшей из Северной Америки в Калифорнию в пору горячего увлечения открытыми там золотыми россыпями. Здесь много географических и исторических сведений о Калифорнии, изложенных хотя и весьма кратко, но очень живо. Издано в Санкт-Петербурге в 1903 году.

Художник *В. Авруцкий*

ФРИДРИХ ГЕРШТЕККЕР
МАЛЕНЬКИЙ
ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ
В КАЛИФОРНИИ

ГЛАВА I

Путники застигнуты снегом и Георга посылают искать помощи

Это могло случиться в конце сентября 1849 года. Снег в этом году в горах Калифорнии выпал замечательно рано и в необычайно значительном количестве. При этом снег неожиданно захватил в горах многие караваны переселенцев, надеявшихся своевременно спуститься в долины с теплым климатом.

Как только проникли слухи о калифорнийском золоте в Соединенные Штаты Северной Америки, оттуда значительнейшее число переселенцев отправилось в Калифорнию на кораблях. Однако таким образом они вынуждены были совершить громаднейший кружной путь, огибая весь материк, проходя мимо оконечности Южной Америки, называемой мыс Горн. Словом, необходимо было совершить морское путешествие, для которого при благоприятнейших условиях требовалось от четырех до пяти месяцев, а нередко шесть, семь и даже восемь месяцев, и притом морское путешествие всегда угрожало опасностями.

Кроме того, не всегда оказывалось достаточное количество судов для удовлетворения стремлений переселенцев и так как в то время еще не возникло сообщение паровыми судами через Панамский перешеек каналом, дававшее возможность очень быстро переправиться по ту сторону материка, — тысячи человек предпочитали отправляться в Калифорнию сухим путем, хотя и это было очень продолжительное и утомительное путешествие. Но тогда у всех головы кружились от мысли о золоте, и всем казалось, что надо только поскорее попасть в Калифорнию, чтобы загребать там золото так же легко, как у нас глину или булыжник.

Путешествующим предстояло проследовать сначала по

громадной, пустынной степи, угрожающей индейцами, а потом через высокие отроги непроходимых гор. Необходимо было везти с собою на воловьих телегах не только провизию, но и воду, и возможно было подвигаться медленно вперед, делая небольшие переходы в сутки.

Многие умирали в пути, и печальное настроение овладевало переселенцами, когда на пути каравана они встречали очень часто могилы по обе стороны дороги и нередко самим приходилось рыть новые. Но оставшиеся в живых неустанно спешили вперед, к одной общей цели, к стране золота, равнодушно оставляя за собою могилы дорогих и близких им людей.

Такие переселенческие караваны — так как ввиду обеспечения возможности оказать надежное сопротивление нападениям индейцев собиралось весьма значительное число воловьих подвод, — выезжали преимущественно в конце апреля или в первых числах мая из Соединенных Штатов Северной Америки с целью совершить переход через скалистые горы до наступления зимы. Но, несмотря на эту предосторожность, многие были захвачены снегом в этих негостеприимных вершинах и оказались задержанными новыми, еще не встречавшимися во весь долгий путь, препятствиями. Болезни близких, побег упряжных животных, а очень часто и падеж последних, вынуждали многие повозки отставать от большого каравана в надежде догнать его впоследствии, где окажется возможным. Но многие отдельные семьи совершенно гибли при таких условиях или настолько запаздывали, что достигали цели путешествия только избежав страшных опасностей и превозмогая невероятные затруднения.

Вот именно одним из таких караванов мы займемся в нашем рассказе.

Скалистые горы представляют собою громаднейшего протяжения кряж гор, тянущийся по всему материка Америки от крайнего севера. Горы эти проходят через Панамский перешеек и идут вдоль всей Южной Америки до самого мыса Горн, где они громадными серыми глыбами врезаются в пенящиеся волны бурного океана. Эта горная цепь, очень удачно названная позвоночным столбом материка Америки, носит, однако, различные наименования. На севере она называется *Скалистые горы*; вблизи экватора, в середине Америки, она называется *Анды*, а в Южной Америке носит название *Кордильеры*.

Скалистые горы не состоят из одной-единственной цепи высоких гор, к которой с востока и запада примыкает плоская земля, но состоят из многих рядом тянущихся горных цепей, из которых находящаяся в середине представляет собою кряж выше всех других кряжей и отделяющий другие один от другого с кое-где встречающимися между ними долинами.

Со стороны Калифорнии имеются три такие склона, из которых второй немного ниже разделяющего кряжа, служащего водоразделом. От этого кряжа, представляющего как бы спину, истекают все реки, в восточной стороне впадающие в Атлантический океан, а в западной стороне — в Тихий океан.

Этот второй горный кряж на западной стороне именуется испанским названием *Sierra nevada*, т. е. Снежные горы. Третья же цепь расположена значительно ниже, и, прежде чем до нее добраться, путникам предстояло пройти очень большую равнину. Там они уже вступали в горы, ближайšie к морскому берегу, те самые, в отрогах которых, разветвляющихся по направлению к Тихому океану, было открыто золото.

Вершины *Sierra nevada*, как это указывает само наименование, даже летом покрыты снегом. Но все же недавно проехавшими здесь телегами и санями был проложен порядочный путь, однако маленькая повозка, следить за обладателями которой мы намерены в этом рассказе, лишилась уже в горах двух из упряжных своих животных, погибших от чрезмерного напряжения и недостатка корма и могла продолжать путь только весьма небольшими дневными переходами, чтобы сколько-нибудь сберечь несчастных, измученных животных.

Таким образом они, воспользовавшись великолепнейшей погодой, добрались до самых последних гор и полагали, что уже избегли счастливо всех опасностей, как вдруг совершенно неожиданно пошел сильный снег, засыпавший все следы ранее прошедших повозок. Хотя обладатель повозки как коренной обитатель лесов западной Америки способен был без посторонней помощи разыскать дорогу, но истомленные волю едва могли тащить повозку, вязнущую в глубоком снегу.

Повозка была весьма практичная, но несколько тяжелая, грубоватая, западноамериканской работы, с прочным кузовом, крепкими колесами, способными выдерживать тяжелый путь по горным дорогам. Покрытая за-

смоленным холстом, повозка служила путникам ночью как палатка и вместе с тем содержала в себе все то, что у них оставалось из благ земных.

Маленький караван состоял из мужчины, долговязого, грубо сколоченного, с обветренным, обгорелым лицом, и сына его Георга, бывшего, по-видимому, в возрасте от 14 до 15 лет, но, быть может, и моложе, потому что тяжелая работа, влияя на детей, делает их старше на вид, чем в действительности. Молодой парень в долгом, затруднительном пути частенько и во многих отношениях был чрезвычайно полезен отцу, и оба, как сын, так и отец, в самом крайнем положении, наверное, умели бы выбраться так или иначе. Но, кроме их обоих, была еще мать Георга с сестренкой его, едва достигшей трехлетнего возраста, и матери, в особенности в последнее время путешествия, сильно нездоровилось, а между тем слабое сложение сестры требовало особого внимания и ухода, насколько это было возможно при тяжелых путевых условиях.

Положение бедной женщины было крайне тяжелое; настолько же тяжело было положение ребенка. То в жару и на солнечном припеке, то в снегу и в непогоду приходилось в течение многих месяцев постоянно находиться на открытом воздухе и при этом заботиться о ребенке, чувствуя себя нездоровой. Как многие несчастные матери, она горько плакала, вспоминая прежнее время и желая его возвращения; хотя терпелась та же нужда, та же бедность, но все же спокойно и тихо жилось на родине. Да и многие мужчины раскаивались в легкомысленно предпринятом деле, но понято это было слишком поздно, потому что *обратно возвратиться* было невозможно, если бы даже они этого захотели. А потому приходилось, скрепя сердце, собраться с духом и, напрягая все силы, продолжать начатое дело.

До сих пор, с каждым шагом вперед, они сознавали, что хотя медленно, но приближаются к местности с теплым климатом. Между тем сегодня утром приключилось несчастье: упал один из волов последней оставшейся пары и уже больше не поднялся, а единственный оставшийся в живых не в силах был тащить тяжелую телегу.

И вот пришлось им остаться среди леса на земле, почти на фут покрытой снегом, и вблизи не имелось никакой человеческой помощи.

Когда пал вол, пока отец занялся волем, Георг тотчас

отгреб снег около повозки и развел хороший костер. Кругом разбросано было много валежника, и согревающее пламя значительно успокоило его мать и маленькую сестру. Но что же можно было предпринять теперь? Если бы даже они покинули телегу, со всем, что в ней находилось, все же больная женщина не могла бы следовать за ними по глубокому снегу; а потому так или иначе необходимо было немедленно искать помощи.

Отец высказал намерение оставить Георга около матери и сестры и пойти вперед, чтобы поискать поблизости какое-либо человеческое существо, от которого, быть может, можно будет добыть вола или мула. Да наконец, в худшем случае, достаточно было бы добыть лошадь; по крайней мере, можно было бы посадить на нее жену с ребенком и благополучно доставить их в долину. Однако, возможно ли было доверить одинокому мальчику защиту беспомощной женщины и ребенка? Вблизи могли быть индейцы, могли быть волки; наконец, могло случиться что-либо такое, при чем силы мальчика оказались бы совершенно недостаточными.

Наконец, после продолжительного размышления, отец сказал, обращаясь к сыну:

— Георг, я обдумал дело со всех сторон и полагаю, что будет лучше всего, если ты, следуя вдоль по течению небольшого ручья, от которого мы со вчерашнего дня едем, спустишься в долину и постарайся пригнать оттуда вола, мула или лошадь. Вчерашний снег мне очень не нравится, и хотя зиме еще не надлежало бы, судя по времени года, наступить, все же мы не должны подвергать себя опасности быть захваченными здесь зимней непогодой. До сих пор милосердный Бог избавлял нас от всякого рода опасностей и затруднений, мы их избегали счастливо, а теперь нам необходимо приложить все старания и не покладать рук, чтобы преодолеть это последнее затруднение.

— Да, отец, это верно; я рад все сделать! — отвечал Георг. — Но где же мне теперь разыскать людей? Мы, вероятно, еще на сотни верст от ближайших поселков или от золотоискателей и когда же я могу оттуда возвратиться?

— Нет! — уверенным тоном возразил отец. — Сосед Вольсей, — оставивший нас около восьми дней тому назад, он бы еще мог пробыть с нами некоторое время, но золото ведь сводит людей с ума, — отлично знает эту местность

и тогда еще говорил, что мы находились менее чем в ста милях от ближайших золотоискателей. С того времени мы делали ежедневно по крайней мере от 10 до 12 миль, и весьма возможно, что мы в очень близком расстоянии от поселков.

— Хорошо, отец, я пойду! Но, надеюсь, что моего Гектора я могу взять с собою?

— Собаку? Я полагаю, не будет ли она здесь полезна? Впрочем, она и тебе очень пригодится.

— А вы здесь подождете, пока я возвращусь?

— Конечно! — отвечал отец. — А я тем временем, чтобы не сидеть праздно, хорошенько обстругаю пару полозьев, чтобы сделать нечто вроде саней. Если снег продержится, чего я, впрочем, не допускаю, то мы снова снимем колеса с повозки, как мы уже делали в горах, и положим их на полозья. Если бы даже пришлось бросить здесь повозку, все же это доставит мне возможность не сидеть сложа руки и будет развлечением.

— Да найдет ли нас мальчик? — заботливо спросила мать. — Боже милосердный, когда мы были все вместе, все с радостью претерпевали, но когда я подумаю, что мы можем лишиться мальчика!..

— Не бойся за меня, мама! — со смехом возразил мальчик. — Да разве мне не приходилось прежде и довольно часто проводить дней по восьми в лесах и болотах и разве я когда-либо заблудился? А ведь это было внизу, на равнинах. Здесь, в горах, надо только держаться направления какого-либо горного ручья и можно быть уверенным найти надлежащую дорогу. Кроме того, со мною будет Гектор, а вдвоем с ним мы всегда найдем нашу дорогу и добудем вам помощь.

— Мне как-то не по себе, чего-то ужасно боюсь! — сказала мать. — Боже мой, лучше бы нам никогда не приходила в голову эта несчастная мысль отправиться в эту ужасную Калифорнию!

— Милое дитя мое, — возразил ей муж таким ласковым голосом, который трудно было предположить в человеке с такой суровой наружностью, — не предавайся таким размышлениям, потому что все может пойти хорошо. Ты ведь знаешь, что я поставил вас в это тяжелое положение не только потому, что я жаждал добыть золото, но это было и твое желание, так как ты надеялась разыскать там твоего отца.

Женщина закрыла лицо тонкими белыми пальцами,

сквозь которые капали на ее грудь крупные слезы, но уже не делала никаких возражений против предполагаемой отправки мальчика, которому в это время отец давал подробные наставления о том, что он должен делать и как вести себя дорогой.

Вскоре Георг вполне снарядился в путь. Выросшему в лесу и на восьмом году выучившемуся уже охотиться и рубить дрова, как все дети американских дикарей, никакая опасность, угрожавшая ему со стороны диких зверей, не была для него страшна. Он был уверен, что всегда сумеет разыскать дорогу. Погода прояснилась, и солнце ярко светило. Отлогое русло, прорытое здесь, глубоко в горах, он также не мог потерять и если бы даже из него вышел, снова мог легко его найти. Весело и бодро затянул он ремнями свое шерстяное одеяло, в которое сложил некоторые съестные припасы, данные ему матерью, вскинул на плечо ружье, позвал собаку и, быстро попрощавшись с родителями и сестренкою, направился прямо в тихий, безмолвный, занесенный снегом лес.

ГЛАВА II

Уединенное шествие Георга по горам

Страшно сжалось печалью сердце матери, когда она увидела сына, направляющегося в лес, показавшийся ей вдруг таким мрачным и страшным, а между тем он один шел туда. Даже отец очень неохотно отпустил сына. Ему отлично были известны все затруднения, которые придется превозмочь мальчику даже при благоприятном ходе дела и, наконец, что будет, если действительно с ним случится какое-либо несчастье, а между тем около него никого не окажется способного подать надежную помощь.

В это время Георг шел бодро вперед. Хотя сначала сердце билось несколько тревожно, когда близкие ему не были уже видны и он сознавал, что с каждым шагом все более и более оставлял их за собою, а высокие, могучие, густо засыпанные снегом деревья окружают его со всех сторон, точно надвигаясь на него, но вскоре в нем возникло совсем иное чувство. Это было гордое сознание, от которого высоко вздымалась молодая грудь и радостно билось сердце. В первый раз в жизни к нему отнеслись как к самостоятельному *мужчине*; в первый раз в жизни он получил право *действовать самостоятельно*. Отец

послал его искать помощь. Он положился на него, уверенный, что он сделает все возможное, чтобы оправдать доверие к себе. Он сразу почувствовал себя бодрее, сильнее прежнего и окрепла в нем уверенность, что отец его в нем не ошибся.

С раннего детства освоившемуся вполне с лесом, ему было нетрудно держаться западного направления, несмотря на многочисленные извивы и уклонения горного ручья. Вместе с тем он внимательно следил за местностью, по которой шел, и даже счел полезным кое-где делать ножом надрезы на деревьях, чтобы отметить опасные места, которых впоследствии нужно было избегать при следовании повозкою, или те места, где путь оказывался удобнее. Весьма понятно, что подвигался он медленно, так как снег был глубок, и, кроме того, он часто останавливался и старательно присматривался, когда в безмолвии леса ему чудились человеческие голоса или какой-либо особого рода шум. Сердце в таких случаях стучало громко и тревожно, и приходилось глубоко вдыхать воздух, чтобы восстановить спокойствие духа. Но всегда оказывалось, что он ошибался и треск обломившейся ветки, крик птицы или долбление дятла принимал за страстно ожидаемый шум человеческих голосов.

Чем более он спускался с гор, тем менее встречал он снега и наконец вступил в долину, в которой был очень тонкий и часто прерванный снежный покров.

Долина эта тянулась далеко по направлению к югу, и сначала Георг стоял в нерешимости, следовало ли ему идти этой долиной. Притом, крутой берег ручья так отвесно примыкал к долине, что он недоумевал, каким образом можно будет спустить повозку в этом месте. Вдали, много выше, вероятно, был проезд, быть может, и затруднительный, но все же удобнее, так как здесь повозка подвергалась бы величайшей опасности на каждом шагу. Наконец, когда он прошел немного дальше, оказалось, что откосы русла стали еще круче и углубление было на тридцать футов больше, так что он хотя и пешком, но вынужден был обойти несколько далее.

Сильно призадумался бедный мальчик. Опираясь на свое ружье и поглядывая на горизонт, заметил, что солнце близко к закату, и спустился в долину, в которой, как ему казалось, будет теплее. Но кто же ему подскажет, где он скорее всего встретит людей?

В это время Гектор повсюду шнырял, осматривал и обнюхивал почву, а в двух местах успел уже разгрести тонкий слой снега. Георг мало обращал на это внимания, так как повсюду в лесу виднелись следы оленей. Заметил он также во многих местах следы лисиц и волков и даже однажды видел громадные следы серого медведя, этого страшного хозяина лесов.

Не обращая внимания на собаку, Георг думал только о том, в каком направлении ему идти и наконец решился, несмотря на отлогость горных уступов, идти в западном направлении. Он не мог поручиться, что если он пойдет долиной, то не уклонится значительно в сторону от своего прямого пути. С глубоким вздохом, вырвавшимся из груди, он вскинул ружье на плечо и позвал собаку, собираясь взобраться на откос. Однако Гектор не трогался с места. Сколько он ее ни звал, собака топталась на одном месте и постоянно обнюхивала, так что это возбудило любопытство Георга и он пошел посмотреть, что там было такое.

С первого же взгляда Георг увидел, что собака отрыла место, на котором оказались угли, быть может, только в последнюю ночь занесенные снегом. Здесь, несомненно, были люди и, рассматривая пытливо это место, Георгу даже показалось, что под тонким слоем снега виднеются следы колес. Порывисто отгреб он уголь и убедился, что не ошибается. Здесь проехала повозка и неизбежно спустилась вниз по долине, так как вверх, на гору, впряженным в повозку животным взобраться было невозможно. Но сколько прошло с тех пор дней и мог ли он надеяться догнать эту повозку? А главное, возможно ли ему будет уйти так далеко от родителей? Помимо того, при теперешнем положении дела, возможно ли рассчитывать получить помощь в этом направлении скорее, чем направляясь по горам? После короткого размышления он решил отираться по найденному следу и таким образом не удаляться от берега ручья, который здесь сворачивал влево и извилялся вдоль долины.

Однако сегодня он не мог следовать далее, потому что наступала ночь, и так как по всей Америке сумерки очень непродолжительны, вскоре сделалось так темно, что стало невозможно двигаться среди густого кустарника долины.

В течение всего путешествия, да еще и дома привыкнув к подобному положению, все это его нисколько не озабочи-

вало. Быстро и легко развел он огонь около обвалившегося дерева, отгреб снег, заготовил несколько кусочков древесной коры и вскоре устроился, хорошо ли, дурно ли, словом, как возможно было. В течение всего дня, находясь в возбужденном состоянии, он вовсе не подумал о еде, но теперь маленький запас провизии, данный ему матерью, пришлось очень кстати, и куском холодной говядины с хлебом, а также сварив наскоро кофе в жестяном кофейнике, он отлично подкрепился.

Покончив с ужином, он укутался своим тонким шерстяным одеялом и поместился у огня, рядом с верным Гектором, приготавливаясь провести здесь ночь.

Во всяком случае постель его была достаточно твердовата; но подушку себе он устроил из собранного мха, часть которого пошла на покрывку оставшейся провизии. Продолжительная ходьба в течение целого дня порядком его утомила, потому что он тотчас уснул тихо и спокойно.

Около полуночи что-то его внезапно разбудило. Сначала он почти бессознательно ощущал, будто его кто-то дергает и двигает, и он открыл глаза, но еще не двигался с места. Огонь почти совсем погас, и, с вечера ясное, звездное, небо теперь заволоклось темными тучами. Ни зги не было видно вокруг, но все было тихо и спокойно. Собака, свернувшись клубком, лежала между ним и огнем и крепко спала. Он сообразил, что, вероятно, это ему приснилось и снова сомкнул глаза, стараясь уснуть, однако тотчас же он опять почувствовал, что кто-то шевелит мох, на котором покоилась его голова.

Первой мыслью Георга было, что это индейцы. Однако эти, если бы были неприязненно настроены, уже давно бы им овладели; нет, это не могли быть индейцы! Только что проснувшись вполне, но еще плохо сознавая свое положение, он все же правой рукой тихонько ощупывал ружье, находившееся около него под одеялом. Тогда что-то снова зашевелило мох, и теперь Георг уже не сомневался, что это не был сон, а что приходилось иметь дело с чем-то действительно существующим, притом, быть может, неприязненным. Моментально вскочил он на ноги с ружьем в руках и взвел курок; он заметил, что какой-то темный предмет с быстротой молнии промелькнул по снегу и скрылся в кустарнике.

Быстрое движение хозяина разбудило Гектора. Заметил ли он также быстрое движение темного предмета или только угадал чутьем, но как молния бросился вслед ему,

и минутой позже резкий, отрывистый лай доказывал, что какая-то схватка произошла с ночным посетителем.

Но дело этим не окончилось, потому что вдруг точно весь лес пришел в движение. В кустах все шумело, трещало, ломалось и слышались отовсюду то лай, то визг, то вой. Вдруг внезапно примчался обратно к лагерю Гектор, преследуемый какой-то темной массой и, очевидно, спасавшийся бегством.

Георг недолго раздумывал. Правильно целить в такой темноте было невозможно, но он все-таки направил ружье прямо на темный предмет, и выстрел громко прозвучал по долине, повторенный эхом в горах. Когда рассеялся дым, воцарилась гробовая тишина, и наседавшие неизвестные неприятели точно сквозь землю провалились.

Тогда Георг бросил в костер вчера еще собранные и тщательно высушенные дрова и, когда разгорелось пламя, очень торопливо зарядил снова свое ружье. Гектор стоял около него с ошетилившейся шерстью на спине, с оскаленными зубами и рычал тихо и сердито.

— Что же такое приключилось с собакой? Что там такое было? — ласково обратился к собаке Георг. — Вероятно, они обратили в бегство бедное животное, и Гектору пришлось огрызаться?

— Гав-гав-гав, — лаял Гектор.

— Да нет, ругаться не поможет! — смеясь, сказал Георг. — Ну, пусть только опять появятся, мы их хорошенько примем.

Молодой парень постоял еще несколько минут с ружьем наготове, но ровно ничего не было слышно кругом. Как и раньше, гробовая тишина царила в лесу, только в верхушках деревьев чуть слышно шелестело, и при ярко разгоревшемся костре небо казалось еще мрачнее и грознее прежнего.

Во всяком случае, ветер заметно изменился, как это обыкновенно бывает в полночь. Стало несколько теплее, и со стороны долины потянуло душным воздухом. Это очень не понравилось Георгу, потому что если поднимется непогода, думалось ему, что же станется с его бедной матерью и маленькой сестренкой? А ветер, все сильнее и сильнее завывая, раскачивал высокие верхушки громадных деревьев, а далеко на северо-востоке что-то грозно шумело, точно гром.

Вскоре Георг не сомневался в наступлении сильной бури, надвигавшейся все ближе и ближе. Начал хлестать

сильный, холодный дождь попеременно со снегом, и в лесу поднялся сильный шум: трещали и падали на землю большие ветви деревьев.

По счастью, он выбрал себе убежищем свободную от деревьев площадку у самого берега горного ручья. Хотя здесь он не был защищен от дождя и снега, но зато не было опасности быть раздавленным сломанными бурей деревьями и ветками. Ничего ему другого не оставалось, как, прикрыв огонь костра двумя большими кусками древесной коры, самому плотнее завернуться в одеяло, пригнувшись и повернув спину к ветру.

Кругом его яростно бушевал ураган. Ветер дико завывал между громадными стволами деревьев; снег и град свирепо хлестали его куда только возможно, и вся природа казалась в диком, неистовом смятении. Гектор прижался к нему насколько возможно плотнее, а в лесу, очень близко от него, ночные посетители — волки — подняли хотя и жалобный, но ужасный оглушительный вой, от которого кровь застывала в жилах. Он знал, что ему не было оснований их сколько-нибудь опасаться, но все же невольно бедному мальчику приходилось жутко; он дрожал от холода и страха и невыразимо страдал в течение нескольких часов, пока не унялась буря. К этой щемящей боли в мозгу присоединилась еще мысль о родителях, которые в настоящее время, вероятно, со страхом и заботой вспоминают о нем и страдают, думая о постигшей его участи.

Наконец, буря несколько стихла. Снег еще валил, но ветер значительно ослабел и возможно стало попытаться раздуть потухавший огонь и развести снова костер. Тяжело и печально прошла вся ночь, а когда наступило серое и хмурое утро, он с ужасом увидел, взглянув на вершины гор, что снова все покрылось глубоким снегом. Что-то теперь делают наверху его бедные родители!

Но, несмотря на это горькое чувство, утренний свет ободрил, оживил его и улучшил расположение духа. Мало-помалу стало проясняться; снег перестал падать. Георг прежде всего высушил свое одеяло и вспомнил о почти забытой провизии, прикрытой мхом. Она вся вымокла и испортилась. Но что было делать? Надо было мириться с положением; горю он помог, сварив в кофейнике кофе и пил почти горячим, чтобы сколько-нибудь согреться.

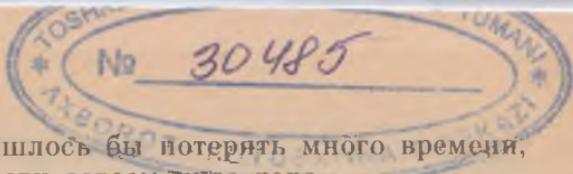
Прежде чем покинуть свой лагерь и собраться в дальнейший путь, Георг захотел убедиться, не найдет ли он каких-либо следов своих ночных посетителей. Хотя все

следы вокруг лагеря были засыпаны снегом, но все же можно было полагать, что он своим выстрелом кого-либо уложил. Во всяком случае, Гектор чутьем своим поможет решить этот вопрос.

Придя на то место, где, как приблизительно можно было рассчитывать, произведен был выстрел, он не нашел никаких указаний. Снегом все было покрыто. Однако, шерсть на спине Гектора снова поднялась дыбом, и собака, рыча и вытянув вперед нос, осторожно пошла к кустам. Вслед за ней направился туда же Георг с ружьем наготове и, по-видимому, пришел к тому месту, где вчера Гектор погрызся с волками, обратившими его в бегство. Но вдруг собака остановилась перед небольшой кучкой снега и начала громко лаять. Георг подошел и только что хотел отбросить снег ногой, как почувствовал под ней что-то мягкое и тотчас же извлек из-под снега труп маленького степного волка, по-местному называемого *койотом*, которыми кишат все леса Калифорнии.

Эти маленькие животные чуточку крупнее европейской лисицы; они серой или темно-серой масти, всегда держатся вместе и бродят большими стаями. Георг осмотрел труп, но раны нигде не нашел, и только около шеи шерсть была несколько отрепана. Несомненно, что вчера вечером Гектор погрызся с этим волком и быстро задавил его, так что другие волки, несколько запоздав на выручку товарища, бросились на собаку, убежавшую от наседавшей стаи. Казалось, что и собака как-то стыдилась вчерашнего боя, потому что, хотя сначала она вертелась около трупа койота с поднятым вверх хвостом, но вскоре отошла от него и глядела на хозяина так, будто приглашала его отойти подальше от этого места.

Как раз поперек лагеря и даже не более как в ста шагах от места, где стоял Георг, недавно проходил олень. След его оказался совершенно свежим на снегу. Олени в эту пору были жирны, и Георгу, страстно любившему охоту, очень бы хотелось до него добраться по следам: он уложил бы его наверняка, да и провизия была уже совсем на исходе. Хлеб в непогоду так вымок, что стал совсем не годен в пищу, и даже Гектор, которому он отдал мякоть, по-видимому, весьма мало был удовлетворен такой пищей. Но что было делать; Георг не мог выполнить свое желание, так как олень перешел ложбину ручья и направился как раз в ту сторону, откуда пришел Георг. Если бы он пошел

по его следам, то пришлось бы потерять много времени, а у него было на совести совсем иное дело.

Почти насильно он заставил себя бросить разглядывание свежих следов; но Гектор, который ровно ничего не понимал о причинах такого равнодушия, долго еще стоял около следов и пристально глядел на своего хозяина. Только тогда, когда Георг отошел и ни разу не повернулся, собака последовала за ним, выступая медленно и видимо недовольная.

Долина расширялась постепенно, и в самой ложбине ручья то здесь, то там встречался камыш. Это было почти черной приметой, что ручей приближался к плоской низменности, и, по всей вероятности, недалеко от какой-либо равнины, где должны были наконец находиться люди. Скорее шел мальчик все вперед, пока не дошел до края сухой чащи, разросшейся от воды до подножия холма. Здесь прельстили его плоды, которые он видел в очень значительном количестве на низменностях в кустарниках, похожих на вишневое дерево. Эти ягоды казались ему очень соблазнительны.

Это было нечто вроде виноградной кисти с висющими плодами в числе семи или восьми. Листья были совершенно такие же, как на вишневых деревьях, а ягоды, из которых он раздавил одну, имели как раз такую же точно косточку, как вишня. Однако он не решился ее попробовать, так как не знаком был с плодами Калифорнии и опасался, что они могут оказаться ядовитыми. Однако Гектор поступил смелее. Как только он заметил, что его молодой хозяин занят рассматриванием таких соблазнительных, повсюду висящих плодов, он, в свою очередь, приблизился к ним, очень осторожно обнюхал и, оторвав одну ягоду, съел ее; она, очевидно, показалась ему замечательно вкусной, так как тотчас после того он сорвал уже целую кисть и, оборвав ягоды зубами, принялся за другую, третью и порядком полакомился.

Это придало Георгу смелость. Животные обыкновенно обладают замечательным инстинктом по отношению к тому, что им вредно, и крайне редко прикоснутся к ядовитому плоду. Несмотря на это соображение, Георг сначала ел странные ягоды чрезвычайно осторожно, пока не убедился вполне, что это не что иное, как очень толстого вкуса сладкая вишня, с той разницей, что росла на кисти, такой же, как и виноград. В других кустарниках нашел он и другие плоды: орехи, множество малины, так что отлично полакомился.

мился сочными плодами. При таком изобилии питательных продуктов он был уверен, что не будет терпеть голод в лесу, и, бодрый и довольный, продолжал идти дальше.

Однако Гектор начал вести себя очень странно. Он постоянно подымал голову и втягивал в себя воздух, внюхиваясь то с одной, то с другой стороны; вдруг он остановился и в два быстрых прыжка, ворча и тихо лая, возвратился обратно к своему молодому хозяину. Георг, в свою очередь, внимательно озирался кругом, но ровно ничего подозрительного не заметил. Впрочем, снег покрывал землю настолько толстым слоем, что если и не мешал движению, то никаких следов не было видно.

Во всяком случае, собака была слишком умна, чтобы без всякой причины выказывать такое беспокойство, и Георг осторожнее прежнего подвигался вперед. Менее получаса прошел он таким образом и вдруг, обходя один из уступов горы, почувствовал запах дыма, несшегося со стороны долины.

Значит, там были *люди!* Сердце его сильно забилося и с радостным возгласом он устремился вперед, навстречу горячо ожидаемым друзьям. Но в эту минуту он заметил, что собака заворчала громче, чем в первый раз, и вся шерсть на спине ее сильно ошетичилась. Георг по опыту отлично знал, что это случалось только тогда, когда она чуяла волков, негров или индейцев. Весьма было возможно, что ему пришлось понасть как раз в руки какого-либо племени краснокожих. Все, что ему приходилось с детства самому видеть, а еще чаще слышать в рассказах соседей у пылающего костра, а также дома в тихие зимние вечера, все эти рассказы о нападениях и кровавых столкновениях с индейцами ярко рисовались в его воображении, так что у него волос поднимался дыбом и кровь застывала в жилах.

Однако, что ему предстояло сделать? Как быть? Возвращаться обратно было невозможно, так как по свежему снегу индейцы увидели бы его следы и пришли к убеждению, что он от них бежал, и тогда он, конечно, погибнет. Да, наконец, куда же ему убежать? Вернее всего бежать в горы и обойти кругом, по всей вероятности, находящийся там индейский лагерь. Пожалуй, это окажется возможным, и Георг решил выполнить этот план.

Но прежде чем на что-либо окончательно решиться, он счел необходимым убедиться, действительно ли это был лагерь краснокожих. Это мог быть лагерь переселенцев,

следы колес которых он нашел ранее в долине, а тогда он был уверен в том, что ему окажут помощь. Георг, принимая меры предосторожности, успокоил собаку, заставив ее не лаять и не выдавать этим его присутствие; затем осторожно пробрался к ближайшей возвышенности, откуда надеялся осмотреть всю долину; он вскоре дошел до нее и оттуда увидел внизу в долине, в том месте, откуда взвивался в разных местах, десятью или двенадцатью струйками, дым, значительное число круглых земляных насыпей с небольшими круглыми сторожевыми башенками, находившимися между ними, назначение которых он сначала совершенно не понял. Двигавшиеся между этими насыпями темные фигуры убедили его вполне, что он находится вблизи индейского поселка, и Георг находил, что все, что ему оставалось делать, это как можно скорее и бесшумно уйти из этой опасной местности.

С этой целью он осторожно пробрался горою несколько повыше; но по несчастью как раз наткнулся на значительно глубокий овраг, спускавшийся в долину и, по-видимому, служивший ложбиной другому ручью, впадавшему в ручей несколько больший. Однако откосы не были настолько круты, чтобы нельзя было по ним спуститься.

В этом месте лес отличался совершенно особого рода кустарниками, ветви которых шли от самых корней очень густо и раскидисто, причем изгибались внутрь, так что образовывали как бы букет цветов, туго связанный у основания. Кроме того, листва на всех кустарниках была очень густа и почва усеяна множеством маленьких кустика с красновато-голубыми ягодами, на которых все еще лежал легкий слой снега. Все это скрывало отлично следы его, и он имел основание надеяться, что ему удастся пробраться долиною, обойдя поселок, и быть не замеченным индейцами.

После быстрой ходьбы он уже приблизился на расстояние, находившееся против поселка, и тут, на свежем снегу, заметил следы босых ног. Они шли по направлению к вершине горы. Пока он стоял и невольно задумался, всматриваясь в эти следы, Гектор залаял громко и сердито.

Испугавшись, он быстро повернулся в сторону собаки. Тотчас же он сообразил, что всякие предосторожности теперь бесполезны, так как увидел по направлению своих следов, в восьми-десяти шагах от себя, приближающегося индейца, человека высокого роста и широкоплечего, державшего в правой руке натянутый лук со стрелой, а в ле-

вой руке — наполненный стрелами колчан из звериной кожи. По-видимому, дикарь не меньше мальчика был изумлен и озадачен этой неожиданной встречей.

Однако в первый момент Георг порывисто, сбросив ружье с плеча, почти бессознательно схватился за него с явным намерением защищаться. Между тем, дикарь ровно никаких неприязненных поволозновений не выказывал, или, быть может, до поры до времени не считал нужным их выказывать. Даже при угрожающем движении нашего молодого приятеля он, оставаясь совершенно спокойным, сделал ласковое движение рукою и воскликнул: «Уаллей! Уаллей!», что, по-видимому, означало дружеское приветствие.

Конечно, Георг не понимал, что означает это слово, но, видя ласковое выражение лица дикаря, повторил то же самое приветственное слово. По-видимому, это чрезвычайно обрадовало краснокожего, потому что он тотчас же порывисто снял стрелу с лука и, вложив ее в колчан, быстрыми шагами подошел к юноше. Георг тоже немедленно опустил свое ружье, чтобы доказать дикарю, что не считает нужным его опасаться и спокойно ждет его прихода. Однако Гектор отнесся к этому совершенно иначе. В несколько прыжков он приблизился к своему юному хозяину, стал перед ним и, оскалив зубы, лаял так громко и сердито, что внизу, в долине, его слышали все собаки и, всполошившись, подняли отчаянный лай.

Индеец, видя, что ему угрожает собака, остановился, держа перед собою лук на случай обороны от ее нападения. Однако Георг, ни в коем случае не желавший возбуждать какие-либо неприязненные действия против человека, во власти которого он вполне находился, тотчас отозвал собаку и, так как она все еще не желала повиноваться, держал ее все время за ошейник.

«Уаллей», снова сказал индеец, дружески кивнув головой, и без всякого опасения подошел к мальчику, протягивая ему руку, но в то же время с некоторым недоверием поглядывая на собаку. Снова он произнес: «Уаллей», и затем сказал еще много различных слов на своем языке, вероятно, предполагая, что Георг его понимает, так как умел отчетливо и правильно произнести слово «Уаллей». Между тем, Георг, конечно, ровно ничего не мог понять из всего того, что наговорил ему дикарь. Только тогда, когда Георг силился дать ему что-то понять различными знаками, индеец догадался, что слово «Уаллей»

представляет собою единственное из их родного языка слово, знакомое молодому чужестранцу. Но, по-видимому, это его не огорчило, он также принялся объясняться знаками и дал понять мальчику, чтобы он за ним последовал в поселок.

Как надлежало поступить Георгу? Если бы он отказался за ним последовать и если бы индейцы действительно имели против него неприязненные намерения, то им ничего бы не стоило догнать его; что же он, одинокий мальчик, мог бы сделать против целого племени? Выказав им доверие, он скорее заслужит доброе мнение о себе; наконец, во всяком случае, он мог бы от них получить сведения о том, когда здесь в самое недавнее время прошли белолицые люди. Когда люди захотят быть понятыми друг другом, почти все можно достаточно разъяснить знаками.

После короткого размышления он принял определенное решение; вскинув ружье на плечо, он отправился в долину вслед за своим вожакom, ласково ему кивнувшим и выступавшим впереди.

ГЛАВА III

Как попал Георг в лагерь индейцев

По дороге к лагерю Георг имел достаточно времени хорошенько всмотреться в своего провожатого. Это был, как уже сказано выше, рослый, сильный мужчина, по наружности, волосам и цвету лица вполне сходный с индейцами восточной стороны Скалистых гор. Цвет кожи был медно-красный, с темным оттенком; волосы длинные, жесткие и черные; нос несколько изогнутый, и вообще лицо имело благородное выражение, в особенности оживленно сверкали его черные глаза. Одет он был в высшей степени просто; собственно говоря, единственным его одеянием была до колен доходящая синяя шерстяная охотничья рубаха; руки и ноги, несмотря на снег, были голы; голова также была совершенно обнажена. Только в волосы заткнуто было длинное орлиное перо, прикрепленное к пучку волос, спускавшемуся вниз; к этому же пучку прикреплена была маленькая палочка, перевитая красным и белым бисером. Для украшения он еще вдобавок проколол себе хрящ в ноздрях и всунул поперек коротко обрезанное перо. В проколотых ушах висело несколько бус и кусочков перламутра.

Оружие его заключалось в коротком, тщательно и красиво отделанном луке, длиною около трех футов, с крепкой прочной тетивой. Стрелы, деревянные и почти такой же, как и лук, длины, окрашены были в желтый и красный цвет с перьями в верхнем конце, а в нижнем крае заканчивались острием, блестящим, как стекло, но в действительности острие это выделялось из камня вулканического происхождения. Стрелы находились в колчане, сделанном из кожи лисицы, пушистый хвост которой почти касался земли. Кроме того, за спиной его, между плечами, болтался нож, прикрепленный к короткому, перекинутому через шею, шнуру.

Об изумительном искусстве в стрельбе из лука проводника своего Георг вскоре получил полное понятие. Они еще не отошли даже ста шагов от места встречи, как Гектор, который, по-видимому, освоился с присутствием индейца, спугнул белку; она соскочила с орешника на землю. Хотя собака почти настигала ее, несмотря на то, что поблизости было много деревьев, белка почему-то не проявила желаний воспользоваться этим и мгновенно вскочить на дерево, как это всегда делают наши белки, но старалась ускользнуть от собаки, прыгая в сторону и описывая кривые линии, как заяц. Два раза Гектор дал себя одурачить, и она проскочила прямо между его ног; когда он на нее бросился, то только весь рот забил себе снегом. Наконец на одном, довольно открытом, месте собака так сильно напирала на белку и так близка была к ней, что она вынуждена была, во избежание опасного врага, вскочить на дерево. Туда, наверх, собака не могла добраться и поглядывала то вверх, на дерево, то на своего молодого хозяина.

Тем временем индеец уже вынул стрелу из колчана и наложил ее на тетиву, и как только животное, бывшее от него около двадцати шагов, на секунду уселось спокойно, на него направилось острие стрелы; она вырвалась из тетивы и пронзила резвую белку сзади, как раз между плеч; с стрелою в теле бедная белка скатилась с дерева на землю. Моментально подскочил Гектор и принес как стрелу, так и охотничий трофей своему юному хозяину, что, по-видимому, чрезвычайно обрадовало индейца.

Поспешно продолжали они идти по пути к лагерю, откуда, как заметил Георг, уже приближалось несколько человек, и вскоре их окружили двенадцать или четырнадцать мужчин такого же вида, как и проводник. Некоторые

из них были совершенно голые и заворачивались в одеяла, несомненно, приобретенные у белолицых.

Все, однако, казались дружески расположенными, но изумленно осматривали мальчика, поглядывая вдоль долины вверх, точно ожидая оттуда появления других белолицых. Они никак не могли поверить, чтобы мальчик мог придти к ним совершенно один.

Лагерь, собственно говоря, вернее назвать его деревней или поселком, состоял из восьми или десяти больших круглых землянок, вероятно, около шести футов вышиною над землею и от шестнадцати до восемнадцати футов в поперечнике. Эти землянки, судя по низкому входу, состояли из косяков, связанных между собою ветвями или жердями, на которые затем намазан был толстый слой земли и плотно забит, так чтобы дождь стекал с них свободно. Какой-либо трубы или вообще приспособления для выхода дыма Георг нигде не приметил, и несомненно, что дым изнутри находил себе путь через входную дверь.

Верхняя круглая крыша (вся землянка очень похожа была на исполинских размеров кротовую нору с ровно вымазанными стенками) в то же время служила ее обитателям мужского пола балконом, на котором некоторые из них, когда в деревню вошел Георг, спокойно восседали, покуривая трубки.

Пройдя еще некоторое расстояние, Георг увидел много женщин и совсем голых детей; женщины были в плетеных пеньковых передниках вокруг бедер и почти все с одеялами, накинутыми на плечи. Когда он настолько близко подошел, что обитатели деревни могли распознать в нем белолицего, дети мгновенно рассыпались в разные стороны, и было очень смешно смотреть, как вся эта голая мелюзга, точно кролики, почувявшие опасность, попрятались в узких проходах землянок и то здесь, то там то и дело просовывали оттуда свои испуганные и замазанные мордочки. Но стоило только Георгу повернуть голову и посмотреть на кого-либо из них, как они исчезали мгновенно, и проходило много времени, пока они решались снова выглянуть, но уже боязливее, с большим страхом, чем раньше.

Девушки также убегали тотчас, укрывшись в пещерообразных землянках. Но некоторые женщины, именно те, которые были заняты какой-либо работой, которую им не хотелось бы бросать, оставались, сидя на своих местах, или, вернее, прижавшись пятками к земле. Они в высшей

степени привлекали внимание Георга, но он не имел никакой возможности уделить достаточно времени для наблюдения над ними.

Дело в том, что около землянок в некоторых местах навалены были целые вороха очень длинных, вовсе не противных на вкус желудей, по-видимому, поджаренных на огне. На обязанности женщин лежало очистить их от скорлупы, и они это выполняли очень ловко и очень своеобразно. А именно: они захватывали правой рукой из кучи желудей полную пригоршню и своими белыми, как слоновая кость, зубами один за другим разгрызали скорлупу, а левой рукой вынимали все изо рта. Пальцами левой руки, надавливая на желудь, они освобождали его от скорлупы и в то же время разгрызали уже новый желудь, бросая очищенные плоды в особый чан.

Все это происходило изумительно быстро, и так как они вовсе не касались зубами желудей, а только их скорлупы, очищенные плоды выглядели очень аппетитно.

То, что Георг вначале принял за нечто вроде сторожевых башенок, теперь оказалось ничем иным, как кладовой для собранных в этом году желудей, которыми туземцы, по всей вероятности, преимущественно питаются в зимнее время. Эти кладовые были вышиною около десяти футов и около четырех футов в поперечнике; стены были сделаны из густо сплетенных ивовых ветвей. Некоторые из них уже до половины были наполнены желудями, прикрытыми древесной корой. Эти кладовые находились иногда на некотором расстоянии друг от друга, а иногда по две и по три очень близко одна от другой, что сообщало деревне крайне своеобразный вид.

Но для такого рода наблюдений индейцы не дали ему достаточно времени, так как большинство из туземцев, очевидно, хотело поскорее узнать, что могло привести к ним совершенного одинокого мальчика и где находятся все те, с кем он был ранее. Георг пытался дать им понять, что там, в горах, в том направлении, которое он им указывал, находятся еще другие белолицы, нуждающиеся в помощи. Хотя все это он объяснял знаками настолько живо и ярко, насколько было возможно, но все это проделывалось одними только знаками, и индейцы его не понимали, а, быть может, и не желали его понять. Они на все его усилия смотрели изумленно и только покачивали головами, о чем-то очень много болтая между собою. При этом они несколько раз очень выразительно

указывали на долину, так что Георг пришел к заключению, что они говорят о белолицых, отправившихся в том направлении. Но как давно они прошли, он, конечно, от дикарей добиться не мог. На все его вопросы по этому поводу они указывали на небо, и Георг никак не мог понять, что они хотят этим выразить.

Но, несмотря на это, они, но-видимому, были настроены вполне миролюбиво, так как отложили свое оружие в сторону и, окружив мальчика, с любопытством осматривали его одяние и оружие, со смехом указывая друг другу все то, что казалось им еще не виданным. Однако один только Гектор не оказался дружески настроенным. Он все время вертелся вокруг своего юного хозяина, рыча, скаля зубы и сердито поглядывая на окружающих, так что мальчику раза два приходилось его успокаивать и придерживать за ошейник, опасаясь, чтобы он не сделал неожиданного нападения на коричневые голые ноги окружающих его людей. Такого исхода дела, очевидно, побаивались и сами туземцы, так как очень осторожно сторонились громадной собаки; так же точно к ней опасались приближаться все маленькие деревенские шавки, поднявшие издали такой неистовый визг в ответ на громкий лай Гектора. Почти все они вместе с детьми забрались в землянки и оттуда лаяли, когда собака вместе со своим хозяином проходила близко от них. Однако Гектор не обращал на это ни малейшего внимания.

Индеец, приведший сюда Георга, внезапно подошел к нему очень быстро, так как заметил, что возникшие разговоры по поводу появления мальчика, по-видимому, окончились. Он, в свою очередь, что-то долго говорил ему и при этом несколько раз показывал на долину и на солнце, светившее уже ярко и поднявшееся довольно высоко. Но так как Георг, тем не менее, ровно ничего не понял, что он от него хочет, индеец взял его за руку и повел на противоположный край деревни. Георг охотно последовал за ним, надеясь, наконец, добиться какого-либо толка. Но как оказалось, все это было только приглашением позавтракать, так как он увидел там нескольких других женщин, очень спешно занимавшихся приготовлением несколько своеобразного кушанья.

По-видимому, всякого рода работы производились только женщинами, так как он не заметил, чтобы кто-либо из мужчин занимался каким-либо делом. Они или бродили по деревне, для большего удобства сложивши руки на

животе, или лежали на циновках и одеялах, вытянувшись во весь рост и греясь на солнце. Совершенно наоборот, всюду сушили и работали все женщины, то очищая желуди от скорлупы, то приготавливая завтрак, то появляясь из лесу с плоскими корзинами, наполненными чем-то вроде цветов или семенами растений, которые они умели добыть, несмотря на снег. Эти семена поджаривались самым замысловатым способом. Так как они для этого не имели подходящей железной посуды, то они оставляли семена в этих плоских корзинах, бросая туда маленькие кусочки раскаленного древесного угля и в то же время потряхивали все содержимое корзины, как в решете, до тех пор, пока угольки не потухали.

В высшей степени своеобразен был их способ варки. Георг вскоре заметил везде на полу маленькие круглые ямки, наполненные желто-зеленой кашей, вокруг которых возилось несколько женщин. В особенности они заботились о том, чтобы к этим ямкам не подошла близко собака. Они что-то крикнули мужчинам громко и опасно, а те указали тогда внушительно на Гектора и на ямки, выразительно покачивая при этом головами. Да, впрочем, и Гектор, с своей стороны, успел выказать желание познакомиться поближе с этими ямками, так как почувял в них пригодное для себя съестное. Однако Георг, чтобы не допустить возможность каких-либо неудовольствий и жалоб, взял его за ошейник, к которому прикрепил тонкую бечевку, и не отпускал его от себя. Этим женщины были очень успокоены и дружески кивали головами мальчику, с величайшим изумлением смотревшему на их работу. Способ, которым производилась варка пищи, действительно был для него совершенно незнаком и заинтересовал его чрезвычайно.

В одном месте, где спускалась в косом направлении каменная плита, туземцы, вероятно, от продолжительного пользования ею, проделали значительное число маленьких дыр в камне. На них они ссыпали небольшие кучки засушенных желудей, а другим камнем, нарочно для того приспособленным, так как он был тщательно отшлифован, били, или, вернее сказать, толкли кучки до тех пор, пока не образуется из желудей желтоватая мука. Тогда ее складывали в очень аккуратно вымазанные внутри и плотно убитые плоские и круглые ямы, в которых эта мука варилась.

Однако под земляной ямой невозможно развести огонь, не правда ли? Огнеупорных сосудов они также не имеют и не умели их ни сделать, ни приобрести; но они вокруг этих ям разводили очень сильный огонь, на который бросали целыми кучами маленькие и большие камни до тех пор, пока они не раскалятся докрасна. Тогда женщины очень ловко подхватывали эти камни двумя коротенькими палочками и, чтобы не допустить охлаждения, быстро опускали в коробку, густо сплетенную и непроницаемую для воды, служившую им ведром, и осторожно всовывали в свою кашу из желудей. Таким способом они до такой степени нагревали месиво, что оно очень скоро закипало.

Когда каша была готова, они ее вынимали чем-то вроде деревянных черпаков и складывали в заранее приготовленные и стоявшие около корзинки; эти корзинки были меньших размеров и непроницаемы для воды, и в них кушанье подавалось без дальних околичностей.

На долю Георга пришлась такая же корзиночка и, так как он опасался оскорбить людей, так дружески его угощавших, он с благодарностью принял кушанье и только озирался кругом, ища ложки. Понятно, он не знал, каким способом можно было есть иначе. Сначала индейцы не понимали, что он хочет, пока он им не показал выразительно знаками, что недоумевает, каким образом черпнуть похлебку из коробки. Это их чрезвычайно рассмешило; они от всей души над этим посмеялись, и проводник Георга, больше всех заботившийся о нем, сделал ему знак обратить внимание на то, как он приступит к еде.

Без дальнейших околичностей индеец придвинул к себе одну из коробок, опустил туда довольно глубоко четыре пальца руки, держа кверху большой палец, и без церемонии засунул насколько возможно было глубже в рот все, что набрал этой природной черпалкой. Когда он вытянул изо рта обратно пальцы, они оказались очень исправно облизанными. Индеец с очевидным наслаждением повторял довольно быстро ту же операцию, пока не опорожнил коробку до половины.

Женщины, державшиеся до сих пор несколько в стороне, теперь подошли поближе, и все с дружеским выражением лица прикасались к руке Георга и очень выразительно приглашали его последовать примеру.

Но мальчик не выказывал желания последовать их совету. Он, смеясь, покачивал отрицательно головой, но, наконец, подняв коробку, поднес ее к губам ипил жидкую

кашицу, показавшуюся ему слегка горьковатой, но вообще довольно вкусной. Это снова вызвало общий смех.

Во всяком случае, с этой минуты все очень подружились. Женщины и дети приступили к еде только после мужчин, когда те опорожнили коробки до половины. По окончании еды они пригласили Георга осмотреть внутренность их жилищ.

Георг весьма неохотно на это согласился, так как со своим длинным ружьем он не мог туда войти, а оставлять оружие он опасался. А вдруг ему не отдадут обратно ружье? К кому он тогда обратится, что предпримет? Однако, если бы на уме у индейцев было что-либо враждебное по отношению к нему, то это давно бы уже проявилось. Да и, кроме того, около ружья можно оставить Гектора. Таким образом, он поставил ружье у самого входа, подозвал собаку и дал ей знак улечься. Собака отлично поняла, что от нее требовали, так что я никому не посоветовал бы позволить себе протянуть руку к оружию.

Когда мальчик опустился в землянку и убедился теперь, что она до половины вырыта в земле, прошло несколько минут, пока глаза его освоились с царившей там темнотой, усиленной, кроме того, дымом. Когда наконец он мог что-либо разглядеть, оказалось, что это было пространство около шести футов вышиною, а посередине, где пылал огонь, было восемь футов вышины. В стороне виднелась длинная настилка из камыша и ветвей, несомненно, служившая постелью для всей семьи. На этой постели лежало несколько маленьких детей, боязливо прижимавшихся к стене; около них виднелись две маленькие собачки, похожие на шпицев; те же, глухо рыча, забирались как можно дальше от Георга. Устои землянки состояли из крепких бревен, так как должны были поддерживать тяжесть весьма значительного количества насыпанной на крышу земли, которая сдерживалась от провала и осыпания густо сплетенными древесными ветвями.

Домашней посуды, за исключением пары обыкновеннейших коробок, Георг нигде не приметил. Такое же полное отсутствие замечалось по отношению к стульям, столам и шкафам. Что касается какой-либо одежды, было только то, что на них надето; если она изнашивалась, они добывали новую или ходили голые.

Однако воздух в хижинах был до такой степени нагрет и тяжел, что Георг был очень рад, когда выбрался из землянки обратно на открытый воздух.

Теперь Георг думал только о том, чтобы поскорее уйти отсюда, так как индейцы, не имевшие не только лошадей, но и волов, не в силах были оказать ему какую-либо помощь. Снова он пытался дать понять, что ему было нужно; тогда его провожатый, поговорив оживленно с другими, показывавшимися на солнце, порывисто схватил свой лук и знаком пригласил Георга следовать за собою.

«Куда?» — знаком вопрошал мальчик.

Индеец указал на долину и, по делаемым им знакам, Георг предположил, что краснокожий намерен привести его к повозке, где были такие же белолицые, как сам Георг.

Довольный такой надеждой, он вскинул ружье на плечо. Это не могло быть очень далеко, потому что иначе индеец не пошел бы с ним так охотно. Георг сердечно распрощался со своими новыми друзьями. Они ему дружески трясли руку, и даже женщины протискались вперед, ласково кивая ему головами. Весьма возможно, что они впервые встречали в лесу белолицего, совершенно одинокого и до такой степени юного.

Когда он со своим проводником выходил из деревни, снова имел возможность убедиться в замечательном изобилии плодов и в заботливой предусмотрительности племени, так как в некоторых местах заметил тщательно сложенные кучи лесных орехов, вышиною в добрый воз, а в другом месте — разного сорта ягоды, из которых индейцы, как он узнал впоследствии, приготавливают известного рода напиток.

Едва отошли от землянок, собачонки набрались смелости и подняли невообразимый лай и визг и даже преследовали довольно долго уходивших. Но как только Гектор поворачивался в их сторону, они мгновенно улепетывали, поджав хвосты и стремясь во весь дух обратно к хижинам. Гектор даже ни разу не рычал, а только гордо и презрительно поглядывал на них и тотчас возвращался обратно к хозяину.

ГЛАВА IV

Какой прием Георг встретил у белых.—

Исполинский олень.

Индеец бодро и быстро шел вперед, все время идя вдоль долины, которая чем дальше, тем становилась все шире и шире. Солнце так пригревало, что снег под его горячими лучами быстро растаял, и то здесь, то там видне-

лась на земле зелень. Лес также становился величественнее; чаще встречались сосны и красное дерево. Как одни, так и другие, покрытые вечнозелеными листьями, с могучими, стройными и прямыми стволами, достигали исполинской вышины. Тисовые деревья со своими почти зелеными листьями и прелестными красными ягодами встречались также во множестве и там, где стволы деревьев высоко поднимались, а вершины их, сплетаясь, образовывали зеленую крышу, путнику почти не мешали валежник и нижние ветви, так что, относительно говоря, они могли подвигаться очень быстро вперед.

Таким образом шел Георг со своим проводником около часа, как вдруг последний внезапно остановился и рукой указал на что-то такое перед собою. Георг следил глазами в указываемом направлении и сначала ничего разглядеть не мог. Но вскоре он увидел, что между кустарников блеснуло что-то белое, однако вовсе не похожее на снег. Он быстро пошел вперед и убедился, что находился в очень близком расстоянии от маленького переселенческого каравана, состоявшего из двух повозок.

С громкими и радостными восклицаниями поспешил он к каравану, так как узнал там людей, довольно долго путешествовавших вместе с его родителями, но опередившими их, благодаря лучшим упряжным животным. Что их задержало, стало ему с первого взгляда понятно, так как он увидел старое, изломанное колесо, лежавшее на земле около ручья, который они только что переехали; присмотревшись ближе, он увидел, что мужчины были заняты пригонкой на ось довольно грубо, но прочно сработанного нового колеса.

Лесной житель Америки, хотя и не занимается специально тем или другим ремеслом, но всегда отлично знаком с подобного рода делом и в особенности обладает большой сноровкой во всех деревянных поделках.

Хотя Георг с восторгом приветствовал старых знакомых, так как крайне нуждался в их помощи, но эти последние приняли его более чем равнодушно.

— Здравствуй, Георг! — сказал один из них, не прерывая работы, когда Георг с ним дружески здоровался, — так вы уже приехали? А нам теперь не повезло! Это проклятое колесо так нас задержало, что эти две мили, которые нам удалось проехать с таким трудом, приходится теперь искупать тяжелою ценою. Черт бы ее побрал, всю эту проклятую сторону с ее утесами и долинами!

— Нет, мистер Хослик, — отвечал Георг, — мы еще сюда не доехали. Отец остался в горах около повозки и послал меня сюда попросить у кого-либо помощи. Все наши волы пали, за исключением одного, который не в силах один тащить далее телегу, а мать больна и не в силах двигаться по снегу.

— Гм... — возразил другой, — значит, вы порядком увязли в беде. Да, переезд сухим путем многим испортил аппетит. Ужасно, сколько мы попусту потеряли времени! Теперь бы мы по самые лодыжки бродили в золоте, а между тем застряли в этой проклятой пропасти, откуда, кажется, и выхода нет. Ну, теперь, пожалуй, колесо это выдержит, если только сатана не изломает другое и не задаст нам новую работу.

— Оно теперь достаточно крепко и хорошо пригнуто, — сказал Георг. — Не будете ли вы так добры послать моему отцу пару ваших волов, лишь бы только помочь ему вывести из гор и из снега мою мать и сестренку.

— Как? — воскликнул американец порывисто и изумленно, повернувшись в сторону Георга. — Вы хотите, чтобы я послал пару волов в эти проклятые снежные горы! Только этого еще недоставало! Да ты, парень, или сам с ума сошел, или меня считаешь помешанным? Да я невыразимо благодарен Создателю, что наконец удалось мне оставить за спиною эти горы и этот снег и действительно мог бы считаться сумасшедшим, если бы вздумал снова туда возвратиться с целью помочь тем, кто там застрял.

— Но вы подумайте только, — возразил Георг глухим голосом и задыхаясь от сдавивших его горло слез, — что там, наверху, целая семья, менее чем за день ходьбы от вас, неизбежно погибнет, если вы не поможете ей!

— Помогать, помогать!.. — проворчал переселенец, по-прежнему занятый пригонкой колеса. — Я полагал, что тебе знакома наша американская поговорка: «Сам себе помогай!» Каждый должен сам себе помогать, насколько сумеет, а кто не в силах совершить такой переезд, не должен его предпринимать и даже помышлять о нем. Как ты полагаешь, — продолжал он, снова повернувшись к Георгу, — разве твой отец, если бы теперь был со мною, помогал бы мне исправить колесо?

— Конечно, помогал бы! — уверенно и быстро проговорил Георг. — Он уже многим помог и, разумеется, не оставил бы вас в трудном положении.

— Так вот как! Он бы терял около меня попусту время?

— Несомненно.

— Ну так он был бы большим сумасбродом, каким я его до сих пор еще не считал, — пробормотал переселенец, засовывая чеку в ось, на которую снова было прочно надето колесо.

Из женщин, принадлежавших к маленькому каравану, во время этого разговора подошли две и узнали, о чем шла речь.

— Однако, отец, — заговорила одна из них, молодая девушка с милым, открытым и очень добрым лицом, — неужели же ты считаешь возможным оставить Оаклеев там, наверху, без всякой помощи? Почему бы им не послать с Джоном двух волов? Ведь дорога здесь гораздо лучше, и это нам не мешает отправиться дальше с другими.

— Заботься о том, что тебя касается, а не в свое дело не вмешивайся! — возразил ей отец настолько строго и сердито, что она испуганно отстранилась. — А где я потом найду, если уеду, волов, стоивших мне большие деньги? Где же? А ведь вола здесь, в Калифорнии, ценят на вес золота. Да мы будем совершенно разорены, если они опять отправятся в эти Богом забытые горы и попробуют чужого кнута!

— А если мы их подождем здесь, — застенчиво и робко проговорила девушка.

— Вот как! А там, куда мы едем, люди зарабатывают ежедневно от одной до двух унций золота на человека, а нас тут пять сильных и здоровых мужчин. А кто нам заплатит за то время, которое мы таким образом потеряем? А? Вы там болтаете по целым дням и готовы звезды с неба снимать, а как круто придется, кому придется заботиться? Одному только старику. А потому, ему лучше, чем другим, известно, как ему надо поступать и, слава Богу, старик твердо знает, как надлежит поступать. Итак, коротко и ясно: я в горы не пошлю моих волов, если бы даже там застрял мой родной брат. Разве только послал бы в том случае, если бы мне за это хорошо заплатили.

— Отец мой охотно вам заплатит все, что следует, и все, что он в силах! — оживленно и быстро проговорил Георг.

— Да, нам уже это дело знакомое, — возразил, покачивая головою, старик, — что надлежит и что будет в силах. Но что же можно считать надлежащим и справедливым в Калифорнии? Здесь совсем иные цены, чем

у нас дома, и там еще мы читали в газетах, что за наем волов в течение целого дня легко получают от пяти до шести унций золота. Так что мне пришлось бы требовать от твоего отца за два дня двести долларов. Он, конечно, будет меня ругать и ославит обманщиком по всей Калифорнии. Да и, кроме того, мне с трудом верится, чтобы у него могло еще остаться так много денег, потому что в Штатах средства его были далеко не блестящие. Ведь он продал все свое имущество, чтобы снарядиться в дорогу.

Георг стоял около телеги, с отчаянием в душе слушая жестокосердного старика.

— Что же мне теперь предпринять? — размышлял он. — Идти ли дальше или возвратиться обратно к родителям, не найдя помощи? Что же тогда станется с моей больной матерью? — В эту минуту он увидел лошадь, стоявшую недалеко оттуда привязанной к дереву.

— Быть может, старик согласится одолжить мне этого коня? — думалось ему, и, как ни тяжело ему казалось просить что-либо после всего того, что пришлось ему выслушать, Георг все-таки превозмог себя и, скрепя сердце, решил, ради матери, попытаться упросить старика.

Но и это оказалось напрасным. Иллиноец, так как старик был родом из штата Иллинойс, и вовсе не хотел слышать слов «ссудить» или «дать взаймы», но соглашался продать ему лошадь.

— Если при тебе, молодчик, имеется достаточно денег, — сказал старик, обращаясь к Георгу, — так я, пожалуй, не прочь уступить тебе коня за умеренную, хотя, конечно, калифорнийскую цену, несмотря на то, что там, на равнине, я могу рассчитывать получить за коня вдвое и даже, пожалуй, вчетверо...

— При мне нет денег, — сказал Георг, — но я вас могу уверить, что отец непременно заплатит, так как у нас наверное имеются деньги.

— Да, но я на это не могу положиться, — сухо возразил иллиноец. — Когда я или кто-либо из моих людей с конем будем там, в горах, отец твой может мне предлагать за коня что ему вздумается, или если он даже ничего не захочет предложить, то все же мне пришлось бы оказать ему помощь, в противном случае он назовет меня варваром, а пожалуй, и еще чем-либо похуже. Купля-продажа есть купля-продажа, а если нет денег, то и нельзя ничего купить. На этом и покончим; больше и толковать нечего. Теперь, — при этом старик повернулся

к своим людям, — ведите волов. Мы уже тут немало времени сидим и порядком поболтали, надо постараться скорее выехать.

— Итак, вы не хотите нам помочь? — еще раз решительно спросил Георг. Слезы душили его, сдавливая грудь и горло, и он всеми силами сдерживался, боясь разрыдаться.

— Ах ты, Боже мой! Не хочу помочь! — пробурчал старик, который не хотел подать вид, будто это действительно можно объяснить злой волей, нежеланием. — Я в своей жизни многим помогал и не допустил бы вас застрять там, наверху, если бы мы не были в Калифорнии. Здесь каждый сам себе помогает как умеет, и я, кроме того, вот уже третий день сижу в этой проклятой яме и теряю драгоценное время. Если бы ты явился двумя или тремя днями раньше, мы бы, пожалуй, столкнулись. Однако, как раз тогда, когда я имею намерение поскорее пуститься снова в путь, я положительно не могу терять так много времени. За это, быть может, мне пришлось бы отвечать перед собственной семьей.

— Хорошо! — сказал Георг, крепко стиснув зубы. — До свидания, желаю вам всякого благополучия и дай вам Бог никогда не попасть в подобное положение и не каяться в вашем сегодняшнем поступке.

— Пустое! — воскликнул старик, поворачивая голову в сторону. — Если куда заберусь, сумею оттуда выбраться. Я не боюсь Калифорнии!

С этими словами он заложил руки в карманы и, пошвыстывая, направился к своим людям, надевавшим уже ярмо на волов.

Георг отошел в сторону. Он не знал, что ему теперь делать, куда обратиться. В эту минуту тяжелого раздумья он почувствовал легкое прикосновение руки к своему рукаву. Медленно повернул он голову и увидел, что около него стоит та молодая девушка, которая за него просила отца.

— Ты уже завтракал, Георг? — смущенно произнесла она, обращаясь к мальчику. — Ты, наверное, голоден, если пришлось тебе одинокому брести в этом ужасном лесу.

— Благодарю тебя, Дженни, — отвечал Георг, протягивая ей руку, — я уже поел; но, кроме того, благодарю тебя еще за то, что ты просила за меня отца.

— Ты теперь, наверное, сердись на моего отца? — спросила Дженни, глядя на него почти умоляюще глазами, полными слез.

— Нет, Дженни, — тихо возразил ей Георг. Он сознавал, что бесконечно огорчил бы ее, сказав правду, т. е. сказав: да. — Это его добрая воля и никто не может принудить его одолжить на время своих волос.

— Вообще отца нельзя назвать жестокосердным, — защищала отца дочь, — и только в последние дни он сделался таким сердитым, потому что мы так долго здесь сидели. Куда же ты теперь отправишься, Георг?

— Бог знает! — чуть не со стоном, тяжело вздохнув, отвечал мальчик, быстро отворачивая голову в сторону. — Однако, прощай, дай Бог тебе счастья, Дженни, а я пойду посмотрю, не найду ли где-либо помощь.

Он вскинул ружье на плечо и пошел тем самым путем, которым пришел сюда. Молодая девушка осталась на том же самом месте и грустным взором следила за удалявшимся. Ей, конечно, сильно бы хотелось помочь ему, но это было для нее невозможно.

Хотя индеец не приближался к повозке, но все время оставался немым свидетелем всего происходившего между белолицыми. С проникательностью, присущей их племени, от него не ускользнула самая суть дела, хотя он не понимал ни одного из произнесенных слов. Мальчик совершенно забыл о нем, да и притом, какую помощь мог оказать ему индеец, сделавший, однако, для него больше, чем соотечественники в настоящую минуту. Только тогда, когда Георг услышал за собою его шаги, он остановился, поджидая краснокожего.

— Гм? — сказал дикарь и покачал головою, показывая вниз, на долину.

Георг отвечал ему таким же движением головы.

— Гм... — пробормотал индеец и несколько мгновений вглядывался безмолвно вдаль, по-видимому, о чем-то размышляя, потом он снова оглянулся вниз, на повозку, в которую были уже впряжены волы, и все готовились к дальнейшему путешествию; вслед за тем он пристально посмотрел на молодого человека и ясно было видно, что он желает что-то высказать. Но какую пользу могло принести, если бы он заговорил? Все же мальчик не поймет его. Внезапно озаренный какой-то мыслью, индеец быстро подошел к Георгу, дружески похлопал его по плечу и, сделав ему знак следовать за собою, скорыми шагами направился в горы, оставляя за собою долину.

Георг был в недоумении: следовать ли за своим провожатым или оставаться здесь? Индеец до сих пор вы-

казывал ему такое дружеское расположение, да и теперь, по-видимому, понял, о чем, собственно, идет речь, так что после нескольких секунд размышления Георг решил за ним следовать. Тем временем его провожатый был уже от него на расстоянии нескольких шагов; когда он обернулся и увидел, что молодой белолицый следует за ним, он ласково кивнул головой и спокойно, не оборачиваясь более, продолжал идти дальше.

Таким образом они шли около трех часов, и в горных возвышенностях они встретили уже довольно глубокий снег. Краснокожий, несмотря на свои голые ноги, по-видимому, нисколько не был этим обеспокоен и только тогда, в первый раз, приостановился на пригорке, поджидая своего молодого спутника.

Отсюда дорога вела снова вниз, к долине, и хорошо была видна вся низележащая местность. Рассматривая ее, Георгу казалось, что, направляясь в ту сторону, возвышенность казалась плоше, и вообще все горные отроги спускались в ту сторону. Если бы пришлось повозкам проезжать этими горами, то здесь было бы удобнее это сделать и скорее можно рассчитывать добраться до гладкой, ровной дороги.

Но на подобного рода наблюдения не представлялось возможности, так как все внимание мальчика должно было быть обращено на изучение местности, по которой он шел, чтобы быть в состоянии найти надлежащий путь, когда его покинет провожатый.

По-видимому, эта местность была достаточно богата дичью. На снегу они видели очень много следов, преимущественно оленьих, но Георгу вовсе и в голову не приходило намерение поохотиться. Они снова быстро пошли, спускаясь теперь вниз, но все же держась более левой стороны. все время, пока они направлялись северной стороной, лес имел зимний вид, но как только пошли западным направлением, по отрогам гор, ярко освещенным солнцем, они выбрались из снега и внезапно попали как бы в совершенно другую страну. Везде, где деревья не образовывали густой чащи, земля была покрыта прелестными цветами и роскошной травой. Лежащая перед ними долина казалась вчетверо шире долины, находившейся у горного ручья, из которой они недавно вышли. Георг уже вообразил себе, что он приближается к ближайшим поселениям белых. Однако, несмотря на это, ровно никаких не замечалось следов цивилизации, никаких при-

знаков не оказывалось, доказывающих, что здесь работала человеческая рука. Нигде не было видно срубленного дерева, доказывавшего близость белололицых, и на земле никаких не было иных следов, как только следы лесных животных.

Теперь индеец шел рядом с мальчиком; о разговоре между ними не могло быть и речи, да и притом каждый из них был поглощен собственными мыслями. Вдруг Георг почувствовал, что индеец, внезапно прикоснувшись к руке его, сильно прижал ее своей рукой. С изумлением взглянув на своего спутника, он заметил, что индеец, не поворачивая к нему головы, напряженно смотрел вперед и осторожно указывал своим луком то направление, по которому следил взором.

Георг мгновенно последовал его примеру и, всматриваясь, тотчас приметил громадных размеров предмет, вращавшийся в указанном месте, однако он не был в состоянии понять, что это было такое.

Дикое животное стояло в небольшой чаще молодой поросли красного дерева, переполненной красными ягодами, но голову держало опущенной к земле. Однако, в то же мгновение животное быстро подняло голову и выпрямилось, так что Георг тотчас узнал в нем могучий облик «элька» или исполинского оленя, который здесь совершенно спокойно и доверчиво пасся и с этой стороны не ожидал опасности. Голова оленя была обращена в противоположную от Георга сторону, так что он вполне удобно имел возможность рассмотреть могучие формы животного и пришел к убеждению, что это изумительно сильный олень.

Если бы ему удалось его убить, то такой тяжелой дичиною не было возможности попользоваться, а можно было взять только необходимое в пищу ему и спутнику. Однако в пылу охотничьего увлечения он, конечно, только на мгновение уступил этому соображению. Еще никогда в жизни ему не пришлось даже стрелять в элька, хотя он в восточных прериях видел иногда таких оленей, а потому Георг сгорал желанием убить этого князя лесов.

Однако, с детства выросший в лесу и привычный к охоте, он не приступил к делу сгоряча, а сначала осторожно удостоверился, откуда дует ветер, так как если ветер дует по направлению от охотника к дичи, тогда к ней подкрасться почти невозможно. Все лесные животные имеют изумительно тонкое обоняние и на далеком расстоянии

чуют все, что им незнакомо и враждебно. Понятно, что они не чувствуют только того, что находится по направлению ветра, дующего от них.

Легкий ветерок, дувший тогда, был весьма благоприятен молодому охотнику. Солнце довольно сильно пригревало, и теплый воздух тянуло вверх. Вследствие этого Георг прежде всего поспешил спрятаться за толстым деревом, стараясь, чтобы олень его не увидел, хотя бы и случайно. Сделав знак индейцу остаться позади его, он бросил шапку на землю, что служило Гектору приказанием стоять неподвижно около шапки, пока он его позовет.

Гектор немедленно принялся за привычное дело согласно данному приказанию, но индеец не согласился устранить себя так поспешно. Полагал ли он, что молодой человек не особенно опытен в умении подкрасться к дичи, или сам чересчур страстно относился к охоте, но он оставался на расстоянии шага от мальчика, держа лук натянутым и с вложенной в тетиву стрелой, несмотря на то, что едва ли он мог надеяться, что может убить ею такой громадной силы оленя.

Если в данном случае имело место первое соображение, то он сильно заблуждался, так как Георг отлично знал, как управиться с дичью. Предусмотрительно и осторожно пользовался он каждым деревом, каждым кустом, каждым камнем, позади которых прятался и все-таки все ближе и ближе подкрадывался к оленю. Одновременно с этим он не упускал из виду другую, весьма важную предосторожность, а именно: обращать строгое внимание на почву, по которой ступал, чтобы как-нибудь неосторожно не задеть ногой сухую ветку и не сломать ее. Даже такой ничтожный шум в лесу обращает на себя внимание чуткой дичи и пугает ее иногда сильнее, нежели крик и громкий говор.

При этом индеец до такой степени бесшумно стоял за спиной его, что Георг тогда только заметил это, когда повернулся в его сторону и увидел, что он усмехается, и безмолвно кивнул ему головой. Ему, очевидно, доставляло большое удовольствие видеть, с каким мастерством и ловкостью подкрадывался молодой человек к оленю.

Таким способом оба охотника, подкрадываясь, были уже на расстоянии не более ста шагов от животного, которое, подбираясь к сочной траве, вышло из чащи на открытое место и, по-видимому, никакого еще понятия не имело о близости неприятеля. Дальнейшее подкрадывание оказывалось теперь даже невозможным, потому что как раз

в этом месте лес расступался и образовывал небольшую, природой созданную лужайку, которая, весьма возможно, обязана была своим происхождением бывшему когда-то лесному пожару. Однако Георг считал себя уже вполне достаточно приблизившимся, и как раз тогда, когда олень, подняв голову, осматривался, но не в сторону наших охотников, а в противоположную, он поднял ружье и, положив ствол на ближайший сук, целил долго и обдуманно. Наконец грянул выстрел.

ГЛАВА V

Кого нашел в лесу Георг и как он был принят старым американцем

Одновременно с выстрелом маленький стрелок услышал, что пуля шлепнулась о твердое. Олень подскочил и подался назад, описал круг и затем помчался стрелою, точно слепой, бешено прорываясь сквозь кустарники вниз, по пути к долине. Индеец, внимательно следивший за ним все время, стоя на месте, как статуя, пока олень не скрылся из виду, вдруг начал танцевать и прыгать, крича, смеясь и радуясь так, что в воздухе поднялся точно звон.

Георг повернулся к нему, с крайним удивлением глядявая на диковинные прыжки краснокожего молодца и, смеясь, покачивал головой. Что он наверное попал в оленя, Георг в том не сомневался; прежде всего он считал нужным позвать собаку и тогда, вместе с ней, разыскать след подстреленного животного.

Однако он был освобожден от этого труда. Обыкновенно Гектор очень послушно выжидал на месте, пока его позовет хозяин, но на этот раз или крики дикаря ввели его в заблуждение, или, может быть, сильно возбуждено было его любопытство, он внезапно явился, не дождавшись зова хозяина. С довольным видом, остановившись в двадцати шагах, он держал шапку Георга в зубах, виляя хвостом, несколько смущенно. Очевидно, собака хотела выждать и узнать предварительно, как будет принята своим молодым хозяином.

Георг в эту минуту был так радостно настроен, что ему и в голову не приходило сделать выговор собаке. Он помнил и думал только об олене; его только хотел он разыскать и поскорее убедиться, что от руки его пало такое могучее животное. Он торопливо позвал собаку, радостно подбегавшую к нему, принял от нее свою шапку и тотчас,

вместе с индейцем, побежал за собакой, помчавшейся к тому месту, где стоял олень.

Там они тотчас увидели кровь или выпот, как говорят американские охотники; там же лежали короткие волоски шерсти, оторванные пулей; словом, лучшие признаки, что дичь смертельно ранена. Гектор моментально нашел следы.

Однако, в силу известного охотничьего правила, не следует немедленно преследовать подстреленную дичь, но дать ей проболеть, т. е. дать время нанесенной ране причинить смерть животному. Дело в том, что дичь, если ее тотчас потревожить, часто сохраняет столько сил, что снова подскакивает вверх и может пробежать довольно значительное расстояние. Если же оставить ее в покое, то она остается лежать, или, как говорят охотники, сидеть там, где в первый раз упала, и там же кончается, т. е. умирает.

Между тем Георгу не хватало терпения долго ждать, да и притом Гектор был настолько хорошей собакой, что он, в крайнем случае, мог на него положиться. Если даже действительно олень окажется в силах вскочить, Гектор живо его нагонит и принудит его лечь.

Впрочем, им и надобности не было в долгих поисках. Едва прошли они двести шагов вслед за Гектором, как собака внезапно вскочила в чащу кустов и тотчас после того громкий лай возвестил, что подстреленная дичь была уже найдена. Но прежде, чем успел прибежать на то место Георг, из-за толстой, стройной сосны внезапно появился какой-то старый человек и угрожающим взором поглядел на юношу.

На нем была чисто американская охотничья одежда: кожаная охотничья рубашка, длинные кожаные штаны с бахромой по бокам, меховая шапка и длинная американская винтовка. Опираясь на нее и стоя в десяти шагах от скончавшегося оленя, он воскликнул:

— Вот как! Откуда же ты вдруг появился, маленький повеса? Ты стрелял в оленя, и разве это хорошее дело — отбивать дичь под носом у другого охотника, который уже целый час выслеживает ее по пятам?

— Разве я мог знать, что вы за ней следили? — возразил Георг, которому вовсе не понравился суровый и грубый тон старика. — Я подкрался к оленю на расстояние, удобное для выстрела, и полагаю, что имел на это такое же право, как и всякий другой. Впрочем, если вам угодно, мы можем оленем поделиться или, пожалуй, можете взять его

себе целиком, если только уделите нам кусок для еды, — добавил Георг любезным тоном.

— Разделить... целиком взять! — повторил ворчливо старик. — Мне не нужны подарки. Если мне нужна дичь, я и сам сумею ее застрелить. Однако откуда же ты появился вместе с этим краснокожим? У тебя еще молоко на губах не обсохло, а ты уже шляешься по лесу один-одинешенек?

Георг отлично понимал, какая презрительная насмешка слышалась в этих словах, но прежде чем он успел на это возразить, подошел к старику его индейский провожатый и несмотря на недовольный взгляд, которым посмотрел на него старик, он дружески и сердечно тряс его руку и тотчас заговорил с ним на своем родном языке, рассказывая ему какую-то длинную историю.

Старик, по-видимому, слушал его не особенно внимательно, часто во время рассказа поглядывал на мальчика довольно ласково. Во всяком случае он, по-видимому, хорошо понимал все то, что говорил ему дикарь, потому что ни единым словом не прервал речь последнего. Только тогда, когда краснокожий окончил и замолчал, старик обратился к Георгу:

— Что это за история? Кто там сидит в горах и чего ради ты шныряешь здесь, в долине, между людьми, ища белых, вместо того, чтобы жить дома и посещать школу? Я из его болтовни мало что понял.

Эти слова ударили Георга по сердцу, как камнем. Они напомнили ему, что в восторге от успеха охоты за оленем он совершенно забыл о своих бедных родителях. Быстро и возможно короче рассказал он старику о том, что привело его сюда, а также о том, как он там, в долине, тщетно просил о помощи своих соотечественников и, наконец, о том, что пришел сюда вслед за индейцем, сам не зная хорошенько, куда ему теперь направиться.

— Да, это мне рассказывал краснокожий; он вел тебя ко мне. Я живу недалеко отсюда; но чем, собственно, я могу тебе помочь, сам еще недоумеваю и не вижу еще достаточного к тому основания. Как твоя фамилия?

— Оаклей... Георг Оаклей.

— Оаклей? — повторил старик, пристально и пытливо взглядываясь в мальчика. — Но такую фамилию носят очень многие. Из какой страны?

— Из Соединенных Штатов.

— Да это я знаю, но из какого именно штата?

— Из Арканзаса... Перри Кунти на реке Арканзас.

— А как зовут отца твоего? Тоже Георг?

— Нет, его зовут Джон. Вы, быть может, его знавали?

— Я? Да почему я должен его знать? — добавил старик мрачно, отвернувшись в сторону. — Я во всю свою жизнь ни разу не был в Арканзасе и надеюсь никогда там не бывать. Но теперь прежде всего мы посмотрим, какого ты там застрелил оленя, а потом уж успеем об остальном потолковать. Отцу твоему придется самому помочь себе, так как трудно надеяться, чтобы ты здесь, в этой стране, нашел кого-либо, настолько глупого, чтобы ссудить тебе волов. У меня же, благодаря Бога, такого добра не имеется.

— Так у вас нет волов? — испуганным голосом воскликнул Георг.

— Да что я с ними буду делать; на что они мне? — пробурчал старик. — Я живу здесь один в лесу и знать не хочу даже людей, а еще мне скотов... Однако, дуй его горой, какой здоровенный олень!

Это восклицание относилось к убитой дичи, так как, произнеся последние слова, старик повернулся спиной и направился к убитому оленю, нисколько не интересуясь, следуют ли за ним мальчик и индеец или остались на месте. Около оленя стоял Гектор, точно на страже. Старик хотел взять оленя за рога и поднять голову вверх. Но это не понравилось собаке и она в один прыжок очутилась между стариком и дичью, оскалив зубы и злобно рыча.

— Проклятая бестия! — воскликнул старик, желчное настроение которого еще более усилилось нападением собаки. — Еще мне одного только не хватало, чтобы я позволил этому кобелю порвать одежду на брюхе. Черт побери! Да позови же свою собаку!

— Сюда, Гектор! — крикнул Георг. — Назад, Гектор! Стыдись, старина, разве ты не видишь, что это друзья?

— Да, хорошие друзья! — проворчал американец, недоверчиво поглядывая на собаку. — Должно быть, такие же, как кошка и собака. Однако это здоровенный олень и если бы мы предложили его золотоискателям, могли бы получить за него добрый кусок золота. А здесь и таскать его не стоит.

Действительно, это был необычайно крупный эльк с могучими рогами, величиной с лошадь среднего роста и весом наверное от 600 до 700 фунтов. Все трое должны были взяться, чтобы только перевернуть его на другой бок, так как охотники всегда хотят узнать наверное, куда

попала пуля. Но обыкновенно дичь почти всегда падает на землю той стороной тела, в которую нанесена рана пулей, чтобы таким образом прижать рану к земле.

Весьма возможно, что раненое животное инстинктивно поступает так потому, что рана горит и животное желает умерить жар прикосновением к холодной земле. Таким образом оно и лежит, пока не умрет.

— Гм... пуля пробила превосходно, — сказал старик, когда осмотрел маленькую рану, оказавшуюся как раз под лопаткой, — и твоя винтовка сильно бьет, потому что иначе такое сильное животное с маленькой пулей долго бы могло бежать. Пуля проникла прямо в сердце. Надо полагать — чисто случайный выстрел.

— Нет, сэр, нет! Это вовсе не случайный выстрел, — обиженным тоном возразил Георг, — я всегда попадаю туда, куда целю.

— Ого! — воскликнул старик, презрительно усмехась. — Да ты, пожалуй, на самом деле искусный охотник; да оно сразу видно уже потому, что после выстрела прошло уже полчаса, а винтовка твоя не заряжена снова.

Георг покраснел до ушей. Старик, как ни обиден был его презрительный смех, был однако же прав. Мальчик винил себя сам, так как, обрадованный счастливым выстрелом, он совершенно забыл о том, что прежде всего необходимо было снова зарядить винтовку. Чувствуя себя пристыженным, он смущенно вынул шомпол, вычистил тщательно ружье и снова аккуратно зарядил его.

Тем временем старик, при помощи индейца, принялся потрошить оленя, причем оказалось, что пуля мальчика действительно прошла через середину сердца и застряла затем в правом ребре. Выпотрошив оленя, они не забыли о собаке, выделив ей основательную порцию мяса, которое она жадно пожирала. Затем старик, нисколько не заботясь о целостности кожи, отрезал одну половину задней части и, кроме того, ляжку и печенку.

Отдав все это нести индейцу, он взял в руки свою винтовку и, обращаясь к Георгу, проговорил:

— Ну, теперь пойдем; мы сначала отправимся ко мне в дом и поедим, потому что не могу же я отпустить вас голодными. После того ты можешь взять себе мяса сколько пожелаешь, а остальное я перенесу к себе в дом.

— Неужели тут поблизости нет какого-либо белого, которого я мог бы упросить не отказать в помощи моим бедным родителям? — огорченным тоном сказал Георг.

— Насколько мне известно, нет, — сухо ответил старик; — но об этом мы можем поговорить, когда придем ко мне. — Вслед за тем старик повернулся спиной к юноше, обменялся несколькими словами с индейцем и, вскинув винтовку на плечо, быстро пошел по направлению к долине.

Георг совершенно недоумевал, какого он мнения должен держаться относительно характера старика. Но ему ничего другого не оставалось, как последовать за ним; кроме того, продолжительная утренняя ходьба вызвала в нем голод, и если бы они здесь развели огонь, все же прошло бы много времени. Но, во всяком случае, что же будет дальше? Ведь старик уже сказал ему очень сухо и сурово, что не поможет ему. Но все же мальчику почему-то казалось, что старик смягчится и станет великодушнее, чем хочет казаться, и кончит тем, что допустит себя уговорить.

Пока в голове его роились подобные мысли и сменялись одна другою, они быстро спустились в долину, и Георг еще издали заметил маленькую, грубо сколоченную из тонких бревен избушку. Но всего более его внимание привлекло то, что около избушки он заметил пони и еще другое животное, которое он сначала принял за жеребенка этого пони, но, подойдя ближе и присмотревшись, убедился, что это был гнедой коренастый ослик. Оба животных пощипывали травку вблизи хижины и, когда их хозяин подошел ближе и посвистел, они тотчас бросились ему навстречу.

В хижине дверей не было, но на середине входа были поставлены поперек две тонкие жерди, вероятно, чтобы препятствовать при отсутствии хозяина посещению хижины ослом и лошадью. Ослы любят шарить везде, где возможно, и крадут все, что только могут найти из съестного.

В маленькой постройке, куда они вошли, было довольно пусто, и на первый взгляд трудно было определить, что она обитаема. Но, присмотревшись, можно было заметить, что в одном углу лежали свернутыми два шерстяных одеяла, седло и около них сложенные одна на другую две оленьи шкуры, служившие, несомненно, постелью хозяину избушки. Кроме того, в комнате имелись: сковорода с длинной ручкой, жестяной горшок и нечто вроде машинки для варки кофе, в другом углу, на деревянном клине, вбитом в стену, висело большое испанское вьючное седло и одна пара небольших полотняных мешков, в одном

из которых, очевидно, находилась мука. В камине не было даже дымохода.

Вот все, что находилось в избушке, в которой по части стульев и столов было такое же полное отсутствие, как и в индейских землянках.

Теперь старик разыгрывал роль хозяина: повесил принесенное мясо над серединой камина, подбросил сухие дрова на не потухшие еще угли и затем дал индейцу жестяной горшок, чтобы принести в нем воду, и вскоре на огне готовился изрядный обед. При этом Георг не мог не обратить внимание и изумлялся, с каким спокойствием и умением проделывал старик все необходимое. Во все это время не было произнесено ни слова и только тогда, когда мясо было хорошо обжарено, кофе совершенно готово и даже состряпано какое-то особого рода мучное кушанье, только тогда хозяин, без дальнейших приготовлений, взял посуду с кушаньем, вынес ее на открытый воздух перед хижиной и пригласил своих гостей.

Там, как заметил Георг, находилась нижняя часть ствола срубленного дерева, служившая прекрасным столом, вокруг которого разместились трое мужчин, вынули свои охотничьи ножи и дружно принялись за превосходно приготовленный обед. Индеец очень усердно работал за столом над кушаньем, но кофе его мало соблазнял. Как только старик протянул к нему жестяной кубок, которым они все пользовались сообща, индеец выразил явное желание опустить туда пальцы, как тогда в кашу из желудей, но старик вовремя остановил его.

— Поглядите-ка на эту свинью! — воскликнул старик, — он вздумал вымыть свои лапы в нашем прекрасном кофе! Нет, парень, так не пойдет! Если ты не хочешь пить, как всякий христианин, то можешь терпеть жажду, как собака.

Старик старался ему объяснить, как надо пить кофе. Индеец его тотчас понял, и снова взял в руки жестяной кубок. Но как только он поднес его к губам и почувствовал на своем лице горячий пар, он испуганно отставил в сторону кубок и ни за что не решился повторить опыт пить кофе так, как оба белолицые. Таким образом ему пришлось остаться без кофе.

Во время обеда появился еще новый гость, а именно гнедой осел, но ему пришлось, прежде чем присоединиться к остальным гостям, выдержать маленький бой с Гектором. Собаке, очевидно, показалось неприличным, чтобы

осел допускался к столу вместе с другими, и она вздумала не допустить его присоединиться к остальному обществу. Но это ужасно не понравилось длинноухому, и он, подняв сначала пронзительный крик, вслед за тем очень быстро повернулся и так сильно и ловко стал лягаться, что собаке ничего другого не оставалось, как благоразумно ретироваться, отступая шаг за шагом.

Старик спокойно смотрел на сражение, причем насмешливая улыбка играла на его губах до тех пор, пока осел не отвоевал себе свое обычное место около хозяина. По окончании сражения он подозвал осла и, потрепав его по шее, дружески обратился к нему:

— Ты прав, Москито, не отказывай себе в удовольствии, мой старый молодчина, потому что мы здесь у себя дома и можем распоряжаться, как нам угодно.

При этом старик через плечо протягивал ослу куски своего мучного печенья, которые тот поедал с видимым наслаждением. Только тогда, когда собака приближалась к нему слишком близко, он отбрасывал уши назад на голову, вытягивал недовольно нижнюю губу и, поворачиваясь мордой к собаке, корчил ей страшно сердитую рожу.

— Вот так, мой паренек! Теперь, когда мы насытились, можно снова и о делах потолковать, так как я до сих пор не вполне взял в толк всю твою историю. Насколько я понял, твои отец и мать с маленькой сестренкой и измученным волом застряли там, наверху, в снегу и не могут оттуда выбраться, а ты теперь стараешься кого-либо приискать, настолько добродушного — не скажу глупого, — который бы решился вам помочь. Не так ли?

— Совершенно верно! — ответил Георг, не особенно довольный такой вступительной речью.

— А что, собственно, заставило твоего отца предпринять этот ужасный поход с женой и маленьким ребенком по таким горам? Разве он не должен был знать, каким опасностям подвергает эти несчастные существа в таком трудном и продолжительном путешествии? Разве это не позорно, что люди всем, решительно всем, что только для них дорого, даже безопасностью и спокойствием своих семей, жертвуют ради проклятого красного золота и разве они не заслужили быть помещенными в *исправительный дом, только уже по тому одному, что стремились в дом безрассудства?*

— Мой отец решил отправиться в Калифорнию не ради золота; он всех нас любит, как только может любить

отец своих детей и их мать, — ответил Георг, мрачно насупившись.

— Да, я это вижу, — с усмешкой возразил старик, — хорошая любовь, от которой избави Бог всякого. Если же не ради золота он двинулся в такой путь, так ради чего же? Ведь ты не станешь же меня уверять, что он предпринял это путешествие ради своего или вашего удовольствия?

— Нет! — ответил Георг, и при этом почувствовал, что кровь прилила к его лицу от сознания того, что старик презрительно и подозрительно относился к его отцу. — Отец работал, как только может работать наилучший в мире человек, не покладая рук с раннего утра до позднего вечера, и его маленькая ферма в течение трех лет пришла в такое хорошее состояние, какого нельзя было встретить ни в одной ферме всего округа. Ни одна пядь земли на наших полях не осталась необработанной, и у самого берега реки Арканзас отец мой при моей помощи в течение трех лет на двадцати акрах вырубил лес и обратил этот участок в землю, пригодную для хлебопашества. Между тем в прошлом году Арканзас вышел из берегов и вода поднялась так высоко, как никто в стране и припомнить не мог. Наши стада унесло, даже все наши постройки были снесены и все наше имущество вместе с постройками погибло. Мы сами едва спаслись, добравшись в лодке к Фав-Бергену. Но все это можно было еще исправить. Все мы были здоровы и были силы и охота к работе. Однако, когда вода спала и мы возвратились на свою ферму, вся хлебопахотная земля, даже далеко простиравшаяся в сторону леса, оказалась засыпанной песком. На всем протяжении лежал белый речной песок, более чем на фут глубиною, а в некоторых местах доходил даже до двух-трех футов. Об удалении его не стоило и помышлять ввиду того, что на это потребовалось бы много тысяч долларов, так что все старания и труд и все деньги, которые мы употребили на обработку земли, пропали безвозвратно.

— Гм... это, во всяком случае, плохо, — сказал старик, — однако, как раз рядом была такая же хорошая земля, как и ранее; в течение трех лет, приложив то же старание, вы бы в другом месте добились того самого, что раньше приобрели. Кто при каждом несчастии тотчас приходит в отчаяние, никогда ничего хорошего в жизни не добьется.

— Да кто же вам сказал, что мы пришли в отчаяние? — воскликнул Георг. — Отец и я снова бы принялись

за работу, но как раз в это время мы получили сведения, что мой дедушка, отец моей матери, живет в Калифорнии и приглашает к себе одного из своих друзей детства.

— Ах, вот как! — сказал старик, — так, вероятно, этот друг детства пригласил вас сопровождать его?

— Нет, — отвечал мальчик недовольно и после некоторого колебания. — Дедушка поссорился с нами; по какой причине, я не знаю, но мне известно, что он ничего о нас не знает и знать не хочет и нам о себе никаких известий не посылал, а только своему другу, который к тому времени умер.

— Ага, теперь я понимаю, — со смехом сказал старик, покачивая головой. — Тогда вы все уложили и отправились сесть старику на шею. Вы рассчитываете, что когда явитесь к нему, он с вами помирится и во всяком случае поможет вам?

— Я не понимаю, почему вы такого дурного мнения о всех людях? — быстро проговорил Георг. — Можете быть, однако, уверены, что не только отец, но и я от старого дедушки ровно ничего не хотим и ровно ничего не приняли бы, если бы он что и предложил, но не от искреннего сердца. Мы ни в ком не нуждаемся и сами умеем пробить себе дорогу. Нет, не в том дело. Но мать начала сильно грустить по дедушке и очень опасаться, что может умереть, не увидевши его и не помирившись с ним. Она до того грустила и задумывалась, что даже сильно заболела. Так вот тогда, — тихим голосом добавил мальчик, — отец, не будучи в силах равнодушно видеть огорчение моей матери, решился собраться в путь как можно скорее. Он продал все то из скота и всего другого имущества, что осталось ему после наводнения, и приобрел для этого повозку и быков, и мы уехали в горы.

— Так что вы полагаете, что действительно найдете старика в Калифорнии? — смеясь, спросил старик.

— А почему же нет? — изумленно возразил Георг.

— Вот сейчас видно, что вы заблуждаетесь относительно этой страны. Вы о ней никакого понятия не имеете. Ты, вероятно, приблизительно знаешь, как велик Арканзас? Так вот, эта страна в двадцать раз больше Арканзаса; пойдика-поищи в ней какого-либо человека, который, быть может, сидит в каком-нибудь овраге и, рискуя жизнью, копает золото. При этом тысячи других людей ежедневно прибывают, переправляясь через горы или переплывая моря, и кто знает, как их зовут, кто знает, где

они живут; да и кто заботится об этом хоть сколько-нибудь? Да и кому до этого какое-либо дело!

— Но мой дедушка не станет рыть золото; он богат и имеет здесь, в Калифорнии, два дома.

— Вот как! Так, конечно, это дело иного рода и он, пожалуй, уступит. Следовательно, старый скряга деньги имеет, только не желает раскошелиться.

— Я еще и не думал называть его старым скрягой, — сказал Георг, очевидно, недовольный, что его дедушку назвали таким прозвищем.

— Ну-ну, мне это все равно! — смеясь, возразил старик. — Мне от него ничего не нужно и он мне не нужен и вы там впоследствии увидите, как с ним сойдется. Но где же ты теперь надеешься добыть волов, чтобы вытянуть ваш воз из снега?

— Бог его знает! — с глубоким вздохом ответил Георг. — Если вы мне не поможете или не хотите помочь, где же мне найти других людей, чтобы просить их о помощи?

— Да, помочь... чем же я могу помочь? — пробормотал старик. — Волон у меня нет; уж не самому ли запрячься?

— Но ведь вы могли бы одолжить нам свою лошадь! — сказал мальчик. — Мы могли бы посадить на нее маму и сестренку и вывезти их из снега. А остальное все имущество пускай себе пропадает, если не удастся придти за ним позднее. Как только мы счастливо попадем в эту страну, примемся усердно за работу и снова все добудем.

— Гм... Это, пожалуй, на дело похоже, — сказал старик, поглаживая подбородок, — во всяком случае, я мог бы дать вам моего пони или осла, но имеются ли у тебя деньги?

— Деньги? — воскликнул Георг, и при этом как-то ужасно больно сжалось его сердце, — мой отец во всю жизнь, когда у него просили помощи, никого не спрашивал, есть у него деньги!

— Да, молодчик; оно так там в Штатах, — отвечал старик, — но здесь мы в Калифорнии, и если ты хоть сколько-нибудь познакомишься с этой страной, тогда узнаешь, прав ли я. Итак, у тебя нет денег?

— Нет! — чуть слышно ответил мальчик печальным голосом. — Отец мне вовсе не дал денег, так как ему и в голову не пришло, что в Калифорнии без этого никто не поможет. Но он вам несомненно заплатит, если вы это потребуете.

— Да, нам это дело знакомое, — возразил старик, — только свяжись с вами, а там...

— Так в таком случае Бог нам поможет! — воскликнул Георг, порывисто вскакивая с места и, вскинув на плечо ружье, позвал Гектора.

— Галло! Куда же ты теперь так быстро собрался? — воскликнул старик, не трогаясь однако же с места.

— Ухожу отсюда; скорее нужно возвратиться к родителям. Так как мы здесь никакой помощи допроситься не можем, мы сделаем носилки или кресло из ветвей и понесем мать в долину. У нее за это никто денег не попросит.

— Дуй тебя горой; да ты страшная горячка! — засмеялся старик. — Однако, подожди немного. Я тебе предложу еще кое-что другое и мы, пожалуй, сойдемся. Не могли бы ты мне продать свою собаку?

— Гектора? — воскликнул Георг испуганным голосом и быстро повернулся, собираясь уйти. До этой минуты он не считал возможным когда-либо расстаться с любимой собакой. Но в этот момент ему внезапно пришло в голову и он понял, что жизнь и здоровье матери и сестренки ему гораздо дороже преданного животного. Он тотчас же повернулся к старику и уже не смотрел на него изумленно и сердито, как в ту минуту, когда услышал предложение продать собаку; выражение лица его было грустно и покорно. Он тихо и медленно произнес:

— Да, потому, что я должен так сделать, если это необходимо.

Сколько он ни боролся с собою, стараясь подавить овладевшее им волнение, но его выдавали две крупные, предательские слезы, появившиеся в глазах и медленно катившиеся по щекам. Овладев несколько собой, Георг едва слышно добавил: — Так вы согласны, получив собаку, освободить из снега мою мать и сестренку?

Старик, закусив губу, уперся взглядом в землю, отвернувшись в сторону, и раза два топнул ногою. Тотчас быстро вскочив с места и не ответив Георгу ни полслова, он стремительно вошел в хижину, в которой пробыл минуты две или три. Наконец он оттуда вышел, подошел к Георгу и, положив руку на плечо, сказал:

— Я только что осматривал мои седла, желая удостовериться, пригодны ли они. Все оказалось в полном порядке, и мы можем тотчас выступить в поход. Что касается собаки, то я рассудил иначе. Прежде всего, кажется, ты к ней сильно привязан и, кроме того, пришлось бы мне

кормить лишнее животное. Вообще все, что касается моей работы или наемной платы, об этом мы уже впоследствии столкнемся с твоим отцом, а ты, пожалуйста, об этом не заботься и не кручинься. Впрочем, очень мало я не потребую, можешь быть уверен. Гей! — вдруг крикнул старик, с изумленным лицом повернувшись в сторону индейца — Ну, что же там такое? Сюда, Москито, иди же сюда, говорят тебе!..

Впрочем, старик имел полное основание казаться изумленным, и даже Георг, хотя в данную минуту был настроен крайне серьезно, едва мог удержаться от взрыва громкого смеха.

Индеец все время, пока беседовали белолицые, слушал их внимательно и безмолвно, но, конечно, не понял ни слова и не мог догадаться, в чем было дело и, наконец, гораздо более заинтересовался вырезанной из камыша трубочкой, наполнив которую табаком, после обеда присел на корточках поближе к огню и благодумствовал, пуская в воздух маленькие струйки синего дыма.

Но невдалеке от него стоял Москито и, так как ему ничего больше съестного не давал хозяин, он озирался кругом, подыскивая себе какое-либо другое полезное занятие. Такого рода развлечение он скоро нашел себе, обрывая цветы, росшие на очень высоких стреблях, очевидно, занимаясь этим только для забавы, но не для утоления голода. Он небрежно откусывал только головки цветов и таким образом, медленно и лениво двигаясь, подошел вплотную к сидевшему на корточках индейцу. Ослик внимательно всматривался в торчавшее на голове последнего орлиное перо. Сначала он тихонько протянул к нему нос и стал осторожно обнюхивать; принял ли он бисеринки на верхушке пера за какие-либо цветы, или просто вздумалось ему пошалить, но, словом, дело кончилось тем, что он схватил зубами перо и сильно потянул к себе.

Однако перо оказалось прикрепленным основательнее, чем ослик ожидал; оно и понятно, потому что, как мы уже это описали выше, перо было крепко привязано к одному из пучков волос индейца. Москито, впрочем, не имел привычки легко выпускать то, что попадалось ему в зубы, и бедный дикарь, вследствие того, что сидел на корточках, т. е. находился в положении весьма неустойчивом, внезапно почувствовал себя опрокинутым на спину, причем волкли его по земле весьма сильно.

Конечно, он моментально вскочил на ноги и первым его

движением было схватиться за лежавшие около него лук и стрелы. Он даже не мог знать еще, кто так коварно напал на него сзади. Между тем Москито с похищенным пером в зубах шел триумфально и остановился только тогда, когда услышал повелительный призыв своего хозяина.

— Сюда, сюда, негодяй! — строго кричал старик. — Что ты там наделал? А? Да скоро ли ты придешь сюда?

Москито похлопал ушами, сделал еще шага два и тогда только остановился.

— Сюда надо придти! Разве не слышал? Перо сюда принести! — крикнул хозяин.

Москито во всяком случае слышал, что приказывал хозяин и понимал отчасти, что от него требуют, но, по-видимому, никакой не чувствовал охоты выполнить приказание.

— Ты слышал? — снова крикнул его хозяин. Тогда только ослик выпустил из зубов на траву перо, на которое дикарь бросился со скоростью стрелы, а ослик, закинув уши назад и подбросив два раза задними ногами вверх, рысью пустился с высоко поднятым хвостом и зычным «и... и... и...» по направлению к пони, пасшемуся от него на расстоянии около ста шагов.

ГЛАВА VI

Как они вдвоем отправились в горы и что они там нашли и увидели

Старый американец, слегка усмехаясь, несколько секунд смотрел вслед убежавшему животному, затем, взглянув на солнце и убедясь, что было уже около полудня, вспомнил о деле. Старик пошел в хижину, вынес оттуда оба седла и своеобразным продолжительным окриком позвал своих животных. Пони тотчас повиновался хозяину и подбежал немедленно; что касается ослика, совесть которого была нечиста, тот сначала несколько колебался, но как только зов был повторен, он, быть может, с целью забыть обо всяких сомнениях и опасениях, два раза подкинул задними ногами и затем помчался коротким галопом вслед за опередившим его пони.

Впрочем, напрасно он опасался каких-либо выговоров, так как в голове у хозяина теперь было уже совершенно иное. Быстро была оседлана лошадь и так же скоро по-

мещено и крепко стянуто вьючное седло на спине Москито. На обоих были положены шерстяные одеяла старика, но тотчас же одно из них обратно брошено на землю; затем около седла лошади был перекинут мешок с необходимой провизией. После этого хозяин животных запер свой дом, т. е. укрепил у входа две жерди и тогда только подошел к мальчику, сказав ему:

— Ну вот, молодой человек, теперь мы можем отправиться, если хочешь. Однако, сумеешь ли ты найти дорогу к тому месту, где оставил родителей?

— Найду, конечно, ту самую дорогу, по которой я пришел; но, может быть, есть еще более близкий путь, по которому мы быстрее дойдем? — ответил Георг.

— Ты, вероятно, спускался вдоль горного ручья, у которого стоит племя этого краснокожего?

— Да, вдоль этого самого ручья.

— Далеко?

— На целый день ходьбы.

— Гм... в таком случае надо будет собрать сведения от краснокожего. Они мало что смыслят в другом, но в лесу они все основательно знают.

Несколько минут старик потолковал с индейцем на его родном языке и, как догадался Георг, тот указал ему дорогу в нужном направлении, по которой следовало идти. Старик, кивнув головой краснокожему, обратился к Георгу:

— Достаточно, здесь я немного знаком с лесом и доведу тебя до ручья. Но там тебе придется самому найти дорогу. А теперь садись на Москито. Таким образом мы доберемся быстрее, чем пешком. Если встретятся кручи, можем слезть.

Мальчик очень охотно выполнил это приказание, но, прежде чем взобраться на Москито, он подошел к индейцу, протянул ему руку и дружески потряс, так как не мог выразить ему благодарность каким-либо иным способом за оказанную помощь. Но, по-видимому, дикарь отлично понял все то, что хотел ему выразить мальчик, так как радостно и дружески кивал ему головой и, очевидно, был очень обрадован исходом дела. Старик стоял около своего пони.

— Да неужели же весь олень останется там, в лесу! Жаль, если пропадет такое хорошее мясо! — сказал Георг, обращаясь к старику.

— Об этом не тужи, — смеясь, возразил последний. — К нему очень скоро краснокожие пошлют своих женщин

и собак и сегодня к вечеру, можешь быть уверенным, ничего ровно не останется, кроме обглоданных костей. Я их хорошо знаю. Однако, этот парень заслуживает награды; сюда, краснокожий! Что ты там стоишь и смеешься во весь рот? Ну и здоровые же зубы у этого молодца! Иди, возьми шерстяное одеяло, которое лежит вот там! Ну, что же, понял ты меня?

Дикарь поднял одеяло и подал старику.

— Себе ты должен взять его, деревянная башка, и не бегать по лесу в снег в бумажном одеяле! Ну, что же, разве ты по-английски не понимаешь? Боже мой, ну и глуп же этот парень! Завернись в это одеяло!

Но индеец все-таки никак не мог поверить, что ему делают такой ценный подарок, пока старик не объяснил ему на его родном языке, что он ему дарит одеяло, но сделал это с таким сердитым выражением лица, как будто ругал его. Только после этого дикарь понял, в чем дело и, быстрее молнии закутавшись в теплое одеяло, радостно закивал головою по направлению к старику и Георгу и тотчас помчался стрелой по спуску в долину. Через мгновение он уже скрылся в кустах.

— Ну погляди-ка на этого олуха, — пробурчал старик, — ведь он бежит, как будто что-то украл и его преследуют констебли. Эти дурни глупее, чем можно предположить. Однако, молодой человек, пора и нам в путь. Уже поздно, и я не могу терять так много времени на твое дело. Здесь, в Калифорнии, время — деньги, как ты сам вскоре убедишься в этом.

Быстро и гораздо легче, чем это можно было предположить, судя по его летам, старик вскочил в седло и придавил коленями бока лошади; перекинув длинную винтовку на луку седла, он рысью направился к кустам, не оглядываясь более на Георга.

Мальчику не было надобности понукать ослика. Моски-то сам отлично понимал, что он принадлежит хозяину, ехавшему впереди на пони, и следовал за ним очень бодро и весело. Одно только затрудняло Георга — это необходимость удерживаться в большом вьючном седле, так как стремян там не было, и прошло довольно много времени, пока он освоился с таким неудобным положением.

Старик, по-видимому, был хорошо знаком с дорогой и пустил лошадь рысью, желая воспользоваться пока еще удобной дорогой. Чем выше они поднимались, тем больше было снега, и под конец пришлось ехать шагом и даже

в некоторых местах слезать с седел и вести животных под уздцы. Таким образом, весьма естественно, что они подвигались вперед довольно медленно, и ночь наступила прежде, чем они достигли цели.

Понятно, что в темноте немыслимо было двигаться вперед. Не только потому, что густой кустарник мешал движению, но и небо, покрытое темными тучами, лишало возможности найти нужное направление, в силу чего они решили остановиться на ночлег на том месте, где находились.

Огонь очень скоро был разведен, и хотя под рукою не было воды, зато более чем достаточно было снега, чтобы сварить кофе, — и вскоре они устроились, насколько было возможно, удовлетворительно. Только животным пришлось плохо, по крайней мере — лошади, так как Москито поблизости от костра срывал красные ягоды на кустарниках и ел их с большим удовольствием. Но тем более положение лошади было неприятно, и, по выражению старика, она вынуждена была «лечь спать без ужина или грызть древесную кору».

Но, во всяком случае, ночь не была такая бурная, как прошлая; тем не менее, к утру вышал порядком густой снег, продолжавший падать и после рассвета, хотя несколько пореже. Медленно, но непрерывно падали перистые клочья на землю и своим весом почти до земли клонили ветви кустарников.

Обоим путникам это вовсе не доставляло удовольствия, и старик частенько что-то бурчал, поглядывая на небо и покачивая головой. При этом он был ужасно молчалив и, когда Георг с ним заговаривал, давал крайне отрывистые, односложные ответы, хотя нельзя было счесть их недружелюбными. Мальчику казалось, что теперь старик раскаивается в своей готовности оказать помощь. Весьма возможно, что действительно так оно и было, но ввиду того, что они уже были близки к цели, старик признавал необходимым закончить начатое дело. После весьма скудного и очень быстрого завтрака безмолвно, не обменявшись ни единым словом, они продолжали путь в том же направлении, что и вчера, и наконец достигли того самого ручья, хотя с противоположной стороны, но место было как раз то, которое описывал Георг. Впрочем, чтобы окончательно в этом убедиться, они перешли на противоположную сторону, что оказалось довольно затруднительным, и Георг вскоре нашел деревья, на которых он сделал надрезы ножом. Весьма

естественно, что тогда уже не оставалось никакого сомнения в том, что они шли в нужном направлении и находились очень близко от того места, где он третьего дня оставил своих родителей.

Старик ничего ему не ответил на радостный возглас, которым Георг выразил свое удовольствие, дойдя до цели, а лишь сделал ему знак ехать быстрее. Чем выше они поднимались, тем более убеждались, что, несмотря на едва начавшуюся осень, в этом месте зима как будто установилась совсем прочно.

Около часа они молча ехали следом один за другим, но теперь Георг ехал впереди. Вдруг мальчик, радостно вскрикнув, указал на что-то впереди себя. Сквозь кустарники перед ним мелькнула повозка.

Старик тотчас поровнялся с мальчиком.

— Там они? — спросил он, но уже менее участливым тоном, чем говорил ранее.

— Там стоит повозка! — воскликнул Георг.

— Но я не вижу дыма и не вижу там людей, — возразил старик.

Георг ничего не ответил; но в ту же минуту что-то страшно сдавило ему грудь. Он хотел было крикнуть, позвать, но был не в силах; голос ему не повиновался, а животное, на котором он сидел, бессознательно держа узду в руках, быстрыми скачками поднималось вверх. Когда старик догнал его, он застал мальчика бледным, как смерть, в ужасе и недоумении стоящим около лагеря, покинутого его родителями, что заметно было по давно выгоревшим углям, занесенным снегом.

— Галло! — воскликнул американец, изумленно оглядываясь кругом. — Что же это такое? Исчезли, нет их! Вот тебе и конец делу. Да я почему-то и ранее это предчувствовал.

Георг все еще стоял около него, от ужаса и изумления не в силах произнести хотя бы одно слово. Он взглянул на повозку. Полотняная крышка кузова была сорвана; вещи все были разбросаны в разных местах. Сундуки были взломаны. Новая, ужасная мысль внезапно пришла ему в голову, и он воскликнул:

— Боже мой, что тут случилось! На них напали грабители, убили их! А меня не было, чтобы защитить их! Моя мать, мой отец! Бедная моя маленькая сестренка!

Он закрыл лицо руками и, уже не в силах сдерживать свое горе, громко и отчаянно зарыдал.

Старик, покачивая головой, стоял около него, безмолвно осматривая зорким взглядом разбросанные всюду вокруг повозки вещи, отчасти уже покрытые снегом и вместе с тем внимательно приглядывался к многочисленным, часто пересекавшимся следам на снегу. По-видимому, Гектор, в свою очередь, был крайне изумлен положением, в котором нашел лагерь. Он всюду расхаживал, обнюхивая, и при этом шерсть на него спине сильно оцетинилась.

— Гм... — пробурчал старик, поглядывая на собаку. — Я полагаю, Гектор прав: здесь, наверное, побывала шайка краснокожих мошенников. Ну, да это мы сейчас расследуем.

Быстро прислонив свою винтовку к повозке, старик внимательно осматривал следы. От его пытливого взора не ускользнуло то обстоятельство, что на некоторых из разбросанных вещей был только очень тонкий слой снега, еще не покрывавший их вполне, тогда как на других вещах слой снега оказался толщиной в четыре дюйма. На следах, казавшихся более свежими, недавними, он осторожно отгреб снег рукой и убедился, что это был след голых ног, следовательно, след дикарей, без всякого сомнения. Итак, не оставалось никакого сомнения в том, что шайка краснокожих только сегодня утром посетила этот лагерь и ушла отсюда не более, как час тому назад. Но что случилось с белыми? Что случилось с ребенком, женщиной и мужчиной? Убитыми сегодня они ни в коем случае не могли быть, потому что тогда неизбежно огонь в костре не потух бы совсем; наконец, то место, на котором разведен был костер, было бы еще теплым, и упавший снег тотчас бы растаял.

Старик заставил собаку тщательно исследовать всю местность, и та охотно повиновалась его требованию. Следы индейцев были еще совершенно свежими. Старик разрывал всякую маленькую кучку снега, но ничего, кроме опустошенных ящичков, под снегом не находилось.

Георг настолько оправился, что был уже в силах помогать в розысках. Он был крайне изумлен, когда вдруг нашел под снегом маленький черный сундучок, в котором, как ему было известно, отец всегда сохранял деньги, а ключик от сундучка находился у матери. Сундучок был открыт, а ключик торчал в замке. Он сообщил об этом открытии своему спутнику.

— Вот что я тебе скажу, милый мой, — сказал задумчиво старик, — здесь произошло что-то необычайное и, несомненно, тут без индейцев не обошлось. Был ли ими

дан повод, т. е. они ли опустошили лагерь, или явились только впоследствии — в этом единственно заключается весь вопрос. Узнать это мы можем только одним способом: нам надо догнать краснокожих.

— Да где же мы их разыщем? — спросил Георг.

— По их следам, понятно, до тех пор, пока держится снег, а впоследствии нам поможет собака. Но они не могут быть далеко отсюда и шайка в таком глубоком снегу оставила очень заметные следы; несмотря на вновь выпавший снег, следы не могли быть засыпаны. Чем скорее мы отправимся по их следам, тем лучше! Быть может, ты посоветуешь что-либо лучшее?

— Нет! — простонал Георг. — У меня голова идет кругом и сердце разрывается от боли. Я ни о чем думать и рассуждать не могу. Несчастные мои мать и сестренка!..

— Ну, тут нам решительно нечего делать. Кроме того, ветер усиливается и дай Бог нам поскорее выбраться из снега.

Индейцы, очевидно, шли этой дорогой недолго и вскоре повернули вниз по направлению к долине, но подальше от ручья, и оба всадника ехали по следам насколько возможно быстро. Недалеко от бывшего лагеря родителей Георга он и его спутник подъехали к месту, где, несомненно, была стоянка краснокожих, быть может, для раздела награбленного. Начиная от этого места, на следах их было очень мало свежего снега.

Старик ехал впереди, и насколько он выказывал себя холодным и безучастным в начале путешествия, насколько же горячо стремился теперь нагнать индейцев и собрать верные сведения о судьбе бледнолицых.

— Вот последствия, — говорил старик как бы сам с собою, не обращаясь к ехавшему с ним рядом мальчику, — вот последствия постоянного дурного отношения наших соотечественников к индейцам. Мы отнимаем у них землю, убиваем или спугиваем дичь в их лесах, срубаем дубы, плодами которых они питаются, даже вредим и мешаем их рыболовству, да и вообще всюду, где только возможно, вредим им. Возможно ли винить их, когда они иногда теряют всякое терпение и оплачивают нам тем же? Они ли виноваты, что в таких случаях мщение их обрушивается на ни в чем не повинных людей?

— Следовательно, вы полагаете, что действительно они напали на моих родителей и убили их? — спросил Георг в смертельном страхе, отражавшемся во взгляде и в голосе.

— Вздор! Разве я говорил что-либо подобное? — пробурчал старик. — Я только одно хотел сказать, что их нельзя винить в том, что во всяком белом они видят смертельного врага. На этот раз, наверное, дело не обошлось так плохо; это... это во всяком случае очень скверная история, и я не знаю, быть может, впоследствии я сам...

Но не окончивши своей речи, старик пришпорил коня и быстро вскочил в кусты, так быстро, что Георг с трудом мог следовать за ним. Менее чем через полчаса такой быстрой езды они увидели дым и, подъехав, увидели лагерь индейцев, состоявший из десяти мужчин и восьмидесяти женщин. Они развели костер в месте, защищенном от ветра, и, сидя на корточках, грелись у огня.

Как только индейцы услышали стук копыт, тотчас мужчины вскочили и схватились за луки. Однако старик, с винтовкой наготове в правой руке, врезался в середину толпы и грозно поглядывал, точно выбирая, на ком сорвать свой гнев. Но, как видно, индейцы его знали, потому что тотчас опустили свои луки и один из них, старый человек с седыми волосами, приблизился к американцу и дружески заговорил с ним.

Они быстро обменялись несколькими вопросами и ответами на индейском языке; но только это было понятно Георгом, да еще то, что они напали на верный след. Он видел, что на женщинах были надеты платья его матери; даже кое-что из его собственной одежды лежало под деревом, неподалеку от костра.

Насколько были суровы и гневны первые слова старика, с которыми он обратился к толпе, настолько же дружески и ласково он говорил с индейцем, спокойно выслушивая его, и раза два молча кивнул ему головой. Вслед за тем он повернул голову в сторону Георга, чтобы вкратце сообщить ему все то, что он узнал из разговора с индейцем.

По словам старого дикаря, которого американец знал как хорошего и заслуживающего доверия человека, сегодня утром его табор случайно набрел на то место, где стояла повозка, но огонь они нашли потухшим и никаких белолицых людей около повозки не было. Признавая найденное имущество добросовестной добычей, они взяли из него только то, что казалось ценным, а также то, что могло пригодиться, как одежда их женщинам, так как мужчины носят только убитую дичь и признают бесчестьем носить какие-либо другие тяжести. Что случилось с белолицыми,

они не знают и даже нисколько не старались узнать об этом.

Пока старик сообщал все это Георгу, последний вдруг заметил, что в черных, засыпанных снегом волосах одного из мужчин красовался какой-то диковинный головной убор. Он походил на свернутый в трубку кусок бумаги. В двух-трех словах Георг обратил на это внимание своего спутника. Едва старик увидел указанный сверток бумаги, как тотчас подъехал к индейцу и, прежде чем тот мог опомниться, без всякой церемонии сорвал головной убор с его головы и развернул бумагу.

Это был надорванный поперек, размокший кусок бумаги, на котором можно было различить написанные карандашом, но уже едва заметные слова. От сырости многое почти совсем стерлось, но в измятых и порванных складках можно было разобрать некоторые слова. Георг тотчас узнал руку отца, а старый индеец на вопрос американца заявил, что этот «белый платок» был воткнут в телегу. Они его сняли и изумлялись, как легко от него можно было отрывать кусочки и, пожалуй, все бы изорвали, но одному из них очень понравилась диковинная материя и он взял ее себе для головного убора.

На листе можно было различить только следующие слова:

«Мы находимся... приходи же...
ждем тебя... это найдешь...»

Все остальное было или оторвано или стерлось и совершенно невозможно было разобрать написанное; но все же этот кусочек бумаги вызвал радостное чувство в сердце мальчика. Родители его были живы. Они добровольно покинули лагерь, занесенный снегом, и воткнули бумагу в телегу, чтобы известить его, куда они направились, и теперь он имел надежду разыскать их. Однако, где же? Конечно, знать он этого не мог, потому что злополучная порча бумаги лишила его возможности тотчас отправиться по их следам. Но все же они еще *живы*; с ними никакого несчастья не приключилось, и теперь он стремился разыскать их, хотя для этого ему пришлось бы исходить всю Калифорнию.

Понятно, слушая его, старик покачивал головою. Мальчик не имел понятия об ужасных трудностях, предстоящих ему в таких поисках по необъятной стране. Однако старику не хотелось тотчас убивать надежду, возникшую

в этом молодом сердце, ему жаль было отравить молодую радость, оживившую и поддерживавшую мальчика.

Индейцы слагали с себя всякую ответственность относительно записки. За то, что они взяли себе все имущество, владельцев которого не оказалось на месте, никто не имел права быть ими недовольным. Белые поступили бы точно так же, а значение и важность бумаги им совершенно были неизвестны. Им эта бумага казалась какой-то диковинной материей, которую они сначала подвергли испытаниям, а потом уже, по возможности, нашли ей применение; притом известно, что все племена диких охотно украшают себя всем тем, чего они ранее не видывали, т. е. всем чужеземным.

Куда же направиться теперь, спрашивал себя мысленно Георг, стоя в глубоком раздумьи. Куда направиться, с чего начать, думалось ему в ту минуту, когда к нему подошел старый американец и, положив руку на его плечо, дружески заговорил:

— Послушай-ка, парень! Тебе, быть может, покажется странным, что я сначала так неохотно соглашался тебе помочь и отправиться с тобою, а теперь отношусь к твоему делу совершенно иначе. Дело, видишь ли, в том, что жизнь в горах мне уже надоела и мне хочется спуститься туда, вниз, в поселения, причем мне, конечно, нужен товарищ или помощник. Если тебе это по сердцу, то пойдем рука об руку до тех пор, пока одному или другому из нас не наскучит сообщество; тогда стоит только заявить об этом — и каждый из нас пойдет своей дорогой. Если ты пока ничего лучшего не придумаешь, то я помогу тебе разыскивать твоих родителей, а относительно вознаграждения мы сговоримся впоследствии.

Георг с глубоким изумлением всматривался в старика. Вопреки суровому тону, с которым произнесены были эти слова, в самом предложении проглядывало так много сердечности, столько жалости к бедному, беспомощному мальчику, что Георг не в силах был от волнения что-либо отвечать на это. Он только порывисто схватил руку старика и сердечно, от всей души пожимал ее, что, конечно, стариком было понято как согласие на его предложение, и он воскликнул:

— Ну, прекрасно! Так будем же продолжать наше странствие. Там, наверху, в снегу, нам совершенно нечего делать. Слишком сильно и долго шел снег, так что мы никаких следов не найдем. Следовательно, самое лучшее,

если мы посетим прежде всего ту индейскую деревушку, в которой ты был недавно. Если там ничего не узнаем о твоей семье, тогда возвратимся ко мне, возьмем из хижины все, что там осталось, или все, что нам может пригодиться, и тогда отправимся в другую долину. Я почти уверен, что они направились туда, так как большинство путешественников в горах избирают этот путь. Если же мы нигде не встретим их на нашем пути, тогда, понятно, мы будем их искать в Сан-Франциско. Ведь они же были намерены отправиться туда на розыски старика дяди или дедушки, или как он там им приходится? Да как его зовут? Ведь ты до сих пор не назвал его фамилии.

— Георг Гарди, — ответил мальчик, — в честь его меня назвали Георгом.

— Гм... так! — сказал старик, пытливо всматриваясь в него. — Следовательно, он в то же время твой крестный отец?

— Крестный отец?! — досадливо воскликнул мальчик. — Да нет же, Боже мой! Нет! Его уже тогда не было, он уехал и не давал о себе никаких известий и сам ничего не хотел знать о нас.

— Да ну его к лешему! — со смехом воскликнул старик. — Мы и без него проживем. Ну, а теперь в путь.

— А разве мы вещи оставим индейцам! — спросил Георг.

— Да что нам с ними возиться! Что было получше, твои родители, наверное, взяли с собой, а все то, что эти бедные бродяги нашли в снегу, пусть уж у них останется.

Затем, вероятно, считая дальнейший разговор бесполезным, он тотчас повернул лошадь в противоположную сторону и быстро поехал, стараясь как можно быстрее выбраться из местности, покрытой снегом.

ГЛАВА VII

Нечто о завоевании Калифорнии

К вечеру оба всадника добрались до индейского лагеря и здесь узнали, что никто из бледнолицых мимо не проезжал. По-видимому, старик и ранее был в этом убежден. Не останавливаясь здесь, они тотчас поехали дальше, так как старик предпочитал ночевать в собственной хижине,

к которой всадники подъехали через час после захода солнца.

Здесь, в долине, хотя и не падал снег, но все же шел несносный мелкий дождь, промочивший их насквозь.

Но это несколько не помешало старику находиться в этот вечер в превосходном расположении духа.

Яркий огонь камина скоро обсушил их, а из куска оленины и муки старик состряпал очень тонкий и вкусный ужин, причем очень мало позволял мальчику помогать себе в этом деле.

Покончив с приготовлением ужина, старик подготовил еще один сюрприз, так как, будто внезапно вспомнив о чем-то, начал усердно рыть своим охотничьим ножом землю около камина и вскоре вытащил оттуда бутылку.

— Вот это дело! — сказал он, рассматривая перед огнем содержимое бутылки. — Так как я, по всей вероятности, не скоро возвращусь сюда, нет надобности оставлять запасы, а горячий напиток, после сегодняшней быстрой езды, нам обоим будет вовсе не лишним.

Он усердно принялся за приготовление горячего крепкого грога, которым очень мало воспользовался Георг, так как не привык к крепким напиткам, а старик не считал нужным настаивать, но сам усердно занялся бутылкой.

— Вот видишь ли, парень, — заговорил он, — надо выпить этот глоток в честь твоего благополучного прибытия в Калифорнию, и дай Бог, чтобы тебе, Георг, жизнь здесь пришлось по сердцу. А как твоя фамилия?

— Оаклей.

— Ах да! Георг Оаклей.

— Лишь бы мы нашли моих родителей!

— Найдем! — смеясь, ответил старик. — Не могли же они провалиться сквозь землю! Во всяком случае ты приобретаешь во мне попечителя, воспитателя и, быть может, впоследствии убедишься, что мог напасть на худшего.

— А как же, собственно, вас зовут? — спросил Георг. — Надо же мне знать, как вас называть.

— Ах, да; да разве ты еще не знаешь? — тихонько усмехнувшись, точно про себя сказал старик. — А мы уже давно вместе. Видишь ли, если бы твой дед не был таким проклятым, старым и отвратительным скрягой...

— Да почему вы это знаете?

— Почему я это знаю? А потому, что он знать не хочет своей семьи, как ты сам мне это сказал; а по какой это может быть другой причине, как только для того, чтобы не

быть вынужденным им помогать. Если бы это не напоминало тебе этого медведя-ворчуна, я бы тебе предложил называть меня дедушкой, до тех пор, пока мы не найдем твоего дедушку. Вот потому-то я не могу тебе предложить так называть себя, и лучше останусь при своем имени, а именно *Ложный*; запомнишь его?

— Ложный? — изумленно воскликнул Георг.

— Да, Георг Ложный, — ответил старик.

— Странная фамилия! — заметил мальчик. — Как это так можно называться: Ложный?

— Пустое! — пробурчал старик. — Неужели ты находишь, что было бы лучше, если бы моя фамилия была Крысехвостов или Пустозвонов?

Георг рассмеялся.

— Ну вот, видишь ли, — продолжал старик, — а между тем есть на свете люди, носящие подобные фамилии. Имя и фамилия — это только отличительная кличка в сношениях людей между собою, и дело не в том, какую человек носит фамилию, а в том, каков он по характеру и как ведет себя, как обращается с людьми.

Во время этого разговора старик совершенно спокойно растянулся на оленьей шкуре поближе к огню; около него стоял кубок с грогом, и он казался в очень благодушном настроении духа. До сих пор он всегда был очень серьезен и молчалив, но теперь постоянная усмешка оживляла его лицо.

Вдруг старик, будто что-то вспомнив, заговорил внезапно:

— Когда не знаешь название какой-либо вещи, надо все же как-нибудь извернуться и дать понятие о ней, и при этом я вспоминаю об одном моем краснокожем приятеле, недавно порядком меня рассмешившем. Мне как-то пришлось провести ночь в одной из их землянок, и меня там страшно одолели блохи. Будь дикари в самом деле чисто-плотны, как это совершенно ошибочно предполагали, так они, разумеется, не допустили бы заедать себя бесчисленному множеству насекомых в своих земляных пещерах. На следующее утро мне вздумалось дать понять моему любезному хозяину — тому самому, который привел тебя ко мне, — о том, что мне мешало спать всю ночь, а между тем я не знал, как по-индейски называется блоха. «Ага, — сказал краснокожий, засмеявшись и открыв рот до самых ушей, — знаю, что ты хочешь сказать: маленькие черные животные, когда их прихватишь пальцем, так и конец им,

и нет ничего». Да разве это не было превосходным разъяснением, какое животное называется блохою?

— Это, конечно, верно, — сказал улыбаясь Георг, — но замечательно, до какой степени люди закалены, и я даже понять не могу, как это они могут так смело бродить по снегу голыми, от пятки до колен, ногами? Мне кажется, я не был бы в состоянии даже сто шагов пройти по снегу без башмаков.

— Дело привычки, — возразил старик. — Однажды в Штатах я по дороге нагнал индейца. Мороз был очень порядочный, так что я озяб, будучи в теплом верхнем платье, а между тем на индейце было только бумажное одеяло, да и то изорвано в нескольких местах. Даже в июле мне было бы холодно под таким одеялом, и, когда я с ним поровнялся, задержав лошадь, у меня явилось желание дать этому бедняге что-либо теплее этого одеяла. Между тем, он вовсе не казался озябшим.

— Неужели тебе не холодно, индеец? Ведь сегодня мороз не шуточный?

— А лицу твоему холодно? — отвечал мне индеец ломаным английским языком, как-то насмешливо поглядывая на меня искоса.

— Лицу не холодно, потому что оно у меня всегда открыто, — отвечал я.

— Хорошо, — возразил индеец, усмехаясь и не глядя на меня, — а у меня не только лицо, но и почти все всегда открыто. — Ясно, что он безусловно был прав; если бы мы с раннего детства одевались легко, тогда холод был бы нам гораздо менее чувствителен. Между тем мы постоянно себя изнеживаем и кутаемся во всевозможное теплое одеяние при малейшем холоде, и таким образом делаем нашу кожу до такой степени нежной, что она не выносит малейшего холода.

— Вы, вероятно, давно уже в Калифорнии, если так хорошо владеете индейским языком, на изучение которого требуется продолжительное время. Я в нем ни одного слова не понимаю.

— Я уже два года брожу по этой стране, и лучшего проводника ты бы здесь не нашел. Задолго до открытия золотых россыпей я уже был здесь, — отвечал старик.

— До открытия золота!? — изумленно воскликнул мальчик. — Я полагал, что до этого здесь жило не очень много белых.

— Положим, нас действительно было немного, — отве-

тил старик, — нам приходилось частенько ссориться с испанскими и краснокожими туземцами, пока не было найдено золото.

— Испанскими туземцами? — переспросил мальчик.

— Да, милый, да, — отвечал старик, хлебнув из кубка и снова ложась, подпершись локтем. — Как мне кажется, ты почти ничего не знаешь о стране, в которой намерен поселиться. Неужели там, дома, тебе никто о ней ничего не говорил?

— Да, почти ровно ничего, — пристыженно отвечал Георг. — В Арканзасе на нашей ферме в эти последние годы была такая бездна работы, что мне едва хватало времени, и то с большими препятствиями, посещать школу, находившуюся от нас в пяти милях; там мне удалось выучиться читать и писать. Тогда еще никто и не думал о Калифорнии. Но когда узнали, что в этой стране открыто золото, тогда уже никаких других разговоров не было, как только о золоте.

— Гм... трудно представить себе, — пробурчал старик, — до какой степени люди имеют привычку хвататься только за ближайшее. Ты ведь знаешь, что Калифорния, до того, как мы ее завоевали, принадлежала мексиканцам и что только после завоевания было открыто золото?

— Да, я это знаю.

— Вот, видишь ли, прежде эта громадная страна мало и почти вовсе не была заселена, по крайней мере соответственно своему пространству. Северо-западный берег Америки, на котором находится Калифорния, был открыт уже давно. Еще в 1528 году испанцы, бывшие в те времена самыми предприимчивыми мореплавателями, послали свои корабли для исследования северо-западного берега Америки; первый европеец, ступивший на этот берег, если не ошибаюсь, назывался Мальдонадо, и если мы будем основываться на той точке зрения, что цивилизованное государство может предъявлять свои права на чужеземную землю только в том случае, если оно первое получило о нем сведения и посетило ее, то, конечно, право на эту страну неоспоримо принадлежит Испании. В те времена Испания и Португалия владели почти всей Америкой, но до такой степени жестоко злоупотребляли своим господством, притесняя своих туземных подданных, что с течением времени эти колонии мало-помалу, прибегая к оружию, отделились от метрополии и установили свое особое правительство. Бывшие испанские владения образовали

республики, а португальские образовали Бразильскую империю.

Калифорния впоследствии подпала под власть Мексики. Но мексиканцы никогда особенно не заботились об этой стране, от них очень отдаленной и казавшейся им очень холодной по климату, да и притом приносящей им чрезвычайно мало дохода. С течением времени в самой Калифорнии из потомства мексиканцев и испанцев образовалось население креолов, т. е. образовавшееся из смешанных браков белых с туземцами мексиканского происхождения. Они называли себя калифорнийцами, но почти полностью сохранили одежду, нравы, обычаи и привычки мексиканские.

Земледелие, однако, процветало очень мало именно в Верхней Калифорнии, быть может, потому, что местность недостаточно была пригодна к тому. Поблизости от берега страна была орошена весьма скудно, и любящая удобства жизни и, даже можно сказать прямо — лень, испанская порода предпочитала заниматься скотоводством. Вследствие этого весь вывоз из Калифорнии заключался в сырых кожах, сале и, пожалуй, в засушенном мясе, которое охотно приобретали пристававшие к берегам китоловные суда. Кроме того, по временам сюда наезжали охотники за пушным зверем и тут продавали свою меховую добычу или отправляли ее на кораблях в другие американские или европейские гавани.

С целью цивилизования туземцев, а также для обеспечения белому населению надежной стоянки с давних пор сюда приезжали миссионеры, иезуиты и учреждали здесь миссии. До сих пор в стране рассеяны кое-где старые, диковинные постройки. Миссионеры старались обратить в христианство коренных жителей Калифорнии, а именно индейцев, но в этом отношении достигали весьма ничтожного успеха. Но все же им удалось привлечь к себе несколько племен, которые селились невдалеке от миссий. Эти племена выполняли необходимую работу для духовных лиц, обрабатывали для их потребностей небольшое количество хлебопахотной земли, доставляли им дрова и воду, занимались стиркой и другой мелкой работой. Взамен этого священники учили их священному писанию и притом, самое главное, в прочно сооруженных миссионерских постройках обеспечивали им защиту от нападений других племен.

Насколько тогда было малочисленно белое население,

видно из сведений, сообщенных одним французом, а именно г-ном де Мофра, который в 1842 году насчитал на пространстве около 500000 квадратных миль только пять тысяч человек населения, происходившего от белых; понятно, сюда не включались индейцы. В этом числе было около четырех тысяч человек, происходивших от испанских родителей, так называемых калифорнийцев, а в остальную тысячу человек включались европейцы, американцы и мексиканцы с ничтожным числом переселенцев с Сандвичевых островов.

Климат в Калифорнии безусловно превосходный и даже значительно теплее, чем под теми же широтами в восточной части Скалистых гор. Тем не менее, не подлежит сомнению, что еще и на долгие времена эта страна продолжала бы быть ничем иным, как исполинских размеров пастбищем, если бы североамериканско-мексиканская война не дала делу иной оборот. Тотчас после ее начала были посланы корабли из Северной Америки, предназначенные войти, обойдя мыс Горн, в гавани западных берегов Мексики. В то же время генерал Кеарней был послан туда же сухим путем с относительно небольшой армией. Тебе, милый мой, знаком уже этот путь и ты можешь себе представить, сколько невероятных трудностей предстояло превозмочь этим храбрым, предприимчивым людям. Однако, та часть страны, в которой найдено золото, была уже завоевана для Америки ранее, чем дошла туда та армия, о которой я тебе говорил, гораздо менее значительным отрядом. Героем этого, собственно говоря, вынужденного предприятия был капитан Фремонт.

Как и ты, с ранней юности привычный к трудностям и опасностям жизни в лесах, он был задолго до начала мексиканской войны отправлен во главе небольшого отряда с целью поисков лучшего и кратчайшего пути в Орегон через Скалистые горы.

Джон Чарльз Фремонт, один из имеющих у нас в Соединенных Штатах доблестнейших людей, еще ранее того, именно в 1842 году и затем в 1843—1844 годах, стоял во главе научных экспедиций, отправленных в Орегон и в Калифорнию, и при этом показал себя таким отважным, что отечество произвело его капитаном и доверило ему третью почетную и блестящую экспедицию. Зимой, между 1844 и 1845 годами, он достиг со своим маленьким отрядом Калифорнии. И так как он там узнал, что Соединенные Штаты имели различные недоразумения и стол-

кновения с Мексикой, хотя еще не имел никаких официальных сведений о возникновении открытых конфликтов, капитан Фремонт счел необходимым относиться очень осторожно к мексиканскому правительству, чтобы не подать ему ни малейшего повода к каким-либо жалобам и нареканиям. На расстоянии около ста миль от Монтерей, одного из крупнейших городов страны, он оставил свой маленький вооруженный отряд и отправился один в город к начальнику Верхней Калифорнии дону Жозе Кастро, для объявления ему цели пребывания в стране и ходатайствования о разрешении прозимовать в долине Иохима, так как там было весьма достаточно дичи для людей и пастбищ для животных. Согласие на это было им получено; но, едва возвратившись обратно к своему отряду, он тотчас узнал, что дон Жозе Кастро имеет намерение, вопреки данному им же разрешению, напасть на него со значительным вооруженным отрядом. Объяснялось это тем, что до него, донна Кастро, дошло известие, будто целью капитана Фремонта служит вовсе не научная экспедиция, а намерение, подстрекая туземных европейцев и американцев к восстанию против мексиканского правительства, завоевать страну.

Все военные силы Фремонта состояли из шестидесяти двух человек, но поголовно старых, закаленных опасностями лесных охотников, и при первых же полученных сведениях Фремонт немедленно всюду устроил баррикады и, надежно укрепив свой маленький лагерь, поднял американский флаг, решив отчаянно защищаться. Однако, не зная, как отнесется его правительство к такому вооруженному столкновению, он, после некоторого колебания, принял меры, чтобы избежать нападения мексиканцев, и со своим отрядом ушел по направлению к Орегону. Калифорнийцы преследовали его, но весьма недолго, причем хотя были несравненно значительнее числом и вооружением, однако воздержались от нападения на американцев, очевидно, побаиваясь их винтовок.

Таким образом капитан Фремонт добрался к середине мая к большому озеру Кламат, и там оказалось, что ему предстояло столкнуться не только с воинственными кламатскими индейцами, но, кроме того, перед ним были высокие, покрытые снегом горные отроги, переход через которые едва ли был возможен в такое раннее время года. В то же время американцы узнали, что генерал Кастро

стягивает у них в тылу войска, чтобы напасть как на них, так и на всех американцев Калифорнии и истребить их.

Со всех сторон маленькому отряду угрожала неминуемая опасность, так что тысячи других людей искали бы спасения в бегстве. Но не так поступил Фремонт. Доведенный до крайности, отважный охотник решил прибегнуть тоже к крайним средствам. Несмотря на то, что к нему приближалась армия в десять раз сильнее числом, нежели его отряд, несмотря на то, что его отвлекали нападения индейцев, он выбрал самый смелый план, на который только способен отважный человек. Он решил не укрепляться, не сооружать баррикады против надвигавшихся сил, а самому напасть на них первым и *завоевать Калифорнию*.

6 июня пришел он к такому решению, а 11 июня уже приступил к выполнению своего плана. Днем он захватил транспорт в двести лошадей, предназначенный для лагеря Кастро, а на рассвете 15 июня овладел укрепленным военным постом Сонома, захватил девять медных пушек, одну тысячу двести пятьдесят мушкетов и другого оружия и взял в плен нескольких офицеров. В это время к нему присоединилась значительная часть американцев, чувствовавших себя в опасности. Оставив в захваченной ими Сономё гарнизон всего из четырнадцати человек и получив известие, что Монтерей осажден американцами, он смело двинулся вперед, побеждал во всех столкновениях мексиканцев и гнал перед собою армию генерала де Кастро.

Впрочем, калифорнийцы были хорошими и ловкими кавалеристами, но, как и все потомки испанской расы, в высшей степени неумелы в употреблении огнестрельного оружия. Это давало американцам решительный перевес над мексиканцами и, когда маленький отряд Фремонта соединился с людьми командора Стоктона, разбитые мексиканцы бежали во все стороны.

Но этим война не завершилась, потому что, хотя во всех значительных городах развевался уже американский флаг и американские военачальники объявили уже всю страну принадлежащею Америке, немного позднее произошло несколько восстаний. Но американцы были очень осторожны. К тому же, прибыли новые подкрепления и мир был заключен между Мексикой и Соединенными Штатами, причем Калифорния была уступлена на вечные времена Америке в качестве вознаграждения за военные издержки и убытки.

Но вдруг старик внезапно оборвал рассказ, сказав: «Однако, милый мой, уже поздно, наши одеяла давно высохли и чем раньше мы уснем, тем лучше. Мне кажется, ты давно уже спишь, так что, пожалуй, я попусту рассказывал всю эту историю».

— Нет, я слушал, — тихо сказал Георг, — но все же думал о своих родителях.

— Пустяки! — проворчал старик. — Как только взойдет солнце, мы их тотчас разыщем. Сегодня ночью хорошенько отдохни, чтобы завтра собраться со свежими силами.

После этого он уже не беспокоился о мальчике, устраивавшем себе постель. Старик плотно завернулся в свое одеяло и вскоре тихо и крепко уснул.

ГЛАВА VIII

Странное приключение с серым медведем и потешные при этом выходы Москито

На следующий день утро наступило светлое и ясное; погода заметно улучшилась, хотя наступало дождливое время и с каждым днем грозило установиться окончательно.

Приготовления к походу скоро были окончены. Все то небольшое, что они были намерены взять с собою, было прикреплено к седлам, а олени шкуры вместе с другими мелочами старик оставил в хижине, вход в которую он снова закрыл двумя жердями.

— Это никого не удержит и не помешает взять все, что ему вздумается, — сказал Георг.

— Да я так и делаю, дитя мое, — возразил старик, — только для того, чтобы помешать скоту забраться туда и разорить все, что он там найдет. Если же сюда забредут люди, так пусть себе воспользуются всем тем, что мы оставили и что им, быть может, пригодится. Нам самим оно уже не нужно и едва ли мы когда-нибудь сюда вернемся, а между тем эта хижина в дождь и непогоду многим может дать приют и защиту. Я на себе испытал, как я был бы рад, если бы вовремя нашел такое убежище. Ну что же, привык ты теперь к своему вьючному седлу?

— Отлично! — со смехом ответил Георг. — Москито та-

кое превосходное животное, что лучшего желать невозможно.

— Не правда ли, — улыбаясь, ответил старик, — все же он лукавая каналья. Ну да это ничему не вредит. А теперь тронемся в путь, мы здесь, кажется, сделали все, что необходимо.

С этими словами старик вскочил в седло и, увидев, что Георг последовал его примеру, а Гектор с громким лаем кружится вокруг, хотел уже двинуться в путь, как взгляд его скользнул по хижине. Он задержал лошадь и несколько минут пристально смотрел на маленькую покидаемую хижину.

— Диковинное дело, — сказал он, — странно, что мне как будто жаль покидать это место, к которому меня, собственно говоря, ничто не могло привязать? Что оно мне доставляло кроме крыши на короткое время, а все же я чувствую себя так, точно покидаю родину. Но так всегда бывает в нашей жизни: человек — это раб привычки, и если он где проспал две недели, там он всегда оставляет частицу своего сердца. А потому скорее прочь отсюда, мой милый! — сказал он порывисто. — Теперь, когда перед нами ясно определенная цель, мы не должны поддаваться вздорным мыслям и мечтам; теперь наши животные должны показать, насколько они могут быть нам полезными.

Не ожидая какого-либо ответа со стороны мальчика, старик прищпорил своего маленького коня и быстро помчался вдаль по долине.

Мальчик изумленно глядел на него; он положительно недоумевал, как понять характер этого человека. По внешности он постоянно казался суровым, жестким, насмешливым, а между тем часто складывалось впечатление, как будто нежное, полное сочувствия сердце находится в жесткой, твердой оболочке. Какая причина вынуждала старика скрывать это именно перед ним и стараться быть не тем, что он есть на самом деле?

Однако, теперь было не до размышлений, его проводник был уже порядком впереди; Москито, в свою очередь, стал нетерпелив и спешил вперед. Целью Георга было разыскать родителей; эта мысль тотчас наполнила его сердце надеждой и радостью; он опустил поводья и галопом помчался догонять своего нового друга.

Путь их проходил долиной, с левой и правой стороны которой тянулись весьма отлогие горные уступы, покрытые лесом. Недалеко от ручья они нашли след недавнего

костра и обрубленные жерди, очевидно, служившие для устройства палатки при помощи одеял и кусков парусины. Однако им не пришлось нагнать ни одного каравана.

Все те, кто достигал этого места, по возможности быстрее проезжал дальше, спеша к золотым россыпям или так называемым золотым рудникам. Если их встречали здесь индейцы, то поспешно удалялись от них в чащу леса, не желая иметь каких-либо сношений с *Americanos*.

Кроме того, эта долина казалась весьма мало посещаемой, так как почва была мягка, колеса глубоко врезались и оставляли очень заметный след. Вследствие этого старик, которого мы теперь будем называть Ложный, предложил держаться повыше на плоскости, покрытой высокими соснами, чтобы по ней скорее добраться до местности, уже занятой искателями золота. Там они во всяком случае могли надеяться встретить промывателей золота и скорее могли получить сведения о проехавших мимо повозках.

Однако лесом им пришлось продвигаться медленно, так как во многих местах кустарник не давал возможности животным двигаться вперед. Но все же изредка попадались открытые площадки, и наконец они доехали до плоскогорья, покрытого превосходными соснами и красным деревом, по которому ехали некоторое время, а затем спустились направо, в ближайшую долину.

Только тогда, когда дорога круто спустилась вниз, они сдержали животных и поехали шагом, держась рядом, один к другому. Надо, однако, сознаться, что действительно вьючное седло было весьма неудобным сидением для Георга, тем более, что при нем не было стремян. В особенности при спусках с горы ему приходилось съезжать постоянно вперед, придерживая левой рукой винтовку, а правой хватаясь за седло. С трудом, после продолжительного упражнения, он все-таки приноровился кое-как держаться, но, конечно, только тогда, когда спуски вниз были не особенно круты.

Долго они ехали таким образом молча, каждый занятый своими мыслями и даже довольный тем, что никто не затевает разговора.

Но вдруг старик остановил своего пони и, тронув за плечо своего спутника, подал ему знак остановить осла. Георг мгновенно потянул узду, и послушный Москито не только тотчас остановился, но уже успел моментально нагнуться и пощипывал траву. Старик Ложный, протянув

руку, указывал вниз, на дорогу, и Георг, проследив взором в этом направлении, тотчас заметил громадное серое животное, качавшееся там, на земле, как какая-то бесформенная масса.

— Что это такое? — прошептал мальчик. В это время Гектор, вытянув вперед шею и круто поджав хвост, близко придвинулся к Москито и, чуть слышно рыча, зорко всматривался в незнакомый ему предмет.

— Это гризли-медведь, — слышался такой же тихий ответ. — Должно быть, это чудовищно здоровенная bestия!

— Могу я подкрасться и застрелить его? — быстро прошептал в ответ Георг.

Старик посмотрел на него сбоку и ответил, улыбаясь:

— Ты вовсе не думаешь о последствиях. Нет, мой милый! Этого старого увальня, качающегося там, внизу, лучше оставить в покое. С такого рода зверем шутить не следует; наши маленькие пули в конце концов могут только раздражить, рассердить его. Если бы даже нам действительно удалось убить его, что мы могли бы предпринять после того, какой толк был бы из этого? Мне неизвестно, на каком мы расстоянии от ближайшего поселка рудокопов, где мы, быть может, смогли бы продать его мясо; стрелять дичь только для того, чтобы она сгнила здесь, в лесу, мне вовсе не нравится. Мы несколько секунд постоим здесь, чтобы посмотреть, что он будет делать; если же он не уйдет с того места, тогда мы лучше сделаем, если свернем с пути и обойдем его подальше, так как многим из тех, кто связывался с ним, приходилось очень туго.

— Но ведь он нас увидит, так как мы на возвышении, и нападет на нас, — возразил Георг.

— Пустое, — усмехнувшись, ответил старик, — не верь глупым сказкам. Если он нас увидит, то тотчас будет улепетывать во все лопатки. Однако меня крайне изумляет, что он нас до сих пор не почуял, так как ветер как раз дует по направлению от нас к нему. Посмотри-ка скорее, что он там вздумал проделывать.

Медведь громадных размеров, до сих пор спокойно лежавший на боку, могучими лапами разрывал землю. Для чего? Это оставалось для них загадкой, пока они не увидели, как он внезапно перевернулся, с наслаждением всунув в выкопанную дыру спину и прижимая ее к холодной земле, с очевидным удовольствием покачиваясь из одной стороны в другую. Все четыре лапы, вооруженные страшными когтями, вытягивались и болтались неистово

в воздухе, точно так, как у весело разыгравшейся собаки, которая трет себе спину, катаясь по земле. Таким делом занимался он несколько минут, затем, немного спокойно полежав, снова занялся тем же самым качанием.

По-видимому, ему и в голову не приходила возможность какой-либо опасности и вот, главным образом, вопрос заключался в том, уйдет ли он прочь, завидев приближающегося человека?

— Нет сомнения, что эту серую шубу согнал с гор выпавший снег, — прошептал старик. — Иногда он подходит вплотную к поселкам, почти не обращая внимания на людей. Вероятно, теперь он разгребает себе дыру для послеобеденного сна, и нам лучше всего обойти его другою дорогой.

— Вот он снова принимается за свои штуки, — сказал Георг, не спускавший глаз с медведя. — Я твердо убежден, что нетрудно к нему подобраться незаметно на расстояние ружейного выстрела.

— Ты прямо помешан на охоте; охотничий зуд дергает тебе все члены, — благодушно смеясь, сказал старик, — но теперь умерь свои аппетиты. Надо удачно попасть с первого выстрела, для того, чтобы произвести какое-либо заметное действие.

— Но если я попаду ему в живот и затем, хоть он и побежит, но все же раненный ночью сдохнет, а Гектор завтра утром разыщет его, если бы даже он отбежал на расстояние, требующее целого дня ходьбы, — сказал Георг.

— Это весьма возможно, — возразил старик, — но я уже тебе сказал, что терпеть не могу совершенно бесполезно убивать какое-либо живое существо, если бы даже это был гризли-медведь. Погляди-ка, что он теперь проделывает.

Медведь качался, как молоденький веселый жеребенок, переваливаясь с одной стороны на другую; потом несколько секунд пролежал неподвижно, а затем снова принялся за прежнее занятие. Но вдруг он вскочил внезапно и, став всеми четырьмя лапами, со всей силой начал отряхаться, как какой-нибудь пудель, так что вся земля, приставшая к шерсти, и пыль поднялись над ним, точно облако. На вид он казался размером с крупную корову.

До сих пор Гектор следил с величайшим вниманием за всеми действиями хищного животного. Имел ли он понятие о мощи такого врага? Во всяком случае он сознавал, что ни в коем случае нельзя дерзнуть сражаться с такой

страшной бестией. Пока медведь лежал на спине и размахивал в воздухе лапами, он на это смотрел спокойно и, во всяком случае, не мог получить надлежащее представление о размерах и силе врага. Но когда медведь вскочил на ноги и отряхнулся, из-за вздыбившейся шерсти показавшись несколько больше размерами, нежели был в действительности, тогда только Гектор проникся полным уважением к своему противнику. Немного громче зарывчав, он отодвинулся на два шага назад и таким образом очутился как раз под брюхом Москито.

Москито во всех отношениях был настоящий образец ослиной породы, т. е. такой осел, каким бы он должен быть, но очень редко встречается. Он был послушен, добродушен, миролюбив и прилежен, но при этом был крайне *щекотлив*; он не в силах был выносить щекотания; это особенность, не зависящая от воли живого существа, ее нельзя по желанию иметь или не иметь, она прирождена. Как только Москито почувствовал под собой Гектора, он хотел уклониться в сторону, но таким образом Гектор почувствовал, что на него могут наступить и сделал шаг в сторону и при этом коснулся живота осла. Тогда Москито, брыкнув задними ногами, проскочил вперед на два-три прыжка.

Медведь, усердно увлекшись сочной травой, до сей поры ничего ровно не замечал, притом, вероятно, даже и не подозревал, что на свете существует такое животное. В этот момент Георг, весь погруженный в созерцание медведя, ни малейшего внимания не обращал на животное, бывшее у него под седлом, и поводья спущены были совершенно свободно. Однако мальчик при первом же прыжке осла ухватился за заднюю часть вьючного седла, чтобы надежнее удержаться; между тем при этом движении он коснулся спины Москито. От такого сильного движения тотчас раздался звон жестяной посуды, прикрепленной позади седла на спине осла. Весь этот шум еще больше напугал длинноухого: удержать его Георг не успел, и Москито, сделав еще скачка два вперед, вследствие крутого спуска, не мог или не хотел остановиться, и побежал вперед.

Старый американец обратил внимание на осла с первого же его прыжка и пытался схватить его за поводья, но они висели от него далеко, так что он не мог дотянуться до них рукою, и в следующую за тем секунду Москито мчался вниз по дороге со своим седоком, бешено подпрыгивая, как

раз по направлению к медведю, пораженному невиданным зрелищем и изумленному странным шумом. Георг ужаснулся, поняв, какой страшной опасности он подвергается. Как ни был мальчик, даже и не по летам, сообразителен и находчив, но в эту ужасную минуту он совершенно растерялся. Вместо того, чтобы немедленно соскочить с седла и предоставить ослу самому разделяться в этом, им же самим затеянном глупом походе, он всеми силами уцепился за седло и несколькими секундами позднее очутился около ошестинившегося чудовища, которое, поднявшись до половины на задних лапах с оскаленными зубами и злобно откинутыми назад ушами, по-видимому, ожидало нападения.

Заметил ли медведя только в ту минуту Москито и почувствовал ли хотя крайне несвоевременный, но все же сильный наплыв отваги и рыцарски хотел помериться силами с князем лесов или, что гораздо вероятнее, стремясь вскачь с крутой горы, не в силах уже бы удержаться, — решить трудно и останется навеки неразрешенным. Тем не менее фактом несомненным и непреложным является то обстоятельство, что Москито, как бешеный или слепой, вместе со своим седоком и громко звеневшей жестяной посудой, мчался прямо на лесное чудовище. Только тогда, когда медведь свирено щелкнул зубами, осел, по-видимому, обратил внимание на присутствие ужасного врага, испустил громкое и пронзительное «и... и... и...», не прерывая своего бешеного бега.

Такое дикое, отчаянное нападение какого-то невиданного, странного вида животного, а главное, никогда неслыханный доселе дикий крик показались медведю делом нешуточным. Очевидно, его ошеломили и испугали неведомые шум и крик. Едва осел поровнялся с медведем и был уже от него менее чем в двух шагах, а Георг почти потерял сознание, почувствовав такую ужасную близость к чудовищу, как вдруг медведь моментально повернулся на задних лапах и во всю прыть умчался вниз под гору.

Гектор все это время бежал, не отставая от осла, весьма осторожно, не обгоняя его. Но когда медведь бросился бежать, он, очевидно, набрался смелости, так как пустился в погоню за медведем. Вслед за медведем, ослом и собакой мчался старик, крича и громко призывая. Так неслась дикая охота вслед за убегающим Изегримом.

Георг, убедившись, что опасность миновала окончательно, пришел в себя и пытался захватить одной из ног

волочившиеся поводья. Они как раз прижались за закинутыми назад ушами, и осел продолжал мчаться вперед, точно какой-то черт вселился в него сегодня. Между тем Гектор настигал медведя и сильно наседал на него, так что тот, раздраженный преследованием, мог повернуть назад и тогда произошло бы столкновение, в печальном исходе которого не могло быть сомнения. Но в эту минуту на помощь мальчику подоспел на своей быстрой лошадке его старший друг, тотчас приметивший, кто в данном случае поступал по собственной воле — осел или всадник. Быстро придумав, чем помочь беде, он крутился около Москито и нагонял осла все больше и больше по направлению к отвесному холму, так что вскоре принудил его остановиться.

— Ну да и потеха! — воскликнул старик, смеясь от души. — Да ты, мой милый, что задумал? Тебе хотелось, как видно, насмерть заморить медведя, заставив его бешено мчаться? Это вам, как я вижу, обоим нелегко обошлось.

— Бог его знает, что взбрело ослу в голову; я уже не мог его сдержать, — воскликнул Георг.

— Могу себе вообразить, — сухо ответил старик. — На этот раз благодарите медведя за любезность и снисхождение, избавившее вас от неминуемой гибели. Во всяком случае он наверное сообразил, что «уступить следует тому, кто поумнее», и из вас троих, действительно, он оказался умнейшим. Однако погоди! — внезапно прервал свою речь старик, заслышав внизу, в долине, куда помчались медведь и Гектор, какой-то дикий крик и бешеный гам. — Там внизу, вероятно, встретились люди, и медведь, как молния с неба, врезался в них. Злополучный серый сегодня от одной неожиданности переходит к другой, прямо они его преследуют, и теперь настолько же ему горько и нарушена его спокойная лесная жизнь, насколько он чувствовал себя счастливым, окунаясь в свою земляную ванну.

— Пустите меня туда вниз! — порывисто воскликнул Георг. — Там, вероятно, идет бой!

— Тебе, значит, недостаточно еще первого урока? — спросил его спутник. — Одно, что меня изумляет, как это ты еще умудрился не обронить винтовку.

— О, я ее крепко держал! — смеясь, ответил мальчик. — Если сознаться откровенно, так это было почти бессознательно, просто по старой привычке, потому что если бы между мною и медведем произошло столкновение,

то, конечно, мне в жизни уже не пришлось бы держать винтовку в руках.

— Это, пожалуй, верно! Но, кроме того, ты ничего другого не потерял? Я слышал звон жестяной посуды.

— Нет, все цело, все крепко привязано; мне кажется, что ничего не утеряно, — отвечал Георг.

— Ну, хорошо, в таком случае поедем узнать, что там за шум. Там действительно происходит что-то необыкновенное. Во всяком случае мы там встретим людей. Да и Гектор почему-то не возвращается обратно. Только, если позволите, я попрошу вас ехать несколько тише прежнего. Вовсе нет надобности сломать себе шею, прежде чем мы прибудем в долину.

Оба всадника поехали довольно шибко. Настолько же неохотно бежал теперь Москито, насколько бешено мчался незадолго перед этим. Каждые десять шагов он неожиданно останавливался, и Георгу приходилось насильно заставлять его подвигаться вперед. При этом осел поднимал вверх и настораживал свои длинные уши и вытягивал их насколько возможно вперед; в промежутках он выпускал свое обычное «и... и... и...» и вообще казался испуганным и упрямым.

— Только теперь он, по-видимому, догадывается, какую недавно выкинул глупую штуку, — засмеявшись, сказал Георг. — Вперед, серенький; раскаяние теперь уже тебе не поможет, только вперед старайся быть умнее.

ГЛАВА IX

Как гризли не смотрел под ноги, за что и пришлось поплатиться

Здесь по горному спуску тянулось около двадцати футов вышиною плоскогорье, поросшее густыми соснами, скрывавшими до сих пор от наших спутников вид на долину. Но едва они достигли верхнего его гребня, как пораженный неожиданностью Георг тут же натянул поводья и громким, радостным: ах! приветствовал открывшуюся перед ним картину.

Перед ним расстилалась рудники изумительной страны: перед ним предстала та настоящая *Калифорния*, о которой он так часто слышал рассказы и описания и какой он воображал себе ее в своих юношеских мечтаниях.

В первые мгновения он совершенно забыл даже то, что привело его сюда одного и без родителей.

Широко вдаль раскинувшаяся равнина, покрытая превосходными, высокоствольными деревьями, тянулась направо и налево от его взоров, и если на заднем плане виднелись дикие уступы гор, покрытые снегом, там внизу еще ярче блестела свежая зелень, так что эти голубые и белые снежные рамки не мешали, а скорее усиливали прелесть долины. Всюду, куда только мог проникнуть его взор, он различал то рассеянные отдельно, то соединявшиеся в небольшие группы или колонии полотняные или выбойчатые жилища золотоискателей. Они разместились в палатках среди деревьев и основали здесь временную родину. Наконец наши путники добрались до крайних форпостов рудников. Та почва, на которой они стояли, быть может, в недрах своих содержала золото, и все то, о чем долгие ночи там, в горах и в далеких пустынных степях они мечтали и по целым ночам вели бесконечные разговоры, — все это стало действительностью и лежало перед Георгом почти под рукой.

Он долго бы еще стоял в немом созерцании этой долины, если бы старик не помешал этим мечтаниям. Снизу из долины снова начали доноситься ликующие возгласы и неистовый шум, и его спутник, дав шпоры коню, воскликнул:

— Вперед, юноша, вперед! Там внизу, во всяком случае, разыгрывается главная комедия, хотя, право, никак не соображу, что такого смешного могло найтись в нашем старом гризли. Нам непременно надо разузнать это поскорее. А потому марш вперед!

С этими словами он быстро стал спускаться по склону, теперь уже далеко не крутому, и Георгу пришлось поспешить за ним, чтобы не потерять старика из виду.

Когда они окончательно выбрались из кустов, ничто уже не заслоняло им вид на всю громадную равнину, на которой всюду пестрели изрытые места и масса палаток и маленьких блокгаузов, т. е. хижин, покрытых древесной корой. Во всяком случае, очевидно было, что там в настоящую минуту происходило нечто необычайное, из ряда вон выходящее, потому что со всех сторон бежали люди к одному месту, около которого уже толпилось человек около тридцати. Оттуда же доносился бешеный лай Гектора; это заставило их помчаться галопом к месту, привлекающему всех золотоискателей.

Однако, это оказалось очень трудным, потому что на пути постоянно попадались вырытые глубокие ямы, заметные только потому, что около них лежала выброшенная земля; в одну из них чуть было не попал Георг вместе со своим Москито. Кончилось тем, что они спешили и, оставив на месте своих животных, нашли удобным пробраться пешком среди этих ям к месту происшествия. Георг, быстро пробежав расстояние, отделявшее их от места сборища, убедился, что дело касалось их старого знакомого — гризли-медведя. Однако положение Изегрима было крайне диковинное и в высшей степени безвыходное, прямо-таки отчаянное.

Там, на горе, в лесу он грелся на солнышке, и вдруг покой его был нарушен непонятным и безумно смелым нападением Москито со своим седоком и каким-то странным шумом жестяной посуды. Испугавшись и слыша за собой этот дикий, странный шум, он бросился бежать без оглядки и, чтобы поскорее добраться до пустынного склона горы, по печальной случайности вздумал бежать краем долины и попал как раз в то место, на котором несколько недель тому назад партия мексиканцев вырыла много очень глубоких и крупных ям, добывая золото.

Медведь, когда-то посещавший эти места и находивший тут полный покой, не подозревал, какие перемены произошли с тех пор в местах, где он беспрепятственно охотился в былое время. Первые попавшиеся земляные насыпи показали ему несколько подозрительными, но, слыша вблизи от себя грозный лай, ему некогда было об этом призадуматься; и вот в бешеной скачке он наскочил на глубокую яму и полетел в нее с размаха головою вниз, судорожно задрыгав лапами в воздухе.

Тут же он совсем рассердился и ему пришла, хотя очень поздно, благая мысль повернуть обратно и напасть на своего преследователя. Но едва он повернулся, намереваясь выбраться из ямы, как увидел, что под самыми его лапами, точно кошка, быстро взбирается по каким-то жердочкам человек и моментально исчезает из ямы. Все попытки медведя вылезти остались тщетными: стены ямы оказались чрезвычайно крутыми.

Дело в том, что в этой яме в момент падения медведя совершенно спокойно возился со своим решетом для промывки золота мексиканец. Упади страшилище двумя шагами ближе, мексиканец был бы раздавлен одной только тяжестью тела громадного чудовища. Но, по счастью,

золотоискатель находился как раз у самой лестнички, по которой он спускался и поднимался, когда работал в яме. Эта лестничка была не что иное, как молодой ствол сосны, на котором ветви были обрублены настолько, чтобы можно было ступить на них ногою. Золотоискатель, не потеряв присутствия духа, взобрался по этой лестничке раньше, чем медведь пришел в себя после падения в яму и, повернувшись, заметил присутствие человеческого существа.

Вскочив на ноги, медведь старался выбраться из ямы, но крутые стены не допускали и мысли о возможности выбраться. Тогда медведь обратил внимание на сосновый ствол, которым воспользовался человек. Однако тонкие ветви не выдерживали его громадного веса, да и вообще лазить по такому тонкому стволу он оказался совсем неспособным.

Почувствовав себя в плену, он неистово зарычал и своими исполинскими когтями рыл землю, но, конечно, все это было тщетно, так как земля осыпалась, и верхние края ямы становились еще обрывистее.

Громкий крик мексиканца, только что освободившегося из ужасного, смертельного положения, мгновенно созвал работавших по соседству товарищей: мексиканцев, американцев, немцев, и в то время, как самые любопытные и смелые стояли над ямою, другие убегали подальше и взбирались на деревья, зная, что гризли-медведь не в состоянии лазать по высоким стволам.

Если бы Мишенька был поумней, тогда он догадался бы рыть землю своими могучими когтями *только в одном месте*, и, понятно, вскоре под ногами его образовалась бы настолько значительная насыпь, что это дало бы ему полную возможность выбраться из ямы. А между тем в ярости и нетерпении он, как угорелый, метался взад и вперед, роя когтями без толку, где попало, и преимущественно дно ямы. Словом, он метался дико и безумно, как и всякий медведь, попавшийся в такую невиданную и неожиданныю западню.

Но как только золотоискатели убедились, что медведь не в силах быстро выбраться из ямы, они набрались смелости и некоторые подбежали к яме со своими тяжелыми железными ломками, чтобы бить ими серого по голове, если ему удастся добраться до верхнего края ямы. Другие кричали и звали кого-либо с ружьями, и вообще гам и суета стояли невообразимые.

В это время появились оба охотника, и когда мальчик,

к которому радостно подскочил торжествующий Гектор, подбежал к яме, все кричали ему, чтобы он пристрелил медведя. Георг тотчас же хотел исполнить общее желание, но в ту же минуту подскочил к нему какой-то длинноногий человек в синем фраке и коротких клетчатых штанах. Как только он взглянул на медведя и увидел, что мальчик уже поднял винтовку, готовясь выстрелить, он крикнул: стой! — и с какими-то, в высшей степени странными, ужимками обращаясь к толпе, требовал на несколько секунд внимания.

— Погодите, господа! Погодите, нет надобности в такой поспешности! — воскликнул он с таким акцентом в голосе, по которому Георг тотчас признал в нем чистокровного янки ¹. — Медведь не может оттуда выбраться, и если бы даже ему удалось, все же у нас остается много времени для того, чтобы разбить ему череп железными ломami. Но теперь, так как он сидит в яме, если кто-нибудь из вас сумеет захватить его живым, я заплачу тем на пятьдесят процентов больше того, сколько может стоить его мясо.

— Пустое говоришь, любезный, — воскликнул другой стоявший поблизости американец. — Да кто же в состоянии взять живьем такое чудовище? Не угодно ли вам самому спуститься в яму и надеть ему намордник?

— Что он говорит? Что он хочет? — спрашивали стоявшие рядом мексиканцы, не понимавшие английского языка.

Тут же нашелся англичанин, говоривший по-испански, и перевел им предложение американца.

— Хорошо! — порывисто воскликнул тогда здоровенный парень с лицом коричневого цвета и великолепными, как уголь, черной бородой и длинными, такого же цвета, вьющимися волосами. — Скажите ему, что если он свое слово не нарушит, мы овладеем медведем, сохранив его живым. Но где же он его поместит?

При помощи переводчика они быстро пришли к соглашению. У янки как раз была большая повозка, куда впрягалось две пары волов, доставлявшая ему съестные припасы и другие товары, легко сбываемые в этом поселке золотоискателей. Если мексиканцы свяжут медведя так,

¹ Янками называются обитатели северо-восточных штатов Америки; они славятся предприимчивостью, ловкостью и хитростью в торговом деле, а также тем, что в качестве разносчиков (крамарей) бродят по всем Соединенным Штатам.

чтобы он не в силах был пошевелиться, то он сам соорудит нечто вроде клетки, куда посадит его, понятное дело, связанным и как возможно поспешнее препроводит в Сан-Франциско.

Георг во все время этих переговоров стоял над ямой с винтовкою наготове. Тогда же подошел его спутник и, отлично понимая испанский язык, узнал, в чем было дело.

— Хорошо! — сказал он, обращаясь к мексиканцам. — Мы против этой сделки ничего не имеем. Но вот этот мальчик выговаривает себе половину медведя, потому что он вместе со своей собакой загнал его сюда из леса. Если же вам удастся связать медведя, в таком случае он удовольствуется третьей частью этого животного.

На это не соглашались мексиканцы. Медведь, утверждали они, попался в яму одного из их товарищей, и потому ему принадлежит весь медведь. Но присутствующие там же американцы приняли сторону Георга и утверждали, что он вполне прав. Обе стороны пришли вскоре к такому соглашению, в силу которого владелец ямы и Георг как *случайная причина* захвата дичи, получают каждый четвертую часть животного, а половину последнего получают те, кому удастся выполнить трудное дело связать медведя, вытянуть его из ямы и дать возможность посадить в клетку. Если же это им не удастся и придется застрелить медведя, тогда они ничего не получают, а владелец ямы и Георг делят медведя пополам.

Сначала старик не хотел на это соглашаться, основываясь на том, что Гектор, так добросовестно потрудившийся в деле захвата медведя, оставался в чистом убытке. Но когда янки пообещал дать собаке столько мяса, чтобы она могла жрать до самого утра и захватить с собою, в зубах, на дорогу, сколько сможет, тогда и старику пришлось согласиться, так как все присутствующие с громким и дружным смехом утвердили решение.

Медведь, тем временем, хотя и бесплодно, но все силы напрягал, пытаясь выбраться из ямы; лай Гектора, шум голосов и топот еще более его остервенели; он старался подпрыгнуть вверх, и ему даже удалось зацепиться мощней лапой за верхний край ямы; но земля не выдержала его тяжести и обвалилась, так что медведь полетел обратно на дно ямы и страшно рычал от ярости, досадуя, что не может истребить стоявших наверху и смеявшихся над ним людей. Если бы ему удалось в эту минуту выскочить, сильно досталось бы от него всем им. Тем временем мекси-

канцы не оставались праздными, так как со всех сторон они несли множество *лассо*. Это были длинные концы, сплетенные из тонких ремней, концы эти заканчивались петлюю, которую мексиканцы накидывали на шею животных с замечательною ловкостью.

Понятно, мальчик не мог догадаться, как они намерены ими действовать, так как если бы они ими вытянули медведя из ямы, все-таки, как бы велика ни была собравшаяся толпа людей, но ей бы не удалось не только связать, но и удержать медведя. Мексиканцы, однако, в подобного рода делах обладали громадным навыком. Так же точно, как они управлялись с самым диким и ярым бугаем, подобно этому они рассчитывали поступить с медведем. Опасности при этом никакой не было, так как два американца с ружьями и значительное число рабочих с тяжелыми железными ломami охраняли края ямы и жестоко могли бы встретить гризли, если бы ему удалось выкарабкаться из ямы. Попытка овладеть им живьем, во всяком случае, могла быть сделана. Но дело это отнюдь не было легким, так как у медведя не имеется рогов, на которые легко можно набросить петлю, а если они накинут петлю ему на шею, то он сам себя задушит и не удастся овладеть им живым.

Наконец, медведь, очевидно утомленный яростными усилиями, на минуту успокоился и стоял смирно, не столько для того, чтобы очухаться, сколько с целью осмотреться, приглядеться, не было ли где места или какой-либо возможности освободиться из ямы. Во всяком случае, он стал спокойнее, но, понятно, нисколько не стал менее опасным. Злобно сверкающими глазами смотрел он вверх, усевшись на задних лапах. Все спокойное, величавое благодушие, которым отличаются крупные медведи, совершенно в нем исчезло. Уши он прижал плотно к голове; под злобно вытянутыми вперед губами виднелись ярко-красные десны со сверкавшими белыми клыками. Все туловище было почти согнуто, точно он готовился сделать прыжок, и он теперь гораздо больше походил на какую-либо допотопную кошку, чем на настоящего, возмужалого, находящегося в затруднительном положении гризли-медведя. Первый опыт, произведенный лассонакидывателями над медведем, снова привел его в ярость, и он подскочил вверх с такой силой, что захватил край, но, по счастью, только когтями, имевшими около шести дюймов длины. Один из мексиканцев, опасаясь, что медведь может вы-

скочить из ямы, если в эту минуту догадается помочь себе задними лапами, подскочил уже с поднятым железным ломом, намереваясь ударить медведя. Но янки теперь находил нужным охранять жизнь медведя с крайней заботливостью и удержал мексиканца, не дав ему нанести удар, который мог обратить в ничто все его расчеты.

Мексиканец же с вьющимися бородою и волосами тем временем с изумительным хладнокровием воспользовался положением и с невероятной ловкостью накинул лассо на одну из задних лап, прежде чем медведь опустил их обратно в яму. В следующее мгновение двадцать человек потянули вверх заднюю часть медведя. Он, яростно рыча, метался, но все же, так как одна нога была подтянута вверх, упал на спину и в этот же самый момент уже другое лассо затянуло его заднюю еще не охваченную ногу, а третье лассо обвилось тотчас же вокруг правой передней ноги. Однако мексиканец, накинувший это последнее лассо, бросил его недостаточно удачно, так как оно попало частью между зубами медведя и он перегрыз толстый шнур, сплетенный из четырех ремней, точно бумажную нитку. Но, в силу того, что тянули за обе другие ноги, мишенька был поставлен в весьма неприятное и незавидное положение.

Он уже не в силах был помешать настолько приподнять себя, чтобы не касаться лапами дна ямы. Если даже он касался ими откосов ямы, то все же, раскачиваясь, возвращался в то же положение. После бесплодных попыток согнуть переднюю часть тела, чтобы перегрызть зубами лассо, он, утомленный, бросился спиной на дно ямы и рычал так сильно, будто гром раздавался в горах.

Едва только он принял подобное положение, причем подняв вверх обе передние ноги, как они были обмотаны петлей и подтянуты назад, а когда медведь снова перевернулся, то лежал уже на груди и был не в силах подняться.

Все его усилия освободиться оказывались бесплодными. Он весь изморился, пена выступила из пасти, и он яростно грыз землю, на которой лежал. Это продолжалось около получаса, в течение которых все попытки накинуть ему лассо как бы намордником не удавались. Он моментально сдвигал с носа лассо и перегрыз три лассо одно за другим. Наконец, его медвежья натура не выдержала такого страшного напряжения сил. Он весь изнемог, при-

жал часть крепко к земле и лежал неподвижно. В это время мексиканцы готовились к новому нападению.

Один из них побежал в лес и принес тонкий молодой ствол красного дерева толщиной около шести дюймов. Другой тем временем подготовил лассо с прикрепленным к нему кусочком дерева, так что петля не могла затянуться настолько сильно, чтобы задушить медведя. Как только он снова поднял голову, на нее бросили эту петлю вокруг шеи и тотчас потянули ее вперед, так что он не успел схватить ее зубами. Теперь медведь бы вполне в их власти. Тогда, воспользовавшись его минутным изнеможением, его перевернули на спину и опустили на него молодой ствол так, чтобы он улегся вдоль живота.

Однако теперь предстояло еще самое трудное и опасное, а именно: крепко привязать ствол к туловищу, а после этого надобно было кому-либо спуститься в яму. После продолжительных переговоров согласился выполнить эту опасную и трудную задачу сильный и ловкий молодчина, но при условии, чтобы ему самому поперек тела было укреплено лассо, чтобы в случае малейшей опасности его быстро могли бы вытянуть товарищи обратно из ямы.

При этом помогла смекалка американцев, моментально сообразивших, какую громадную пользу принесут в этом случае блок и шайба, которые через четверть часа были уже ими доставлены на место, и по примеру того, как это делается на судах, устроено было так, что опущенный человек очень легко и скоро мог сам себя поднять вверх в случае надобности.

Молодой парень начал с задних лап. Еще наверху была крепко и надежно прикреплена толстая бечева, другой конец которой был прикреплен к стволу; этот молодчина осторожно и медленно притягивал обе лапы к стволу, и ему удалось несколько раз крепко обмотать их толстой веревкой. Теперь медведь догадался, что собираются с ним проделать, и хотел этого не допустить. Но задние его лапы были уже вытянуты во всю свою длину и крепко сдерживались двумя лассо и двадцатью державшими их. Он уже не в силах был вернуть их в прежнее положение.

Затем передние лапы, каждая особо, были накрепко привязаны к стволу, несмотря на упорное, но совершенно бесплодное сопротивление жертвы. Но, как только медведь начинал приходить в ярость, мексиканец моментально поднимался вверх, а когда животное, измученное, лежало неподвижно, он опускался снова и продолжал свою работу.

Но добраться до головы не было никакой возможности. Клыки исполинского хищника так грозно сверкали, а маленькие, налитые кровью глаза смотрели так свирепо, что мексиканец не в силах был даже глядеть в них. Когда мексиканцам, стоявшим наверху, удалось бросить лассо на голову медведя и притянуть ее к стволу и таким образом лишить злополучного зверя всякой возможности двигаться, тогда только набрался мексиканец смелости закончить свое дело, так что через полчаса гризли был в полной власти своих безжалостных врагов.

Тогда принесли канаты, чтобы вытянуть медведя наверх; хотя в яму опустили гладко выструганные бревна и все усердно принялись тянуть, однако одолеть такую тяжесть не смогли. Не оставалось ничего другого, как снять землю с одной из стен ямы, сделав ее менее крутой, и тогда припречь четырех волов янки.

Пока все это делалось, американец времени не терял, и очень быстро было нарублено известное количество бревен и скреплено вместе несколькими цепями, запас которых был приобретен для продажи. Таким образом был устроен громадный ящик, открытый спереди и сзади, в который втянули медведя, а после того окружили эту клетку цепями. Вырваться из этой клетки было невозможно; но теперь вопрос заключался только в том, возможно ли будет довести медведя в таком положении без пищи и воды до Сан-Франциско.

Однако это мало озабочивало янки, он рассуждал так:

— Волы мои сильны и хорошо выкормлены, а дорога сухая. Вчерашний дождь прибил только пыль, и если я буду ехать день и ночь, как раз доеду туда за одни сутки.

— Что же вы рассчитываете там делать с живым медведем? Показывать его в Сан-Франциско за деньги? — спросил спутник Георга.

— Уж это мое дело, милый друг, — смеясь, ответил янки. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что мишенька оплатит все мои расходы.

Георг был несказанно изумлен, когда янки уплатил сумму в 250 долларов за живого медведя; он тогда еще не знал, что само по себе одно только мясо в отдаленных рудниках ценилось в полдоллара за фунт. Таким образом, благодаря выходке Москито, Георг неожиданно оказался обладателем шестидесяти двух с половиной долларов, которые немедленно должен был выплатить янки. Между тем Георг отказывался принять деньги, утверждая, что

главным действующим лицом в этом деле был Москито, а Москито принадлежит старику, следовательно, и деньги надлежит отдать только последнему.

Однако на это самым решительным образом возразил его спутник:

— По совести и по закону деньги принадлежат только тебе, потому что если бы штука эта разыгралась плохо, то за глупую выходку Москито тебе бы пришлось заплатить собственной шкурой, попав в лапы медведя. Раз ты подвергался такой страшной опасности, само собою разумеется, что и польза от этого должна принадлежать тебе. Кроме того, тебе очень нужны деньги. Сейчас же надо здесь, в лагере, купить тебе немного белья. Ну, пойдем же; янки уже пошел в свою лавку и будет производить уплату денег. Вот, наконец, тебе придется в первый раз увидеть золото.

— Золото! — воскликнул изумленно Георг. — Разве он уплатит золотом?

— Еще бы, а то чем же! — смеясь, сказал старик. — Здесь, в рудниках, ты хотя бы Бог знает что предлагал за серебряный доллар, а все-таки его не увидишь. Как только золото извлекают из земли, промывают и высушат, так оно тотчас в таком виде поступает в торговый оборот; всякий самый ничтожный предмет, который мы покупаем, оплачивается золотым песком, который тут же взвешивается.

Старик был прав. Когда они вошли в палатку, где помещалась лавка с товаром, они увидели там груды разнообразных продуктов, одежды, инструментов и всякого рода вещей. Все это было навалено в полном беспорядке, лежало и стояло как и где попало. В это время янки уже распорядился разделить золото на четыре равные части, и Георг получил полную горсть маленьких и несколько больших блестящих желтых кусочков, с которыми он никак не мог управиться и не знал, куда их деть. Но старик подал ему добрый совет. Прежде всего он купил ему маленький кошелек из выделанной кожи, который там стоил столько же, сколько у них на родине целая шкура. После того приобрели они за такую же высокую цену две рубашки и пару носков и тогда уже пошли посмотреть на погрузку медведя.

Дело это устроили быстро. С воза сняли задние колеса и очень легко втянули туда связанного медведя соединенными силами всех рук и при помощи рычагов, при громком смехе и веселых возгласах мексиканцев; тогда

снова приподняли воз, вдели снятые колеса и тотчас же подвели к возу волов в ярме.

Они сначала дико озирались и упирались, очевидно, боясь подойти к возу. Однако, когда их впрягли, волю бежали исправно, и каждый раз, когда раздавалось рычание их диковинного груза, это заставляло их только двигаться живее по хорошо наезженной дороге. Словом, через полчаса янки со своей странной и вместе с тем опасной покупкой уже скрылся позади кустарников и по склону горы съезжал в долину.

ГЛАВА X

Какие истории мог рассказывать старик

Во время этого шума и возни с гризли-медведем Георг почти совсем забыл о цели, приведшей его сюда. Зато теперь он сгорал от нетерпения в этом многолюдном месте собрать сведения о своих родителях, и ему казалось, что скорее всего он может это узнать от торговца в лавке.

К нему-то они и обратились прежде всего, и Георг, насколько мог точнее, описал ему наружность своих родителей.

— Да, милый мой юноша, — отвечал лавочник, — все это хорошо и дельно, но дело в том, что у нас здесь слишком много дела и нам нет времени приглядываться ко всем мимо проходящим и проезжающим людям. Во всяком случае, в горных повозках приехало в последние дни несколько человек с женщинами и детьми. Но такого рода люди, приезжая сюда, никогда не останавливаются в таком месте. Все, что им нужно в дороге, они везут с собою и, если им здесь приходится что-либо купить и услышать наши рудниковые цены, то приходят в ужас и воображают себе, что их хотят ограбить. Впоследствии они, понятно, привыкают к таким ценам. Женщины к нам никогда близко не подходят, но мужчины иногда заходят, когда не хватает у них табаку или соли. Так же точно и для лагеря здесь поблизости нет подходящего места; если даже кое-где найдется немного травы, зато все пригодное для топлива уже истреблено на большом расстоянии вокруг нашего лагеря. Вот потому-то они предпочитают отъехать на милю или две дальше, так как там у них под рукою очень удобные и хорошие пастбища, вода и топливо.

Помимо этого, лавочник ничего не мог сообщить. Многие же другие, которых они расспрашивали, удостоверили, однако, что как вчера, так и третьего дня проехало несколько возов, внезапно застигнутых снегом в горах, из которого они выбрались с громадными затруднениями. Все они казались пострадавшими от непогоды. Были между ними две больные женщины, и ничего нет мудреного, если дорогой кто-либо умер.

Нашим друзьям не оставалось ничего другого, как возможно скорее поспешить по следам этих, недавно проехавших, возов. Там могли они надеяться встретить тех, кого искали, а здесь ничего не оставалось делать.

В палатке, служившей не только лавкой, но вместе с тем и кухмистерской, по крайней мере для тех рудокопов, которые не хотели сами себе варить пищу, за две унции золота, т.е. около тридцати двух долларов, они харчились в течение целой недели. Старик и Георг заказали себе поесть; купили, кроме того, кофе и еще немного кое-чего для дальнейшей дороги и затем отправились к своим животным, чтобы отвести их на хорошее пастбище, где можно было бы часок-другой их подкормить. После этого они вскочили в седла и быстро поехали вперед.

Раньше наступления темноты они нагнали воз с медведем, наделавшим уже много хлопот сопровождавшим его людям. Сначала, в течение целого часа, мишенька лежал спокойно и смирнехонько, как бы убаюканный покачиванием и потряхиванием воза, но когда дорога стала хуже и воз немного приостановился (под медведя хотели положить мох и траву, чтобы ему было мягче и удобнее), зверь начал яростно метаться, пытаясь порвать связывавшие его путы. Но, по счастью, веревки не поддавались его усилиям; пришлось провозиться не менее получаса; но, наконец, янки пришла счастливая мысль поехать быстро, и это тотчас успокоило медведя. На всякий случай у них были заряженные винтовки, чтобы в крайнем случае предохранить себя от неминуемой гибели.

В этот вечер старик и мальчик не нагнали ни одного воза и, наконец, решили остановиться на ночлег, боясь утомлять животных продолжительной ездой. Уже совсем стемнело, когда они расположились у самого берега ручья.

Наскоро устроили лагерь, так как ночь обещала быть звездной и дождя ожидать не было оснований. Пока готовился скромный ужин, они много смеялись и шутили,

вспоминая сегодняшнее удивительное приключение и так несвоевременно выказанную храбрость Москито.

— Мне никогда в голову не могло придти, чтобы гризли-медведь мог так быстро бегать, — сказал Георг. — В один момент он уже спустился с крутизны!

— Это наблюдается у всех животных крупных размеров. На вид они кажутся неповоротливыми, но если вздумают бежать, быстро срываются с места. Даже наш черный медведь, там в Штатах, которого, как можно бы было полагать, добрый конь догонит очень скоро, иной раз бежит так, что приходится за ним гоняться целый день; в особенности он превосходно бегаёт тогда, когда сильно исхудает.

— А иногда ведь совсем не бегают, — возразил Георг.

— Это в очень редких случаях, — сказал старик, — именно тогда, когда поблизости находится медведица, которая, кстати сказать, далеко не всегда защищает своих детенышей, или когда он тяжело ранен, или вплотную окружен собаками. В этом случае медведи очень опасны. Все эти истории, в которых рассказывается, будто медведи преследуют человека, не что другое, как сказки, пустые выдумки. Всякое хищное животное убегает от человека. Даже *тигр* набрасывается на человека только тогда, когда ему кажется, что его не заметили, как, например, сзади. Притом нападает он тогда, когда сильно голоден. Наш американский черный медведь особенно отличается своим мастерством, чуть что, сейчас пускаться наутек. Много мне пришлось их перестрелять, но все же я помню только один-единственный случай, когда медведица не испугалась и не убежала, а сама смело наступала на меня. Мне было тогда около двадцати четырех лет; охотился я в Кентукки, в то время самом лучшем во всем свете месте охоты. По соседству от нас появился медведь громадных, до того невиданных, размеров, и мы все целых шесть месяцев напрасно разыскивали его, и никому не удалось стрелять в него. Вдруг я (это могло быть в конце февраля) совершенно случайно набрел на место, куда он ходил на водопой. Так как я знал, что в это время года медведи всегда ходят на водопой в одно и то же избранное ими место и даже ступают по тем же самым, ранее оставленным ими, следам, то я не пожалел труда и времени и решился сидеть в засаде, пока он не появится. Я прострелил ему сердце, но он пробежал порядочное расстояние; однако моя собака скоро его нашла; удачный выстрел приятно щекотал мое

самолюбие. Лошади со мною не было, но так как я хотел доставить моим родителям доказательства, что уложил насмерть замечательного медведя, я решил взять с собою домой шкуру, а все остальное надежно повесить на ближайшем дереве.

Между тем шкура оказалась чертовски тяжелой. Я связал ее тонкими полосками лыка, привязал ее к палке и нес на плече, перекинув на другое плечо винтовку, направляясь к дому, отстоявшему на добрый час ходьбы. Весьма понятно, я избрал кратчайший путь, шедший по краю лесной чащи; там лежало очень много дубов, разбитых и опрокинутых бурей, бывшей за год перед тем. Вдруг из густых ветвей одного из этих дубов выскочил медведь и направился прямо на меня. Так как мишенька приблизился ко мне неожиданно и чересчур близко, я так растерялся, что выронил из рук не только шкуру на палке, но и свою винтовку. Все это очутилось на земле. Поднимать оружие в такой близости от зверя было опасно, и я предпочел спасти жизнь бегством. Если бы за мною побежал медведь, то, конечно, не могло быть сомнения в том, что он настиг бы меня в несколько мгновений и, понятно, я не сидел бы здесь, рассказывая об этом приключении. Однако он ограничился тем, что отогнал меня подальше от своего логовища, так что я, не слыша за собою шума шагов, повернул голову и увидел, что он, тщательно обнюхав свернутую шкуру, рыча, направился обратно в лесную чащу.

Вот и пришлось мне засесть в лесу без винтовки на расстоянии ружейного выстрела от медведя. Однако я тотчас сообразил, что это был не медведь, а медведица, устроившая среди обвалившихся дубов логовище на зиму себе и своим детенышам. Вот потому ей так не понравилось мое приближение. Но что же оставалось предпринять? Пойти домой и принести другую винтовку? Но тогда неизбежно мне пришлось бы быть осмеянным, так как оказалось бы, что медведь отнял у меня оружие. Вследствие этого я решил во что бы то ни стало попытаться возвратить мое ружье. Сняв с себя ягдташ с пулями и порохом и вообще все, что могло стеснять мои движения, я осторожно пополз, полагая, что мой грозный сосед теперь вполне успокоился и я доберусь благополучно до того места, где лежала моя винтовка. Сначала все шло весьма удачно. Ничто не шевелилось в высоких ветвях опрокинутых дубов, за которыми я зорко наблюдал, и я уже был в десяти шагах от

моей винтовки, как вдруг проклятая медведица меня снова почуяла. Что-то зашевелилось в густых ветвях, и мне пришлось вскочить и бежать так усердно, что удивляюсь, как это я не потерял тогда башмаки.

На этот раз она гналась за мною несколько дальше, чем в первый, но все же остановилась, очевидно, опасаясь слишком удалиться от своих медвежат.

Однако тогда я уже не на шутку рассердился. Ведь я еще ровно ничего дурного не сделал, а черная bestия так гнусно обращалась со мною и не допускала забрать собственное оружие. Но что возможно было предпринять в таком положении? Вооруженный ножом, я ничего не мог поделывать со старой медведицей — это я отлично сознавал, — а моя винтовка была в ее власти. Пришлось подождать, пока она уснет, и тогда снова повторить попытку. Я прошел подальше в чащу леса, улегся под деревом и лежал довольно долго. Наконец, меня пробрало от холода. Прошло, очевидно, уже несколько часов, и я принялся за прежнее. Между тем, ничего из этого не выходило. Проклятая медведица так зорко за мною наблюдала, что как только я подкрался поближе к моему оружию, она тотчас, т.е. в третий уже раз, бросилась на меня и отогнала прочь.

На беду наступил вечер, и мне пришлось бросить оружие и возвратиться домой. Понятно, как я того и ожидал, дома меня подняли на смех, но зато рано утром мы все на лошадях и с собаками отправились на место логовища медведицы и одолели ее. К сожалению, при этом она задушила лучшую нашу собаку, но зато нам достались живьем два превосходных медвежонка.

— Ну а если бы в тот день медведица вас догнала? — спросил Георг.

— Гм... — со смехом сказал старик, — ну что же? Помяла бы хорошенько и навсегда делу конец. А впрочем, однажды мне медведь жизнь спас.

— Как? Медведь? — с полным изумлением воскликнул Георг.

— Да, медведь, и притом здоровенная детина; да еще при таких обстоятельствах, что я во всю жизнь не забуду, хотя бы сто лет прожил на свете.

— Да как же это было возможно?

— Да, милый мой, это действительно было изумительным происшествием, и как только я о нем вспомню, меня и теперь мороз подирает по коже. Однако, расшевели

немного огонь в костре, и я тебе тогда расскажу эту историю. Но после того тотчас надо уснуть, потому что до рассвета надо уже двинуться вперед.

Георг поспешил исполнить требуемое, а старик, закрывший глаза рукою и на несколько секунд погруженный в глубокое раздумье, приступил к рассказу.

— Много-много лет тому назад я с одним из моих братьев переселился в Кентукки. Тогда, как я уже говорил тебе раньше, дичь там была в необычайном изобилии. Буйвол водился повсюду; медведей множество: куда ни пойдешь, везде их следы; оленей и диких индеек даже стрелять надоело. Ну, конечно, в Штатах теперь совсем иное, так как люди всюду широко расселились и за дичью теперь не охотятся, а прямо-таки истребляют. Ну, это в сторону; оно к делу не относится. Несомненно, что в те времена у нас бывали частые схватки с индейцами, подстерегавшими нас везде, где только могли, но это не мешало нам от всей души предаваться охоте. Раз вас постоянно окружают опасности, к ним так привыкаешь, что перестаешь обращать на них внимание.

В нашем лагере мы всегда держались вместе, небольшими отрядами, когда опасались нападения индейцев. Но уже на другой день каждый охотился в одиночку, избрав предварительно определенное направление, чтобы не мешать друг другу в погоне за дичью. Вечером мы снова сходились все вместе и спали не иначе, как расставив сторожевые посты.

Вот таким образом однажды утром я отправился один-одинешенек к реке Огио, где я за несколько дней перед тем видел очень много медвежьих следов у самого берега реки. Насколько я помню, это было в конце февраля, когда еще большинство медведей лежит в берлоге и только в редких случаях идут к водою. Я особенно тщательно осматривал самую густую чащу в лесах и дупла старых больших деревьев, в которых медведи так охотно залегают на зиму. Если кто обладает сколько-нибудь значительным навыком, то всегда заметит следы когтей медведя на древесной коре в тех местах, где он карабкался по дереву. Весьма возможно, что животные стараются предусмотрительно не оставлять на деревьях следов своего пребывания, но если их преследуют собаки, тогда они глубоко впиваются когтями в кору дерева, и она отскакивает значительными кусками.

У меня в то время не было собаки, да и вообще очень

трудно было добыть хорошую собаку, потому что они при постоянной травле медведей погибали или оставались искалеченными. Но к подобному розыску и не нужно собаки, и потому я тихонько брел лесом с винтовкой на плече. Оленей встречал я много, не меньше — диких индек, но стрелять их не хотел, так как был вблизи от нашего лагеря, да и притом у нас были значительные запасы дичи. Наконец я подошел к старому, громадному дубу, над которым, по-видимому, пронеслось не менее двух веков. Он рос во впадине между холмами, в месте, превосходно защищенном от северного ветра, и в такой густой чаще, что я бы никогда не нашел это место, если бы не заметил нечто похожее на очень узенькую тропинку среди вьющихся по земле растений. Такие тропинки часто прокладывают себе медведи. Я осторожно прокрадывался к дубу и вскоре подошел вплотную к лесному исполину, великолепно обвитому диким виноградом и с совершенно сохранившейся зеленой верхушкой.

На коре ясно были видны следы, доказывавшие, что медведь лазал по стволу дуба. Тропинка вводила меня в заблуждение и вызывала сомнение, сидел ли старый детина еще и теперь в дупле или уже вылез из него. Однако я, во всяком случае, ничего не мог предпринять, так как при мне был только маленький томагавк¹ и я должен был неизбежно отправиться за помощью. Но прежде, чем я решил так поступить, мне вздумалось удостовериться, действительно ли там находится медведь или это только старое, покинутое им логовище.

С этой целью, понятно, мне пришлось самому полезть туда, где я заметил, глядя снизу, отверстие в дереве, ведущее в дупло. Если я найду там свежие следы, то, конечно, стоило потрудиться придти сюда, если же ничего не найду, то тем дело и кончится. Сказано — сделано. Винтовку свою я спрятал в густой чаще из опасения, чтобы ею не овладели какие-либо не замеченные мною, но бродящие вокруг индейцы, и затем осторожно и медленно полез на дерево.

¹ Томагавк — это маленький топор, всегда носимый индейцами при себе и служащий им отчасти для рубки дров, а отчасти как метательное оружие. В прежние времена эти томагавки выделывались из кремневых пород, теперь же, с тех пор как индейцы стали знаться с белыми, эти топорыки делаются из стали или железа. Иногда в них имеется впадина с трубчатой рукояткой, которая служит индейцам трубкою для курения табака.

Это уже само по себе было немалым трудом, потому что ствол был около пяти футов в поперечнике и достаточно высоко до первых ветвей. Не будь на каждом шагу спускающихся вниз виноградных лоз, я не мог бы добраться. С помощью последних я усердно работал руками и ногами и добрался до первой ветви и оттуда уже очень легко долез туда, куда мне нужно было. Тогда я был еще молодой, сильный детина, на шесть или на семь лет старше тебя.

Ствол когда-то имел здесь два главных разветвления, из которых одно, очевидно, было сломано бурей, а позднее прогнило и образовало такую пустоту, в которой самый рослый медведь мог поместиться совершенно свободно. Там оказалось много царяпин, но даже помимо этого своеобразный острый запах медвежьего логовища, исходивший оттуда, доказывал, что это было жилище медведя. Даже на мгновение я не сомневался в том, что там находится медведь. На четыре или на пять футов выше была еще другая дыра, открывавшая вход внутрь дерева, и хотя это мне вовсе не сулило никакой выгоды, но я вздумал надлежащим образом удостовериться, что там было такое. Раз я был наверху, ничто мне не мешало и туда сунуть нос. Но для этого надо было полезть несколько выше, что представлялось, впрочем, очень легким. Я стал коленями на край нижней части дупла, затем стал на нее ногами и мог уже свободно заглянуть в верхнее дупло. Здесь, однако, не было ни малейших следов когтей и даже, собственно говоря, там не было дыры, так как в нескольких футах ниже я заметил прогнившее дерево. Так как мне в дальнейших изысканиях не представлялось надобности, я уже наполовину повернулся, чтобы стать на ближайшую нижнюю ветку, спускаясь обратно вниз.

По несчастью, я забыл, что край трухлявый и что надо ступать на него осмотрительно, а потому чуть я сделал движение, обломился прогнивший край и обе мои ноги скользнули вниз. Я хотел удержаться, но не удержал веса своего тела, а пальцами не мог зацепиться; очень возможно, что обломился еще один кусок коры дерева, я этого не знаю, но почувствовал я только одно, что внезапно полетел с головокружительной быстротой вниз. Единственной моей мыслью в ту минуту было только одно: там медведь!

Наконец, почувствовав, что упал на какой-то мягкий предмет, я уже ничего другого не ждал, как тотчас же быть растерзанным острыми когтями и изгрызанным

страшными клыками расвирепевшего страшилища. В то мгновение я даже не вспомнил о заткнутом у меня за поясом ноже; он мог дать мне возможность как можно дороже отдать свою жизнь. Но ничего подобного не случилось; всюду вокруг меня царила гробовая тишина, и хотя я сначала не решался двигаться, но мало-помалу набрался смелости и начал ощупывать кругом, желая удостовериться, где я и, главное, один ли я здесь.

Я начал с того, что тихо и осторожно ощупывал под собою, и все мне казалось, что я осязаю медвежью шерсть. Мне сразу не пришло в голову, что такое стремительное падение и самая тяжесть моего тела неизбежно должны были разбудить даже спавшего мертвым сном медведя. Рука моя прикасалась только к сгнившему, трухлявому дереву, образовавшему слой в несколько футов глубины.

Тогда я вполне убедился, что нахожусь в жилище медведя и что хозяин этого обиталища оставил его, быть может, на короткое время, а, быть может, и на все теплое время до начала зимы.

Во всяком случае, я не имел намерения тщательно исследовать все дерево и тем не менее убедился, что все внутренние стенки дупла были основательно сглажены. Таким образом выцарапанное с них гнилое дерево образовало превосходную постель, так что старый крепкий детина мог спокойно вылежать на ней два месяца. Но в то же время во мне мелькнула мысль, что я буду поставлен в крайне отчаянное положение, если хозяин этого жилища возвратится обратно домой и захватит меня в своей спальне. Мой нож был при мне, и я никоим образом не желал поджидать его появления и, недолго думая, твердо решился выползти из дупла обратно на свет Божий.

Старик замолк и несколько секунд всматривался внимательно в огонь. Наконец он медленно и с расстановкой продолжал свой рассказ далее:

— Вот уже прошло несколько десятков лет с тех пор, но и теперь еще мороз подирает меня по коже, когда я вспоминаю о той минуте, когда я хотел вылезти из дерева и убедился, что это невозможно. Стенки ствола изнутри были исцарапаны совершенно гладко, и пространство оказалось настолько широкое, что мои попытки подняться вверх, упираясь в стенки ногами и руками, оказались совершенно тщетны. После нескольких отчаянных попыток я упал вниз в изнеможении и весь в поту. Я понял, что

заживо здесь погребен, и голова моя кружилась при мысли о том, что со мною теперь станется.

Мои товарищи будут меня искать, в этом я был уверен, и если бы даже возможно было надеяться, что они случайно забредут в эту уединенную местность, все же нельзя было даже на мгновение допустить мысль, что они догадаются искать меня в этом дереве. Много уже белых попадались в засады индейцев и не возвращались обратно, и если бы их даже два дня искали, то все же прекращали поиски. Несколько секунд сидел я как бы в забытьи, закрыв лицо руками, затем быстро вскочил и закричал во всю мочь, в безумной надежде быть кем-либо услышанным, будь это даже индеец или вообще враг. Но, понятно, все это было напрасно: и дуле дерева глухо и слабо отражался мой крик; было ясно, что из этой гробницы мне уже никогда не выбраться. Но праздным мне не хотелось сидеть там, пока я мог еще пользоваться моими силами. Снова я попытался карабкаться вверх по гладким стенкам ствола и работал, пока кровь не выступила из-под ногтей; но все это было бесполезно: у меня не было длинных острых когтей медведя, и я упал, беспомощный и обессиленный, на дно дула.

После я придумал нечто другое. Я вздумал проделать выход из дула ножом и, пока пришлось работать над сгнившим деревом, дело шло быстро и успешно, но когда я добрался до твердого, здорового слоя дерева, я понял, что раньше умру от голода, чем проделаю дыру для выхода. Мне даже пришло в голову воспользоваться огнем, благо при мне было огниво; гнилое дерево горело как трут и даже здоровое дерево обугливалось. Но кто мог поручиться, что, воспользовавшись таким опасным средством, мне не придется задохнуться от дыма или погибнуть от огня, так как вся почва под ногами моими состояла из такого же трута. Через отверстие наверху доходил до меня только слабый свет, да и то только повыше надо мною, а внизу было почти темно. Я молился, плакал и проклинал безрассудство, из-за которого пришлось подвергнуться такой ужасной участи. Словом, я приходил в неистовство и уже подумывал наложить на себя руки, чтобы избежать мучительной и медленной смерти от голода. Но *надежда* — изумительное, великое утешение в жизни человека, и несмотря на то, что я, безусловно, не мог придумать, на чем может основываться моя надежда, но все же что-то меня удерживало от последнего, отчаянного шага.

Вдруг мне показалось, что там снаружи, около дерева, слышится какой-то смутный шум. Я слушал напряженно, но ничего ровно не услышал больше. Быть может, там были люди? Я сложил руки воронкообразно и хотел было кричать о помощи. Но как только я поднял вверх голову, рассчитывая таким образом лучше быть услышанным, в отверстии стало совершенно темно, и я очутился в полном мраке. Неужели же ночь могла наступить так внезапно? — думалось мне. Нет! Вдруг, я заметил, что там, наверху, что-то двигается, и я почувствовал, что маленькие кусочки трухлявого дерева осыпаются на меня. Теперь я уже не сомневался, что это был медведь, спускавшийся медленно и осторожно в свою спальню, нисколько не подозревая присутствие там гостя.

Теперь я уже должен был окончательно погибнуть, хотя и избавлялся от голодной смерти. Только благодаря оставшейся во мне еще какой-то искре чувства самосохранения, я не пожелал без борьбы попасть в лапы хищника и, вынув из ножен нож, спокойно, полный презрения к смерти, ждал первого нападения.

Ты ведь, вероятно, знаешь, что медведь, спускаясь в дупло дерева, всегда опускается задней частью тела, так же точно он спускается на землю с дерева, схватившись лапами за ствол. Прекрасно. Так же точно и теперь медведь опускался, постоянно фыркая и прищухиваясь, так как, по всей вероятности, он уже почуял посторонний запах. Все ближе и ближе он придвигался ко мне. К эту минуту как молния в голове моей блеснула мысль, что он, скорее всего, после моего нападения выскочит обратно из дупла. Тогда я моментально составил другой план спасения. Это уже давно доказанная, несомненная истина, что опасность уже нас перестает устрашать в тот момент, когда мы очутимся лицом к лицу с нею. Насколько сильно билось у меня сердце в близком соседстве с медведем, настолько же я был спокоен в ту минуту. Моя жизнь висела на волоске, а потому я должен был теперь всем рисковать, ни перед чем не останавливаться. Моментально я вложил нож обратно в ножны.

— В ножны? — воскликнул Георг, слушавший со вниманием, напряженным в высшей степени.

— Да, в ножны! — повторил старик. — Чтобы посвободнее были мои обе руки, я, несколько согнувшись, откинулся назад, чтобы как можно ближе приблизилась ко мне густая шуба медведя и возможно было за нее крепко ухва-

таться. Через несколько секунд, почувствовав ее у самого лица, я моментально схватил ее руками и даже, чтобы надежнее было, впился в нее зубами. Я с полной уверенностью вручил свою судьбу медведю, зная, что, испугавшись, он и себя и меня выручит из беды. Расчет мой, по счастью, оказался вполне верным.

Мишенька, ничего не подозревавший и совершенно спокойно и миролюбиво опускавшийся в свою спальню, как только почувствовал, что за него крепко ухватилось какое-то постороннее тело, мгновенно, как бешеный, метнул со всей силы передними ногами вверх и впился когтями в края ствола, и вниз полетели большие куски гнилого дерева. Если бы края ствола не выдержали тяжести его тела и он грохнулся бы обратно вниз, тогда, конечно, мне несдобровать и я был бы раздавлен в лепешку или, пожалуй, был бы засыпан гнилым деревом и задохнулся бы в нем. Но, по счастью, кора, в которую он впился когтями, прочно держалась и не обломалась. Снова почувствовал я, что куски гнилого дерева падают как влево, так и вправо, но здесь отверстие было узко и не было оснований опасаться, что медведь сорвется. Не знаю, во сколько секунд он добрался до верху; мне эти секунды показались часами. Как молния, полезли мы вверх, к выходу из дупла, и, так как там было намного теснее, в клочья изодрало мою охотничью блузу, рубаху и даже кожу на спине; но я отчаянно и крепко сжимал пальцы и стискивал зубы, пока не увидел яркий свет и не почувствовал прочной опоры под собою на верхнем краю отверстия. Что было дальше, я почти не сознавал; знаю только одно, что выпустил медведя и крепко обхватил руками прочные края верхнего отверстия в дереве. От меня, как бешеный, обламывая кору кусками величиною в мою шляпу, не слез, а слетел вниз, на землю медведь и, прежде чем я успел выплюнуть куски его шерсти изо рта, он уже скрылся в чаще леса. Не удалось мне даже проговорить: спасибо.

Я был спасен. С крайней осторожностью полез я вниз по трухлявому краю, потому что опасался, как бы он снова не обломился под моими руками: ведь во второй раз не пришел бы медведь спасать меня. Но наконец я схватился за крепкую ветку, и всякая опасность миновала. Я и до сих пор не понимаю, как мне удалось спуститься на землю по виноградной лозе. Как только я почувствовал, что ступил ногами на зеленую траву, тотчас упал на колени

и молился так горячо, как никогда в жизни не приходилось молиться, от всего сердца благодаря Господа Бога.

— Ну, а что же, застрелили вы после того медведя? — спросил Георг.

— Застрелить этого медведя! — изумленно возразил старик. — Да я бы счел это убийством. Ведь он меня, хотя и не добровольно, но все же спас от ужасной смерти. Однако, Георг, уже поздно! — внезапно и быстро прервал старик свою речь, порывисто закутываясь одеялом. — У тебя уже совсем смыкаются глаза. Покойной ночи!

ГЛАВА XI

Оба путника в первый раз встречаются с калифорнийскими золотоискателями

На следующее утро старик проснулся намного раньше восхода солнца. Бодро и деятельно принявшись за дело, он варил кофе, жарил остатки дичины и уже поймал и оседлал обоих животных, из которых у коня на шее был подвешен колокольчик. Покончив со всем этим, он разбудил Георга. Проворно вымыл мальчик лицо и руки в протекавшем рядом ручье. Быстро позавтракав, они вскочили в седла и, прежде чем хорошенько рассвело, они уже ехали вдоль по лесной дороге. Повсюду, как влево, так и вправо, виднелись огни костров в лагерях золотоискателей, с восходом солнца спускавшихся с возвышенностей к реке для промывки добытой ими золотой руды.

Все это было невиданной, любопытной жизнью для мальчика, и он почти невольно задерживал своего осла, всматриваясь в занятия этих чуждых ему людей.

В одном месте некоторые рыли глубокие ямы в глине, до тех пор пока не добирались до слоя каменных пород, так как на них опускалось тяжелое золото. В другом месте виднелись другие, сидевшие около своих промывательных снарядов, которые они покачивали рукою вверх и вниз, слева и направо, а в то же время другою рукою постоянно подливали воду в находившуюся в снарядах землю. Из промытой земли отделялось золото и сбрасывалось вниз в ящик и после того еще раз прополаскивалось в жестяных сосудах вроде сковород.

Здесь, по-видимому, были представители всевозмож-

ных национальностей. Друзья наши только что проехали мимо маленькой кучки мексиканцев в их цветных серапах¹ и больших широкополых соломенных шляпах. Они промывали золото в деревянных мисках при помощи маленьких железных прутьев. Вслед за тем встретились они с американцами, весело долбившими твердую землю кирками и лопатами в поисках сокровищ. Им встретилась также маленькая колония китайцев с их длинными косами и странными лицами. За рекой работали индейцы с Сандвичевых островов, как объяснил это мальчику старик, и кое-где виднелись также небольшие кучки негров и мулатов. Все без исключения работали усердно и никто никакого внимания не обращал на соседей, с которыми, по-видимому, очень мало входили в сношения. Золота, золота жаждали все! Чем скорее они извлекали его из земли и затем всыпали в свои карманы, тем довольнее и веселее они казались!

Однако, работа была, по-видимому, далеко не из легких. Во многих местах золотоискателям приходилось стоять по колени в холодной воде, да к тому же в полдень их головы пекло солнце. Да и откидывание и переноска земли тоже не было легким делом, и мужчины кряхтели под тяжестью ноши, отирая мокрые лбы. Но чего только не готовы сделать люди ради золота! Разве они не бросили родину? Разве не порвали все родственные связи? Разве их устрошил далекий опасный путь и все трудности и невзгоды переезда сушей и морем? Кто перенес все это, уже не отступит и не устрашит его тяжелая работа. Но все же многие предполагали гораздо легче и скорее достигнуть цели, чем оказалось в действительности.

Охотно бы пробыл Георг хотя с полчаса около золотоискателей. Но старик на это не согласился, утешив, однако, мальчика обещанием, что в полдень они сделают непродолжительный привал, чтобы покормить животных и дать им отдохнуть.

Наконец наступил полдень; но лишь только они собрались выбрать удобное место для пастбища коню и Москито, как приметили вдали белое полотно повозки, ехавшей по дороге, на расстоянии около двух миль от них. Конечно, и речи не могло быть о привале, пока они не удостоверятся, кто был в этой повозке. Насколько воз-

¹ Серапа представляет собой шерстяную ткань вроде одеяла, сквозь которую, в дыру, сделанную посредине, просовывается голова.

можно быстро мчались они к ней, пока не нагнали. Сильно и громко стучало сердце Георга, взволнованное надеждою найти в повозке родителей и маленькую сестренку.

А между тем сладкая надежда не оправдалась. В повозке оказались все незнакомые лица; виднелись бледные, больные женщины и измученные тяжелой дорогой, исхудавшие дети. Мужчины также осунулись, выбились из сил и оборвались. Никто из них не мог нашим путникам сообщить каких-либо сведений. С невероятным трудом выбравшись из захватившего их в горах снега, они теперь думали только об одном: как бы поскорее добраться до Сакраменто и продать свою повозку и волов, обратившихся уже чуть не в скелетов. И действительно, деньги для них были крайне необходимы, так как надо было снарядиться для работы в рудниках.

Владельцы повозки нашли необходимым дать некоторый отдых волам; оба всадника последовали их примеру, и вскоре пони и Москито очутились у опушки густого леса, обеспечивающего им более свежую и сочную траву, нежели там выше, на равнине.

Очень близко оттуда встретили они двух ирландцев, работавших не далее десяти шагов от своего наскоро устроенного шалаша из ветвей дерева. Один из них сидел у ручья со своей жестяной миской и прополаскивал руду, недавно промытую снарядом. Георг подошел к нему и с большим вниманием приглядывался к его работе. Однако ирландец скорчил очень недовольную гримасу и смотрел сердито: по-видимому, ему не нравилось посещение.

— Ну что, приятель, много добыли золота? — заговорил с ним Георг.

— Золота? Да чтобы его черт побрал вместе со всей этой Калифорнией! — сердито пробурчал ирландец. — Черт меня занес в эту трижды проклятую страну, в которой выгребешь из земли как раз не более того, сколько нужно, чтобы не пропасть от голода.

— Но все же вы добываете золото?

— Золото! Мне даже противно слышать это слово, — проворчал ирландец, продолжая трясти миску и то черпать, то снова выпускать из нее воду, однако стараясь все проделывать так, чтобы мальчик не приметил, есть или нет в миске золото.

Георг тотчас заметил, что в обществе его не только не нуждаются, но даже тяготятся его присутствием и по-

спешил уйти обратно к своему спутнику, вступившему тем временем в разговор с переселенцами. Когда Георг рассказал ему о том, как ирландец ругает и проклинает страну, жалуясь, что очень мало добывает золота, старик, рассмеявшись, сказал:

— Я еще раньше хотел было сказать тебе. милый мой, что здесь, в рудниках, никто тебе не скажет правды о том, сколько они добывают золота. Именно там, где попадается изобильная россыпь, они больше жалуются для того, чтобы другим не вздумалось поместиться там же и стеснять их в работах. Только тогда, когда они утверждают, что избранное ими место богато золотом, тогда только ты можешь быть уверен, что они там нашли очень мало или ровно ничего. Верно только одно, в этом ты сам впоследствии убедишься, что здесь, в Калифорнии, необходимо, приступая к работам, как можно меньше рассчитывать на успех. Все это золотоискание есть не что иное, как дело счастья, чистейшая лотерея, и в то время, как весьма немногие действительно в несколько дней становятся богатыми людьми, тысячи других людей мучатся, копя целые недели и месяцы и не добывают более того, сколько необходимо на поддержку существования. Такие люди, как, например, тот ирландец, всегда больше всех жалуются. Люди, у себя дома не имевшие верного куса хлеба на каждый день, являясь на чужбину, предъявляют наибольшие требования; те же, кто прежде на родине был поставлен в хорошие условия жизни, легче и покорнее других переносят самые значительные лишения. Притом это замечается не только по отношению к золотоискателям, но и во всех других жизненных сношениях.

Вновь прибывшие переселенцы тоже собирали сведения о добыче золота, к которому они приглядывались с жадным любопытством. Однако эти бедные люди едва ли способны были выдержать такую тяжелую работу, до такой степени изнурительная и продолжительная дорога истощила их и подорвала их силы и бодрость духа. Дорогой у них умерли мать и самая младшая дочь, а жена владельца повозки тоже так долго была больна, что сомневались: останется ли она в живых. Что же будет теперь? Они и сами того не знали; но хозяин повозки думал только об одном: он будет копать золото, и только золотые планы роились в голове его.

В продолжение целого часа они разговаривали с этими переселенцами; вслед за тем старик послал Георга ра-

зыскать пони и Москито и собираться в дальнейший путь. Но Георг очень долго не возвращался, так что спутник его недоумевал и терял терпение. Наконец Георг возвратился, однако без животных, говоря, что исходил весь лесок и нигде их не встретил. Старик взял свою винтовку и они отправились на поиски вдвоем; сколько они ни бродили, заглядывая всюду, нигде не встретили своих животных. По следам их также невозможно было разыскать, потому что на пастбище паслось очень много ослов и мулов, и все следы были сильно перепутаны. Таким образом прошло много времени, и солнце уже близко было к заходу, когда вдруг со стороны ручья послышался легкий звон колокольчика, привязанного к шее пони. Оказалось, что животные разыскали великолепную, сочную траву в тени деревьев и блаженствовали, нисколько не заботясь о том, что скажут на это их господа. Дошло даже до того, что Москито решительно выказал нежелание покинуть излюбленное местечко. Когда Георг подошел к нему, намереваясь надеть узду, он, повернувшись к нему задом, быстро брыкнул задними ногами и отбежал в противоположную сторону.

Старик тем временем уже поймал своего пони и, подзвав к себе мальчика, посоветовал ему нисколько не заботиться об осле, так как тот слишком привык к обществу, чтобы обойтись без него, и никогда здесь один не останется. И действительно, едва они отъехали от этого места, как Москито закричал сначала два раза, точно звал их обратно к себе, но, заметив, что никто не обращает на него внимания и даже не смотрит на него, с недовольным видом, но очень быстро нагнал их.

С этим розысками, однако же, они потеряли ужасно много времени, и надо было постараться наверстать его. Старик, впрочем, был того мнения, что родителей Георга, если бы их даже не разыскали по пути, во всяком случае найдут в Сакраменто. Он полагал, что они наверное придут туда; если бы сумасбродный индеец не порвал бумагу, они наверное нашли бы там название этого города.

Держась теперь вдоль течения реки Феатеривер, они оставили за собою золотоносные россыпи, потому что в широкой ложбине этой реки, ближе к Сакраменто, еще не добывалось золото, а если и было найдено, то в таком ничтожном количестве, что оно не стоило труда промывки.

Здесь, однако, они встретили целые обозы, направлявшиеся к рудникам: возы, нагруженные съестными припасами, целые партии тяжело нагруженных вьючных жи-

вотных и пешеходов, с лопатами и оружием на плечах и за спиною направлявшихся искать счастья в рудниках. Вооружены были почти все поголовно. На расспросы они отвечали, что видели несколько повозок с переселенцами, ехавшими с горных высот, из которых две повозки они встретили по эту сторону устья Феатерривер, недалеко от Сакраменто.

Когда они достигли устья Феатерривер, наступала уже ночь. Там они действительно нагнали повозку, расположившуюся лагерем вблизи городка, составленного из палаток. Но и здесь они ровно ничего не узнали о родителях Георга. Так как в этот день животные долго отдыхали, они нашли возможным проехать еще порядочное расстояние, чтобы на следующий день, рано утром, попасть в Сакраменто.

Было уже около одиннадцати часов ночи, когда они заметили, что усталые животные плохо подвигаются вперед. Как раз в это время они подъехали к старой покинутой хижине, находившейся у самого берега Сакраменто, в которой, очевидно, жили прежде белые. В этом месте росло много дубов, и под их тенью не выгорела от солнца, а сохранилась зеленая сочная трава, и место это оказалось очень удобным для лагеря. Однако, так как небо было ясно и только выпала сильная роса, то они предпочли расположиться на ночлег под дубом, чем в старой, грязной и запыленной хижине, наверно, населенной миллионами насекомых. Вскоре они удобно растянулись около яркого огня.

Незадолго перед тем они проезжали около другого костра, где расположились лагерем какие-то двое белых. Но они проехали мимо, не обменявшись с ними ни единым словом.

— Какую замечательную перемену произвело в этой стране золото, — сказал старик, закутываясь в одеяло и склонившись на локоть. — Какое множество людей мы встретили сегодня, и как много городков и поселков уже возникает не только здесь, но даже на горных склонах, где недавно еще встречались только индейцы и медведи, бродившие в лесах.

— Однако, Калифорния давно уже была населена? — спросил Георг.

— Населена была, это верно, но только поблизости от залива. Хотя открытая много лет тому назад и посещаемая белыми, но все же она вовсе не привлекала переселенцев.

Слишком уж далеко находилась эта страна от главных центров движения. Пустыни и прерии, в которых бродили враждебные племена индейцев, громадные утесы Скалистых гор делали недоступной страну эту с суши, а с моря ужасно продолжительный и полный опасностей и трудностей путь вдоль всей Южной Америки и мыса Горн отбивал всякую охоту переселиться в эту страну. Кроме того сама страна ничем особенно не могла привлечь торговых людей отправлять туда суда с громадными расходами и такой же потерей времени. Шкуры и сало можно было найти в изобилии в других местах, гораздо ближе отстоящих, как, например, Южная Америка; даже завоевание Калифорнии американцами не могло соблазнить покидать богато орошенные реками и прорезанные железными дорогами Соединенные Штаты и поселяться в отдаленной Калифорнии. Во всяком случае, много прошло бы лет, пока началась здесь основательная колонизация. Но вдруг раздастся волшебное слово: золото! Тотчас же, сразу забывают о страшном расстоянии, забывают о всяких невзгодах и трудностях переезда через пустыни и горы, забывают об опасностях и продолжительности морского пути. Со всех сторон и из всех стран потянулись переселенцы, и города растут непрерывно, а корабль за кораблем выбрасывают на берег все новые толпы переселенцев.

— А как собственно было найдено золото и почему раньше оно не было открыто, так как страна давно уже была населена? — спросил Георг.

— Да, действительно, это немного загадочное дело, — рассмеявшись, сказал старик. — Во всяком случае, полагают, что иезуиты еще раньше знали, что в недрах этой земли имеется золото, но скрывали это, опасаясь, чтобы слухи о том не привлекли в эту страну других белых, а в особенности англичан протестантского вероисповедания. Конечно, об этом нет вполне точных сведений. Если бы они действительно знали о том, как богата Калифорния золотом, то, наверное, они при помощи индейцев воспользовались бы этим, хотя бы сохраняли в глубокой тайне производимые работы. Между тем из краснокожих туземцев никто об этом ровно ничего не знал, так что эти предположения представляются ни на чем не основанными слухами.

В действительности дело произошло иначе. Золото найдено в Калифорнии недавно и притом совершенно случайно. Нужно было одному швейцарцу, именно капитану

Суттеру, соорудить для мельницы плотину около так называемого американского «Форк». Человек, называвшийся Маршал, рывший ров и сначала задержавший воду, снова направил поток в вырытый ров, чтобы напором воды сделать его глубже. Когда вода спала и он осматривал работы, заметил не только что размытой водой земле маленькие желтые частицы с металлическим блеском, с которыми на первых порах не знал, что делать. Но все же первая пришедшая ему мысль была та, что это, наверное, золото. Человек всегда надеется найти то, что желает, и как только он удостоверился, что действительно это было золото, он немедленно принялся деятельно его добывать.

Вначале люди, работавшие у капитана Суттера, старались держать все дело в строгой тайне; но, Боже мой, разве это возможно! Слухи об этом открытии тотчас распространились, и моментально весь, тогда еще очень мало населенный Сан-Франциско был уже на ногах, и все, кто только мог, покинули город, направляясь прямехонько к рудникам. Первый отъезжавший корабль распространил в Нью-Йорке весть о вновь открытых золотых россыпях, а оттуда весть эта быстро облетела все страны света.

— Да ведь, собственно говоря, — сказал Георг, — это нельзя назвать рудниками, так как, мне пришлось это наблюдать, все золотоискатели роют только простые ямы в земле и, тщательно рассматривая вырытую землю, промывают ее.

— Пока, до сих пор, в Калифорнии другим способом никто золото не добывает, — подтвердил старый спутник слова мальчика. — При помощи самых грубых и далеко не соответствующих цели снарядов они промывают землю, а при таком способе, несомненно, много частиц золота пропадает. Но то, что пропало до сего времени, или, лучше сказать, то, чем не удалось воспользоваться, осталось на месте и не пропало для будущих поколений. Собственно, для Калифорнии это сокровище сделалось неоценимым благодеянием, так как, хотя мы все наши жизненные припасы, за исключением мяса, получаем пока из других стран, но, во всяком случае, наступит время, когда все, кто нашел слишком мало или вовсе не нашел золота, вынуждены будут заняться другим делом, как например земледелием, огородничеством, садоводством, и будут собирать значительные урожаи. Однако, милый мой, — закончил свой рассказ старик, — уже поздно, и разговоры пора прекра-

тять, так как нам надо хорошенько выспаться, чтобы завтра быть свежими и бодрыми.

— А что, если наши животные опять проделают с нами такую штуку, как сегодня утром? — заметил Георг.

— Я насчет этого уже принял меры, — смеясь, возразил старик, — так как довольно туго связал у пони передние ноги, и он может делать только очень маленькие шаги. Слышишь звон колокольчика? Они от нас не более как в ста шагах. Москито вообще никогда далеко не отойдет от лагеря и притом не покинет своего товарища. Ну, теперь спи спокойно; я сегодня порядком утомился.

С этими словами он положил голову на седло, подготовленное взамен подушки, и вскоре крепко и покойно уснул.

ГЛАВА XII

Ночное нападение и как отнесся к нему Георг

Георг не замедлил последовать примеру старика; но какое-то странное, непонятное для него тревожное настроение не давало ему уснуть. Несмотря на довольно прохладную ночь, ему было как-то душно, и какой-то безотчетный страх сдавливал ему грудь. Весьма естественно он приписывал это огорчению и мыслям об участии родителей, свидание с которыми оттягивалось со дня на день, и старался разогнать докучливые размышления; однако это ему не удавалось. Несмотря на то, что он плотно закутался в одеяло и закрыл глаза, уснуть он не мог, и два раза им овладевало такое странное, тревожное чувство, что он чуть было не вскочил на ноги и не разбудил старика. Но, взглянув на него, он увидел, что старик спал таким сладким, спокойным сном, что ему жаль стало его тревожить, и он решил подавить свое волнение. Да и чего было волноваться по поводу родителей? Разве он, благодаря старику, не делал все, что только возможно, чтобы разыскать и свидеться с родителями?

Гектор, как и всегда почти, улегся возможно ближе к своему хозяину и даже засунул голову под один из краев одеяла. В лесу царила гробовая тишина, и только слышался шум достаточно широкого ручья, доносившийся из того места, где течение его преграждалось обвалившимся деревом или толстой веткой.

Огонь горел уже очень слабо. Георг, однако же, перед тем как лечь спать, притащил несколько охапок хворосту и положил их поближе к костру, чтобы в случае надобности удобнее и скорее можно было подбрасывать в костер. Из этой кучки загорелось несколько веток, и высоко поднявшееся пламя отбрасывало яркий отблеск на всю большую площадку, окруженную кустарником.

Георг это заметил, и сначала вздумал подняться и положить хворост подальше от костра, но не исполнил этого, так как сообразил, что по другую сторону костра, довольно далеко от него, лежало порядочное количество хвороста, вполне достаточное для завтрашнего утреннего завтрака, так что сгорят или нет эти несколько веток — совершенно безразлично.

Снова закрыл он глаза. Но вдруг ему почудилось, будто где-то в хворосте тихонько затрещала маленькая ветка, а что он не ошибся, доказывало то, что Гектор едва слышно, как бы еще в полусне, зарычал. Он не то что слышал, а, вернее сказать, ощущал рычание Гектора на своем колене, на которое положило голову верное животное.

Не существует во всем лесу шума, более обращающего на себя внимание дичи и охотника, как даже самый тихий треск сухой ветки!

Олень, если слышит, что обломилась и падает на землю тяжелая ветка, хотя немедленно поднимает голову кверху и всматривается в сторону шума, но совершенно смело идет туда и спокойно продолжает пощипывать траву. Но если до слуха его донесется звук слабого, едва слышного треска ветки, тогда он пугливо отпрянет и в то же мгновение убежит подальше от опасного места, где раздался треск, обличающий вероятное присутствие осторожно подкрадывающегося врага. Подкрадываясь к дичи, ничего так не опасается охотник, за исключением неблагоприятного ветра, как наступить на маленькую сухую ветку, потому что этот шум всегда и безусловно спугивает дичь. Вообще охотник ни в чем так внимательно не прислушивается, как к такого рода шуму, так как он знает, что причиною его может быть движение какого бы то ни было живого существа.

Георг немного натянул один край одеяла с целью предохранить лицо от росы, а свою коричневую поярковую шляпу он надел так, чтобы от той же росы предохранить голову. Однако глаза его, защищенные от света пламени, могли свободно осмотреть почти всю площадку, и потому,

быстро раскрыв глаза, но еще не шевелясь, он зорко всматривался в ту сторону, откуда послышался шум. В то же время он положил руку на голову собаки, желая принудить ее молчать и предположил, что это, вероятно, опять маленькие, бесстыжие волки, однажды уже помешавшие его сну, но, во всяком случае, не грозящие опасностью собаке.

Других животных он не опасался, так как, выросши в лесу, знал прекрасно, что все эти изумительные истории, преимущественно о пантерах, рассказываемые так охотно многими охотниками, не что иное, как чистый вымысел и нелепые сказки.

Конечно, пантера иногда подкрадывается к огню, но чтобы она нападала на лежащих около костра, в высшей степени редко и возможно только в тех случаях, когда она там видит одиноких и незащищенных животных или даже человека. Пантера в особенности боится огня, даже избегает смотреть на него и старается обходить его в некотором отдалении и, как было уже сказано, не грозит опасностью лежащему у огня охотнику. Медведь же никогда не подойдет к тому месту, где пылает костер.

Вследствие этого Георг вовсе не думал, что им может грозить какая-либо опасность и даже радовался, что какое-либо развлечение даст возможность скоротать скучные часы бессонной ночи, будь этим развлечением даже волки прерий. Но тем не менее глаза его были широко открыты и зорко осматривали местность, а рука бессознательно искала всегда лежащую около него винтовку, прикрытую одеялом.

Снова в том же направлении послышался шум и на этот раз так, как будто листья тихо шелестели, притом так тихо, что он не обратил бы на это никакого внимания, если бы оно не было возбуждено раньше. Тотчас после того увидел он совершенно явственно на внешней, крайней полосе света, отбрасываемого пламенем костра, нечто темное и двигавшееся, размером не более маленького волка.

— Ну, на этот раз ты, любезный, ошибаешься, — улыбнувшись, сказал мысленно Георг, — провизии ты у нас не найдешь, за исключением того, что лежит около меня, заготовленное для утреннего завтрака. Однако ты ничего не получишь, будь спокоен; это нам самим нужно, и не для тебя это приберегли.

По-видимому, Гектор не замечал присутствие волка, но ведь голова его была под одеялом, и он продолжал спать

спокойно, или по крайней мере лежал спокойно. Только раз он пошевелил головою, очевидно желая ее высунуть, но рука Георга лежала на его голове, и он счел себя обязанным лежать спокойно. Георг не хотел допустить шум и тем разбудить своего старого друга, и собака удовлетворилась тем, что дала знать своему юному хозяину, что нечто необычайное происходит вокруг нее.

Волк исчез, спрятавшись за стволом близлежащего дерева, и настала полная тишина. Но так как Георг знал, что враг вблизи, он не мог уснуть, и притом надеялся, что маленький хищник, воспользовавшись тишиною, снова подойдет, вот тогда при свете пламени он отчетливо разглядит его. Не прошло и десяти минут, как он снова увидел темный предмет, хотя не произведено было ни малейшего шума. Теперь уже эта темная тень появилась с другой стороны пня. Он чуть было не вскрикнул, так как вдруг, когда тень повернулась в его сторону, он совершенно явственно рассмотрел человеческое лицо.

С большим усилием он овладел собою, но в первый момент никак не мог сообразить, что все это могло бы значить. Но тотчас он вспомнил о часто слышанных им случаях разбойничьих ограблений в Калифорнии. Мы, обыкновенно, легко верим подобным рассказам, будучи далеко от места происшествия, и даже любим преувеличивать и приукрашать рассказанное. Но когда мы сами посетим те местности, о которых нам рассказывали, и если оказывается, что там все происходит в обыкновенном порядке, мы уже не вспоминаем этих рассказов и не верим им. То же самое было и с Георгом; как только он очутился в Калифорнии, тотчас перестал верить всем ужасам, о которых слышал дома в Штатах. Но теперь, в настоящую минуту, он не мог сомневаться, что перед ним действительно человек, и притом тихонько подкрадывается. С какой бы стати он подползал так осторожно, если бы не замышлял что-либо недоброе?

Во время пути их уже несколько раз спрашивали: «Хорошо ли вы обделали свое дело?», т.е. много ли нашли золота, и старик объяснил Георгу, что так как они возвращались обратно с золотых приисков, то их все принимали за счастливо разбогатевших золотоискателей, едущих *обратно* в город, с целью припрятать свои сокровища в надежное место. Весьма возможно, что злые люди действительно так о них думали и здесь воспользовались

случаем, замышляя их ограбить. Но неужели кто-либо решился бы *в одиночку* напасть на них *двух*?

Все эти соображения промелькнули, как молния, в голове мальчика, и опасения о том, что может произойти, до такой степени овладели им, что страх сковал все его члены: он не в силах был пошевелиться. Судорожно схватил он лежащую близ него винтовку, но все еще лежал не шевелясь. Лицо исчезло, и у Георга промелькнула мысль о том, что, быть может, все это ему пригрезилось.

Однако, очень недолго пришлось ему сомневаться, было ли все это наяву или во сне. Сердце его страшно стучало в груди и что-то сжимало горло. Не прошло и пяти минут, как он снова увидел голову. Он ясно различал всклокоченные волосы и злобно сверкавшие глаза; человек подкрался уже очень близко к безмятежно спавшему старику и очевидно готовился отделаться сначала от него.

В следующий за тем момент ему послышался уже шорох очень близко от себя; собака тоже слегка высунула голову из-под одеяла и, по-видимому, прислушивалась. Но Георг следил и не спускал глаз только с врага, угрожавшего его старому другу, и в этот момент, тихонько приподнявшись, совершенно отчетливо увидел при свете пламени всю фигуру человека, в руке которого блеснуло что-то, принятое им сначала за оружие, но оказавшееся тотчас коротким железным ломом, которым работают мексиканцы.

Убийца — понятно, что ничего другого нельзя было предположить, — был уже не более, как на четыре шага от старого спутника мальчика, и уже поднял лом, вероятно, готовясь нанести удар своей жертве. Мгновенно забыл Георг всякий страх; он быстро овладел собою и, все сообразив, с громким возгласом, сбросив с себя одеяло, вскочил, бросился вперед с винтовкой, и почти бессознательно, но верно направил дуло на убийцу. Грянул выстрел, и угрожающим эхом разнесся в гробовой тишине леса.

В тот же момент он увидел, что поднятая рука убийцы, вооруженная ломом, мгновенно опустилась, и блеснувший лом не поднялся уже вверх. В ту же секунду, когда Гектор с яростным лаем промелькнул мимо Георга, вскочил старик с винтовкой в руках, готовясь выстрелить. Но убийца уже исчез в чаще леса.

Громкий лай и шум вынудили мальчика повернуться, и с глубоким изумлением он увидел Гектора, яростно сражающегося с каким-то человеком. Собака схватила его

за грудь, и он хотел ее отбросить от себя, но выстрел все-таки раздался, и пуля, как ясно расслышал Георг, засела в ближайшем дереве. Опасаясь за своего Гектора и не обращая ни малейшего внимания на грозившую ему самому опасность, он бросился к злодею, взяв ружье дулом в руки и намереваясь ударить прикладом. Но трусливый разбойник не ожидал нападения и бросился бежать. Гектор пустился за ним и хотел снова схватиться с ним, но в ту же минуту отскочил и с жалобным воем припал к своему хозяину.

Старик, понятно, тотчас заметил все происходящее, но не стреляя, а поспешно крикнул Георгу, чтобы он немедленно зарядил ружье. Конечно, мальчик поспешил выполнить сказанное, хотя не спускал глаз со своей злополучной собаки. По всей вероятности, Гектор получил сильную рану, так как не мог ступить на правую переднюю лапу и жалобно визжал. Мгновенно была заряжена винтовка и оба, как старик, так и молодой, оказались в полной готовности отразить новое нападение.

Однако никакого нового нападения не последовало, и, простояв безмолвно с четверть часа около большого дерева с объемистым стволом, старик, неспешно подойдя к Георгу и взяв за руку, проговорил:

— Слушай, милый мой! Я имею полное основание утверждать, что ты самым отважным образом спас мне жизнь, хотя еще положительно недоумеваю, при каких условиях все это произошло. Ты, надеюсь, никогда в этом не будешь раскаиваться, а я ограничусь тем, что крепко пожму тебе за это руку.

— Благодарить! — сказал Георг, сильно покраснев. — Всякому *постороннему*, для первого встречного и я, и вы сделали бы то же самое. Но вы, с той минуты, как я вас встретил в лесу, так дружески отнеслись ко мне, так много для меня сделали, что я на вас вовсе не смотрю, как на постороннего, как на чужого!

— Ну, не говори, дружеского было весьма немного, — как-то тихо сказал старик, вдумчиво глядя перед собою. — Я даже помню, что два раза грубо отнесся к тебе. Но, — добавил он так оживленно, так сердечно, как никогда еще не говорил с мальчиком, — можешь быть уверен, Георг, что я к тебе очень расположен, и не только потому, что ты мне спас жизнь, а потому, что Богу угодно было, чтобы мы встретились и подружились.

— Однако вам не могла бы угрожать какая-либо опас-

ность, если бы вы ради меня не отправились со мной по этим дорогам, — возразил мальчик.

— Ради тебя! — смеясь, ответил старик. — А почему ты полагаешь, что именно ради тебя я поехал с тобою? Но, пожалуй, пусть оно будет так; об этом поговорим когда-либо со временем, а теперь, прежде всего, надо удостовериться, насколько пострадала твоя собака.

— Кажется, ничего особенного, — возразил Георг. — Во всяком случае, пуля в него не попала, а если и попала, то слегка задела только кожу на боку, а удар, нанесенный палкою или чем-то другим, не разбил ему кости: хотя ему очень больно, но он все же может ступать пораненной ногой.

— Ну, так тем лучше. И нам также нисколько не досталось; теперь расскажи же мне, как это все приключилось?

Георг, подробно и обстоятельно, но очень быстро рассказал своему старому другу все, что произошло. Все время, пока говорил мальчик, старик ни разу не прервал его, а только частенько кивал сочувственно головой. Когда Георг закончил свой рассказ, он сказал:

— Да, да, это все именно так! Канальи рассчитывали, что мы возвращаемся обратно домой с золотых приисков с большим грузом золота и что если им удастся раскроить нам черепа, то, конечно, никто не станет из-за нас их преследовать. Кто же здесь, в Калифорнии, заботится о ком-либо, кроме себя? Никому нет дела до других, что бы с ними ни случилось. Нет, нельзя сказать, чтобы они плохо рассчитали; одна только беда, что в случае удачи они чертовски мало получили бы золота. Впрочем, я нисколько не удивляюсь, что этим любезным одолжением, ловко обдуманном, мы обязаны наши милым соседям.

— Нашим соседям?

— Ну, да! Тем двум парням, мимо костра которых мы близко проезжали вчера, когда уже совсем стемнело. Далеко отсюда не могут быть совершившие нападение, и они, наверное, предполагали, что мы не будем здесь долго стоять, а потом один из них, несомненно, тайком следил за нами. Разве ты в него попал?

— Не знаю, — ответил мальчик. — Хорошо только помню одно: когда я заметил, что он готовится нанести удар, я в смертельном страхе направил на него ружье и тотчас выстрелил. Как только рассеялся дым, я уже его не видел, он исчез.

— Гм... тогда посмотрим, не увидим ли мы где-либо на земле следы крови, — сказал старик. — В этом деле нам поможет Гектор. Где он стоял?

— Там; как раз позади вас, — отвечал Георг и обратился к Гектору. — Сюда, мой бедняжка! Шершь, шершь!

Гектор, визжа и прихрамывая, подбежал к месту, указанному хозяином, а старик, взяв винтовку в левую руку, правой рукой взял из костра ярко горевшее полено. Впрочем, Гектор тотчас же нашел надлежащий след. Громко и яростно завыл он, увидев кровь, и бросился в лес, но завизжал жалобно, убедившись, что не в силах бежать так, как прежде. Георг тотчас же отозвал его обратно и начал осматривать следы крови. Ясно было, что пуля попала в злодея, хотя неизвестно было, куда. Ближе от этого места нашли они железный лом убежавшего; на нем также были следы крови; наверное, злодей обронил его, спешно спасаясь бегством.

— Ты, вероятно, попал ему несколько ниже плеча или в кисть руки, — сказал старик, с некоторого рода ужасом внимательно оглядывая лом, — и, по правде сказать, именно сюда нужно было попасть; это был очень удачный выстрел.

— Пойдем посмотрим, что с ним случилось, — сказал Георг, — нельзя же нам оставлять его в лесу без всякой помощи.

— Это намерение делает честь твоему доброму сердцу, — отвечал старик, — но если бы мы привели это в исполнение, то это было бы более чем безрассудно, потому что, наверное, нам пришлось бы попасть в засаду и оба негодяя нас встретили бы горячим свинцом. Понятно, они подумали бы, что мы пошли за ними следом, намереваясь их наказать. Нет, уж оставь их в покое; пусть они сами о себе позаботятся. Быть может, рана не тяжелая, а если она опасна, то негодяй вполне заслужил все, что с ним случится. Если бы ему удалось, так, по всей вероятности, мы оба лежали бы теперь у костра с проломленными головами.

— Но ведь в Сакраменто нам придется заявить о нападении на нас разбойников и дать возможность их изловить, — возразил мальчик.

— Ну, уж избави нас Бог от этого! — смеясь, ответил старик. — Неужели тебе охота просидеть там четыре месяца ради дачи свидетельских показаний? Разве только крайность может заставить связаться с судами,

в особенности здесь, в Калифорнии, куда все явились только с целью возможно скорее добыть золота. Нет, милейший, мы уже сами постараемся охранять свою шкуру насколько возможно и как сумеем, но уж, конечно, не станем утруждать кого-либо из господ судей, которые, как здесь очень часто и открыто это высказывают, в большой дружбе с отъявленными негодьями и разбойниками. Да, граждане города уже давно поговаривают о том, что необходимо взять в свои руки право и закон, чтобы без дальних околичностей повесить нескольких злодеев, пока совершенно беспрепятственно работающих под самым носом полиции. Если этого не сделают, то никто не может считать себя сколько-нибудь в безопасности в этой стране. Я сам до сих пор мало верил в эти разбойничьи нападения, о которых очень часто и много слышал рассказов. Сегодня мы имели случай убедиться, что преувеличенного в рассказах очень мало и что на будущее время нам следует быть очень осторожными.

О сне в эту ночь, конечно, и речи не могло быть, так как оба были в очень возбужденном состоянии.

— Самое скверное здесь, в Калифорнии, — сказал старик, когда они, раздув костер, уселись около яркого огня, поместив поближе к себе Гектора, — это то, что сюда стеклись не только одни работники, желающие найти свое счастье, роясь в земле, но вместе с ними, почти со всех штатов без исключения, стеклись сюда все отбросы общества, все отъявленные негодья. Соединенные Штаты с давних времен были местом, куда стекалось множество частью беглых, частью тайно перевезенных преступников, а такой сброд умеет живо добыть себе деньги на дорогу. Обыкновенно им очень трудно добыть деньги честным путем, и они предпочитают украсть, где только возможно, а если встречаются препятствия, то и над убийством они никогда не задумаются. Таким путем сюда приехали самые опасные шайки из Соединенных Штатов, в них сброд личностей самых разнородных национальностей. Все шулера, например, преимущественно испанцы или американцы, а эти люди на все дурное способны. Однако, мне кажется, что там, вдали, будто начинает рассветать, да и притом меня немножко знобит, а это верный признак близости рассвета. Слышал ты звук колокольчика нашего пони?

— Только что слышал там внизу; должно быть, это около ста шагов от дороги.

— Тем лучше; значит, нам придется недолго их искать.

— Ну, а если разбойники где-нибудь поблизости скрылись, поджидая нас в засаде?

Старик, отрицательно покачав головою, возразил:

— Нет, милый мой, в этом отношении нам не может угрожать опасность, и оба эти господина на сегодня, по крайней мере, несколько не страшны. Да, если бы это были индейцы, тогда другое дело. Но эта белая сволочь, обыкновенно, если делает коварное нападение и оно не удастся, у нее никогда не хватает смелости тотчас повторить нападение, и меня несколько бы не удивило, если бы я узнал, что наши ночные друзья бегут теперь без оглядки по лесу, лишь бы только уйти от нас возможно дальше и не попасться нам в руки.

С этими словами он вскинул на плечо винтовку и менее чем через четверть часа возвращался уже к костру, ведя за собой обоих животных.

ГЛАВА XIII

Сакраменто и скверное приключение в игровой палатке

Дорога шла у самого берега реки; но вначале они могли только медленно подвигаться вперед, так как Гектор иначе не был бы в состоянии за ними следовать. Несмотря на это, через час езды они нагнали обе повозки с переселенцами, которые выехали раньше их, когда они до вечера не могли разыскать пони и Москито. Как раз в эту минуту мужчины надели ярма на волов и собирались двинуться в путь; две женщины и несколько детей, пользуясь чудным утром, немного раньше выезда повозок, пошли вперед.

Георг оглядел внимательно лица переселенцев, но между ними не оказалось его отца. Никто о нем ничего не знал. Только один из них высказал предположение, что он мог быть в тех двух повозках, которые едут немного впереди их.

Снова погибла еще одна надежда; но сердце человеческое всегда настойчиво цепляется за всякую новую надежду до того момента, пока не перестает биться.

Немного впереди, как лозунг прозвучали эти слова в сердцах обоих путников, и они поехали рысью по направлению к недавно построенному городу Сакраменто.

Местность представляла собою низменную равнину, густо обсаженную дубовыми деревьями, и почва казалась превосходной. Однако, нигде еще не встречалось обработанного поля и только однажды, по ту сторону реки они увидели просеку среди леса, по-видимому, подготовленную для устройства фермы.

Было совершенно очевидно, что только что прибывшие в Калифорнию новые ее поселенцы еще не имели времени придти в себя, отдохнуть от страшного напряжения сил в пути. Прежде всего они признавали необходимым попытать свое счастье на золотых приисках, так как собственно из-за этого они переселились в эту страну, а если там, на приисках, им не повезет и дела окажутся далеко не блестящими, тогда они всегда успеют заняться спокойным и тихим делом земледелия.

— Кто же будет царапать поверхность земли и сеять хлеб, когда стоит покопать на два фута глубже и сразу получить во сто крат больший урожай, притом чистым золотом, — говорили многие, с которыми Георг вступал в разговор по этому поводу.

До тех пор, пока весь этот народ питался такими надеждами и голова была набита такого рода идеями, конечно, невозможно было ожидать, что они сколько-нибудь способны усидеть спокойно на одном месте и равнодушно относиться ко всем слухам о быстром обогащении на золотых приисках.

Наконец, наши путники добрались до города Сакраменто, находящегося у реки того же имени, и увидели, собственно говоря, город не раньше, как очутились уже чуть не в самом центре его. Что же это был за город? Георг невольно засмеялся, когда увидел на правильно разбитых улицах дощатые лавки и между ними множество белых, красных, голубых, зеленых, желтых палаток, торчавших, как во влажных местах грибы: то отдельно, то кучками, то сетью среди деревьев и кустарников. Они производили такое впечатление, точно здесь сами выросли, а не были сооружены рукою человека. Самые крошечные из этих палаток нередко увешивались громадными вывесками. В особенности жилища врачей и адвокатов отличались необъятными вывесками из парусины в шесть футов длиной и соответствующей шириной, на которых они широко-вещательно взывали к публике, а между тем сами жили и спали в тесной палатке из выбойки, вышиною в пять футов и такой же шириною и длиною.

Рогатый скот, коровы, мулы и ослы, точно собаки, свободно бегали между палатками или располагались самым благодушнейшим образом среди улицы, так что повозки и лошади вынуждены были объезжать их кругом. Всюду была суета, оживленная деятельность, и на самой реке, а также у самого берега было множество больших барж и маленьких лодок, с полным грузом прибывавших из Сан-Франциско и здесь выгружавших товары. У самого берега появилось уже много гостиниц; все они, конечно, были не что иное, как дощатые бараки и палатки с исполинскими вывесками, обещающими все возможное, но в действительности внутри этих гостиниц было очень мало, а иногда и ровно ничего из обещанного. Ослепляемые громкими и вычурными названиями гостиниц, посетители с первого же слова платили все, что от них требовали. После этого они могли отправляться, куда им угодно. Впрочем, никто вообще и не мог долго оставаться: все спешили, все напирала друг на друга, все стремились и торопились попасть на золотые прииски. Нелепая уверенность, что они там легко заработают от 16 до 20 долларов ежедневно, побуждала легковверных и непредусмотрительных золотоискателей относиться к тем деньгам, которые действительно находились в их карманах, как к чему-то ничтожному, никакого внимания не заслуживающему.

Нигде ни о чем другом не говорили, как только о золоте, так что всякие расспросы о прибывших чужестранцах оказывались совершенно бесплодными. Весь город был населен людьми, не знакомыми друг другу, чуждыми между собой; все были только что прибывшими; кто же будет заботиться о чем-либо, кроме себя?

В палатках не стоило кого-либо расспрашивать, а потому наши друзья вдоль по улицам искали места, где останавливаются повозки переселенцев, прибывающих из стран по ту сторону гор. Хозяев повозки они расспрашивали, кто с ними одновременно ехал, и таким образом надеялись напасть на след тех, кого так настойчиво разыскивали. Но этим нисколько не достигнута была цель. Почти все эти повозки были проданы прежними владельцами местным перекупщикам, и что сделалось с продавцами и как они назывались, — этим последним никакого дела до этого не было.

Раз торг состоялся и деньги перешли из рук в руки, каждый тотчас шел своей дорогой, и встретиться они на

границе часом позже — никто из них не узнал бы друг друга.

В лавках ничего другого нельзя было купить, как только то, что было необходимо людям, живущим на золотых приисках: пищевые продукты, как, например, копченое сало, бобы, мука; грубая одежда и простыни, башмаки, лопаты, кирки, жестяные миски и так называемые люльки для протряхивания золота. Палатки с напитками и игорные палатки были всюду, и в то время как одна часть населения Сакраменто беспредельно суежилась, занималась делом и не имела ни минуты отдыха, другая часть населения слонялась, заложив руки в карманы, по широким улицам города и только переходила из одного питейного или игорного дома в другие.

Однако всюду, отчасти перед городом, частью даже в самом городе, на уже вымощенных улицах были зажжены костры и расположились около них лагерем отдельные группы новоприбывших переселенцев; у многих не было палаток; размещались прямо под открытым небом. Кое-где виднелись нагруженные ручные тележки; в другом месте — мул, нагруженный всякого рода посудой. Эти маленькие отряды, все без исключения вооруженные, двигались со всех сторон, торопясь попасть возможно скорее к вожделенным приискам.

Около одной из палаток, где продавали съестные припасы, остановились наши приятели, намереваясь купить корабельных сухарей и копченого мяса для обеда. Георг вынул свой маленький кошелек, наполненный золотом, полученным за медведя, и заплатил свою долю за купленное. В эту минуту он случайно встретился глазами с человеком, стоявшим близко от него и, по-видимому, внимательно его рассматривавшим.

Это был довольно свирепо смотревший парень в старой коричневой шляпе, из-под которой высывались пряди всклокоченных жестких волос. Правая рука его была на перевязи, сделанной из синего хлопчатобумажного платка, и взгляд, которым он рассматривал мальчика, был далеко не дружелюбным. Но как только он встретился глазами со взглядом Георга, не выдержал и тотчас, повернув голову в сторону, медленно ушел по улице.

Георг в первую минуту сильно испугался, так как в этом бледном, зломном лице узнал то самое лицо, которое он увидел ночью при свете костра. Он был уверен, что это тот самый разбойник, который подкрадывался к его старо-

му другу; уверенность его поддерживалась еще тем, что он заметил, что злодей не в силах был выдержать его пристального взгляда.

Быстро схватил он за руку своего спутника и передал ему в кратких словах свои соображения. Старик, тотчас посмотрев вслед уходящему, сказал:

— Вероятно, Георг, что ты вполне прав; рука на переязи это достаточно подтверждает.

— Да неужели же мы его выпустим совершенно безнаказанным?

— Да что же мы можем сделать? — сказал старик, двинув плечами. — Где у нас доказательства? Правильно организованной полиции здесь вовсе не существует, а потому лучше будет, если мы займемся чем-либо другим. Каждый защищает себя как может, и если этот негодяй наказан твоим выстрелом — не станем с ним связываться, пусть его убирается куда хочет. Исправится он, — тем лучше, следовательно, удар пули послужил ему предостережением. Не исправится, — тоже хорошо; тогда он, рано или поздно, не избегнет заслуженной им кары, потому что здесь, в Калифорнии, если поймают преступника на месте преступления, разделяются с ним немедленно; для него же будет лучше, если он образумится. Однако, почему ты полагаешь, что он узнал тебя?

— Наверное, — воскликнул Георг. — На незнакомого человека он не мог бы смотреть так мрачно и злобно.

— Гм... весьма возможно! — пробормотал старик задумчиво и глядя перед собою. — Однако мне это очень не нравится: такой негодяй на все способен и может спокойно застрелить человека из мести, если это ему удастся сделать из засады. Но пусть он только появится! Бояться такой дряни нет оснований, потому что они все трусы. Но, во всяком случае, хорошо, что ты его узнал и, так как это ему известно, — а иначе он бы не ушел так поспешно, — он наверное будет остерегаться и не пожелает снова попасться на глаза.

Тем временем злодей неспешно шел улицею и скрылся где-то на повороте, а наши друзья забыли о нем, занятые совершенно иными заботами. Хотя и тщетно, но они обошли все лагеря, всюду расспрашивали, побывали даже во всех палатках, расспрашивая о родителях Георга. Никто ровно ничего о них сказать не мог и даже двое знакомых родителей мальчика, с которыми они встретились на пути, тоже ничего не могли сообщить. Однако, все советовали им

отправиться в Сан-Франциско, где они обязательно найдут их. Но старик безусловно был против этого. Он доказывал:

— Это чистейший вздор! Чепуха невообразимая! Люди болтают зря, ровно ничего в деле не понимая. Прежде всего сообрази, какая масса людей находится в Сан-Франциско, живя в таких же палатках и деревянных бараках, как здесь. Поди-ка поищи в этом омуте того, кого тебе нужно! Кроме того, а это самое важное, я не могу допустить мысли, чтобы твои родители так-таки прямо отправились в Сан-Франциско, ввиду того, что они должны знать наверное, что ты их разыскиваешь в местности около гор. Они знают, что с тобою не было денег, так как никакого понятия не могли иметь о любезности гризли и потому знают, что тебе невозможно заплатить за дорогую дорогу в Сан-Франциско.

— Да разве это стоит так дорого? — спросил Георг.

— Да что тут не дорого? Что здесь не стоит громадных денег? — пробурчал старик. — Дешевле тридцати долларов за каждого ни одно судно нас не примет на борт, и все-таки мы должны еще оставить здесь наших животных.

— Тридцать долларов! — с изумлением воскликнул Георг. — Но как долго приходится ехать?

— Всего от шестнадцати до восемнадцати часов и притом питаться мы должны на свой счет. Ну, да продовольствие дело не важное. Деньги у нас есть, и если бы была какая-либо надежда разыскать твоих родителей в Сан-Франциско, я бы ни слова не сказал и тотчас же сел с тобой на корабль. Во всяком случае, твои родители неизбежно находятся еще где-либо рядом, или на приисках, или в одном из маленьких городков, поджидают тебя и, наверное, только тогда решатся отправиться в Сан-Франциско, когда окончательно потеряют всякую надежду найти тебя в той местности.

— Ну так что же нам делать? — спросил Георг каким-то перешительным тоном. — Если мы здесь, на возвышенности, встретимся с ним, так это все-таки будет чистой случайностью.

— Это, во всяком случае, совершенно верно, — возразил ему старый друг. — Конечно, нам не следовало и не следует слишком много метаться туда и сюда, так как мы всегда их опередим, или свернем с их пути. Я советую следующее: мы отсюда снова поедем в сторону гор и даже той самой дорогой, которой прибыли сюда. Если мы их не встретим по дороге, что весьма возможно, то по крайней

мере, во всякой торговой палатке мы будем оставлять записку с нашими именами и указанием того направления, по которому мы поехали дальше, и тогда, если твой отец будет кого-либо расспрашивать о тебе, он наверное будет знать, где надо тебя искать. Если мы их теперь не встретим, чего я почти опасаясь, то, приехав туда, из какого-либо маленького городка на приисках, я напишу письмо одному приятелю в Сан-Франциско, который там вместо нас будет собирать справки. Пока придет от моего приятеля ответ, мы отыщем себе там, на приисках, какое-либо подходящее местечко для работы и будем промывать золото, как делают это все другие. Нам необходимо подумать о том, что надо зарабатывать деньги, а иначе мы издержим последнее, что имеем, и окажемся в скверном положении. Вот таков мой план. Ну, а ты что на это скажешь?

— Я? Господи, Боже мой! — возразил Георг. — Все, что я в состоянии сказать, это то, что от всей души благодарю вас за то, что вы так сердечно заботитесь обо мне.

— Та-та-та! — рассмеявшись, воскликнул старик. — Да разве ты забыл, что спас мне жизнь? В конце концов, это чего-нибудь большего стоит, чем ты полагаешь! Кроме того, у меня при этом имеются свои особые планы и намерения, о которых ты, может быть, со временем узнаешь и тогда убедишься, что не столько тебе, сколько самому себе я принес пользу, т.е. я говорю относительно нашей поездки на золотые прииски. Теперь, если мы решились так поступить, то полагаю, мы лучше всего сделаем, если не будем попусту терять время, а двинемся в путь. А потому погуляй с часик по городу и присмотришь, что делается и как живут здесь, а я тем временем позабочусь о животных, так как я предпочитаю провести ночь в лесу, чем здесь в городе, где трудно найти даже двор для порядочного костра. Ну, как, по сердцу тебе это?

— Как и все, что вы прикажете!

— Хорошо; в таком случае, через час будь здесь у берега, около Слоновой гостиницы; ты, вероятно, заметил вывеску?

— Еще бы!

— Туда я приду за тобою и приведу животных. — С этими словами старик повернулся спиною и зашагал вдоль по улице, к тому месту, где они, доехав до Сакраменто, оставили своих животных.

Георг, предоставленный на час самому себе, бродил

медленно по наиболее оживленной части города. Сначала он наблюдал за выгрузкой и погрузкой на берегу, а потом пошел вдоль широкой улицы, проходившей через весь город.

Здесь в особенности заинтересовали его игорные дома, откуда доносилась громкая и чудная, никогда еще неслыханная им музыка. Как ему казалось, все совершенно беспренятственно входило и выходило оттуда, вследствие чего он решился посмотреть, что там делается.

Все это, конечно, было в домике этом очень просто, но для мальчика, в своей жизни ничего не видевшего, кроме леса, представляло так много нового и интересного, что он не мог наглядеться, не в силах был глаз отвести. Внутренние стены таких домов, по обыкновению, вместо обоев были обиты пестрой выбойкою, и на широких дощатых прилавках стояло множество стаканов и бутылок с самыми разнообразными напитками. По стенам висело множество картин. Самым занимательным казались мальчику различные музыканты, которым владельцы этих домов платили за привлечение посетителей своим искусством. Раз такие посетители попали в палатку, то всегда умели их привлечь к игорным столам, а там уже заботились о том игроки, чтобы они проигрывали все свои деньги и таким образом, в придачу ко всему, оплачивали музыку.

Однако, что же это была за музыка? Понятное дело, что в только что открытой стране и при таких условиях хорошей музыки быть не могло. Да это и не требовалось. Если эти музыканты умели устроить «хорошенький спектакль», как это называли жители лесов, то все посетители были вполне этим удовлетворены и готовы были целые часы слушать, притом с величайшим наслаждением, игру на ручном органе или граммофоне.

Для Георга все это было ново, и он восхищался органом, изумляясь ловкости и искусству того, кто вертел ручкой; настолько же восхищен он был большой трубою и тамбурином, на которых играли старик и девочка. Были также свирели или нечто вроде флейт; но с этим он был знаком и даже сам умел играть на них.

Невольно засматривался он также на игорные столы, около которых толпились кучками игроки и на каждую карту ставили полные пригоршни золота. Но почти без исключения все проигрывали, и только перед некоторыми игроками лежали кучи золота, становившиеся все больше и больше. Была минута, когда ему сильно захотелось

попробовать счастье и поставить деньги на карту, но он тотчас вспомнил о том, что старый друг предостерегал его и рассказывал об игроках, у которых всегда крапленые карты и они шулерничают, а потому всегда выигрывают. Он тотчас подавил в себе желание испытать счастье в картах и ограничивался только наблюдением за игрой и игроками.

В какую бы палатку ни пойти, везде слышался страшный шум. В одной играли на скрипке, в другой на органе, в третьей, рядом, играли на двух гитарах и пели, а в других палатках гремели трубы, литавры, барабаны, тамбурины, флейты, словом, все, что только можно было придумать по части музыкальных инструментов. Все это шумело на пространстве относительно весьма ничтожном, и все эти палатки отделялись друг от друга только досками или ситцевыми занавесями. Весьма естественно, что все это сливалось в один общий гул и гам, от которого немудрено было оглохнуть.

Время, назначенное ему стариком, почти прошло, и уже Георг собрался отправиться к берегу реки, как вдруг проходя около одной из палаток, он услышал такую дивную музыку, какой во всю жизнь не слышал. Там собралось очень много народа и даже на улице перед палаткой стояла большая толпа и заглядывала туда. Георг также протиснулся в толпу, желая узнать, что там такое делалось. Между тем он не заметил, что за ним следит человек с подвязанной рукой, глаз с него не спуская.

Сама палатка не представляла собою ничего особенного, в ней была такая же обстановка, как и во всех других, но замечательно в ней было то, что в ней какой-то человек играл так, как Георгу еще и в голову никогда не приходило, чтобы это было возможно.

Дело в том, что до сего времени Георг полагал, что одновременно один музыкант может играть только на одном инструменте, но теперь оказалось, что он заблуждался, так как человек, стоявший на небольшой эстраде, позади игорных столов, управлялся с шестью или семью инструментами одновременно. Звуки казались ему восхитительными.

На голове музыканта было что-то вроде каски из желтой меди со множеством маленьких колокольчиков; на шее была прикреплена какая-то семитрубная флейта, притом так, что, прикасаясь к ней ртом, он извлекал из нее звуки, не пользуясь для этого руками. Перед ним был большой

барабан, висевший на нем, по которому он бил одной рукой, а другая рука приводила в движение прикрепленную к полу гармонику; кроме того, к коленям были прикреплены пластинки из желтой меди, которыми он ударял в такт, а к подборам обуви, вместо шпор, были прикреплены колокольчики.

Словом, весь человек представлял собою, от головы до пяток, сплошной музыкальный инструмент, и каждое его движение было точно рассчитано и предусмотрено, так что все звуки сливались в одно стройное целое. Саму мелодию он воспроизводил на флейте и гармонике, а барабан, колокольчики и все остальное вторило ей в такт.

На ярмарках в Германии очень часто встречаются такие искусники, но для мальчика, выросшего в лесу, это представлялось чем-то совершенно необыкновенным, невиданным и неслыханным, так что он впился глазами в странного музыканта и забыл обо всем другом.

Опомнился он только тогда, когда почувствовал, что кто-то грубо схватил его за плечо и проговорил угрожающе:

— Вот он; это его дело! Я чувствовал, когда он вытаскивал!

— Такой молодой и уже такой ловкий мошенник! Где золото? Подавай-ка его сюда! — воскликнул другой мужчина, с длиннейшей бородой и высокий, как дерево, схватив мальчика за другое плечо.

Георг растерянно и в величайшем изумлении посмотрел на державших его за плечи двух человек. Он до такой степени увлекся рассматриванием музыканта, что понять не мог, что этим людям от него нужно. Изумление его усилилось, когда в одном из напавших на него он узнал человека с подвязанной рукою.

— Он спрятал в карман как раз в ту минуту, когда я появился, — закричал человек с подвязанной рукою; — поищите только у него в кармане; это новый кожаный кошелек.

— Да что вам от меня нужно? Оставьте меня в покое! — сердито крикнул опомнившийся наконец мальчик, пытаясь освободиться от державших его за плечи рук. Однако они держали его как в железных тисках, и длиннобородый воскликнул:

— Полегче, полегче, душечка, а то, пожалуй, и тумака попробуешь! Кто приказал тебе красть золото? Подавай-ка его сюда, пока просят по чести, а то придется с тобою иначе поговорить.

— Я украл? — вскричал пораженный Георг и почувствовал, как кровь прилила ему к лицу и слезы выступили на глазах.

— Вот видите; смотрите, как он покраснел. Пожалуйста, добрые люди, сделайте мне одолжение, отберите у него деньги, я сам не могу, у меня рука болит. Он засунул деньги в карман. Они в новом кожаном кошельке.

— Негодяй! — отчаянно крикнул Георг, пришедший в исступление. — Ты обвиняешь меня в воровстве, а между тем сам...

— Довольно, замолчи, парень! — крикнули другие. — Подержите-ка ему руки, мы сейчас удостоверимся, правду ли говорит тот человек, — воскликнул длиннородый.

— Прочь от меня! — закричал Георг, пытаясь схватиться за ружье; — это мои собственные деньги, и я их заработал.

— Да, да, все так говорят! — смеясь, возразил длиннородый, в то же время всеми силами стараясь проникнуть рукою в карман Георга. — Ах, черт возьми, какая противная жаба! Да подержите же его, пожалуйста, крепче. Ну, наконец, достал! Это ваш кошелек?

— Да, он самый! Благодарю вас! — воскликнул наглый обманщик. — Смотрите, господа, вот новый кошелек, и в нем все мое имущество.

Во время этой борьбы Георг отбивался что было сил, но, со всех сторон охваченный сильными руками, он под конец не в силах был двинуться и, кроме того, его же со всех сторон осыпали бранью и проклятиями.

— Такой молодой негодяй, — кричали некоторые, — едва вылутился из яйца и уже так нагло грабит. Он далеко пойдет. Лучше будет, если мы повесим его сейчас на ближайшем дубе! — кричали другие.

— Нет, не вешайте его! — воскликнул человек с рукою на перевязи, а лучше подержите его немножко, я сейчас приведу констебля; быть может, при нем имеются еще и у других украденные деньги.

— Не пускай его! Задержи его! — крикнул Георг, сообразивший, в чем дело. — Ведь он...

— Ты еще тут распорядиться вздумал, бродяга ты эдакий! — крикнул длиннородый и при том так сильно тряс Георга за плечи, что тот едва удержался на ногах.

— Да говорю же я вам!.. — снова крикнул Георг, но его тотчас прервало несколько голосов:

— Мы и знать не хотим, и слушать не будем; погоди,

придет констебль, тогда будешь рассказывать, что вздумалось.

В это мгновение раздался грозный голос:

— Это что тут такое? — В ту же минуту Георг почувствовал, что кто-то отбросил с его плеча руку долгового бородача и при этом крикнул:

— Что вам нужно от мальчика?

— Ого! А вы-то кто такой, что позволяете себе вмешиваться, если мы здесь поймали вора? — воскликнул долговязый бородач, сердито смерив при этом седовласого человека изумленным взором, так как почувствовал, что рука его не уступит железным тискам.

— Слава Богу! Сам Бог мне вас послал! — радостно крикнул мальчик, повернувшись и узнав своего старого друга.

— Он украл! — выкрикнул из толпы кто-то очень тоненьким голосом.

— Врешь, ты, каналья! А ну-ка выйди сюда, я вгоню тебе кулаками эту наглую клевету в твою подлую рожу, — закричал в ответ старик.

— Послушайте, старик, — сказал длиннобородый, злобно поглядывая, — я сам своими руками вынул из кармана мальчика кожаный кошелек с деньгами, принадлежащий тому чужестранцу.

— Это тот самый негодяй, которому я прострелил руку, — быстро проговорил Георг.

— А! Так значит вы оба мальчика обокрали? — крикнул старик гневно и смело подступая к длиннобородому. — Да куда же делся тот каналья?

— Его уже и собаками не догонишь! — воскликнул Георг.

Старик тотчас догадался, как произошло все это дело.

— Сто долларов даю тому, кто мне этого разбойника доставит сюда! — вскричал старик. — Сто долларов тому, кто первый его схватит!

— Так вот что! — воскликнул длиннобородый, уже другим голосом, так как сообразил, что дело о воровстве не так ясно, как ему казалось. — Так вы даете сто долларов? Человек этот пошел за констеблем.

— Эх вы, пустоголовые! А вы ему сразу и поверили? — грозно кричал старик. — Кто хочет заработать сто долларов, пусть поторопится, так как тот негодяй наверное направился к лесу.

Предложенное вознаграждение соблазнило многих,

и они побежали в разные стороны. Но один за другим все вскоре возвратились обратно и, понятно, не поймали негодяя, однако некоторые из них виделись даже с шерифом, к которому неизбежно должен был обратиться человек с рукою на перевязи, если хотел посылки констебля. Таким образом, все убедились, что они были одурачены мошенником и допустили ограбить ни в чем не повинного мальчика хитрым негодяем.

Старика это вывело из терпения; он был вне себя от негодования и, подойдя к игорному столу, ударил по нему своим могучим кулаком, так что все золото, разбросанное на столе, подскочило вверх, и испуганные игроки вскочили со своих мест. Старик грозно заговорил:

— Эх вы, черти! Ну, что теперь скажете? Что рожи корчите одну глупее другой? Да знаете ли вы, что этот негодяй с одним из своих товарищей в прошлую ночь подкрался к нашему костру и хотел убить нас, и этому помешала бдительность и отвага этого мальчика, прострелившего ему руку! А вы за это теперь накинулись на храброго мальчика, еще почти ребенка, отняв у него последние его доллары в угоду негодяю, по одному его ложному, клеветническому обвинению! Он нас выслеживал и подстерег, когда мы покупали провизию в палатке! Стыдитесь! И вы еще называетесь разумными людьми, гражданами Соединенных Штатов!

— Черт побери! — сказал длиннобородый, запуская руку в карман и вынимая оттуда кошелек. — Мы хотели поступить как следует и не могли знать, что у какого-то мошенника хватит дерзости так нагло всех нас обмануть. Но я охотно из своего кармана возвращу часть этих денег, так как мне очень досадно, что мы оскорбили этого молодого человека.

— Оставьте при себе ваши деньги! — воскликнул старик, тотчас успокоившись и смягчившись, услышав эту дружескую речь. — Слава Богу, у меня достаточно денег и на нас хватит. Но пусть этот случай будет вам на будущее предостережением.

— Ах, черт возьми! Да попадись мне этот негодяй в руки, я бы с ним хорошо рассчитался! — воскликнул длиннобородый.

— Едва ли попадется; он побоится снова появиться в Сакраменто, — пробурчал старик. — Однако, пойдем, Георг; мы много потеряли времени, а нам уже давно пора двинуться в путь.

Они хотели выйти из дома, но в эту минуту длиннородый заступил им дорогу, протягивая руку Георгу.

— Послушай, милый юноша, — сказал он, обратясь к мальчику, и на добродушном лице его промелькнула усмешка, точно он чувствовал себя пристыженным, — подай мне руку в знак того, что ты не сердишься за мою глупую выходку. Мне очень жаль, мне очень больно, что я сыграл с тобою такую скверную штуку.

Георг усмехнулся. Он был слишком добродушен, чтобы долго на кого-либо сердиться, а потому, пожав протянутую руку, ответил:

— Нет, теперь я уже больше не сержусь. Мне только очень досадно, что тому скверному человеку так легко удалось достигнуть цели, и теперь он над всеми нами смеется.

— Ну, знаешь, что я тебе скажу, — возразил длиннородый, крепко пожимая и потрясая руку Георга, — не всегда же ему повезет, а если мне посчастливится, и он когда-нибудь попадется, уж он у меня больше не засмеется. Как тебя зовут?

— Георг Оаклей.

— Оаклей из Арканзаса?

— Да.

— Сын Джона Оаклея из Арканзаса?

Георг утвердительно кивнул головой.

— Боже мой! Так ты сын Джона Оаклея, этого сиревдливейшего человека во всем Арканзасе? Ах, я олух! Что же я наделал! Ну, да ничего; ведь не так необъятна Калифорния, чтобы мы в другой раз не могли встретиться!

— Так вы знакомы с Джоном Оаклеем? — вмешался в разговор старик.

— Еще бы! — отвечал долговязый. — Мы были соседями в Миссури раньше, чем он женился на своей теперешней жене. Я, конечно, тогда был еще очень молодым человеком, немного вот старше его; мне известно, какие штуки проделывал с ним отец и как всем было жаль, когда Джон уехал от нас.

— Гм... А вы его здесь, в Калифорнии, не встречали?

— Никогда; а он давно уже здесь?

— Всего два дня тому назад. Вот этот мальчик разлучился со своими родителями и никак не может их найти.

— Так он не знает, где их искать?

— Никаких следов, никаких известий о них нельзя было собрать.

— Гм... гм... гм... — пробурчал долговязый, — какая досадная история. Но погодите, я на этих днях отправлюсь в Сан-Франциско и если что-либо узнаю о родителях Георга, тотчас вас извещу.

— Вот это было бы отлично! — воскликнул старик. — В таком случае адресуйте письмо на имя Георга Оаклея в Юба-Сити, при устье Юбы. Будете ли вы так любезны исполнить просьбу?

— Написать? Гм... гм... — сказал долговязый несколько смущенно и при этом покраснел до ушей. — Да вот, видите ли что, писать-то я не мастер, а вот винтовка — мое дело. Но ничего, — добавил он скороговоркой, — уж я сумею найти такого, который мне это дело обделает, и можете быть уверены, что я исполню свое обещание. Куда же вы теперь отправляетесь?

— Опять навех, в рудники, — отвечал старик, — потому что, весьма вероятно, что родители Георга разыскивают своего сына прежде всего в той местности, где расстались с ним, а потом уже отправятся в Сан-Франциско. Быть может, мы встретимся с ними на пути.

— Отлично! Итак, писать в Юба-Сити. Прощай, Георг, — добавил долговязый, снова взяв руку мальчика и с чувством ее потрясая. — Можешь быть покоен, если только мне придется встретиться с тем негодяем, я непременно отниму у него твои деньги, хотя для этого пришлось бы всю душу из него вынуть.

ГЛАВА XIV

Выступление в рудники

Наши друзья сели верхом на животных, привязанных стариком около игорного дома, и, пока они ехали городом, направляясь к горам, старик рассказал Георгу, каким образом он попал в игорную палатку. Когда он проезжал мимо этого места к берегу, надеясь там уже застать мальчика, то услышал ужаснейший шум и как раз в тот же момент увидел их знакомца с рукой на перевязи, быстро пробиравшегося между палатками за город.

Понятно, что это возбудило подозрение и, кроме того, ему захотелось узнать о причинах такого необычайного шума. Он слез с коня и, войдя в палатку, был поражен, увидев Георга в таком положении.

Каким образом все это произошло, он тотчас догадался. Негодяй видел, как Георг, уплачивая за купленную провизию, вынул новый кожаный кошелек, и приметил, куда он его опять положил, и тогда же составил себе план действий, вполне удавшийся.

— Однако, этот негодяй заслужил виселицы, — добавил старик, — и, конечно, не избегнет ее, мы можем быть в этом уверены. Впрочем, если только он нам попадется в руки, то уж, конечно, ему несдобровать. Но, я полагаю, он постарается с нами не встречаться.

Оба всадника поехали той же самой дорогой, по которой приехали в город в надежде встретить тут тех, кого искали; но все оказалось тщетным. Повсюду они наводили справки о том, не оставлено ли было на их имя какое-либо известие, но все встречавшиеся путники ровно ничего не могли сообщить. Да оно и понятно: все эти люди сами ежечасно переезжали с места на место и так были поглощены своими собственными интересами и заботами, что ни до кого им не было дела и обо всем они забывали, кроме себя.

Возможно было и то, что родители Георга, по его же словам, имевшие очень мало денег, вынуждены были где-либо остановиться в горах и там работали, чтобы на добытое золото получить средства продолжать путешествие.

Чтобы в этом удостовериться, они решили посетить всех людей, работавших поблизости, и там, по крайней мере, оставить записки со своими именами и назначить Юба-Сити тем местом, где их можно найти.

Ночи они проводили, если приходилось стоять лагерем, отдельно от других, принимая предосторожности, чтобы не подвергать себя такой же опасности, как прошлый раз. Да и вообще им теперь почти всегда удавалось ночевать около более или менее больших лагерей, так что вечера и ночи проводились безопаснее и приятнее. Будучи теперь в центре самых золотых приисков, где они всюду встречали маленькие колонии, никакая серьезная опасность им не могла угрожать.

Однако, все поиски их в горах и вдоль ручьев все же оказались тщетными; нигде не удалось найти каких-либо следов пропавших, и Георг снова горевал и не находил себе успокоения. Ему уже казалось, что теперь он не избегнул действительного несчастья, так что уже никогда в жизни ему не придется увидеть родителей.

Впрочем, около него был человек, постоянно его успо-

каивающий, а именно его старый спутник, хотя Георг недоумевал, что заставляет его принимать такое сердечное участие в его судьбе. Однажды он даже задал ему такой вопрос, так как было очень неудобно, не имея теперь денег, питаться за счет своего спутника. Старик, усмехнувшись, сказал:

— Об этом не кручинься, мой милый. Это я делаю чисто в свою пользу. Посмотри, я ведь теперь совсем старик, а у тебя доброе сердце; так что если я со временем не в силах буду работать, тогда ты меня будешь кормить. Да наконец, — добавил он очень серьезно, — разве ты полагаешь, что я уже забыл тот вечер, когда ты помешал тому негодяю разбить мне голову железным ломом? За это еще долго придется быть благодарным, а потому об этом прекратим всякие толки.

— Кроме того, теперь наступило время, о котором я уже тебе говорил; нам необходимо выбрать определенное место, которого будем уже прочно держаться и ждать там известий. Вот видишь перед нами маленькую кучку палаток; это и есть Юба-Сити. Еще в Сакраменто я тебе говорил, что я хочу отсюда написать в Сан-Франциско к одному из своих приятелей. Теперь как раз это удобно исполнить, так как я слышал в той последней палатке, оттуда отправляется на днях надежный человек с почтовой сумкой в Сан-Франциско, и он может передать письмо моему старому другу. Если твои родители там или если в скором времени туда придут, ты, в том или другом случае, можешь быть вполне уверен, что он их разыщет и тотчас же известит нас о том двумя-тремя строчками. А пока получим письмо, мы начнем работать где-нибудь поблизости, чтобы за это время что-либо заработать. Деньги мои близки к исходу, и лучше будет заблаговременно подумать о том, чтобы они не иссякли совсем.

— Боже мой! — воскликнул Георг; — я от всей души на это согласен и хочу работать, сколько хватит сил, но...

— Что же но? — спросил старик.

— Но меня до такой степени неудержимо тянет в Сан-Франциско, мне так хотелось бы разыскать моего дедушку...

— Этого старого скрягу? Да почему ты надеешься найти его там?

— В этом я, конечно, не могу быть уверен, но ведь все же это отец моей матери, и если бы мои родители туда

приехали, то отец наверное разыскал бы его, хотя бы только для того, чтобы сделать приятное моей матери.

— Ну да, отец твой, наверное, знать его не хочет? — усмехаясь, сказал старик.

— Напрасно вы так думаете, — порывисто возразил мальчик, — он постоянно сожалел о том, что они оба не могли познакомиться ближе; тогда, наверное, старый господин был бы другого мнения о моем отце. Дедушку восстановили против моего отца злые люди, вероятно, нашедшие в этом какую-либо выгоду для себя; а вследствие этого он не был доволен им, не имея на то никаких оснований.

— Хорошо, если это тебя так огорчает, — сказал старик после короткого размышления, — то я напишу своему другу, чтобы он вместе с тем собрал сведения о твоём дедушке. Как его зовут?

— Георг Гарди.

— Ах да! Вот он и напишет нам, можем ли мы найти в Сан-Франциско этого старика или нет. Если он там, так, по крайней мере, мы к тому времени успеем заработать деньги, необходимые на поездку. Да наконец мне все равно, если ты и один туда поедешь; а может быть, и я с тобой туда поеду, так как я охотно бы посетил еще раз этот город. Но отпрапляться туда ранее получения сведений и зря бродить по свету значило бы швырять деньги по дороге без всякого толка. Ну что же, по сердцу тебе это?

— От всей души! — воскликнул Георг, с чувством пожимая протянутую руку. — Я чувствую, что вы мне только добра желаете; что бы вас вынудило, в противном случае, выказать так много участия бедному, одинокому мальчику? Понятное дело, я готов всегда делать все, что вам угодно. Будьте, однако, уверены, что за все ваши благодеяния мне родители мои вечно будут вас благодарить.

— Вздор! — пробурчал старик, — никакой благодарности я еще не требовал и толковать об этом наступит еще время, когда я сам об этом заговорю. Ну, а теперь пойдем в этот поселок, я напишу и отправлю письмо, а ответ мы будем поджидать, занимаясь своим делом как истые золотоискатели, на близлежащих горных склонах.

— Но где же мы для этого приобретем необходимые инструменты и снаряды? Ведь это стоит больших денег? — возразил Георг.

— Снаряды? Да! Чертовски здесь все дорого. Но, раз

всем известно, что здесь есть золото, нам дадут инструмент и снаряды в ссуду, а за них мы заплатим из найденного золота.

— Кто же вам даст ссуду? Нас ведь никто не знает, — усмехнувшись, возразил Георг.

— Ну нет, это далеко не так! — ответил старик. — Здесь в Калифорнии, ты на опыте убедишься, что честная наружность для здешних служит превосходным рекомендательным письмом. Они дают в ссуду почти каждому не известному им лицу, а в особенности снаряды и инструменты, если берущие ссуду соглашаются работать поблизости от них; при этом они руководствуются очень разумным соображением, что те, кто от них получил инструменты и снаряды, у них же будут покупать пищевые продукты и все необходимое для жизни. Но об этом предоставь мне позаботиться самому; теперь самое важное поскорее отправить письмо.

Не медля ни минуты, они тотчас поехали в городок и там привязали своих животных, при которых остался Георг, а старик отправился в одну из палаток для написания письма. Но он был там весьма недолго; старик возвратился и крикнул Георгу, чтобы он привел к палаткам обоих животных. Хотя Георг и недоумевал, для чего это нужно, но тотчас выполнил требование, однако весьма изумился, увидев перед входом в палатку два мешка со съестными припасами, свернутую палатку, две лопаты, две кирки, жестяную миску и промывательный снаряд. Как объяснил ему старик, все это было приобретено им в собственность.

— И все это вам дали в ссуду? — спросил Георг, недоверчиво покачивая головою.

— Об этом, милый мой, пожалуйста, не заботься. Все это здесь налицо, и мы будем этим пользоваться. Теперь же мы все это уложим и, как настоящие рудокопы, отправимся на прииски пешком. Помоги-ка мне все это уложить поскорее, чтобы еще сегодня вечером добраться к рудникам и, быть может, мы успеем выбрать подходящее место.

Он усердно принялся за работу, и хотя Георг еще не умел надлежащим образом уложить на вьючном седле разнообразные предметы и как следует их укрепить, все это ему пояснял и указывал его опытный старый спутник, а сметливый мальчик тотчас отлично умел воспользоваться наставлением старика.

Все уложив и укрепив, Георг взял за узду Москито, намереваясь вести его, но хозяин осла окрикнул его:

— Нет, милый мой! Оставь Москито в покое, пусть себе идет сам. Он давно уже привык идти вперед без провожатого, чувствуя себя нагруженным, а пони идет вслед за ним; так что нам приходится только за ними следовать. Ну, Москито, марш вперед! Докажи, какой ты молодец и не заставляй меня краснеть за тебя. Примемся теперь за старую нашу работу.

Москито, повернув голову в сторону своего хозяина, забросил уши назад и сморщив лоб, что производило весьма комичное впечатление, во всю мочь прокричал свое раздавшееся по всему лесу: и... и... и..! Когда же старик пригрозил ему рукою, он тотчас повернул голову, брыкнул обеими задними ногами, так что зазвенели миски, и тотчас зашагал по узкой тропинке, ведущей к горам, так спокойно и с таким достоинством, что невозможно было желать чего-либо лучшего.

Вслед за ним шел пони, по-видимому, немного недовольный тем, что им пользовались как вьючным животным, но все же весьма терпеливо выносивший свое положение; за ними следом шли старик и мальчик, вскинув на плечи винтовки, из которых убивали попадающихся им по дороге зверей.

Но больше всех доволен был Гектор, шумно выражавший свою радость. Как только он увидел, что оба хозяина его идут пешком и направляются снова в сторону гор, он как бешеный прыгал вокруг них, оглушительно лаял и даже завывал от радости. Вслед за тем он бросился со всех ног в лес, точно задумал никогда более не возвращаться оттуда. Однако вскоре он примчался уже с противоположной стороны, бросился под ноги Москито, который тотчас же основательно брыкнул. Гектор тогда снова начал свою бешеную скачку по лесу. Только после часа ходьбы он успокоился настолько, что шел рядом с маленьким караваном, но даже и тогда он очень часто забегал вперед, выказывая желание быть во главе каравана.

Но это, безусловно, не нравилось Москито. Раз он чувствовал себя нагруженным, он терпеть не мог, чтобы кто-либо шел впереди его, да и притом Гектор до такой степени рассердил его своими недавними скачками и неистовым бесцельным лаем, что он не мог ему этого так скоро простить, несмотря на то, что они всегда были добрыми друзьями. Когда Гектор вздумал идти впереди

Москито, последний вначале ничего, по-видимому, не имел против этого, однако совершенно незаметно он все ближе и ближе придвигался к собаке, и когда Гектор, ничего не подозревая, спокойно и тихо шел впереди, Москито быстро и внезапно нагнулся и, вытянув нос и высоко поднявши верхнюю губу, так сильно укусил хвост Гектора, что тот, жалобно завыв, как бешеный отскочил в сторону. После этого чувствительного урока Гектор уже не позволил себе идти впереди и, подбежав к хозяину, скромно держался около него. В свою очередь Москито, довольный удавшейся хитростью, брыкнул раза два от радости, чем ужасно рассердил шедшего за ним пони. Грозный окрик хозяина заставил его, однако же, успокоиться, и он снова тихо и чинно поплелся вдоль по тропинке.

Бодро идя вперед в горы, они шли по течению ручья, впадавшего в Юбу, и как раз перед заходом солнца пришли к месту, где находилось несколько отдельно стоявших палаток. Немного дальше от этого места, так как уже стемнело, они увидели множество зажженных костров, блестящих среди мрачного леса, точно светящиеся жучки. Они продолжали двигаться дальше, пока не очутились в центре маленькой колонии. Только пройдя ее до самого края, старик предложил сделать привал, и они поспешно приступили к устройству лагеря. Ввиду того, что ночь была ясная и звездная, устройство палатки было отложено на следующий день, так как они в такое позднее время не могли избрать подходящее место. Вскоре запылал яркий огонь, для поддержания которого срублено было ближайшее молодое дерево, и часом позже оба спутника уже лежали у огня, плотно завернувшись в шерстяные одеяла.

На следующее утро Георг проснулся первым и не мог сдержать радостного возгласа, увидев вокруг себя чрезвычайно живописную местность. На заднем плане виднелись довольно высокие горы, поросшие громадными соснами вперемежку с красным деревом. У подножия этих гор, пенясь и бурля, среди больших камней кремневой и кварцевой породы, шумно стремился ручей с светлой, прозрачной водой, а далее, по направлению пройденной ими вчера дороги, в светло-голубом сиянии утра вырисовывалась широкая долина Юбы. Все кипело деятельностью и усердно работало вокруг них.

Куда только ни взглянешь, всюду виднелись маленькие пестрые и светлые палатки, живописно выделявшиеся среди зелени деревьев и кустарников, и повсюду мелькало

множество человеческих фигур, из которых большинство возилось около огней костров, приготовляя завтрак, другие бродили по лесу, собирая дрова, но были и такие, которые успели уже приняться за работу. Некоторые, очевидно, начали работать до рассвета, потому что доносился уже странный и монотонный шум протряхивания и промывки в золотопромывательных снарядах, или так называемых «люльках».

Пока Георг стоял, в восхищении любуясь прелестной картиной, освещаемой первыми золотистыми лучами только что поднимавшегося солнца, окрашивавшего красноватым отблеском верхушки лесных деревьев, подошел к нему старик и, усмехаясь, сказал:

— Не правда ли, милый мой, что, по-видимому, здесь весело живет, и глядя отсюда, кажется, что все это легкое, шуточное дело и что здесь каждый день все равно что воскресный день. А пойдем-ка туда вниз к ручью да примись-ка работать киркой да лопатой, тогда только познакомишься с тяжелыми, невеселыми сторонами здешней жизни. Нигде так не оправдывается вполне, как здесь, известная пословица: «Не все то золото, что блестит».

— Я не боюсь никакой работы! — порывисто и горячо воскликнул Георг. — Испытайте меня и увидите, что я за нее с радостью примусь.

— Тем лучше! — сказал старик, усмехаясь, — нам это здесь на руку. Но все же подумаем пока о завтраке, а потом выберем хорошее подходящее место, затем устроим палатку и тогда уже, с Божьею помощью, возьмемся за работу.

— А знаете ли вы, где тут лучшее место для добывания золота? — спросил Георг.

— Этого никто знать не в состоянии, — отвечал старик. — Так или иначе, все это дело счастья, чистейшая лотерея. Но, судя по тому, что здесь поселились многие, а некоторые даже бараки построили, надлежит придти к заключению, что здесь имеется золото. Если все другие не бесплодно работали в поисках его, мы, несомненно, тоже что-либо найдем. Ну, теперь скорее за дело, потому что здесь время дорого и за каждый потерянный попусту час нам придется заплатить собственными деньгами.

Вскоре они приискали подходящее место для лагеря и так как оба они обладали основательной сноровкой для такого рода работы, не более как через полчаса палатка

была уже сооружена. Туда перенесли различные необходимые припасы, седла и одеяла, из которых устроили постели, и таким образом могли тотчас заняться деятельностью золотоискателей.

Однако, Георгу показалось несколько опасным, что все их имущество должно было оставаться в лесу без всякого присмотра. Опыт последних дней привел его к убеждению, что на честность соседей нельзя было рассчитывать. Старик, впрочем, успокаивал его, высказываясь таким образом:

— Если только мы *завяжем* вход в нашу палатку, чтобы не дать возможности Москито туда пробраться, большего ничего не нужно и нет оснований опасаться за целостность наших вещей. Завязывание имеет здесь в рудниках такое же значение, как замок и засовы, и я бы никому не посоветовал дать захватить себя в прорыве в палатку. Нет, милый мой! Однако, о чем забочусь, это чтобы не проник туда Москито, потому что это такая негодная, низкая воровская каналья, какую даже тут, в рудниках, не легко найдешь.

— Да ведь он пока еще ничего до сих пор не украл, — защищал осла Георг.

— А потому что мы ни разу не предоставили ему возможность для этого, — возразил старик. — До сих пор мы очень мало возили съестные припасы, даже иногда совсем ничего при себе не имели, или имели провизию при себе, лежа у огня. Теперь же, когда мы вынуждены иметь значительный запас и оставлять его без присмотра в течение целого дня, надо нам тщательно заботиться, чтобы осел к съестному не добрался. Ну да если я его на этом поймаю, достанется ему!

Пока все это говорил старик по поводу Москито, грозя при этом в его сторону пальцем, осел стоял от палатки не более как в десяти шагах и, подняв высоко голову, тянулся к цветку, росшему на очень высоком стебле. Но, глядя на него, можно было не сомневаться, что он отлично понял все, что о нем говорилось, так как, внезапно откинув уши назад, поджал хвост и, повернувшись, с пристыженным видом поспешил отойти подальше от палатки. Георг громко расхохотался.

— Еще бы он не понимал! — усмехнувшись, сказал старик, глядя в сторону Москито. — Хорошо в нем только одно, что он постоянно держится поближе к палатке, а потому всегда под рукою, когда в нем оказывается надо-

бность. Однако пойдём; ещё рано, и мы успеем порядочно порыться в каком-либо подходящем месте. Тогда ты узнаешь, как в Калифорнии ищут и находят золото.

ГЛАВА XV

О том, какой дельный золотоискатель вышел из Георга

Промывательный снаряд остался наверху в палатке, так как в нём ещё не могло оказаться надобности. Оба золотоискателя вскинули на плечи лопатки и кирки, а старик взял ещё в левую руку жестяную миску, и спустились к горному ручью, намереваясь выбрать там новое и свободное место, на котором могли бы начать работы.

В этом месте река образовывала несколько изгибов и, глядя сверху, они всюду могли заметить, в каких местах почва была изрыта по всем направлениям.

— Там внизу дело неладно, — сказал Георг; — вдоль всей ложбины ручья нигде нельзя встретить даже кусочка нетронутой земли; они уже всюду рыли. Будь там золото, они бы эти места не бросали.

— Ты ошибаешься, — возразил старик. — Рудокопы очень нетерпеливый народ и копают. то здесь, то там, и если тотчас не найдут золотоносную жилу — бросают и идут дальше, выбирая себе новое место. Ни один из них не обладает сколько-нибудь значительным терпением.

— Золотоносную жилу? — изумленно переспросил Георг. — Да разве золото лежит в горах жилами?

— То есть нельзя сказать чтобы вполне правильными жилами. Но, во всяком случае, в давние времена оно было смыто с гор вниз, потому его и находят в совершенно чистом виде, и называется оно: аллювиальное золото. Когда поток низвергся вниз, то течением унесло тяжёлый металл в долину по руслу потока. Но так как металл вследствие тяжести опускался на дно, он и остался среди каменных пород или в мягкой глине, образовавших ложбину реки. В позднейшие столетия наносилась земля в ложбину, затем появилась на ней роскошная растительность, и теперь мы должны разыскать там узкую полоску, по которой проходило смытое с верха золото — вот это именно и называется жилой.

— Но если бы там внизу действительно была подобная жила, то её нашли бы уже те, кто так давно роется. Ведь везде и всюду видны ямы.

— Это, разумеется, верно отчасти, но ты должен обратить внимание на то, — сказал старик, — что золото не спускалось вниз по прямой линии, но по чрезвычайно извилистой, описываемой в те отдаленные времена стремившимся вниз потоком. Всякая река, по прошествии меньшего или большего числа лет, вследствие тех или других причин изменяет свое русло, будь это величайшая река в мире или даже маленький ручей, конечно, за исключением тех случаев, когда она течет в ложбине, окаймленной высокими скалистыми берегами. Если течение стремится вдоль скалистой стороны, то оно все же уносит много хряща и песка. Все это задерживается на каком-либо первом попавшемся выдающемся утесе, затем нанос становится все выше и выше, образует значительную отмель и вынуждает реку изменить течение и направиться другим путем. Если эта песчаная отмель за некоторое время пообсохнет, тогда, вследствие нанесенных на нее листьев, трав и вообще всякого рода растений, на ней, по прошествии некоторого времени, появляется почвенный слой, на котором имеется достаточно питательных веществ для того, чтобы занесенные ветром семена деревьев воспроизвели значительные поросли. Через каких-либо сто лет узнать невозможно, что когда-то это было, быть может, самым глубоким местом реки, но окажется это только тогда, когда покопают глубже и доберутся до наносного хряща и песка.

Таким образом, так как золото вследствие этого отлагалось и оседало по направлению зигзагами, понятно, что его трудно найти. Весьма возможно вырыть четыре-пять ям чрезвычайно близко одна от другой в такого рода ложбине реки и все-таки не попасть на надлежащее место. А между тем вслед за копавшими придут другие и, выкопав новую яму, вплотную к прежним, весьма возможно, тотчас же найдут много золота, тогда как их предшественники, коная недели и месяцы, едва-едва зарабатывали ежедневное пропитание. Вот почему никогда нельзя наверное рассчитать, где действительно залегают много золота. Если нам предстоит найти его, то найдем мы его также там, где другие Бог знает как давно и долго копали. А потому бодро и поскорее приступим к делу, во всяком случае мы накопаем золота столько, чтобы иметь возможность просуществовать здесь в ожидании письма, а если нам повезет, то добудем его на покрытие расходов по поездке в Сан-Франциско. Теперь пойдем, а все остальное

ты сам сообразишь и поймешь, работая; начнем как раз там, где уже копали до нас другие.

Старик бодро зашагал вперед, спускаясь по склону вниз и, согласно высказанному мнению, избрал тотчас же одно местечко, казавшееся ему подходящим. Сложив на землю принесенные инструменты и миску, они энергично принялись копать.

Эта работа была не из легких, так как вообще земляные работы утомительны. Вначале земля копалась легче, так как верхний слой был несколько размягчен недавними дождями, но когда они выкопали почти на фут глубже, все, что выбрасывалось лопатой, приходилось предварительно разбивать кирками.

Как и всем повичкам, воображавшим, что в Калифорнии можно найти золото даже в самом верхнем слое почвы, Георгу очень хотелось протрясти и освидетельствовать выкопанную землю. Однако старик тотчас доказал ему, что он заблуждается, так как в угоду ему проверил две полные лохани земли и в них не оказалось ни малейшего следа золота. Когда они, копая, углубились еще на шесть футов ниже и все-таки ничего не нашли, Георг потерял терпение и выразил желание рыть в другом месте, но старик восстал против такого намерения:

— Вот, видишь ли, ты такой же, как и другие, желающие всюду найти, но нигде не желающие искать; пока мы не доберемся до каменных пород или до твердой глины, мы не можем рассчитывать найти золото, потому что, за весьма ничтожными исключениями, здесь, в Калифорнии, золото именно там и залегает. Когда мы докопаемся до камня или твердой глины и все же не найдем там золото, тогда только с чистой совестью мы можем покинуть это место.

Усердно рыли они все глубже и глубже и только во время обеда часик отдохнули после непривычной тяжелой работы. Только к вечеру добрались они до твердой глины, и старик подверг исследованию две лохани, наполненные землей. По его словам, в них было некоторое содержание золота, но не настолько значительное, чтобы стоило труда и промывки. Но тем не менее, эту землю они отложили и продолжали раскопки, пока солнце не зашло. Тогда только они прекратили работу и пошли наверх в свою палатку поужинать и отдохнуть от напряженного труда в сегодняшний день.

Со своими соседями они еще не были знакомы, да

и интересовало их это очень мало. Между тем едва успели развести костер, как к ним подошел один из соседей, оказавшийся ирландцем, горько жалуясь на Москито.

По его словам, это был негоднейший осел, постоянно бродящий по всему лагерю, по-видимому, совершенно брезгующий сладкой, горной травой, так как в то время, как все люди работали внизу около ручья, он подкрался к одной из ближайших палаток, приподнял полотно с одного края, разыскал мешок с мукой и до тех пор возился и тянул его к себе, пока не всунул в него свою морду. Нажравшись вволю, он ушел и стоит теперь в ста шагах от палатки своего господина, под деревом. Вся морда у него в муке, уши низко опущены и стоит невинным агнцем, как ни в чем не бывало, скорчив смиренную и глупую рожу.

Ирландец требовал вознаграждения за пожранную ослом муку и, хотя не поймал его на месте преступления, но морда Москито вполне подтверждала совершенное им преступление. Однако, так как только нос Москито оказался действительно в муке, на всей же морде следов ее не было, старик Ложный нашел возможным дать совет ирландцу на будущее лучше охранять свою палатку, но вознаграждение пока обещать не может, так как пока осел находится только на подозрении. Но если осел будет уличен в краже, тогда вознаграждение обязательно будет уплачено.

Ирландец рассердился. Но так как старый американец твердо стоял на своем, а также и другие соседи, подошедшие к костру, не только не поддержали, но еще и осмелили ирландца, последнему пришлось уйти с пустыми руками, но он поклялся, что всадит в живот пулю проклятому ослу, если только поймает его около своей палатки.

Слышал ли Москито эту угрозу или, может быть, муку припрятали лучше, так, чтобы Москито не донюхался до нее носом, но дело в том, что, по крайней мере, в эту ночь он держался как можно дальше от ирландцев, однако попытался сделать почти удавшееся нападение на мешок с мукой, находившийся в палатке его собственного хозяина.

Но это не удалось вполне, благодаря бдительности Гектора.

Когда оба золотоискателя, истомленные напряженным трудом целого дня, крепко уснули, снова проголодавшийся Москито очень долго шнырял вокруг палатки и наконец разыскал место, где лежал мешок с мукою. Но в данном случае палатка сама по себе представляла весьма серьезное препятствие, так как притянута была вплотную к зем-

ле глубоко вбитыми в землю кольями. Но Москито с железной настойчивостью так долго и усердно возился над одним из этих кольев, что наконец выдернул его из земли и мог свободно просунуть нос под полотно палатки. Все остальное представлялось уже пустячным делом, так как мешок он мог легко схватить своими крепкими зубами, а Георг и старик спали так крепко, что все равно ничего бы не услышали. Тем временем Гектор, знавший отлично, кто там около палатки возится, тихонько подполз вплотную к мешку и осторожно лег около него, бесшумно поджидая. Как только ничего не подозревавший Москито всунул под полотно свой темно-каштановый нос, несмотря на темноту отлично рассмотренный Гектором, как тот схватил осла за нос и не выпускал его, цепко впившись зубами. Понятно, Москито испугался и пытался освободиться, но Гектор не уступал и оба тянули в противоположную сторону, причем подняли такой шум, что старик и Георг внезапно проснулись и опасаясь какого-либо нового нападения, быстро схватились за винтовки.

Однако, вскочив с постели, Георг нечаянно наступил Гектору на ногу и этим вынудил его выпустить из зубов нос вора. Этим воспользовался Москито с быстротою молнии. Достаточно смывленный, чтобы сознавать, что за такое поведение его по головке не погладят, он бесшумно, но быстро прокрался в чашу и даже утром вблизи палатки не показывался.

Но старому охотнику и не нужно было слышать его голоса, достаточно было увидеть следы похождения осла, чтобы узнать, что здесь происходило. Убедившись, до какой степени жаден был Москито до муки, его хозяин решил не вводить осла в искушение и на следующее утро, отобрав из мешка сколько было нужно для дневного потребления, привязал его к своему лассо и повесил на ближайшем дубу настолько высоко, чтобы Москито не мог достать. Только таким образом обеспечивалась возможность предохранить себя от воровских проделок Москито.

Тотчас после завтрака оба товарища отправились на работу и, пожалуй, в этот день с особой охотой и любовью они занимались делом, так как имели основания надеяться, что сегодня до известной степени должны пожать то, что посеяли вчера, то есть: промывать сегодня ту землю, которую вчера целый день отбрасывали в сторону.

Вот почему они сегодня взяли с собою снаряд и поместили его у самого ручья, где была проточная вода.

Георг должен был приводить в движение снаряд, следовательно, исполнять легкую работу, а старик, несмотря на свои седые волосы еще сильный и бодрый мужчина, подносил ему ведром землю, в которой предполагалось известное содержание частиц золота. Поначалу Георгу эта работа казалась очень мудреной, и руки болели от непривычного движения. Однако это длилось недолго и вскоре он так с этим освоился, что протряхивал и раскачивал, подливая при этом постоянно воду в решето, так ловко, как будто он с детства только этим и занимался.

Работа золотоискателя, хотя она тяжела и требует напряженного внимания, все же имеет много привлекательного, так как он всегда ждет и надеется, никогда не зная наперед, что он найдет. Каждое ведро, наполненное землей, выкопанной им, может содержать в себе целое сокровище и вознаградить его за потраченный труд, а если в одном это не найдется, то может оказаться в другом, за ним следующим, ведре. Каждая яма, над которой он трудился, скрывает в себе, как он надеется, тяжелое золото, и, постоянно обманутый в своих надеждах, он все же не теряет надежды, что если не здесь, так в другом месте он найдет то, что здесь тщетно искал. Да разве это не яркое изображение всей нашей земной жизни?

Все мы работаем и стараемся, как только достигаем возраста, когда сами о себе вынуждены заботиться, и пробуем свои силы то над тем, то над другим, то на одном, то на другом месте, и хотя часто разочаровываемся и покидаем начатое, но все же не теряем надежды, что когда-нибудь нам повезет, если не в одном, так в другом. Эта уверенность в благоприятном исходе, называемая нами: надежда — представляет собой самый лучший и благотворный дар, ниспосланный нам Небом. Пользуясь счастьем, мы в надежде не пуждаемся, но когда нас преследуют несчастья, страдания и неудачи, — она тотчас становится около нас и ласково протягивает нам руку. Надежда — это наш надежный посох на жизненном пути, и на него мы опираемся всегда, когда утомимся и сомневаемся в достижении цели.

Георг не относился к своей работе с такими ясно определенными ощущениями. Он слишком еще мало знаком был со значением денег в жизни, чтобы сделаться жадным до золота. В силу этого в нем гораздо сильнее проявлялось простое любопытство, желание удостовериться, действительно ли они нашли что-либо, чем стремление к зара-

ботку, к барышу. Когда старик промыл землю, чтоб проверить, что вышло из их трудов, он стоял около него, подперши руками бока, и, смеясь, посматривал на снаряд.

Старик имел в жестяной лохани все, что выбрал из снаряда, и пошел с этим к ручью, чтобы еще раз протрясти и отбросить прочь легкие камни, бывшие сверху, промыть землю и выпустить воду прочь.

Наконец, на дне оказался содержащий железо и потому очень черный и тяжелый песок, постоянно опускающийся вместе с золотом наиболее глубоко, и в нем виднелись отдельные маленькие круинки и пластинки желтого цвета с золотым блеском, такие же точно, как уже всюду видел их Георг при уплате за покупки.

Да! Это было золото! Но, конечно, несравненно меньше того, сколько надеялся добыть Георг.

— Да, мой милый, — сказал старик, — не думай, что мы так-таки сразу выработаем этой машиной все, что нам нужно. Мы здесь перемыли земли около тридцати ведер, доверху наполненных, а между тем в этой лоханке имеем золота едва ли больше, чем на три доллара. Если мы будем и дальше продолжать добывать столько же, так это, во всяком случае, недурной поденный заработок, и эту добычу именно надлежит рассматривать, как плату за поденный труд. Если, средним числом, будем зарабатывать не менее этого, мы можем быть очень довольны, и есть здесь в Калифорнии тысячи людей, которые благодарили Бога, зарабатывая столько же.

— В таком случае приходится очень долго копать, чтобы разбогатеть, — смеясь, ответил Георг, — потому что при громадных ценах на все съестные припасы трудно что-либо отложить про запас.

— А все же кое-что можно сберечь, — возразил его спутник; — но при этом мы все-таки должны иметь в виду и то, что, вырыв иной раз глубокую яму, мы ровно ничего в ней не найдем или, если и найдем, то очень мало, что не стоит и промывки. Все это дело счастья. Впрочем, в Калифорнии замечательно еще то, что здесь самые дрянные и ленивые люди, притом работавшие несравненно меньше других и тотчас пропивавшие, что находили, и до сих пор еще удивительнейшим образом оказывались счастливее других: куда бы они ни сунули лопату, всегда были уверены в богатой добыче. Однако, это им нисколько не помогает. Золото уходило так же скоро, как его промывали,

и попадало в карманы вицоторговцев и игроков, а им приходилось снова приниматься за копанье и промывку.

— Ну да с нами ничего подобного не случится: мы ведем дело иначе, — возразил мальчик.

— А все же ты с того начал, что сразу, в одной и той же палатке, оставил все свое состояние, — засмеявшись, сказал старик. — Это было хорошее начало жизни в Калифорнии.

— Но я нисколько в этом не виноват, — оправдывался Георг. — Однако, обидно то, что такой отъявленный негодий не только ускользнул от наказания, но даже достиг своей цели. Где же справедливость на свете, если такие негодяи гуляют безнаказанные и подвергают опасностям честных людей.

— Нет, мой милый юный друг, — внушительно сказал старик. — Пути Божьи неисповедимы, но Бог, в конце концов, все приводит к лучшему. Многое случается здесь на земле, совершенно непонятное для нас, жалких, недальновидных смертных, и уразуметь причины мы не в силах. Только по следствиям мы, большей частью, убеждаемся, что все совершалось, как и надлежало. Ты еще молод, Георг, и твой жизненный опыт весьма незначителен, но если ты призадумаяешься над прошлым, то многое, что прежде казалось тебе несчастьем, предстанет теперь перед тобой совершенно в ином свете. Многое из того послужит к лучшему, а, между тем, как раз те несчастья были тому причиною.

— Ах, Боже мой! Да оно, отчасти, и правда; однако, все же, что хорошего могло произойти от паводнения в Арканзасе? Чуть тогда не погибли мама и сестренка, а теперь я совершенно их потерял и никогда уже с ними не увижусь.

— Да, милый мой, — возразил старик; — это, пожалуй, правда. Но все же мы теперь видим в этом только худшее, видим только причину, но, кто знает, может быть, со временем это самое несчастье послужит к счастью.

— А эта низкая хитрость негодяя в игровой палатке? Разве она тоже принесет хорошие плоды?

— Никто из нас этого не знает, — сказал старик. — Кто знает те невинные пути, те нити, которыми Господь Бог направляет и управляет нашей судьбой? Мы должны только с полным доверием относиться к нему, и если нам теперь многое кажется непостижимым — он все направит так, что оно, со временем, окажется лучшим. Но теперь,

Георг, — внезапно прервал он свою речь, — нам нельзя терять дорогое время в разговорах. Мы далеко еще не заработали того, что израсходовали на сегодняшние и вчерашние продукты. Итак, бодро и скорее примемся за работу, и следующий промывательный снаряд, быть может, даст нам лучший заработок, нежели первый.

Оба снова принялись энергично за работу и после кратковременного обеденного отдыха опять работали до захода солнца и промыли еще золота, пожалуй, на один доллар. Конечно, это весьма скудная поденная плата для двух человек за два дня работы при таких ценах на съестные припасы, как в Калифорнии.

Что касается Гектора, он не очень-то был доволен работой. Вначале это его забавляло, и он рыскал по лесу вблизи от раскопок своих хозяев. Но так как молодой хозяин его подолгу не вылезал из глубоких ям и никакой речи не было о стрельбе и охоте, это дело ему порядком надоело, он улегся, свернувшись на том месте, где Георг клал свое верхнее платье, и все время спал.

Когда они вечером возвратились к своей палатке, Москито стоял вблизи ее, но, по-видимому, был чем-то очень раздосадован и недоволен. Как они узнали впоследствии, он приближался к двум отдельным палаткам, полагая там удовлетворить свои наклонности и заняться воровством, за что и был основательно избит владельцами. Вслед за тем он усердно занялся подвешенным на дерево мешком с мукой, но все его попытки оказались тщетными. Однако же об усердии его свидетельствовало неопровержимое доказательство, так как вся земля вокруг дерева оказалась сильно изрытой копытами.

Кроме того, очень близко от своей палатки застали они в этот вечер маленькое индейское племя, впрочем, состоявшее только из двух отдельных семей, выпрашивавших у белых, если возможно, спиртных напитков и немного хлеба для женщин.

Несомненно было, что эти индейцы очень часто входили в сношения с европейцами или американцами, но ни в одном случае это не принесло им пользы. Насколько были горды и полны достоинства дикари, которых встречал Георг в лесах, настолько же навязчиво и униженно вели себя эти; от некоторых сильно несло водкой.

Как мужчины, так и женщины были отчасти наряжены в европейскую одежду, в то именно, что им удалось слу-

чайно добыть. Как она сидела на них и где помещалась, они, по всей очевидности, не обращали на это ни малейшего внимания; важно было только то, чтобы это было нечто чужестранное.

Когда такого рода люди перестают носить свое национальное одеяние или, вернее, начнут одеваться (так как калифорнийские индейцы большей частью ходят голыми) и вздумают надевать иноплеменную одежду, они всегда предпочитают пестрые и яркие цвета. В особенности любят все племена дикарей ярко-красный и желтый цвета. Однако выше всего они ценят *мундиры*. За голубой мундир, а еще лучше красный мундир с эполетами, светлыми блестящими пуговицами и золотыми погонами, можно все что хотите от них получить, а тот, которому удалось приобрести такое сокровище, выступает в своем народе горделивее любого короля.

Среди этой маленькой ватаги был такой счастливчик, наряженный в ярко-красный, истрепанный мундир барабанщика Бог весть какой страны, и хотя он ему был несколько узок и стеснял его движения, но выступал он в нем так важно, как будто в руках его был маршальский жезл и командовал он целым войском. Это не мешало яркому камзолу быть покрытым отвратительнейшими коричневыми пятнами, на локте было разорвано, а половина пуговиц отсутствовала. Но на такие пустяки дикарь не обращал ни малейшего внимания. Эка важность! Ярко-красный цвет далеко виден в кустах; солнце ярко отражалось на фальшивом золоте погон и пуговиц, а товарищи смотрели на него с невыразимой завистью и жадным восхищением.

Помимо мундира, крайне узкого для него, так что невозможно было застегнуть его на голой коричневой груди, на парне этом были еще серые изорванные штаны, подтяжки которых надеты были сверху мундира. Все убранство завершалось старой соломенной шляпой, утыканной всевозможными перьями, и сверх того красовался светло-голубой султан, несомненно, украшавший во время оно какую-либо шапку. Теперь он висел на шнурке, перекинутом на шею дикаря.

Другие индейцы были одеты: кто в одни только рубахи, на других были только штаны, без рубахи, а некоторые только в сюртуке. Из женщин две были в европейских женских платьях, добытых неведомыми путями. Эти ситцевые тряпки отвердели от грязи и, уже несколько недель

таскаемые по лесам, изодраны были во многих местах колючками кустарников.

Тем не менее мужчины вооружены были луками и стрелами, без которых они никогда не появляются в лесу. Это единственное оружие, которым они могут убивать дичь. Все они, очевидно, были очень голодны, потому что жадно пожирали куски сухарей, которые удалось им выпросить в разных палатках.

Эта ватага подошла также к палатке старика, и когда они увидели, что он налил себе маленький стаканчик из бутылки с водкой, начали к нему приставать, чтобы он их угостил из той же бутылки. Наряженный индеец предлагал даже за это одну из своих пуговиц. Но Ложный не пожелал удовлетворить их просьбы, хотя все же подарил им немного хлеба и обещал дать им много больше, если они соберут и принесут ему хворост для топлива.

На это индейцы хотя и согласились, но пожелали послать на эту работу только женщин; старик возразил против этого и потребовал, чтобы они исполнили это сами, а если не хотят поработать, то ничего не получают. Это индейцам очень пришлось не по сердцу, и наряженный в мундир, выступив вперед, обратился к старику с длинной речью, окончив которую, он полагал, что вполне убедил белого. Однако старик, хотя и выслушал его спокойно, но отрицательно покачал головою и попросил ватагу убраться прочь.

ГЛАВА XVI

История хитрого индейца

Когда отделались от краснокожих, старик, войдя в палатку, взял бутылку с водкой в руки, но из нее не пил, так как вел очень трезвую жизнь и пил по стаканчику только после усиленного труда. Намереваясь ее спрятать, он обратил внимание на то, что в ней осталось гораздо меньше, чем должно было быть. Повернув ее к свету и приглядываясь, он раза два изумленно покачал головою.

— Гм... — сказал он, — это очень странно. Ты, Георг, не пил из этой бутылки?

— Я? — рассмеялся мальчик. — Понятно, нет! В этом можете быть уверены.

— Да тут дело не в том, что уменьшилась водка, ты

ведь сам знаешь, что я пью очень мало, да и Москито не мог украсть ее, а между тем, с тех пор, как я последний раз держал бутылку в руках, кто-то из нее пил.

— Пожалуй, кто-либо из индейцев забрался в палатку, — порывисто сказал Георг. — В таком случае наше оружие и одеяла могут быть украдены, и не лучше ли нам брать их с собою, когда идем на работу.

— Ну, нет, это совершенно лишнее, — успокоил его старик, — никогда краснокожие себе этого не позволят. Я еще никогда не слышал, чтобы индеец забрался в палатку, хотя ко всему, что вне ее, они относятся иначе. Я полагаю, что это одолжение оказал нам кто-либо из наших соседей.

— Но ведь эти хорошо знают, насколько они нарушают закон, позволяя себе красть из палатки.

— Гм... — возразил старик, — многие полагают, что глоток водки нельзя называть кражей.

— Но кто же мог знать, что водка имеется в палатке? — возразил мальчик.

— Никто не мог знать, за исключением ирландца, приходившего сюда с жалобой на Москито. Когда он стоял у входа в палатку, бутылка стояла в углу, и он мог ее очень легко достать, зная, где именно она стоит.

— Тогда лучше положить ее на середине палатки и под одеяла, — сказал Георг.

— Да, пожалуй, это будет лучше, — возразил старик, — так как едва ли он станет терять время, разыскивая ее там, но я хочу сначала удостовериться, кто именно этим занимается, и тогда я, быть может, придумаю отучить его от этого другим способом. А потому, мой милый, об этом и толковать не будем теперь. Я уже здесь на бутылке сделал заметку и хочу окончательно убедиться, действительно ли мы имеем соседа, такого падкого к водке.

— Каким же способом хотите вы его от этого отучить?

— Ничего, погоди немного, потом узнаешь.

— О чем это вам так горячо рассказывал сегодня индеец? — спросил Георг. — Он все время неистово бил себя кулаками в грудь.

— Вздор! — отвечал старик. — Он толковал о своей гордости, о своем значении как предводителя. Это все несчастные люди, вытесненные из принадлежавших им земель, удобных для охоты, и затем отравляемые водкой теми самыми, которые их ограбили. Быть может, они очень долго не исчезли бы с земного шара, так как Бог их

наградил вполне подходящими к их организму и нравам климатом и другими условиями жизни в этой стране, если бы не было открыто на их земле то золото, которое мы добываем и губим их окончательно.

— Однако индейцы, даже тогда, когда они еще не испорчены, все же ленивы и заставляют женщин исполнять все работы. В степях мы часто встречали племена, которые очень мало, иногда даже совсем не входили в сношения с белолицыми, а между тем они также заставляли своих женщин работать и носить тяжести, как рабы, а сами преспокойно шли вперед, налегке, с луком или с метательным копьём в руке.

— Да, это действительно верно, — возразил старик, — и это самое мы замечаем среди всех дикарей, по крайней мере, среди всех тех, которые поддерживают свое существование исключительно охотой. Но в этом есть и хорошая сторона, и избави Бог, если мы к подобным нравам станем применять способы оценки цивилизованных стран. Не только индеец, но и жена, и дети его, главным образом, заботятся о приготовлении в пищу всего того, что добывает и убивает мужчина. В тех лесистых местностях, где они живут, каждое мгновение может подвернуться под выстрел какая-либо дичь, и если они упустят надлежащий момент, так, быть может, долго придется ждать другого подобного же случая. Следовательно, охотник, как главный кормилец, должен быть постоянно наготове в полном вооружении и пачеку и отнюдь не может быть обременен каким-либо грузом, чтобы быть в состоянии вполне свободно пользоваться всеми членами своего тела. Не должен он быть также утомленным, потому что управление луком, так же, как и ружьем, требует твердую, уверенную руку. Таким образом, то, что нам кажется дурными нравами, имеет свое законное и справедливое основание, так как женщины не в состоянии посвящать себя охоте и доставлять семье все необходимое для прокормления, на них возложены все другого рода работы. А если теперь полупьяные, праздношатающиеся негодяи вместо занятия охотой занимаются прошением милостыни, так от этого плохо самим же женщинам. Такого рода примеры, однако, ты везде встретишь. Бродяги и праздношатающиеся лентяи попадаются среди всех национальностей, и даже в нашей свободной Америке мы, к сожалению, найдем много подобных.

— Однако индейцы могли бы позаимствовать от белолицых что-либо получше их пороков, — возразил Георг.

— Да, могли бы, но не делают этого! — последовал ответ. — Но виною этому то, что они большей частью входят в соприкосновение с худшими из белолицых. Кто чаще всего входит с ними в тесное соприкосновение даже там, у нас, в Штатах? Торговцы и шулера. Охотники и звероловы зачастую тоже на пять шестых все народ грубый и невежественный и шпыряют постоянно между ними, и в то время, как первые учатся у них разным охотничьим ухищрениям, вторые научаются у них пьянству и мошенничеству и, к сожалению, между ними оказываются, большею частью, очень способные ученики.

— Индеец, пожалуй, очень хитер в деле охоты, но уж по части обмана никогда ему не превзойти нашего янки-разносчика, — смеясь, возразил мальчик.

— Допустим, что это верно, — ответил старик, — но мне известны несколько очень убедительных примеров, доказывающих в них к этому замечательную способность. Однако прежде позаботимся о приготовлении нашего ужина, а затем, если ты еще не очень устал, я, может быть, порасскажу тебе еще кое-что о наших дикарях.

— Какая там усталость! — воскликнул бодро Георг. — Если вы только захотите рассказывать, я готов слушать хоть всю ночь.

— Ну-ну, довольно, не обещай слишком много! — шутя предостерег его старик. — Кирка да лопата утомят даже мышцы глаз, а протряхивание в течение целого дня дело не шуточное, но все же будь по-твоему, посмотрим, так ли оно легко, как тебе кажется.

Георг живо принялся за приготовление скромного ужина, а когда яркий огонь запылал в костре перед палаткой, старик снова продолжал свой рассказ:

— Наряду с ирокезами из всех индейских племен хоктавы выказали себя наиболее способными к действительной цивилизации. У них уже теперь можно встретить превосходные фермы, а это всегда самое верное доказательство, что дикое племя серьезно намерено изменить свои прежние нравы. Если только оно *начинает обрабатывать почву*, значит, решительно делается *оседлым*, бросая кочевую жизнь. До тех пор, пока какое-либо племя не будет к этому склонно, до тех пор ни к чему не приводят всякие наставления одной стороны и всякие обещания другой стороны.

Эти старые старшины хоктавов и ирокезов, кроме того, скоро сообразили, что, желая хоть сколько-нибудь сравняться с европейцами, они должны основательно обучать своих детей. С этой целью давно уже они начали посылать своих детей в высшие школы Луизвилля и некоторых других больших городов и делают все, что только возможно, чтобы содержать их там надлежащим образом.

Впрочем, между старыми предводителями имеются очень богатые люди, получавшие, в особенности от правительства Соединенных Штатов, весьма значительные суммы денег за их земельные владения, уступленные Штатам и, кроме того, получающие ежегодно известную сумму на свое содержание. О некоторых из них говорят, будто в домах их хранятся полные мешки испанских долларов.

Один из таких предводителей имел сына в Луизвилле, который, хотя и прилежно учился, но попал в веселую компанию, так что тратил больше денег, чем ему было назначено отцом на время учения. Но так как, по всей вероятности, молодой индеец опасался выговоров отца, если будет часто просить у него денег, он придумал помочь делу другим способом. Отец присылал ему ежегодно письма к представителю одного торгового дома для получения 2000 долларов. Молодой человек каждый раз из первых двух нулей после цифры 2 делал 9 и, таким образом, получал ежегодно 2990 долларов. Когда старику-отцу был прислан торговым домом счет, тогда отец с изумлением узнал, какое дурное употребление сын сделал из приобретенных школьных познаний. Без всяких возражений он тотчас уплатил необходимую сумму, но при этом добродушно заметил:

— Гм... гм... я никогда бы не поверил, что сын мой успел уже настолько сделаться янки.

Еще лучше штуку устроил один Осач в Миссури, однако, не позволив себе при этом прибегнуть к какому-либо обману. Эту историю я, пожалуй, расскажу тебе, прежде, чем мы уляжемся спать. Один индеец, здоровенный мужчина, рассердил какого-то белолицего на охоте, хотя был вполне прав. Он подстрелил оленя, который подбросил его высоко своими рогами и который был окончательно добит другим, белолицым охотником. По нашим, американским, охотничьим законам шкура принадлежит тому, кто первый нанес тяжелую рану. Тот же, который окончательно добьет насмерть, имеет право на половину туши. Вследствие этого дикарь, найдя оленя, взял более

того, что принадлежало ему по праву, а белолицый еще больше злился потому, что индеец был сильнее его, так что употребить над ним насилие было бы невозможно, ввиду того что перевес оказался бы, несомненно, на стороне индейца.

Дикарь, еще ранее того застреливший оленя, отправился к ближайшему торговцу, построившему ему хижину в лесу, чтобы променять убитую им дичь на порох, свинец и в особенности на водку или виски¹. Совершенно случайно торговец жил в том же самом доме, где жил белый, у которого он отобрал оленью кожу. Белолицый пришел домой как раз в то время, когда дикарь вошел в маленькую лавочку, прислонив у входных дверей свое ружье.

Нашему молодцу, желавшему от всей души отомстить дикарю, случай показался вполне подходящим, и он, недолго думая, подкрался к ружью и бедному краснокожему устроил штуку, выпув весь заряд дроби.

Тем временем индеец, забравшись в лавочку, усердно вливал в себя водку, или, как они всегда называют ее, «огненную воду». Когда он, наконец, вышел из лавочки, как раз недалеко оттуда уселась в маисе целая стая индюшек, мирно поклевывавшая маис. Индеец, взяв ружье, смеясь, сказал:

— Вот так счастье! И до лесу не дошел, а дичь сама в руки лезет.

Как только это услышал молодой человек, у него как молния промелькнула мысль, что это будет отличным случаем наказать краснокожего за его прошлое бесстыдство, и, кроме того, вознаградить себя за отобранную шкуру. Он быстро воскликнул:

— Держу пари на доллар, что ты не попадешь!

— У меня нет доллара, — ответил Том (так звали индейца), — но молодой человек получит от меня большую шкуру выдры, стоящую доллар, и еще половину доллара. Так что вы, значит, держите пари на полтора доллара, что я не попаду в это стадо индеек?

— Конечно, держу пари! — сказал белолицый. — Вот здесь на пень кладу я полтора доллара. Попадешь ты в одну или в несколько индюшек, бери деньги себе. А если не попадешь, то оленья кожа моя.

¹ Американское виски выделяется из маиса (кукурузы), бренди или коньяк — из винограда, ром — из сахара и его остатков, арак — из риса, а немецкая водка — из хлебных зерен или картофеля.

Хорошо! — сказал индеец и посмотрел, есть ли порох на затравке, так как все ружья были еще кремневые.

Однако лавочник не соглашался допустить такое пари, так как, во всяком случае, некоторое число индюшек могло быть убито и поранено. Но белолицый моргнул ему таинственно, и лавочник успокоился, предоставив действовать как заблагорассудится, отчасти сообразив, в чем дело. Одурачить индейца он признавал вполне дозволенным и нисколько не предосудительным.

Том тем временем взвел курок и, хотя не совсем твердо стоял на ногах, но все же не был пьян настолько, чтобы не быть в состоянии попасть в такую близкую цель. Все стадо индюшек было от него только в тридцати шагах, и когда он прицелился и выстрелил, все они испуганно взлетели вверх, но ни одна не осталась на месте и даже ни малейших признаков не было поранения.

Том стоял как окаменелый, посматривая то на стадо индеек, то на свое ружье, то на обоих стоявших около него мужчин. Он никак не мог понять, каким образом это могло случиться, что он так промахнулся.

Между тем белолицый был в восторге от удавшейся хитрости. Он танцевал и прыгал вокруг одураченного краснокожего, подсмеиваясь над ним, поддразнивая бедного парня и повторяя со смехом: «доллар и половина доллара».

Между тем Том казался очень смущенным; он прежде всего зарядил свое ружье и затем, натягивая свое одеяло на плечи, пробурчал:

— Том выпил слишком много виски. Это нехорошо: голова тяжелеет и руки дрожат. Том не будет больше пить виски. — С этими словами он, хотя тяжело ступая, направился к лесу свойственной индейцам плавной походкой.

Так прошло 14 дней, и оба больше о нем ничего не слышали, но часто смеялись, вспоминая о штуке, проделанной с краснокожим. Но вот однажды приходит он в лавку, смотрит спокойно и хитро, а в руках у него порядочный тюк высушенных кож. Рожа, которую он скорчил, увидев молодого белолицего, далеко не была приветлива, однако он ни словом не напомнил о происшедшем. Поставив свое длинное одноствольное ружье на том же месте у дверей хижины, как и в прошлый раз, он вошел в лавку.

Торговец пошел вслед за ним, а молодой белый остался у дверей и, ободренный удачным исходом шутки в прошлый раз, задумал проделать то же самое. Тихо подкрался

он к ружью, вынул из него дробь, как и в прошлый раз, и, поставив ружье на место, спокойно уселся на стуле у дверей дома, поджидая возвращения индейца.

Как и в прошлый раз, как раз перед домом паслось стадо индюшек.

Индеец не заставил себя долго ждать. Сегодня он продал весь свой товар, т. е. свои кожи, но уже не за виски, как в прошлый раз, а за наличные деньги, и, по видимому, не был расположен к дальнейшим разговорам. Он взял ружье, вскинул его на плечо, и, слегка кивнув головой, хотел было направиться к лугу.

Но белолицый не хотел допустить его отделаться так легко и остановил его, обращаясь к нему со следующими словами:

— Не хочешь ли снова попытать счастье выстрелом в индюшек?

— Том не имеет лишних долларов. Бледнолицые напоят индейца водкой и тогда он стреляет куда попало. Теперь в реке очень мало выдр. Выдры уходят от бледнолицых, а также от индейцев. Индеец беден.

Однако белолицый, хотевший снова одурачить бедного парня, продолжал его поддразнивать и утверждать, что индеец, вероятно, сегодня опять выпил виски и потому не в состоянии попасть в цель. Сначала индеец не обращал внимания на насмешки, но наконец рассердился, и когда снова белолицый пристал к нему со своим: «один доллар и половина доллара», — он сказал мрачно:

— Хорошо! Вот мой доллар; один доллар неважно; мне это безразлично.

— Ого! — воскликнул белолицый. — Если у тебя так много долларов, что один кажется тебе ничем, так вот я кладу пять долларов. Ну что, ставишь столько же?

— На то, что я не попаду в индюшку? — осторожно спросил индеец.

— Ну да! Попадешь в нескольких или хотя бы в одну, значит, я проиграл.

Индеец, безмолвно кивнув в ответ на предложение головою, спокойно вынул из патронташа еще четыре доллара из денег, вырученных за кожи, и, приложив их к вынутому ранее одному доллару, положил деньги на близ находившийся пень. Вслед за тем он вынул полную пригоршню маиса из стоявшей вблизи корзины и бросил его в стаю индюшек. Когда индюшки набросились тесною толпою на корм, индеец, отступив от них назад на не-

сколько шагов, надавил курок ружья и выстрелил. Насколько безуспешен был выстрел в прошлый раз, настолько же разрушителен он оказался в этот раз. Четыре индюшки остались мертвыми на месте, а из других, разбежавшихся с отчаянным криком, две, по-видимому, оказались ранеными.

Оба белые порядком перепугались, так как ничего подобного вовсе не ожидали. Торговец, которому принадлежали индюшки, хотя все время спокойно стоял в стороне и в дело не вмешивался, но теперь доказывал индейцу, что индюшки ему не принадлежат и потому он никакого не имел права стрелять в них, следовательно, обязан возместить убытки. Краснокожий, первым делом после выстрела поспешивший вновь зарядить свое ружье, совершенно равнодушно слушал доводы торговца, не обращая на них никакого внимания. Но только тогда, когда лавочник подошел к деньгам, лежавшим на пне, тогда только индеец быстро подскочил и все же не произнес ни слова, но бросил на лавочника такой злоеющий взгляд, что испуганный белолицый поспешно убрал уже протянутую к деньгам руку.

Когда индеец это увидел, он совершенно успокоился и с довольным видом опустил доллары в свой патронташ и вскинул ружье на плечо. Прежде чем уйти, он, повернувшись к белолицым, сказал им:

— В случае, если вы предложите мне снова стрелять, так через восемь дней я опять приду сюда, но заметьте, — добавил он, обращаясь к молодому белому, — что когда я прихожу теперь к бледнолицему, всегда заряжаю ружье двойным зарядом дроби на тот случай, чтобы был другой заряд, если один будет вынут. Счастливо оставаться!

Георг долго еще смеялся, вспоминая хитрость индейца, а старик уже уснул, плотно закутавшись одеялом.

ГЛАВА XVII

Несчастный случай в рудниках. — История об обезьяне

Ночь прошла без всяких сколько-нибудь интересных приключений, а на следующее утро они очень рано были уже за работой.

Старик опустился вместе с Георгом в вырытую яму и показал мальчику, что они уже добрались до пласта той

каменной породы, в которую в давнее время было смыто потоком золото. Там, где каменная порода была гладкая и широкая, там они могли быть вполне уверены, что никаких следов золота не найдут, так как оно на гладкой каменной поверхности не могло удержаться. Но там, где были выступы, трещины и выемки, оно повсюду застряло в них, хотя позднее было целиком засыпано вулканическим пеплом и всякими наносами. Притом вид золота был совершенно такого рода, как будто оно попало сюда в расплавленном состоянии. Они здесь находили его в зернах, часто похожих на капли, а иногда в виде маленьких приплюснутых бобов. То здесь, то там золото попадалось в трещинах кварца, точно оно натекло туда и могло быть извлекаемо оттуда ножом или каким-либо острым инструментом. Но большей частью золото попадалось в отдельных маленьких зернышках, и было ужасно затруднительно выделять его.

— Я понять не могу, — говорил Георг, — каким образом мы так мало находим здесь золота, а между тем все говорят, что прежде добывались тут многие тысячи унций и вывозились множеством кораблей. Ведь тысяча унций — это уже громадное количество?

— Да ведь какое множество людей этим занимается. — возразил старик. — Да вот, погляди, если мы за две недели добыли вдвоем только две унции золота, а это уже весьма недурно, так подумай только, сколько тысяч людей промывают золото в горах, да сколько тысяч вновь прибывают постоянно в эту местность. Удержать у себя золото они не могут, за весьма ничтожными исключениями особенно счастливых людей. Им приходится отдавать все золото торговым людям, покупая необходимое для существования. Таким образом, золото снова возвращается в Сан-Франциско, в руки крупных торговых домов, а оттуда отправляется на кораблях в Америку и Европу, для того чтобы оттуда получить снова свежие товары. Но если что-либо скапливается в одном пункте, как здесь, в Калифорнии, само собою разумеется, образуется громадное количество. Погляди на пчелу, какое ничтожное количество меда приносит каждая в отдельную клеточку соты, а между тем какое громадное количество меда соберет за лето весь пчелиный рой.

Вот то же самое здесь происходит с золотом. Мы постоянно слышим только о суммах, а не думаем, какое громадное количество рук участвовало в их образовании.

Мы с тобою, Георг, теперь тоже принадлежим к числу этих пчел, и если мы наш мед не добываем из цветочных чашек, а добываем его из земли, с помощью кирки и лопаты, так все же, не менее пчел, должны употребить на то усердия и, быть может, от этого труда извлекаем так же мало личной пользы, как и пчелы.

— Однако на другом месте мы нашли бы больше золота, — сказал Георг.

— Вот так говорят все золотоискатели, — смеясь, возразил старик. — Нам твердо приходится держаться этой надежды и под конец это все-таки нам принесет какую-нибудь пользу. Однако здесь, на этом месте, действительно едва ли что-либо найдется и потому, когда перемоем эту последнюю кучу земли, перейдем на другое место, где-нибудь недалеко отсюда.

Это как раз происходило перед обедом, и они пошли наверх пообедать. Но не успели они подняться наполовину в гору, как уже дошли до того места, откуда видна были их палатка. Едва взглянув в этом направлении, старик вскричал:

— Ах, черт бы его побрал! Уже он там нашкодил!

Георг не догадался сразу, о чем говорит старик, но, присмотревшись к палатке, увидел, что там находится Москито, усердно занятый очень своеобразным делом.

Вчера, несмотря на самые тщательные старания, ослу не удалось добраться до мешка, высоко подвешенного к дереву, но Москито не терял надежды достигнуть цели и постоянно вертелся около дерева. По случайности мешок оказался сегодня подвешенным несколько ниже, а, быть может, опустился вследствие собственной тяжести. Словом, так или иначе, но нашему ослу удалось добраться мордю до нижнего края мешка.

Как раз в этот момент подошли охотники. Когда Георг хотел подскочить к ослу и спасти муку, старик, остановив его, сказал с усмешкою мальчику:

— Подожди немного; мне любопытно поглядеть, как Москито извернется в затруднительном положении.

— Да он стянет мешок на землю, — сказал Георг.

— Нет, он не сможет это сделать, — возразил старик; — я сам ему крепко стянул ноги. Погляди-ка, что он проделывает.

Москито действительно работал с большим усердием, но совершенно бесполезно, потому что, хотя он со всей силы только потянет к себе какую-нибудь веточку боль-

шой ветви, к которой был привязан мешок, как эластичная ветвь опять поднимается вверх. Таким образом мешок раскачивался, то опускаясь и почти касаясь морды Москито, то снова поднимаясь вверх.

— Ну разве это не забавная комедия? — рассмеявшись, сказал старик. — Как бы ни был ловок и изворотлив этот осел, но никогда не удастся ему добраться до мешка, и он только напрасно себя изнуряет.

В это мгновение, по-видимому, Москито, не заметивший приближения хозяев, пришел к такому же заключению, потому что стоял совершенно спокойно, не поднимая вверх морды, и внимательно поглядывал на качающийся мешок, пока он не пришел в совершенно спокойное положение.

— Он, вероятно, опять примется за прежнее, — прошептал Георг. — Если бы он был умнее, так догадался бы потянуть веревку вниз, и тогда мешок сам собою упал бы на землю.

— Да, будь он человеком, пожалуй, догадался бы, — отвечал старик. — Однако, погляди, он что-то новое придумал. Смотри, он опять схватился зубами за ветку.

— Он сейчас опять потянет ее вниз, — заметил Георг. Москито захватил ветку, на которой висел мешок, и держал ее совершенно спокойно в зубах, стараясь, чтобы мешок не раскачивался, и сам стоял не шевелясь. Оба золотоискателя стояли безмолвно в течение десяти минут, следя за тем, что предпримет теперь осел.

— Мне, право, кажется, будто он заснул, — сказал наконец Георг, — ведь он стоит совершенно неподвижно.

— А я тебе скажу, чем он занят! — воскликнул старик. — Он уже прогрыз мешок и устроил так, чтобы мука потихоньку сыпалась ему в пасть из мешка. Ну, тогда же, бестия Москито, я угощу тебя! Эй, Гектор! А ну-ка, пиль его!

Гектор не заставил повторить приказание, он уже давно обратил внимание на то, на что так внимательно смотрели оба его хозяина, и, подняв уши, с вытянутым хвостом, не спускал глаз с Москито. Как только он услышал приказание действовать самостоятельно и заметил, что к палатке побежал его хозяин, он стрелою бросился вперед, направляясь к Москито.

Этот последний, понятное дело, не имел ни малейшего намерения поджидать на месте не только своих хозяев, но и собаку, а потому, чуть только слышал шум, со всех ног

бросился бежать, галопом спускаясь с горы, но Гектор не удовлетворился его бегством, а стрелюю пустился вдогонку за Москито и тотчас же его догнал. Однако осел, почувствовав близость собаки, немедленно повернулся налево кругом, откинул уши назад и, протянув морду к собаке, свирепо оскалил зубы. Но, как видно, он тотчас же сообразил, что есть у него более надежное средство защиты, в силу чего быстро повернулся к Гектору задом и так ловко брыкал задними ногами, что собака не решалась подступить к нему близко.

Тем временем Георг убедился, что подозрение старика вполне оправдалось, потому что едва Москито выпустил из зубов мешок, как из него посыпалась на землю мука. Насколько хватило силы, Георг побежал вверх на гору, чтобы спасти муку. Как только он схватился за ветку, из мешка уже больше ничего не могло высыпаться, и при помощи подоспевшего старика мешок был опущен на землю, дыра перевязана и мука всыпана обратно в мешок.

Впрочем, это было не единственной проделкой Москито. Когда они подошли к палатке, то увидели, что оттуда был вытянут один из мешков, в котором находились сушеные яблоки и крупные луковицы, конечно, оставленные в покое ослом, а сушеные яблоки оказались начисто съеденными.

Георг смеялся, но старик молчал и, очевидно, предугадывал еще другие неприятные проделки. Он достал в углу палатки свою бутылку с водкой и, подняв ее кверху, присматривался к сделанной им метке на приклеенном к бутылке ярлыке. Взглянув внимательно, старик тотчас воскликнул:

— Ах, черт бы их побрал, этих вороватых негодяев, нас здесь окружающих! Мало того что Москито, еще и другой ворует!

— Разве в самом деле опять отпита водка? — полюбопытствовал Георг.

— Да вот погляди! — сказал старик, показывая заметку. — Вот где я отметил, а вот по сих пор не хватает! Отпито почти на вершок, словом, такой глоток, который в силах проглотить сразу самый здоровенный человек.

— Удивительное дело! — заметил мальчик.

— Да, но не в том дело; мне, конечно, не жаль немного водки; тому, кто так до нее жаден, я бы и так не отказал дать. Но важно то, что этот негодяй позволяет себе за-

бираться в палатку. Вот что меня бесит и вот что не должно остаться безнаказанным.

— Да, все это прекрасно, — засмеялся Георг, — но дело в том, что невозможно узнать, кто здесь побывал. Спросите кого хотите по всему лагерю и всякий ответит, что ровно ничего об этом не знает.

— Да и я в этом нисколько не сомневаюсь, — пробурчал старик, — и, конечно, не стану тратить время на расспросы. Но я придумаю что-нибудь другое; два раза на день, конечно, не позволит себе посещать нашу палатку таинственный незнакомец: это было бы уже слишком нагло. Но, так или иначе, милости просим, пусть-ка еще раз сюда пожалует.

Вслед за этим старик отлил себе из бутылки в стакан немного водки, которую тотчас же и выпил, и потом разыскал среди вещей палатки небольшой жестяной ящик, в котором он хранил нитки, иголки, пуговицы и между прочим — кое-какие лекарства. Среди них он выбрал узенькую склянку, содержащую в себе какой-то белый порошок и, осмотревшись предварительно вокруг себя, не проходит ли мимо какой-либо сосед, хотел было всыпать в бутылку с водкой порошок из склянки, но в эту минуту его схватил за руку Георг, желавший помешать старику сыпать порошок, и при этом порывисто воскликнул:

— Бога ради! Что вы хотите делать? Неужели вы хотите отравить этого бедного негодяя? Неужели он заслуживает смерти только за то, что украл стакан водки?

— Вздор! — проворчал старик, отстранив Георга в сторону. — Будь осторожнее; ты чуть не рассыпал весь мой порошок. Не мешай мне.

— Но если он это выпьет?..

— Ну что же? Затошнит его ужасным образом, вот и все! А он вполне, и по закону, и по совести, это заслужил, — смеясь, сказал старик. — В самом худшем случае его вырвет разок или другой, вот и все! Ведь это рвотный порошок, и ничто другое.

— Ну так это ничего! Это ему не повредит, — засмеялся Георг, совершенно успокоившись. — Но ведь он тотчас почувствует, чуть прикоснется к бутылке губами?..

— Никоим образом! Боже упаси! — возразил старик. — Это отлично растворяется в водке, и если даже он почувствует, что во вкусе водки есть что-то постороннее, то будет уже поздно. По запаху он никогда ничего не распознает. Но этот подлый Москито! Счастье наше, что

мы как раз подоспели вовремя, потому что он, нажравшись, отошел бы прочь, а из мешка все бы высыпалось до последней порошинки.

— Но ведь, пожалуй, увидели бы соседи, подоспели сюда и отогнали бы его?

— Подоспели? — покачивая головой, повторил старик. — Едва ли они бы дали себе этот труд. В этом отношении большинство людей отличается тем, что даже радуются и довольны, когда с соседом приключится какое-либо несчастье. Это их потешает. Ты со временем убедишься в справедливости этого замечания. В этом отношении и мы оба недалеко ушли от других. Разве тебе не случалось смеяться, видя, как кто-либо смешно упал или споткнулся? Бывал ли ты свидетелем того, как кто-либо в сильный ветер догоняет сорвавшуюся шапку или картуз? Неужели ты мог бы без смеха смотреть на дикие прыжки? Наверно, нет. Смешное до такой степени сильно действует на нас, что мы скорее забудем что-либо дурное или злое, сделанное человеком, чем какую-либо забавную сцену или смешную роль, которую ему пришлось играть. Если нам приходится видеть что-либо очень смешное, но приносящее вред или боль нашему соседу или ближнему, мы с большим трудом и только в исключительных случаях умеем сдержать себя и подавить в себе смех. Если тебе самому из жизни не вспомнилось множество подобных случаев, так я тебе расскажу один пример.

Жил я тогда в Сан-Луи, или лучше сказать, приехал туда на короткое время с целью посетить знакомых. Против нас жил башмачник-немец, усердный, добродушный парень, над которым мы все охотно потешались; он много сохранил в себе старых немецких привычек. Так, например: он спал на громадной перине, а сверху, вместо одеяла, покрывался такой же громадной периной. При этом он курил из трубки с длиннейшим чубуком, носил деревянные башмаки, громаднейшие очки на глазах и вообще был чрезвычайно смешной и замечательный чудак.

Женатым он не был и жил совершенно одиноким в маленьком доме, переполненном собаками, кошками, маленькими птичками в клетках и всякого рода другими животными и, наконец, он приобрел на одном нью-орлеанском пароходе обезьяну, с которой проделывал удивительнейшие штуки. Обезьяне дозволялось проделывать с ним почти все, что ей вздумается, но запрещалось ложиться на перину, так как перинами башмачник ужасно дорожил. Но

обезьяне тепленькая постель тоже пришлась очень по сердцу, и она вначале постоянно забиралась туда, но за это получала такие основательные побои, что вскоре отучилась от этих поползновений.

Однажды башмачник сидел внизу своего дома в мастерской и усердно работал над парой длинейших сапог, заказанных каким-то деревенским жителем. Мы сидели напротив у окна без всякого дела и покуривали. Вдруг мы увидели обезьяну в открытом окне спальни, бывшей в верхнем этаже. Она прыгала вокруг кровати и выказывала весьма заметное желание понежиться в перинах. Но часто получаемые побои так врезались у нее в память, что она на это не решалась и, оставив свой замысел, вскочила на подоконник и грелась на солнце. Но там лежать было очень неудобно на твердом, так что, внезапно спрыгнув, она тотчас притащила туго набитую подушку, которую положила под себя, и растянулась на ней с очевидным наслаждением. Пока все дело обходилось благополучно — да видел ли ты когда-либо обезьян?

— Да, — ответил Георг, смеясь, — как-то в Литл-Рок привозили шесть или семь штук. Они очень забавные!

— Ну хорошо, значит, ты имеешь понятие, что это за смешные бестии. Обезьяна не довольствовалась тем, что грелась на солнце на мягкой и теплой подушке; ей захотелось иметь еще какое-либо развлечение. Она принялась вертеть подушку, и нашла ли дырочку, а может, сама прорвала ее в наволочке, но между лапами ее очутились перышки, которые она с видимым удовольствием пускала по ветру. Ветер подхватывал перья, вертел и крутил их в воздухе, а обезьяна с наслаждением следила за ними взором, пока не теряла их из виду. Дело это, конечно, нравилось ей все больше и больше, а в особенности когда она умудрялась при помощи пальцев выдувать перья собственным ртом. Дырка становилась все больше и больше, перья хватала она целыми пригоршнями и с пресерьезнейшим лицом усердно выдувала их ртом за окно, пуская по ветру.

Мы следили за нею, заливаясь от хохота.

Мы отлично знали, что у бедного башмачника, так усердно работавшего в мастерской, испорчена вся постель. Но вот именно то, что там, внизу, башмачник спокойно сидел и ему в голову не приходило, что у него делается там, наверху, а обезьяна здесь так щедро пускала своими худенькими ручонками и с серьезным лицом целые при-

горшни перьев, делало положение в высшей степени комичным, и мы хохотали до слез, до упаду. Обратит внимание бедняка на ту беду, которую натворила ему обезьяна, и предотвратить принесенный ему убыток никому из нас и в голову не приходило.

Однако, во всяком случае, башмачник видел и слышал, что мы хохочем и должен был бы обратить внимание, что мы частенько на него поглядывали. Но это, по-видимому, не особенно его удивляло, да и притом он весь углубился в шитье длинных сапог, но наконец ветер оказался со-страдательнее нас, его соседей, и, подхватив целую пригоршню перьев, принес ему как раз в открытую дверь, у которой он помещался. Увидев перья, он тотчас вскочил и бросился моментально наверх. Секунды через две он уже набросился на обезьяну. Но она маху не дала; сообразив, что ей жестоко достанется, она, как молния, соскочив с подоконника, бросилась на крышу дома, и когда башмачник, высунувшись в окно, смотрел на нее, опасаясь за ней туда последовать, обезьяна с очень довольным видом прыгала и танцевала на крыше, скаля зубы и поглядывая в его сторону.

Пока Георг посмеивался по поводу только что рассказанной историйки, старик живо развел огонь и, после наскоро съеденного обеда, они снова отправились на работу, но перед тем позаботились привесить мешок настолько высоко, чтобы отбить у Москито даже охоту попытаться достать его.

Когда они снова работали в долине киркой и лопатой, а затем просеивали и промывали, потянулось сверху из маленькой колонии золотоискателей несколько групп с навьюченными мулами. Некоторые из них останавливались около них на несколько минут и расспрашивали их, много ли они зарабатывают и оплачивается ли вообще работа.

— Идет дело так себе, недурно, — заметил старик. — А вам, как видно, не везет?

— Гм... — отвечал один из них, — нельзя сказать, чтобы было так уж плохо, но все же мы хотим попытать счастья в другом месте.

— А куда вы теперь направляетесь? — спросил Георг.

— Туда, вниз, на юг, — слышался короткий, какой-то нерешительный ответ, и путники потянулись дальше.

— Надо тебя раз и навсегда предостеречь, Георг, — сказал, усмехаясь, старик. — Никогда не спрашивай золотоискателей, куда они направляются. Во-первых, большей

частью эти люди сами, наверное, не знают, куда направляются, а чаще всего просто хотят переменить прежнее место на первое показавшееся им подходящим; словом, делают то же самое, что и мы с тобой теперь. Если же они в самом деле намерены отправиться в какое-либо определенное, заранее намеченное ими место, так, поверь, они никогда тебе в этом не сознаются. Здесь, на золотых приисках, точно так же, как и в Штатах, постоянно распространяются слухи о вновь открытых, необычайно богатых местах и верили им наряду с жалобами тех тысяч недовольных, из которых каждый старался первым захватить хорошее место. Всякий, кто им встречается, кажется им соперником, и, понятно, они ему тайны своей не выдадут. Если бы они действительно определенно указали тебе место, куда направляются, то можешь быть вполне уверенным, что они лгут.

— Да ведь не все же люди лгуны, — возразил Георгий.

— Мой милый, это еще большое счастье, что ты не потерял веру в людей, — ответил старик. — Но когда ты сделаешься постарше, ты, пожалуй, придешь к другим убеждениям. Золото в особенности ослепляет людей, бывших даже до того честными и трудолюбивыми, притом настолько, что они и похуже вещи делают, чем говорить неправду. Себялюбие, своекорыстие всюду царят в мире, и вместо того, чтобы сделать ближнему хоть сколько-нибудь добра, к сожалению, все постоянно только о себе думают и о себе хлопочут.

Конечно, не следует слишком строго осуждать своекорыстие и себялюбие, потому что они слишком тесно связаны с чувством самосохранения, вложенным Богом в сердца наши. Не будь чувства самосохранения, никто не захотел бы пошевелинуться и даже на себя самого работать. А потому небольшая доля своекорыстия — дело хорошее, полезное и похвальное; мы должны сами о себе позаботиться, так как если мы этого не сделаем, не имеем права требовать, чтобы кто-либо относился к нам с уважением. Но, конечно, своекорыстие не должно быть чрезмерно, так как это самый отвратительный порок человечества и ведет к еще худшим порокам, как, например, скряжничество, жадность, жестокосердие и много других. Но... однако, что там случилось? Чего это все люди повскакивали и бегут вниз?

— Да, там что-то произошло! — сказал Георг, бросив лопату и хватаясь за куртку.

— Нет, милый, не спеши, останься лучше здесь, — сказал старик, — вероятно, там произошла драка между пьяными, и чем дальше мы будем оттуда, тем лучше.

— Быть может, опять какой-либо гризли-медведь попал в яму? — смеясь, сказал Георг.

— Ну, нет! — покачивая головой, возразил старик. — Такое дело не скоро повторится. Но мне положительно послышался крик, будто зовут на помощь.

— И мне тоже так послышалось, — ответил мальчик. — Очевидно, случилось какое-то несчастье. Да разве мы не пойдем туда? По крайней мере, послушаем, в чем там дело, и узнаем, нужны ли мы там. Если нет ничего особенного, мы можем тотчас же возвратиться обратно. Не побежать ли мне за винтовкою? — быстро спросил Георг.

— Винтовку? — засмеялся старик. — Для чего она? Ты, как видно, серьезно полагаешь, что опять попался какой-нибудь медведь. Нет, не хлопочи о своем оружии и беги лучше вперед, а я тем временем припрячу в надежное место наше золото. Как бы мало его у нас ни было, а все же не для других людей мы трудились, промывая его.

Георг быстро побежал вниз по долине.

— Что там такое? Что случилось? — спрашивал он на бегу встречавшихся людей, тоже спешивших в том же направлении.

— Не знаем! Все бегут туда. Должно быть, обвал, и кого-либо засыпало.

— Засыпало! — повторил Георг, не вполне понимая, что это значит.

Но место, куда все спешили, было уже недалеко; на краю глубокой ямы стояло много людей. У ближайших из них Георг спросил, в чем дело.

— Земля обвалилась и засыпала двух человек, — слышался страшный ответ:

— Боже мой! Да неужели же нельзя спасти?

— Да вот стараются. Постой, не лезь дальше; больше там места нет. Они там изо всех сил работают лопатами.

Георг протиснулся вперед к яме, в которой человек шесть так отчаянно работали лопатами, как будто дело шло о сохранении их собственной жизни. Между стоявшими наверху, над ямой, находился один, работавший ранее вместе с засыпанными. Это был американец, и пот лил с него градом, потому что только что другой сменил его, коная теперь вместо него.

— Я сегодня утром несколько раз предостерегал Джо-

на, — говорил он, — но он не обращал на мои слова никакого внимания и все глубже и глубже врывался в отвесную стену. Там виднелось золото, и он хотел избавить нас от продолжительной работы, если бы пришлось снимать верхний слой земли. А теперь оба бедняги лежат там засыпанные, своими же руками выкопав себе могилу.

Люди, копавшие внизу, в яме, работали горячо и усердно. Когда кто-либо из них утомлялся, его тотчас заменял другой. Вдруг кто-то из копавших наткнулся лопатой на что-то мягкое; оказалось, что это была нога одного из засыпанных. С быстротою молнии, откинув еще с десятков лопат земли, вытащили из ямы несчастного, подняли наверх и всеми мерами старались привести в чувство. Еще усерднее принялись за работу, откапывая другого.

Наконец добрались и до него.

В это время слышались сверху крики радости, так как в первом откопанном показались признаки жизни, и все эти, обыкновенно суровые и неприветливые, золотоискатели один перед другим наперебой старались возвратить к жизни несчастного.

Откопать другого оказалось более трудным, так как он перед обвалом нагнулся в яме, и над ним навалилось много земли. Все усилия возвратить его к жизни были совершенно тщетны. Над ним слишком долго тяготела громадная масса земли, и он уже был, несомненно, мертвый, когда его отрыли. Тем не менее над ним употреблены были всевозможные средства к возвращению к жизни, но, разумеется, все это ни к чему не привело.

Старый друг Георга, как только узнал о происшедшем несчастье, тотчас побежал обратно в свою палатку и из запаса своих лекарств вынув немного английской соли, поспешил к лежавшему без сознания. Под руководством старика начали оттирать первого откопанного и по прошествии часа, к общему удовольствию, несчастный был окончательно возвращен к жизни. Что касается другого несчастного, он был отнесен в принадлежащую ему палатку и на другой день погребен.

Однако этот несчастный случай так неприятно подействовал на всех рудокопов, что никому не хотелось приниматься за работу, и все они, разбиваясь на маленькие и большие группы, собирались в тех палатках, в которых продавались напитки, и толковали о несчастном случае и о своих делах. Так обыкновенно бывает среди людей. Если кто-либо ломает руку или ногу, или же вообще

случится какое-либо несчастье, тотчас все другие начинают вспоминать и подробно рассказывать о всяких несчастных случаях, бывших с ними или с их близкими, и обыкновенно рассказывают такие ужасы, что вконец отравляют существование тех несчастных, с которыми приключилось что-либо печальное.

Так было и теперь. Вместо того, чтобы утешать и успокаивать только что возвращенного к жизни человека, его мучили и терзали всякими повествованиями о несчастных случаях. Старик несколько раз останавливал словоохотливых болтунов и советовал им говорить о чем-либо другом, но, видя, что все его увещевания совершенно бесплодны, оставил благодаря его усилиям приведенного в чувство, но еще очень слабого человека на попечение окружающих и вместе с Георгом поспешил уйти в свою палатку.

ГЛАВА XVIII

Как старик играл роль медика, а Георг не только мыло, но и золото нашел

Когда возвратились в палатку, старик прежде всего взглянул на бутылку с водкой, в которую был всыпан рвотный камень. Едва он взглянул на нее, как воскликнул:

— Однако, тут что-то мне непонятное. Вот посмотри, Георг. Этот плут уже понаведался сюда и занялся нашей водкой, и, по всей вероятности, воспользовался именно тем временем, когда все были заняты спасением тех несчастных, засыпанных обвалом. Ну, вот видишь, я был прав, когда заподозрил в этом деле ирландца. Когда я прибежал сюда обратно за солью и нашатырным спиртом, он пробирался, прячась за деревьями и убегая от нашей палатки; ну, совершенно так, как Москито, когда его поймаешь на воровстве. Нет сомнения, что он был здесь. Если бы я десять минутами раньше пришел сюда, пари держу, накрыл бы его на месте!

— Да разве он отпир? — спросил Георг.

— Еще бы не отпир! Посмотри, сколько не хватает с сегодняшнего обеденного времени! Ну да и жадный же на водку этот негодяй! Жаль только, что мы теперь не можем узнать, что с ним делается, потому что раз он убедится, что дело неладно, то будет прятаться в лесу и не возвратится в лагерь, пока не почувствует себя лучше. Но

я убежден, что завтра он будет очень бледен, а теперь не может быть сомнения в том, что его страшно тошнит.

В тот момент, когда старик ставил бутылку обратно в угол, за палаткой кто-то сказал:

— Здравствуйте, джентльмен!

— Здравствуйте, сэр! — отвечал старик, несколько приподняв парусину у входа в палатку. — Что вам угодно?

Это оказался один из золотоискателей, которого он несколько раз раньше встречал здесь на приисках, но знаком с ним не был.

— Вот видите ли, — сказал пришедший, — я недавно заметил, что у вас имеются лекарства, и вы умеете с ними обращаться. Если осмелюсь спросить, не доктор ли вы?

— Ну, это, положим, нет! — смеясь, отвечал старик. — Но, прожив столько лет, сколько мне пришлось прожить, можно исподволь познакомиться с разными домашними средствами, которыми тому или другому можно помочь в случае нужды. Да вы разве больны?

— Нет, сэр! Я-то не болен, но вот один из наших товарищей по палатке так странно заболел, что мы решительно недоумеваем, чем это объяснить. Сегодня утром он был здоровехонек, пообедал плотно и вдруг сделалось так скверно, и чувствует он такие рези и боли в желудке, точно от отравы.

— Вот как! — пробурчал старик и, повернув голову в сторону Георга, ухмыльнулся, взглянув на него. Вслед за тем тотчас же повернулся к пришедшему и, совершенно серьезно смотря на него, сказал спокойным тоном:

— Вероятно, ничего нет опасного; как вы сами сказали, он слишком много поел.

— Гм... нет, не думаю! На то не похоже. Он мучится ужасно и, по-видимому, его сильно тошнит, тянет рвать; он стонет и охает так, что и камень мог бы разжалобить. Я уже четверть часа тому назад хотел было прийти к вам, так как наша палатка очень близко от вас, но как только ему сказали, что пойду к вам, он этому сильно вопrotивился и ни под каким видом не соглашался, чтобы я шел, уверяя, что ему уже гораздо лучше. Но за эти четверть часа ему стало гораздо хуже, и теперь он лежит в палатке на животе, бледный, как полотно; пот выступил у него на лбу, и он охает и стонет, уверяя, что отравлен и что ему придется умереть в ужасных мучениях.

— Да каким же образом мог попасть в него яд? — спросил серьезно старик, не двинув даже бровью.

— Это ведает один только Бог! — отвечал посетитель, которого по акценту тотчас можно было признать ирландцем. — Надо полагать, что он там, в этом проклятом лесу попробовал какой-нибудь корень или ягоды. Пожалуйста, пойдемте к нему со мною. Быть может, вы еще успеете оказать помощь этому бедняге, и мы, конечно, охотно заплатим вам за ваше беспокойство.

В Калифорнии было, безусловно, общепринято, чтобы всякий труд оплачивался и никто не работал даром, а в особенности доктор.

— Ну, что касается платежа, об этом успеем еще поговорить впоследствии, — смеясь, возразил старик, — а осмотреть вашего товарища я охотно согласен, а что касается того, в состоянии ли я буду ему помочь, это иного рода вопрос. Значит, он вам ничего не говорил о том, что, по его мнению, было причиною болезни?

— Ничего ровно. Вообще он плохо языком ворочает. Бог его знает, что с ним.

— Ну, пойдем посмотрим, что с ним, — сказал старик. — Только погодите, я кое-что возьму с собою, оно ему поможет и, во всяком случае, облегчит. Ты тоже, Георг, можешь с нами пойти.

С этими словами старик положил в карман два порошка и стеклянный пузырек, моргнул мальчику и пошел вслед за ирландцем в его палатку, помещавшуюся на расстоянии около двухсот шагов.

Там нашли они ирландца, которого старик не более как два часа тому назад видел вблизи своей палатки совершенно бодрым и здоровым. Теперь же он корчился, как какой-нибудь червяк, стонал и охал, уверяя, что умрет в ужасных мучениях. Однако, взглянув на старика, он испуганно вздрогнул и точно хотел что-то промолвить, но тотчас же скорчился, повернулся к нему спиною и, прижавшись животом к земле, снова заохал и застонал.

Товарищи его подошли к старику и начали рассказывать ему о замечательном случае, что товарищ их был совершенно здоров и вдруг ни с того ни с сего заболел внезапно; они просили убедительно помочь чем может, потому что разыскать настоящего доктора потребовалось бы очень много времени, да и Бог весть где его искать.

— Как-нибудь, вероятно, попал в него яд, — сказал один из них после того, как старик тщетно пытался добиться какого-либо ответа от больного. — Ничего другого быть не могло!

— Да откуда же? Каким способом? — спросил старик. — Я сам в своей палатке имею яд, и даже быстродействующий, так что если в течение часа не принять противоядие, так смерть неминуема. Но ведь моего яда он никоим образом не мог попробовать, а кто же другой мог тут иметь что-либо подобное?

— У вас есть яд в палатке? — спросил один из ирландцев. — Но для чего же он вам?

— Я его держу для втираний, — возразил старик. — Я того мнения, что ваш больной попросту объелся, и больше ничего. Выспитесь спокойно за ночь, и к утру будет совершенно здоров.

Сказав это, старик повернулся и направился к выходу из палатки. Но в эту минуту судорожно выпрямился больной. Он был мертвенно бледен; крупные капли пота выступили на лбу; воспаленные глаза глубоко запали.

— Сэр! — крикнул он вслед старику. — Могу ли я сказать вам несколько слов наедине? — Слова эти он произнес с невероятным усилием.

— Конечно, друг мой, почему же нет. Не хотите ли пройти со мною несколько шагов дальше от палатки?

Больной со страшным усилием поднялся и, поддерживаемый стариком, прошел в ближайшие кусты, где снова бросился на землю под деревом. Там он несколько минут что-то очень тихо говорил старику, по окончании этой таинственной беседы вынувшему из кармана порошок и потребовавшему немного воды.

— Вот, выпейте это; как раз вовремя; еще немного, и было бы уже поздно.

Больной с жадностью проглотил лекарство.

— По всей вероятности, — продолжал старик, — вас после этого будет тошнить еще сильнее, но это ничего: вас после этого будет основательно рвать, а потом все пройдет и почувствуете себя хорошо. Когда стемнеет, я снова зайду.

Старик возвратился один, без больного, в палатку ирландцев, изумленных и недоумевавших, о чем это мог говорить со стариком их больной товарищ. Успокоив их, старик тотчас вместе с Георгом отправился обратно в свою палатку.

— Ну что же, он действительно отпил из бутылки? — спросил старика мальчик, когда они отошли несколько подалее от палатки ирландцев.

— Понятно, пил! — смеясь, ответил старик. — Но он бы

в этом никогда не сознался, если бы не услышал мой рассказ об имеющемся у меня сильнодействующем яде. Тогда им овладел ужасный страх за жизнь, и там, под деревьями, он умолял меня ничего не рассказывать об этом товарищам. Это я ему обещал, так как бедному негодю и так уже порядком досталось, и страха он набрался смертельного.

— Бедный малый! Должно быть, он хватил уж чересчур много!

— Избави Бог! — смеясь, ответил старик. — Напротив, очень мало. Средство было недостаточно сильно. Я и теперь дал ему то же самое, тот же рвотный порошок, но в большей дозе, и он быстро поставит его на ноги.

Действительно, так оно и случилось. Когда старик, которого с этого времени вся маленькая колония золотоискателей прозвала «доктор», перед тем как лечь спать, зашел узнать о положении больного, он застал его крепко спящим, плотно завернувшимся в одеяло. На следующее утро больной, хотя все еще немножко бледный, был уже совершенно бодр и здоров. С этого дня, встречаясь со стариком, он смущенно опускал глаза и не только оставил водку старика в покое, но даже и не показывался вблизи палатки последнего.

В это же утро был погребен несчастный, погибший в обвале, а другой вполне оправился. Как только окончилось погребение, никто больше не вспоминал об этом несчастном случае и никто больше не говорил о погибшем, за исключением разве только тех, кто спал с ним в одной и той же палатке. Все это сплошь были люди, ранее того совершенно чуждые друг другу, и если из их среды умирал тот или другой, им это было совершенно безразлично.

Оба наших друга продолжали свою работу по промывке золота, хотя и без особого успеха, но все же нельзя было сказать, чтобы убыточно; при этом старик иногда наведывался в ближайšie городки и справлялся, не получено ли письмо. Однако все ожидания письма оказались тщетны.

Во всяком случае, они с избытком зарабатывали здесь все им необходимое, хотя и не могли особенно много прикопить. Местная жизнь, ее заботы и интересы представляли для мальчика много нового и любопытного. Да и старику здесь, очевидно, нравилось, он чувствовал себя здесь совершенно как дома и при том выказывал, несмотря на свою прежнюю сухость и суровый нрав, такое расположе-

ние к Георгу, что он ежедневно благодарил Бога, пославшего ему возможность, тотчас после утери родителей, встретиться со стариком.

Люди, живущие в лесах, во всяком случае, лишены многого, в чем мы, живущие в лучших условиях, не признаем возможным отказать себе. Но те, кому приходится жить в подобных условиях, мало-помалу свыкаются с ними. Да, пожалуй, только привычка служит причиной, в силу которой мы признаем необходимым тот или другой предмет и те или другие условия жизни.

Что касается возможности поохотиться, она не могла быть сколько-нибудь значительной, так как в поисках новых мест для добывания золота по лесу постоянно бродило слишком много людей, а ведь известно, что если дичь постоянно тревожат, она ищет других, более спокойных мест. Только однажды удалось старику застрелить оленя. Но если плоха была охота, зато леса предоставляли им в большом изобилии прекрасные плоды. Так например: виноградная вишня, о которой мы уже упоминали, мелкий орех, крыжовник. Даже сахар имелся на деревьях; это была особая порода ели, в высшей степени замечательная. Высокая, великолепная ель с опущенными вниз ветвями, от шести до восьми дюймов длиной, доставляла этот сахар. Он выступал только на пораненных или больных местах дерева, в особенности там, где стволы были повреждены огнем, были заскорузлые массы темного сока, горького и негодного к употреблению, но вокруг них отлагался белый, хороший сахар. Вот этот-то сахар они собирали и клали его в чай и кофе.

Вообще здесь росло много великолепных деревьев. Сахарные ели все сплошь были более 150 футов вышиною. Но выше всех поднимались деревья, причисляемые к семейству «таксодиев», совершенно неправильно называемые местным населением «Красное дерево». Листва этого дерева похожа на листья той породы кедра, у которого листья вечнозеленые. Чудная кора этого дерева имеет красноватый оттенок, и все дерево, при его могучем росте, производит весьма внушительное впечатление. Вообще там в горах, в особенности к юго-востоку от Сакраменто, встречается много деревьев от 300 до 400 футов вышиною, тогда как наши самые высокие деревья редко достигают высоты от 100 до 120 футов.

Washingtonia Gigantea, вследствие исполинской вышины этого рода деревьев, получила в ботанике такое на-

звание и вполне заслуживает этого, так как одно из них обломилось и от места перелома до земли имеет 300 футов при 14 футах в поперечнике в месте перелома. Таким образом, 300 футов длины имеет пень до места перелома! Полагают, что вся длина дерева была 450 футов. Некоторые из такого рода деревьев имеют стволы 90 футов в окружности, следовательно, 30 футов в поперечнике. Вот так деревья!

Да если бы даже в этой местности не встречались такие гиганты, все же нередко встречаются деревья, имеющие 250 футов вышины.

Кроме того, растительное царство проявило, в глазах Георга, еще одну особенность, которая ему вовсе в голову не приходила. Вскоре после того, как они поселились в рудниках, вздумал он постирать свой более чем скромный запас белья, а между тем нигде не мог добыть мыла. С раннего детства приученный родителями к опрятности, когда мыло для него было неизбежной потребностью, он уже приспособился тереть рубашки, за отсутствием мыла, речным песком, хотя это весьма вредно отзывается на прочности белья. В эту минуту подошел к нему старик и, смеясь, несколько секунд наблюдая за ним, наконец сказал ему:

— Но почему же ты не возьмешь мыло?

— Мыло! — возразил Георг. — Да где же я его возьму, когда его нигде не достанешь? По всей колонии его нельзя добыть даже на вес золота.

— В самом деле? — серьезно заметил старик. — Но этого быть не может!

— Да я уже разыскивал мыло решительно во всех торговых палатках! — утверждал Георг.

— И нигде не нашел?

— Ни кусочка!

— Весьма понятно, — засмеявшись, сказал старик. — С какой стати торговцы будут привозить сюда то, что здесь само собою произрастает.

— Но я говорю о мыле, — возразил Георг.

— Ну да; я тоже говорю о нем же, — ответил старик. — Да вот сейчас около тебя находится большой кусок мыла.

— Около меня? — удивленно возразил Георг, с изумлением оглядываясь вокруг себя. — Нигде я никакого мыла не вижу.

— Странно! — сказал старик. — До сих пор слепым не был, а теперь вдруг ослеп и не видишь мыла, торчащего

около тебя над головою не более как на шесть или семь футов.

Георг посмотрел вверх и увидел только растения с весьма тонким стволом, приблизительно сказанной вышины, с верхушками из небольших стручков.

— Уж не об этих ли растениях вы говорите? — спросил он, покачивая головою.

— Разумеется.

— Так это мыло?

— Выдерни одно из них с корнем из земли.

Однако это оказалось совсем не легко. Георг попытался выдернуть, но почва оказалась твердой, и корни держались крепко. Наконец, на помощь ему подошел старик и, ножом разрыв немного землю, вытянул из земли луковицу, продолговатую и толщиной в кулак.

— Вот этим ты можешь постирать все, что тебе угодно.

— Этой луковицей? — смеясь, спросил Георг.

Но старик, на это ровно ничего не возражая, преспокойно засучил рукава повыше, оторвал от луковицы длинный стержень, начисто выполоскал луковицу в воде и затем крепко ударил ею о ближайший камень. Когда луковица расколосась, он намочил бельё и едва потер его два раза этой луковицей, как оно покрылось толстым слоем пены, совершенно похожей на мыльную пену. Если даже это не было настоящим мыльным деревом, но все же бельё вымывалось так же скоро и хорошо, как настоящим мылом. Старик объяснил своему молодому приятелю, что мексиканцы и калифорнийцы всегда моются только этой луковицей. Несмотря на то, что в стране имеется очень много материалов, из которых можно вываривать мыло, они считают такой труд совершенно излишним.

— Так вот и выходит, что я сидел около мыла, несколько этого не подозревая! — смеясь, сказал Георг.

— Мой милый друг, — возразил на это старик, — в жизни очень часто это случается даже с людьми более сведущими, нежели мы с тобою. Еще тысячи тайн природы роятся вокруг нас, и как глубоко мы ни вглядываемся и ни изучаем силы природы, нам остается еще бесконечно много неизвестного и неизученного. Бог до такой степени богато одарил этот чудный мир, что всюду видна его всемогущая рука. Самая ничтожная, по-видимому, вещь в природе сама по себе представляется замечательно изумительной, так что жалок и ничтожен кажется человек, хвастающий произведениями своих рук.

— А все-таки как много злых людей на свете! — сказал Георг.

— Внутри их всегда таится их наказание, — внушительно ответил старик. — Довольно уже того, что они не могут смело и открыто взглянуть вверх на голубое небо, и сколько бы они ни накопили соковок, все это ничто в сравнении с душевным спокойствием, доставляемым добрым сердцем и чистой совестью. В то время как злой в каждом встречном видит врага или предателя, злобствует и завидует всякому счастливому и всегда озирается со страхом, зная, что там, наверху, существует Бог, перед которым рано или поздно ему придется отвечать, добрый человек идет своим путем совершенно спокойно. Он каждому может смело смотреть в глаза, так как не знает за собой ни лжи, ни скверного поступка, а потому не имеет оснований постоянно опасаться быть преданным или захваченным.

Когда они беседовали, вдоль по долине по направлению к ним шел какой-то человек. Он нес кирку, лопату, шерстяное одеяло на плечах, и на боку у него висела сковорода. Еще он был на порядочном расстоянии от них, но Георг уже узнал его.

— Это тот самый человек, — сказал он, — которого я тогда упрашивал помочь моим родителям, но он требовал вознаграждение деньгами, а у меня их не было. Если бы он тогда согласился помочь мне, ни в коем случае не пришлось бы мне потерять родителей.

— Вот как? — спросил старик, внимательно всматриваясь в идущего. — Так это тот самый человек? Но ведь ты же мне, кажется, рассказывал, что у него возы, вола и при нем семья?

— Все это так и было; но, может быть, они недалеко отсюда в горах, а он пошел вперед.

В это время человек, uznанный Георгом, подошел настолько близко, что можно было вступить в разговор. Не особенно любезно кивнув головой в виде поклона, он вдруг вскричал изумленно, узнав мальчика:

— Здорово, Георг! Откуда же ты здесь появился? Уже добываешь золото! Каким же образом выбрались твои родители из снега?

— Пока об этом, г. Гослик, одному только богу известно! — печально и угрюмо ответил мальчик, не будучи в силах дружески взглянуть на вопрошавшего. — Когда вы отказали в помощи, мне пришлось долго бродить по лесу,

ища помощи, а время уходило, вследствие чего я уже не мог разыскать родителей.

— Гм... вот как!— сказал американец, по-видимому, нисколько не тронутый упреком, заметным в ответе мальчика.— Ну, не беда; ты их наверное скоро найдешь. Вообще здесь, в Калифорнии, каждый заботится только о себе. Найдется что-либо — ни с кем не следует делиться, а ничего не найдется, так и то никакому черту нет до того ни малейшего дела. Со мною как раз в тот день, когда ты меня просил о помощи, приключилось большое несчастье,—добавил он с новым проклятием и ругательством.— Я и теперь как вспомню об этом, в ужас прихожу. Будь она проклята, вся эта Калифорния!

— Разве случилось что-либо с вашей семьей?— порывисто спросил Георг, вспоминая милую, добрую девушку, так сильно желавшую ему помочь, но не имевшую на это ни малейшей возможности.

— С моей семьей ничего не приключилось,— пробурчал Гослик,— но от этого мне не легче, так как погиб мой воз вместе с быками. В этой проклятой долине я попал на крутой откос, и вот, когда я пробирался дорогой, опрокинулся воз и вместе с волами полетел в поток, и все пропало, все пошло к черту! Боже мой, в какую я пришел тогда ярость! С досады я бежал с того проклятого места, пока не выбился из сил.

— Что же? Это подняло вверх, спасло воз и волов?—сухо и насмешливо спросил старик.

Гослик, быстро повернувшись в сторону старика, несколько озадаченный вопросом, отвечал ему смущенно:

— Нет, товарищ; конечно, это не могло помочь, но все же злость берет при виде такого несчастья.

— Да где же вы покинули свою семью?— спросил Георг.

— Она там где-нибудь сидит в палатке, там в горах около Рубы,— со смехом отвечал американец.— Мой зять, тоже один из больших умников, воображающих, что они все знают лучше других, не захотел ехать дальше, пока не будет определенной цели. Посмотрим, как долго он там насидится, поджидая свою цель. А теперь я намерен в горах поискать золото. Что, у вас удачное место?

— Попробуйте!— сухо ответил ему старик.

— Да где же?— снова спросил американец.

— Где? Да где вздумаете. Вы, по-видимому, так пре-

восходно все знаете, что было бы очень глупо давать вам советы.

— Убирайтесь к черту!— злобно пробурчал сквозь зубы Гослик, вскинув на плечи свои орудия и, не поклонившись, зашагал вдоль ручья.

— Хорош отец семейства!— покачивая головою, сказал старик, когда американец скрылся за холмом.— Теперь тебе вовсе не следует досадовать на то, что этот человек отказал тебе в помощи; он даже своих, свою собственную семью бросил на произвол судьбы!

— Чего ради отправляется он в горы совершенно одиноким?— с изумлением спросил Георг.

— Вероятно, из зависти и своекорыстия. Раз добравшись до золотых приисков, он и тысячи ему подобных людей вполне уверены, что добудут здесь целые сокровища и боятся только одного, чтобы не пришлось поделиться ими со своим зятем или, пожалуй, даже с кем-либо посторонним.

— Так рассуждать американец не может,— возмущенно воскликнул Георг.

— Нет, друг мой, к сожалению, это встречается нередко,— возразил старик.— Вообще американцы лесов народ дельный, честный, но и между ними попадается немало бессердечных, жадных людей, которые неспособны переносить близость какого-либо соседа, потому что его скот пасется на лугу вместе со скотом соседа. Такого рода люди завидуют ближнему даже тогда, когда увидят у него во рту жалкий кусок хлеба. Но, благодаря Бога, такие люди встречаются редко, и всеведущий Бог даже их направляет к известным ему благим целям.

— Хотел бы я знать, как такие люди могут служить целям Бога,— смеясь, сказал Георг.

— Как? Я полагал, что ты сам имел уже возможность вполне убедиться. Если бы тебе тот человек, когда ты его просил, помог своими быками, то мы с тобой никогда друг с другом не встретились бы, хотя, быть может, это тебе теперь кажется безразличным, но со временем ты убедись, что это тебе оказалось выгодным. Опять-таки это относится к тому, что я тебе уже раньше говорил, что пути Господни чудесны и неисповедимы, и судить о них нам невозможно, а потому многое, что кругом нас происходит, кажется нам непонятным, нецелесообразным, а между тем в действительности все это предусмотрено Богом.

— А мои родители?

— Имей терпение; не падай духом. Если с ними не случилось какого несчастья, чему я не могу верить и чего отнюдь не допускаю, то мы их разыщем. Однако мы уже достаточно долго болтали, а со стиркой твоей ты уже покончил, а потому повесим белье, пусть сохнет, а сами пойдем к реке поработаем, чтобы не терять попусту драгоценное время.

— А когда мы снова соберем справки о письмах?

— На послезавтра приходится Воскресение, и если я разыщу своего пони, поеду в город Рубу. Что ты на это скажешь, доволен ли будешь?

— Еще бы!— воскликнул Георг.— Доволен, как и всем, что вы делаете; я одного только не понимаю, какой вам расчет так много одолжать меня?

— Расчет!— рассмеявшись, сказал старик.— Это очень просто объясняется. Ведь все, что мы найдем, делим пополам. А пока это расчет вполне достаточный.

— Однако, что-то плохо мы находим. Если дело не пойдет лучше, мало что придется делить. Впрочем, я совершенно доволен, так как мы имеем уже достаточно для уплаты дорожных расходов, да и немножко останется запасом на случай нужды. Это уже дело хорошее.

На новом месте оба горячо принялись за работу. На этот раз старик настоял на том, чтобы не копать новой ямы, но раскапывать часть старой, исследуя места не вполне разработанные. Здесь именно находилось большое число ям, выкопанных прежними золотоискателями, но, очевидно, потерявшими очень скоро терпение и начавшими рыть в новых местах. Во многих ямах даже не добрались до каменистого пласта, так что они были наполнены водою, и можно было попытаться счастья; не было ли в них золота.

Много усилий употребили они, вычерпывая некоторые из этих ям, но до позднего вечера никакого успеха в этом не оказывалось. Тем не менее на следующее утро они снова принялись за ту же, во всяком случае, скучную работу.

Но во все время продолжения работы они не обращали внимания на одну весьма большую яму, до самых краев наполненную водою. Но наконец Георгу пришла мысль предложить старику, выкопав канаву, отвести воду в сторону из этой ямы, чтобы не только избавиться от излишнего труда вычерпывания, но и приобрести возмож-

ность посмотреть скорее, что находится под водою. Старик вполне согласился с мнением Георга, и к обеду узенький канал был уже вполне готов. Тотчас после обеда принялись они за вычерпывание при помощи жестяного таза и ведра. Хотя они вычерпали воду до самого дна, но вода постоянно прибывала вновь, так как на дне ямы оказалось отверстие в палец толщиной, через которое проходила вода из какого-либо близлежащего ключа, что и оказалось причиною, почему эта яма была заброшена вырывшими ее людьми.

Два таза, полные земли и ила, извлеченные ими со дна ямы, не имели никаких следов золота после тщательной промывки.

— Плохие признаки, — пробурчал старик, — напрасно мы провозились; было бы лучше эту яму с водой оставить в покое. Но так как уже мы с ней давно возимся, поработаем над ней до вечера.

В течение целого часа после того старик выбрасывал из ямы землю, а Георг непрерывно черпал из нее воду, пока наконец в одном углу они добрались до каменного пласта. Но и здесь в земле или очень мало, или вовсе не оказывалось золота.

Чтобы несколько облегчить вычерпывание и остальную часть ямы сделать возможно более сухой, Георг взял лопату и копал как раз в том месте, где было отверстие, из которого постоянно проникала вода в яму. Впрочем, и здесь он вскоре наткнулся на каменный пласт и потому отбросил выкопанную там землю в сторону, чтобы впоследствии промыть ее.

— Ну, слава Богу! — сказал старик, ворочая кучу или острием своей кирки, — тут золото, и даже очень порядочный кусок.

Подняв кусочек величиною в лесной орех, старик добавил:

— Следовательно, можно сказать, что мы сегодня успешно поработали, недаром потрудились, потому что здесь, в одном этом кусочке, больше, чем мы могли бы промыть в течение половины дня.

— Вот если бы это тоже было золото! — смеясь, сказал Георг, показывая на только что выкопанную им дыру, в которую уже на восемь дюймов высоты скопилась чистая, прозрачная вода. — Да, это был бы кусок, которым можно бы похвалиться.

— Где он? — спросил старик, подойдя к мальчику.

— Да вот он, на дне. Блестит отлично, но, вероятно, это колчедан, и ничего больше.

— Да, если бы все было золотом, что блестит!— заметил старик.— Однако все-таки вычерпай оттуда воду. Ведь так ничего нельзя увидеть.

Георг принялся исполнять то, что было ему сказано, а старик смотрел на его работу.

— Вот он опять виден!— сказал Георг, показывая на ил.

Старик, ни слова не говоря, осторожно нацупал ил острием кирки, затем опустил руку в воду и вытащил оттуда желтый кусок величиною в большой кулак и замечательно хорошо блестящий.

— Это совершенно так блестит, как настоящее золото!— воскликнул Георг.

— Это верно,— ответил старик.— А еще вернее то, что это действительно настоящее золото!

— Это золото?— воскликнул почти испуганно Георг.— Но ведь это невозможно, чтобы это могло быть золотом!

— А ну-ка взвесь! Погляди, какое оно тяжелое!— смеясь, сказал старик, положив кусок на руку Георга, еще не верящего своему счастью.

— Да разве это возможно?— восторженно воскликнул мальчик.

— Возможно! Почему же это могло бы быть невозможным? В этом мире все возможно. Так обыкновенно бывает. Когда люди, переполненные всяких надежд и планов, приезжают в Калифорнию, они несколько не удивляются, когда в несколько ударов киркою по поверхности шпатового пласта находят кусок золота величиною с голову. Но когда они долго поработают и на опыте научатся, как редко случается докопаться до чего-либо значительного, они необычайно изумляются, когда удастся найти что-либо очень ценное.

— Но ведь какой громадный кусок!— вскричал Георг, все еще не веривший в свое счастье.

— Да, во всяком случае, это крайне редко бывает,— возразил старик,— вот я уже около года роюсь в этих горах и никогда не приходилось найти такой кусице. Долго, очень долго пришлось бы тебе поработать, пока удалось найти еще раз подобный кусок.

— А что он может стоить?— спросил Георг.

— Гм..— вдумчиво сказал старик, взвешивая на руке великолепно блестящий кусок,— в нем наверное четыре

фунта, если не больше, а так как фунт стоит 200 долларов, следовательно, нам приходится на двоих 800 долларов. Однако, малый, примемся за работу, посмотри, сколько скопилось воды, пока мы разговаривали и не вычерпывали ее; вода сильно прибывает каждую минуту; кто знает, что еще под ней может находиться. Впрочем, я почти не допускаю, чтобы могло находиться что-либо значительное, потому что до сих пор постоянно случалось убеждаться, что около большого куска золота никогда не встречаются мелкие кусочки. Но, во всяком случае, мы это место окончательно разработаем, чтобы точно знать, в каком положении дело и впоследствии не упрекать себя в недостатке внимания, да и притом наш дневной заработок уже вполне обеспечен.

Так они и сделали. Счастливые золотоискатели с изумительным терпением и энергией промыли все, что еще оставалось в яме. Однако оказалось, что старик был совершенно прав. Кроме двух найденных ранее кусков они промыли так мало, что и работа несколько не была вознаграждена.

Следующий день был Воскресение, в которое, по безмолвному соглашению золотоискателей, никаких работ не производилось. Крайне редко этот порядок нарушался какой-либо отдельной личностью, вызывая общее порицание.

На рассвете старик отправился в лес разыскивать своего пони и наткнулся на зверька гизеллу, которую и подстрелил, и по счастливой случайности нашел пони поблизости от лагеря; вместе с Москито он пощипывал траву у окраины болотистого места. Через полчаса старик уже ехал рысцою по направлению к рудничному городку, где, если даже и не найдет письма, то, во всяком случае, оказывалось необходимым приобрести некоторые продовольственные продукты, потребные для дальнейшего пребывания в рудниках.

ГЛАВА XIX

Как оба друга отправились в Сан-Франциско, где Георг снова тщетно разыскивал своих родителей

День этот мальчик провел, страшно обуреваемый самыми разнородными впечатлениями. Подсчитав все, что они до этого дня добыли, он узнал, что на его долю приходи-

лось более пятисот долларов, словом, богатство, о котором он до сего времени и мечтать себе не позволял. Но как только он предавался радости при этом сознании, тотчас восставало воспоминание о бедных родителях, Бог весть где теперь находящихся, и его мучила неизвестность — разыщет ли он их или нет.

Чем больше он радовался своему неожиданному богатству, тем сильнее было страдание, вызываемое сознанием невозможности поделиться этим богатством с родителями.

Наконец наступил вечер. Ранее как к концу дня он не мог ожидать возвращения своего старого друга, так как путь в городок и обратно представлял собою далеко не малое расстояние.

Когда начало темнеть, Георг развел хороший костер и принялся за приготовление ужина. Вдруг заметил он, что Москито, снова вертевшийся около палатки, насторожил уши; тотчас вслед за тем раздалось громкое и-и-и... В то же время залаял Гектор, и в ответ этому раздалось радостное ржание пони.

Старый друг мальчика курцгалопом подскочил к палатке, но никакого мешка с провизией около седла не оказалось.

— Ну что же, они в Сан-Франциско? — вскричал восторженно мальчик, быстро подбежав к старику.

— Не знаю еще, милый, но письма имеются, — отвечал, смеясь, старик, соскочив с седла и расседывая пони.

— Письма? От родителей? — задыхаясь от охватившей его радостной надежды, проговорил Георг.

— Это тоже мне неизвестно! — воскликнул старик, положив на землю снятые седло и уздечку и опуская руку в карман, где лежали письма. Однако, я полагаю, что их там нет, потому что вместо того, чтобы писать письмо, твои родители сами бы сюда приехали. Впрочем, сейчас все узнаешь.

— Почему же вы не вскрыли письма? — удивленно воскликнул Георг.

— Я? — усмехаясь, произнес старик. — Какое же я имел на это право, если письмо адресовано Георгу Оаклей? Вскрыть это письмо можешь только ты и никто другой. Разожги хорошенько твой костер и прочти письма. Мне самому очень любопытно знать, что заключается во втором письме.

— Какое же сперва? — спросил Георг, взяв письма дрожащими руками.

— Это, конечно, безразлично. Однако прочти сначала вот это. От кого оно?

Георг быстрым движением вскрыл письмо и, нагнувшись над огнем, прочел.

— «Любезный господин Оаклей»... — ватем, взглянув на подпись, прочел:

— «Преданный Вам Веньямин Галль».

— Я его совсем не знаю!— сказал он, обратившись к своему другу.

— Зато я его знаю,— возразил старик.— Это тот самый человек, которому я написал от твоего имени, а потому, само собою разумеется, он отвечает прямо на твое имя. Читай же; там дальше дело объяснится.

Георг, грустно покачивая головой, продолжал чтение письма:

— «Милостивый государь! Я получил Ваше почтенное письмо, но, к сожалению, не в состоянии сообщить Вам радостное известие...»

— Не в состоянии...— пробормотал старик.

— «...о вашей семье или родственниках: несмотря на самые тщательные розыски, я ровно ни от кого не мог собрать какие-либо сведения. Я даже полагаю, что едва ли они направились в Сан-Франциско. Если же они сюда придут и вообще могут быть разысканы, а в Сан-Франциско это дело не легкое, то я уже распорядился в различных местах, чтобы мне тотчас дали знать об этом, и, конечно, не замедлю Вас о том уведомить. Остальные Ваши поручения мною исполнены...»

— Какие это поручения?— изумленно спросил Георг, прервав чтение и поглядев на старика.

— Это совсем другое дело,— сказал старик,— но так как тобою было подписано письмо, он тебе об этом и пишет. Но читай дальше.

— «Я это исполнил и надеюсь Вас снова увидеть в Сан-Франциско. С глубоким уважением остаюсь преданный Вам Веньямин Галль».

— Гм... гм... гм...— пробормотал старик.— В таком случае мне следовало запастись большим количеством провизии; но, впрочем, я могу завтра снова съездить в городок. Однако прежде всего прочтем другое письмо.

Георг, быстро вскрыв его, прочел подпись:

— Это от Джемса Логгинса; кто же это такой? Я не знаю его,— сказал он.

— Дай-ка я погляжу,— сказал старик, взяв письмо в руки.

Едва взглянув, он сейчас же сказал, усмехаясь:

— Видишь ли около подписи три креста? Это от нашего долговязого друга из игорного дома в Сакраменто. Так как он сам не умеет писать, он кому-то поручил написать письмо и для удостоверения вместо своей подписи поставил три креста. Следовательно, этот малый сдержал свое слово; однако что же он пишет? Мои глаза слишком слабы, и я не могу читать при таком плохом освещении.

Георг принялся за чтение письма:

— «Милый мой Георг! Мне ужасно досадно, что я тогда сыграл с тобою такую штуку; но пора уже тебе не сердиться на меня за это и, быть может, мне удастся оказать тебе услугу. Что касается твоего отца, то сегодня мне удалось поговорить с человеком, который видел его здесь, в Сан-Франциско...»

— Слава Богу, он жив!— воскликнул Георг со слезами и несколько секунд не в силах был продолжать чтение; наконец, пересилив свое волнение, он продолжал:

— «Несмотря на то, что я всюду бегал и до такой степени натер себе ноги, что, пожалуй, на два дюйма стали они короче, я сам лично ровно никаких сведений о нем собрать не мог. Но он однако наверное находится здесь, потому что Боб Килей его хорошо знает и говорил с ним. Как долго он здесь пробудет и где находится, я не знаю, но все же всеми силами буду стараться что-либо разведать. Сан-Франциско — такое громадное гнездо, что так же трудно найти человека в его извилистых улицах и переулках, как булавку в стоге сена. Но мне не хотелось терять время, и я поспешил сообщить тебе пока хотя об этом. По моему мнению, лучше всего будет, если ты тотчас сам сюда прибудешь. Когда ты сюда приедешь, все, что мне удастся узнать, я сообщу тебе в гостиницу *«Соединенные Штаты»*.

— Это дельно!— воскликнул старик.— Хотя этот малый писать не умеет, но голова у него хорошо работает. Ну, что же он пишет дальше?

— Дальше ничего более, как только: «будь здоров и поскорее приезжай в Сан-Франциско. Кланяется тебе твой друг Джемс Логгинс».

— Вот видишь ли, Георг, нам теперь не нужна провизия,— сказал старик, с довольным видом потирая руки.

— Значит, мы поедem в Сан-Франциско? — быстро и радостно спросил мальчик.

— Ну понятно, и даже завтра на рассвете, — весело ответил старик.

— А наша палатка? А наши вещи?

— Мы оставим их пока здесь на месте. Неизвестно, понадобятся ли они нам там, а если их продавать спешно, почти ничего за них выручить нельзя.

— Однако недобрые люди могут все это похитить!

— Пустое, этого не случится! Ведь никто не знает, когда мы возвратимся. Часто случается, что палатки в течение нескольких недель остаются в лесу, с входом плотно завязанным. Что там нет золота — всякий понимает, а ничего другого не тронут. Наши же винтовки, одеяла и провизию возьмем в собою.

— Итак, в Сан-Франциско! — вне себя от восторга воскликнул Георг.

— Да, — усмехаясь, ответил старик. — Вот видишь, опять оправдывается старая поговорка о том, что счастье не приходит одно, а следует одно за другим. Вчера мы нашли золото и вчера же пришло письмо. Теперь, милый мой, ты можешь убедиться, что всеведущий Бог все сделает к лучшему. Если бы не напали на нас в лесу те негодяи и ты бы не ранил одного из них, то он бы в палатке не отнял у тебя деньги обманом. Без всего этого мы никогда бы не встретились с долговязым Джемсом Логгинсом, который теперь, чтобы загладить свою грубость, признает себя обязанным сделать для тебя все, что только в силах, и, вероятно, мы только благодаря ему найдем твоих родителей. Да, мой милый Георг, жив еще старый Бог; лишь бы твердо на него уповали, лишь бы тверды были в вере, зная, что он — Бог любви и милосердия, тогда мы неуклонно будем держаться надлежащего пути в этой жизни. Итак, знай, милый, нам посчастливилось, а завтра отправляемся в Сан-Франциско.

На другой день их сборы были весьма непродолжительны. Все самое необходимое привьючили к седлам и пустились крупной рысью к столице Калифорнии.

Без всяких приключений прибыли они в Сакраменто, где старик решил оставить пони и осла и следовать в Сан-Франциско водным путем. В самом городе некоторые люди специально занимались тем, что принимали на прокорм и сохранение лошадей и мулов, держа их в хорошо огражденном месте до тех пор, пока не возвратятся

за ними их владельцы. За это еженедельно уплачивалась известная сумма. Если бы они вздумали ехать верхом вдоль залива, то это было бы ужасно продолжительным и утомительным путешествием, при том терялось гораздо больше времени, да наконец в Сан-Франциско очень затрудняли бы их животные.

Устроив и поместив последних, они сели на пароход, отходивший в тот же вечер, и после великолепного плаванья вдоль берегов, сплошь окаймленных густым дубовым лесом, а потом чудным заливом Сан-Франциско, на рассвете следующего дня прибыли в этот город.

Множество кораблей стояло здесь на якоре; некоторые были совершенно без такелажа и, по-видимому, на них вовсе не было команд, а некоторые с распущенными парусами, как будто только что прибывшие или готовящиеся к немедленному отходу. Бесчисленные лодки, частью под парусами, частью на веслах, сновали всюду по всем направлениям и придавали большое оживление чудной картине, а на переднем плане выступал город.

В это время трудно было себе представить что-либо разнообразнее и пестрее картины, представляемой городом Сан-Франциско. Среди массы маленьких, низеньких деревянных домиков, лавок и палаток кое-где гордо возвышались постройки из известкового камня. Точно утесы, они прорезывались среди пестрых и остроконечных крыш палаток и деревянных домиков, над которыми развевались американские и даже несколько китайских флагов, служивших как бы вывеской китайских кухмистерских.

— Вот перед тобой город, — сказал Георгу старик, стоявший около него на носовой части палубы, — только в 1839 году основанный капитаном Джоном Фиогтом и еще в 1844 году имевший только 200 человек населения. Теперь, спустя едва пять лет, он уже имеет многотысячное население, сколько именно, я затрудняюсь определить, но через несколько лет население его будет считаться сотнями тысяч. Положение его великолепное; его охватывает сеть холмов, и тотчас же за ней красуется море, а правее в заливе белеют островки, около которых единственный выход в открытое море. Весь громадный залив, тянущийся влево рукавом шириною в несколько миль по направлению к устью Сакраменто и к реке Сан-Иохимо, тоже замкнут и защищен такими же горами или холмами, и всегда, даже в самые страшные бури, корабли находят здесь тихое и спокойное убежище.

Везде по берегам залива основывают новые города, но все же Сан-Франциско будет и должен остаться главным городом всей области, так как представляет собою по положению самое защищенное и самое лучшее место. Впрочем, это место по-настоящему не называется Сан-Франциско, как его называли мексиканцы. Кровные калифорнийцы называли город *Berda dyena* (хорошие травы) вследствие того, что здесь росло прежде множество приторных растений.

— Но здесь совсем не видно деревьев и только слева горы покрыты лесом,— заметил Георг.

— Да и там, собственно говоря, только кустарник, разновидность лаврового дерева,— сказал старик.— Конечно, здесь большой недостаток в лесе, но дальше более хорошие дубовые леса, и долина Сакраменто также имеет достаточно леса, и затем в заливе Корт Мадейра, за этими влево от входа в море лежащими холмами, имеются великолепные деревья. Ну вот мы и приехали в Сан-Франциско; сейчас пристанем к берегу.

Маленький пароход причалил к длинной, далеко выдающейся в залив деревянной пристани, и когда Георг присматривался к лицам в толпе, окружившей пароход, он ни о чем другом не думал, как только о том, не увидит ли он между этими людьми своего отца. Конечно, отец не мог предполагать, что его утерянное дитя находится на пароходе, но мог предчувствовать, что дитя его находится где-то вблизи.

Но все эти предчувствия и ожидания оказались тщетными. Множество людей подходило и уходило, но все это были незнакомые лица, равнодушно встречавшие его вопрошающий взгляд. Тяжелый вздох вырвался из груди Георга.

— Пойдем, пойдем, милый,— сказал старик, отлично понимавший, что происходит в сердце мальчика,— напрасно ты надеешься встретить здесь отца; только крайняя случайность могла бы его привести сюда. Но весьма возможно, что Джемс Логгинс имеет уже хорошие известия о нем, и потому прежде всего мы должны направиться к нашему долговязому другу в гостиницу «Соединенные Штаты».

Вскоре они узнали, где находится это место. Но добраться туда было вовсе не так легко, как они это раньше предполагали. В то время как у них на рудниках была превосходнейшая погода, в Сан-Франциско в последние

три дня шли проливные дожди, и все улицы были переполнены потоками воды и ила, так что в некоторых местах доходило до колена. В то время город не был еще замощен камнем, да вообще не было удобной дороги для пешеходов. На глинистой почве стояли дома, и можно себе представить, до какой степени при дождливой погоде от постоянной езды телег с тяжестями размягчалась почва. Грязь на улицах была прямо непролазная.

И теперь снова небо заволокло тучами и пошел хотя не сильный, но порядком густой дождь, делавший состояние улиц еще хуже. Несмотря на это, наши золотоискатели смело прокладывали себе путь к гостинице, по счастью, оказавшейся весьма близко. Однако тщетно справлялись они об оставленном на их имя письме. Внизу в хозяйской комнате, хотя на письменном столе управляющего лежала порядочная кина писем, но письма, адресованного Георгу Оаклею, не оказалось, и даже никто не знал человека, называющегося Джеймс Логгинс. Они стояли в нерешимости в чужом городе и не знали, к кому обратиться.

Прежде всего старик предложил не таскать с собою золото, а внести его в один из устроившихся уже банков. Это значило внести в дело под квитанцию. За это надобно было заплатить самую малость, и тогда они, по крайней мере, могли быть уверены, что никто не украдет их золото. Это тотчас было исполнено, и при этом Георгу пришла мысль разузнать что-либо о своем дедушке. Однако служащие в банке ничего о нем не знали. Это были торговые люди, недавно приехавшие из Нью-Йорка, и знали они только тех, с кем были в торговых сношениях. Все остальное их нисколько не интересовало.

Оттуда наши друзья отправились в полицию, но и там ничего не добились. С некоторых пор записывались фамилии прибывавших на судах, но те, кто прибывал в Калифорнию сухим путем, никакому контролю не подлежали. Так же точно не оказалось в списке лиц, имевших дома в Сан-Франциско, личности, носившей фамилию Георг Гарди.

Что оставалось предпринять? Ходить по городу и собирать сведения было делом крайне ненадежным и, принимая во внимание состояние погоды и улиц, почти невозможным. Несмотря на это, они посещали различные места и весьма сожалели, что их долговязый приятель не написал им точно, где именно можно его разыскать.

Во всяком случае, когда наступила ночь, они вынужде-

ны были приискать себе где-либо пристанище. Хотя к вечеру дождя уже не было, но без палатки ночевать под открытым небом оказалось немислимым.

Понятное дело, они не позволили себе пойти в какую-либо большую гостиницу, так как не хотели платить громадные цены. Наконец они увидели палатку из бумажной материи, сверху покрытую засмоленным полотном, и на вывеске значилось, что она принадлежала какому-то Патрику О'Флагерти. Но едва они вступили в нее, как услышали такой шум и такие ссоры и споры, что тотчас же вышли из нее обратно на улицу.

Следующий такого же рода дом принадлежал немцу и был не что иное, как сарай, сколоченный из досок, посередине которого стояли стол и стулья, а по бокам были устроены настоящие корабельные койки для «желающих выспаться». Но таким личностям предстояло принести с собою постель, так как на этих койках никаких иных приспособлений не было, кроме двух сколоченных гвоздями еловых досок. Впрочем, койки были сухие, а так как с ними были одеяла и цена, назначенная хозяином этого убежища, оказалась весьма умеренной, они решились здесь ночевать.

По счастью, содержатель этой гостиницы, хотя и немец, но сносно говорил по-английски и, как он рассказал своим новым гостям, только за шесть недель перед этим прибыл из страны, находившейся по ту сторону гор. Джона Оаклей он, конечно, не знал, но все же сообщил им, что сразу после Калифорнийской улицы, в доме, который он им подробно описал, восемь дней тому назад остановились переселенцы из Америки, прибывшие из-за гор, и весьма возможно, что они еще и теперь находятся там. Они объехали со своими повозками вдоль всего залива и хотели здесь поселиться.

Так как уже стемнело, наши приятели не находили возможным сегодня же посетить указанное место и, съев достаточно хорошо и чисто приготовленный ужин, завернулись в одеяла, располагая насколько возможно удобно и покойно провести ночь на жестких досках.

В это время в помещение вошло еще много людей, говоривших преимущественно по-немецки, которого совершенно не понимали наши приятели. Однако между этими людьми оказалось человек восемь американцев, говоривших очень много о только что выслеженной шайке воров и грабителей. При этом они ужасно ругали магист-

рат Сан-Франциско, оказывавшийся или очень трусливым, или чересчур слабым, или же неумелым для охранения честных граждан города от негодяев и злодеев. Так как городское управление не умело или не хотело принять энергичные меры против воров и грабителей, по словам разговаривавших оказывалось, что граждане порешили забрать власть в свои руки и примерно наказать виновных.

Наши путешественники сначала с большим вниманием прислушивались к этим разговорам, но, очень долго побродив по улицам, чувствовали такую усталость, что глаза невольно сомкнулись, и они вскоре уснули сладким и покойным сном.

С появлением дневного света они снова были свежи и бодры и, тотчас после завтрака, поспешили на указанное место, чтобы возможно скорее порасспросить находившихся там переселенцев. При этом они снаряжены были вполне по-походному: с винтовками и одеялами, так как сами не знали, куда им придется отправиться через какой-то час или еще того менее.

Встречая на каждом шагу разочарование, постоянно обманутый в своих надеждах и ожиданиях, Георг сильно пал духом и находил невозможным в этой шумной и пестрой толпе встретить не только отца, но даже сколько-нибудь знакомое лицо.

Наконец они пришли на Калифорнийскую улицу и, по крайней мере, были довольны тем, что выбрались из грязного ила и вступили на песчаную почву. Они вскоре нашли дом, описанный им немцем, и около него еще издали увидели повозку американских переселенцев со свойственным ей несколько выгнутым посередине верхом.

— Здорово, Георг! — крикнул кто-то, обращаясь к мальчику. Георг, почти испуганно, быстро повернулся, тотчас узнав в приветствовавшем его старике соседа из Арканзаса, который восемью днями раньше его семьи выехал оттуда с одним из караванов.

— Мистер Муллинс! — крикнул обрадованный Георг, протянув старику руку, которую тот с видимою сердечностью потрясал. — Слава Богу, — продолжал Георг, — что я наконец увидел дружеское лицо! А мне уже казалось, что я на всю жизнь остался одиноким на этом свете.

— Ну что же? Разве ты до сих пор не разыскал отца? — с очевидным изумлением спросил мальчика Муллинс.

— Моего отца! — воскликнул Георг. — Да разве он здесь?

— Да; вчера я видел его здесь, — отвечал Муллинс. — Да разве ты не был в Сансалите?

— В Сансалите? Да я вовсе не знаю, где это!

— А там, по ту сторону бухты. Я встретил Джона Оаклей на улице вчера, и он мне рассказал о том, как он потерял тебя и недавно получил извещение, будто ты находишься в Сансалите. С пароходом, отходящим туда сегодня утром и, быть может, еще не отошедшим, он намерен был отправиться и взять тебя оттуда.

— Ах, Боже мой, значит, опять его нет! — воскликнул мальчик, испуганно сжав руки. — Но мать моя! Где же моя мать и сестренка?

— Гм... мне это теперь ужасно досадно, что я не догадался спросить его об этом. Но он ужасно торопился, и я был очень занят. Но во всяком случае, она теперь в Сан-Франциско.

— Но где же?

— Да вот в этом-то и задача! Хозяева гостиниц из десяти раз только один раз знают фамилии своих жильцов, и пересмотреть всю эту тысячу палаток, находящихся как в самом городе, так и вне его, дело почти невозможное. Конечно, невозможно, по всей вероятности, даже так надо предполагать, что он взял ее с собою, так как при теперешнем положении дел в Сан-Франциско опасно оставлять здесь женщину одинокой. Ты, конечно, уже слышал о том, что выследили шайку грабителей.

— Вчера вечером я слышал, как об этом говорили люди в том доме, где мы ночевали.

— А этот старик с тобою?

— Да, он мне до сих пор очень много помог разыскивать моих родителей. Без него я бы совсем пропал.

— Гм... это с его стороны очень великодушно. Но слушай, Георг, если ты родителей своих не найдешь, возвращайся сюда ко мне. Будешь жить с нами, пока мы не найдем твоего отца.

— Тысячу раз благодарю Вас за это, дружище! — сказал старик, в первый раз вмешиваясь в разговор и протягивая руку Муллинсу. — Это редко предлагается кем-либо в Калифорнии. Но пока у меня еще что-либо останется, я надеюсь, что мы оба будем жить вместе. Мы уже привыкли друг к другу. Но, быть может, Георгу порядком наскучило мое общество.

— Я был бы в таком случае неблагодарнейший человек в мире! — растроганно и горячо воскликнул Ге-

орг.— Но, несмотря на это, я все-таки благодарю вас за предложение,— добавил он, обращаясь к Муллинсу,— и поверьте, этого не забуду. Но что же нам предпринять теперь?

— Это очень просто,— возразил старик.— Мы с первым же пароходом поедем в Сансалиту, и если не найдем там твоих родителей, то все же возвратимся обратно сюда, в этот самый дом. А если тем временем твой друг увидит твоего отца или твою мать, он их известит о нас, и они подождут или здесь, или, по крайней мере, скажут, где мы можем их найти.

— Это самое лучшее, что можно придумать!— воскликнул Муллинс.— Но в таком случае вы не должны терять ни одной минуты, потому что я не знаю, когда отходит пароход в Сансалиту.

— Откуда он отходит?

— От длинной пристани. Порядочный конец отсюда. При теперешнем дурном состоянии дороги будет не меньше, как на полчаса ходьбы.

— Итак, двинемся тотчас вперед!— сказал старик.— А вас тысячу раз благодарим за хорошие вести.

ГЛАВА XX

Как они попали не на тот пароход и какие от этого произошли последствия

Наши приятели, насколько хватало сил в ногах, спешили к указанному месту. Однако, это было весьма нелегким делом, так как в прошлую ночь снова лил сильный дождь, и улицы были еще хуже прежнего. Никому в Сан-Франциско и в голову не приходило, что улицы могут придти в такое ужасное положение, и хотя поздно, но усердно принялось городское управление за устройство сколько-нибудь удобных сообщений для пешеходов.

На Кернейской улице они как раз наткнулись на застрявшую в непролазной грязи повозку, запряженную мулом. Мул выше брюха погрузился в грязь, до того, что даже морда была в воде, и никак не в силах был выкарабкаться. Пока нашлась возможность оказать помощь, мул задохся в грязи.

В самой середине города не было никакой возможности

пробраться, и оба наши приятеля держались поближе к берегу.

Да и действительно, по песчаному берегу они скорее бы могли добраться до места, куда направлялись, если бы и здесь не оказалось препятствия, но уже совершенно иного рода, притом весьма необычайного. Здесь, на берегу, навалены были груды всякого корабельного груза, предоставленные в полное распоряжение ветра, солнца и дождя, и никто нисколько не заботился об уборке этих товаров. Замокшие и поврежденные бочки с корабельными сухарями, корзины с фаянсом и стеклом, ящики с чаем, мешки с кофе, полосовое и круглое железо, — словом, все, что только возможно было вообразить, лежало в беспорядке, наваленное у самой воды, и образовывало громадную плотину вдоль бухты.

Вероятно, владельцы этих товаров не имели места для их помещения и не могли или не хотели платить громадные деньги за их сохранение в иных местах. Кроме того, они понадеялись на бывшую до того сухую и прекрасную погоду. Однако, неожиданно захваченные дождливой погодой, грузы подвергались порче, и проходим приходилось без всякой предосторожности топтать товары. Проламывались корзины с фаянсовой посудой, ломались ящики с чаем, и образовалась среди всех этих товаров, теперь едва ли стоивших даже уборки, торная дорога для пешеходов.

Но что более всего поразило Георга на этом пути, это несметное множество грязных рубах и чулок, валявшихся разбросанными в полном беспорядке по всем улицам.

Очень много кораблей привезли преимущественно хлопчатобумажные рубахи и чулки, полагая, что на такой товар будет самый усиленный спрос, и до такой степени заполнили им рынок, что большей частью его продавали по ничтожной до смешного цене. Торговцы продавали этот товар, лишь бы очистить склады и сложить туда ценные товары. При этом плата рабочим была до такой степени высока, что за мытье одной рубашки платилось полдоллара, тогда как за 6 долларов можно было купить целую дюжину новых рубашек. Вот почему большинство жителей грязные рубашки предпочитало выбрасывать прямо на улицу, нежели отдавать их в стирку.

Но Георг недолго предавался подобным наблюдениям, потому что, когда они приближались к «Длинной пристани», они услышали звон пароходного колокола и издали увидели стоявшую на пристани большую толпу людей.

Надо было как можно скорей поспешить, чтобы не прозевать отплытие парохода.

Взойдя на настилку пристани, они могли уже идти беспрепятственно и быстрее; однако Георга немало удивило, что, когда он обращался с вопросом к людям, мимо которых он поспешно проходил, раза два ему послышалось, что кто-то говорил: «а вот еще двое». Так как все мысли его были поглощены желанием увидеться поскорее с отцом, он не обращал на это никакого внимания. Вскоре они дошли до мостика, перекинутого с пристани на пароход. Раньше их хотели взойти на пароход два очень хорошо одетых господина, по-видимому, негоцианты из города, но вахтенные их не пропустили, и один из них сказал:

— Мне очень досадно, джентльмены, но здесь для вас уже нет более места. Вы не принадлежите к отряду.

— А нам с вами можно?— испуганно воскликнул Георг.

— Конечно, можно! Ведь с вами же винтовки. Да только проходите скорее; давно уже пора!— послышался странный ответ.

В это мгновение звонко прозвучал маленький колокольчик, так что наши приятели едва успели вскочить на палубу. В ту же минуту оттолкнули пароход шестью от пристани, и он быстро понесся вдоль бухты.

— Ну, ребята, ведите себя молодцами!— воскликнул, проходя по палубе, широкоплечий, статный мужчина с окладистой густой бородой, в круглой широкополой шляпе и с длинной винтовкой в руках.— Ведь вам всем известны ваши посты? Чтобы у меня впоследствии никакого замешательства не было.

— Все в порядке, Бентлей!— отвечал ему низкорослый, толстый человек, до такой степени утыканный пистолетами и кинжалами, да и, кроме того, державший в руках двустволку, что больше походил на разбойничьего атамана, нежели на мирного гражданина Соединенных Штатов.— Как бы нам только не опоздать,— добавил он.

— Об этом я уже позаботился, старина!— смеясь, возразил первый.— Чтобы вполне обеспечить себя, я еще на рассвете отправил судно, а потом еще другое, которые будут стоять на якоре в указанном мною месте. Если бы какое-либо судно отошло от островов, они должны мне подать сигнал пушечным выстрелом и начать охоту за ним. Но сегодня утром еще не было ни одного выстрела, следовательно, все в порядке.

— Вот, черт возьми,— сказал старик тихо, нагнувшись в сторону Георга.— Куда же мы, в самом деле, попали? Весь пароход наполнен вооруженными людьми, а вместе с тем нигде не заметно какого-либо мундира официального лица.

В это мгновение человек с окладистой бородой, которого другие звали Бентлей, внезапно воскликнул, проходя мимо них и удивленно всматриваясь в Георга.

— Здорово, малый! Да неужели ты ужеходишь в состав Охранного Комитета? Черт возьми, ты спозаранку сюда попал. Знает ли твоя мать, что тебя нет дома? ¹

Георг, при этом вопросе покраснев до ушей, сказал:

— Мне нужно было ехать в Сансалиту.

— В Сансалиту?— изумленно спросил бородач.— И ты сел на этот пароход?

— Я полагаю, сэр,— вмешался в эту минуту в разговор старик,— что мы оба по ошибке сели не на тот пароход, на который следовало; а, быть может, вы тоже пристанете в Сансалите?

— Еще чего недоставало! Оказывается, что мы имеем на пароходе двух пассажиров в Сансалиту. Да разве у вас никто не требовал ваших свидетельств?

— Вероятно, это не сделано было вследствие поспешности отхода,— возразил старик.— Мы пришли как раз в последнее мгновение, когда пароход уже отчаливал от берега. Будьте так любезны, скажите нам, куда же направляется этот пароход, переполненный вооруженными людьми?

— Во всяком случае, друг мой, теперь нет уже надобности держать это в тайне,— возразил мистер Бентлей, состоявший, по-видимому, начальником отряда.— Конечно, в Сансалиту я вас доставить не могу, потому что мы отправились захватить воровскую шайку, которая, по точным сведениям, вот там, впереди, на острове Лос Анжелос, устроила себе убежище. Кроме того, при вас винтовки и ножи, вследствие чего вас допустили взойти на пароход, и я полагаю, что вы отлично употребите свое время, если окажете нам помощь, пока находитесь вместе с нами. Вам тоже должно быть важно, если захватят этих негодяев. Нам пришлось самим озаботиться этим делом, так как правительство не может или не хочет защитить нас.

¹ Does your mother know you're out?— Это обыкновенный насмешливый вопрос, обращенный к юнцам.

— Гм... Все это очень хорошо и дельно, — сказал старик, — и я охотно принял бы участие в вашем деле. Но дело только в том, что мы должны спешить попасть в Сансалиту, чтобы там разыскать утерянных родителей этого мальчика. К великому нашему несчастью, мы сегодня утром не попали на тот пароход, который нам нужен.

— Да, это мне очень жаль, но это случилось не по нашей вине, — спокойно возразил начальник. — Впрочем, мы никогда не принуждаем помогать нам, и так как, собственно говоря, ваше нахождение на палубе этого парохода произошло по оплошности нашего инспектора, вы можете, пока мы будем находиться на берегу, оставаться на этом пароходе совершенно спокойно. Когда мы выполним то, что намерены сделать, вы можете возвратиться вместе с нами в Сан-Франциско.

— Нет, приятель, вы не так меня поняли! — воскликнул старик. — Уж если нам суждено терять время, мы желаем употребить его с пользой, а не сидеть здесь, заложив руки в карманы. Я полагаю, что и ты, Георг, вполне разделяешь мое мнение?

— Конечно! Однако, мой отец?

— Вот что я тебе на это скажу, милый мой, — сказал начальник, обращаясь к Георгу, — если тебя так сильно тянет в Сансалиту, то ты оттуда, куда мы едем, гораздо скорее попадешь, чем предполагаешь. Я вполне уверен, что из Сансалиты придет один или несколько пароходов еще раньше, нежели мы прибудем, и на них вы оба можете легко перебраться. Но, конечно, не раньше, чем мы покончим наше дело.

— В таком случае я от всего сердца готов вам содействовать! — воскликнул Георг.

— Прекрасно! Господин Смит, потрудитесь указать обоим нашим новобранцам их места. В центре мы пока слабы, так как остров порядочной ширины. А эта собака ваша?

— Да.

— Хороша она?

— Превосходна.

— Тем лучше; кто знает, может, и ей найдется хорошая работа, а у нас в Сан-Франциско нет хороших собак.

Вслед за этим он отошел от наших приятелей и занялся другими делами.

— Однако же, дали мы маху! — засмеявшись, сказал

старик, когда от них отошел начальник отряда. — Как это я не догадался спросить прежде всего, куда именно отходит пароход. Ну, Бог знает, может быть, оно и к лучшему. Мы еще не добрались до цели, а до сих пор Милосердный Бог так изумительно хорошо нас направлял, и его десница так милостиво руководила нами, что ему, очевидно, благоугодно и теперь не лишить нас своей милости. Для тебя в особенности все это происшествие будет чрезвычайно занимательным, так как ты познакомишься с некоторыми сторонами чисто калифорнийской жизни.

— Но мои родители?

— Тут ровно ничего не поделаешь; ничего изменить нельзя, — пожимая плечами, отвечал старик. — Мы сюда попали и теперь посмотрим, как отсюда выберемся. Ни в каком случае это дело не может долго длиться, и если твой отец не найдется в Сансалите, он, по всей вероятности, возвратится в Сан-Франциско. Если бы мы тогда спокойно и надлежащим образом обсудили дело, так нам следовало бы оставаться в Сан-Франциско. Но все это произошло так поспешно, что не было времени обдумать наше положение. Впрочем, мне очень любопытно, чем кончится наша охота.

— Это Лос Анжелос? — спросил Георг, заметив, что пароход, уменьшив ход, подходил к большому острову, отчасти покрытому лесом, и обогнул его, оставляя с левой стороны, как будто направляясь в Сакраменто.

— Он самый и есть! — ответил ему старик. — Как мне кажется, наш рулевой имеет в виду не всполошить преждевременно тех господинчиков на острове. Возможно также, что он избегает стоящих там баркасов.

Маленький, но прочный пароход, пыхтя, огибал далеко вдающуюся узкую косу Лос Анжелоса. Но как только она осталась позади его, он тотчас переменял курс и, вместо того, чтобы подойти к заливу Каркинес, пошел вдоль берега Лос Анжелос.

На левом кожухе стоял человек, указывавший рулевому направление, которого он должен был держаться. По-видимому, он отлично был знаком с берегами острова. Только в другом конце острова была настолько значительная глубина у самого берега, что пароход мог вплотную пристать к земле.

В то же время заметил Георг, что пока он смотрел на берег, от их парохода отошел катер с вооруженными людьми и причалил к маленькой бухте. Там находились, как

теперь вполне хорошо можно было видеть с палубы, два судна небольшого размера; одно было широкое, как баркас, а другое узкое, как шлюпка. По-видимому, вооруженные люди намерены были захватить эти суда. Но как только катер приблизился к берегу, мгновенно повыскакивали из него люди, заранее получившие определенные приказания, и тотчас разделились на три отряда. Нашим обоим друзьям было назначено находиться в центральном отряде, и очевидно было, что предполагалось тщательно обыскать остров с одного края до другого.

При этом отдано было приказание без всякой пощады стрелять во всякого, кто при встрече с ними не остановится. Если же кто спокойно подойдет, должен быть принят дружелюбно, но состоять под строгим надзором.

Как только катер спустил на берег отряд, из которого на нем осталась только весьма незначительная часть, тотчас взял обратно концы и, отчалив от берега, объезжал остров со всех сторон. Погода для этого в высшей степени была благоприятна, так как не было ни малейшего ветерка, и всякий баркас, с какой бы стороны он ни вышел, не мог поднять паруса и попытаться уйти от преследования.

В то же время они увидели, что другое судно, стоявшее в фарватере, начало приближаться к берегу. Отряд, составлявший правое крыло, очевидно, поджидал это судно, имевшее задание, согласно заранее сделанному распоряжению, высадить на берег часть вооруженных людей и после того возвратиться на прежнее место. Оно должно было тщательно охранять выходы с берега.

Наши приятели отошли уже вперед раньше, нежели пристал к берегу баркас, потому что центральному отряду и левому крылу приходилось описывать более значительную дугу.

Вначале, где остров был еще узок, отряды были довольно близко один от другого, но чем шире становился остров, тем больше они отдалялись друг от друга, но все же только тридцать шагов расстояния было между всеми отрядами. Растительность вовсе не была настолько густа, чтобы препятствовать тщательному осмотру на всем протяжении пройденного пути.

При этом отряды по всей линии подвигались медленно и осторожно, чтобы не упустить из виду что-либо достойное внимания. Несмотря на то, что все было осмотрено самым тщательным образом, нигде не нашлось что-либо

подозрительное, и таким образом осмотрели уже целую половину острова. Встретили они только стадо почти одичавшего рогатого скота; они хотели оставить их позади себя, но испуганный скот бежал впереди их. Иногда парадругая старых быков останавливались и, опуская рога к земле, выказывали желание вступить в бой, но, видя со всех сторон множество врагов, недоумевали, на кого из них кинуться. Наконец, вероятно, достигнув границ своего обычного пастбища, вожак стада, сильный, рослый, темно-бурый бык в белых пятнах, остановился как раз перед нашим стариком и, роя короткими толстыми рогами землю, яростно ревел. Все люди были здесь на открытом месте, и для защиты не было ни одного дерева, и потому нападение такого молодчины представлялось крайне опасным. Но не такой был человек старик, чтобы чего-либо испугаться. Он стоял спокойно, подняв винтовку; целился внимательно, обдуманно, и как раз в то время, когда бык приблизился к нему на десять шагов и опустил голову, намереваясь накинуться, раздался выстрел, и могучее животное повалилось на землю. Пуля попала как раз в изгиб позвоночного столба.

— Bravo, товарищ, выручил! — сказал, обращаясь к старику, его сосед с правой стороны, так как по левую сторону находился Георг. — Но можете быть уверены, что вы сегодня свою винтовку разрядили не в последний раз.

— Полагаю, что вы правы, — пробурчал старик, тщательно заряжая свое оружие. Тем временем все другие пошли вперед, хотя и весьма медленно, а быки, напуганные выстрелом, высоко подняв хвосты, понеслись вперед.

Один только Георг не сходил с места, пока старик заряжал свою винтовку. А Гектор в это время, несколько левее, в том месте, где росло несколько лавровых кустов, что-то обнюхивал и затем начал быстро разрывать землю лапами.

Георг подошел к нему, но так как там ничего особенно не оказалось (а в это время старик уже зарядил свою винтовку), мальчик позвал собаку, и они пошли следом за другими.

Вскоре они увидели перед собою две маленькие из нетесанных досок хижины, в которых уже находилось несколько человек из их отряда.

В одной из них, так как другая оказалась необитаемой и, по-видимому, служила складом продовольствия, нашли

трех человек, впрочем, не казавшихся сколько-нибудь подозрительными, но чрезвычайно изумленных большим количеством вооруженных людей. Когда поровнялись с хижинами остальные люди отряда, начальник выстроил их в линию и тогда приказал вывести вперед трех обитателей хижины, которым начал производить допрос, не принесший пользы, так как они, очевидно, что-то скрывали.

По их словам, они смотрели за скотом, чтобы подходящие к острову баркасы не охотились за ним, что нередко случалось. Кроме того, они занимались рыболовством и доставляли рыбу в Сан-Франциско.

— А сколько вас здесь человек? — спросил один из тех, кто высадился на берег из баркаса, подошедшего к берегу после высадки отряда, бывшего на пароходе.

— Нас? Всего здесь нас три человека, стоящих перед вами, — последовал ответ.

— Кто же был тот четвертый, который сегодня утром сидел с вами в той лодке, на которой вы хотели причалить к берегу?

— Четвертый? — повторил, несколько побледнев, допрашиваемый. — Этот человек поехал в рыбацкой лодке.

— Так! Однако не только баркас, но и ни одна рыбацкая лодка не покинула острова, — продолжал допрашивавший. — Почему же вы тотчас повернули обратно, когда заметили, что вооруженный баркас намерен был преградить вам путь?

— Это очень просто, — возразил допрашиваемый, очевидно, подготовленный к такому вопросу. — Теперь по заливу шляется множество недобрых людей, и мы опасались попасть им в руки. Если бы мы знали, что будем иметь дело с честными людьми, мы бы к вам спокойно подъехали.

— О! Значит, вы честных людей не боитесь. Ну, тем лучше для вас. Но четвертого человека нам все же необходимо разыскать. У него, вероятно, весьма веские основания не желать показывать свою физиономию.

Наконец к трем жильцам хижины обратился предводитель:

— Послушайте, ребята! Не ухудшайте своего положения ложью и виланием. Вас нам выдали. Нам известно, что у вас на этом острове устроен склад похищенного имущества, а потому откровенно сознайтесь, где он, и тогда можете быть уверены, что это смягчит ваше наказание. Если же вы будете упрямствоваться...

— Да убирайтесь же к черту! — прервал речь начальника один из трех допрошенных. — Что вы там болтаете чистый вздор среди бела дня! Разве вы здесь видите хотя малейший след какого-либо склада товаров, о котором вы толкуете? Можете его разыскивать сами, если хотите. Эти две хижины единственные на всем острове, а там на деревьях мы товары не развешивали. Мы свободные граждане Соединенных Штатов и не намерены позволять такого рода обращение с нами с вашей стороны.

— Прошу, приятель, воздержаться от дерзостей! — спокойно и совершенно хладнокровно возразил Бен-тлей. — Вам нисколько не поможет, если будете драть горло. Мы здесь все или, по крайней мере, большинство из нас граждане Соединенных Штатов и приняли на себя ответственность за начатое нами дело и, что еще важнее, твердо решили довести его до конца, выполнив нашу задачу. Итак, вы ни в чем не хотите сознаться?

— Я уже раз вам сказал: убирайтесь к черту! — злобно прорычал допрашиваемый. — Делайте все, на что вы считаете себя вправе, а нас оставьте в покое. Вот остров, обыщите его с одного края до другого, и если вы найдете какой-либо товарный склад, я сочту это большим чудом. Больше я вам никаких ответов давать не буду.

— Прекрасно! — спокойно ответил ему начальник. — Смит, будьте так любезны с вашими шестью человеками остаться при этих людях, которые обязаны войти обратно в свою хижину; если же кто из них окажет малейшее сопротивление или попытается бежать, вы должны его застрелить, нисколько не колеблясь и без всякого сожаления.

— Вы не имеете ни малейшего права нас здесь задерживать! — бешено вскричал островитянин.

— Это я отлично знаю! — так же спокойно и хладнокровно, как и прежде, возразил начальник. — *Права нет, но власть* в наших руках, и если вы, приятель, рассудительны, то, конечно, подчинитесь ей. Для вашего успокоения я могу добавить, что образовался Охранный Комитет, т.е. дружина из граждан, твердо решившихся положить конец воровству и грабежам здесь, в Калифорнии, не затрудняя этим правительственную власть. Честным людям мы ни малейшего затруднения не принесем, напротив, они найдут в нас постоянную и надежную защиту. Если вы действительно принадлежите к таким, то вы совершенно спокойно согласитесь подождать часа два, пока это дело разъяснится. Этому пришлось уже подчиниться людям

получше вас. Но довольно мы уже поговорили, и если вам нежелательно быть связанными и переносить обращение как с преступниками, то потрудитесь поспешить войти в вашу хижину.

— Вы за это заплатите! — угрожающе крикнул островитянин.

Начальник на это ровно ничего не ответил, а только, обратясь к Смигу, сделал последнему знак головою, как бы напоминая об исполнении отданного приказания, и только тогда двинулся вперед со своим отрядом, когда удостоверился, что трое островитян были водворены в хижину и вокруг нее разместились по своим постам дружинники с винтовками наготове.

Наиболее широкую часть острова они уже оставили за собою, и потому расстояние между тремя отрядами становилось все менее и менее, а между тем они не нашли ровно ничего сколько-нибудь подозрительного. Если действительно шайка имела здесь становище, то было весьма возможным, что она имела своих шпионов в Сан-Франциско и потому еще вчера они покинули свое гнездо, и теперь, по-видимому, трое найденных в хижине оказывались единственными обитателями острова.

Подвигаясь еще дальше, они снова наткнулись на скот, скучившийся в тесном месте и притом с очень отлогим берегом, так что подвигаться вперед быкам было невозможно. Рассвирепевший скот бросился на своих преследователей; но, по счастью, в этом месте нашлось много толстоствольных деревьев, и все люди отряда быстро спрятались за деревьями, а быки галопом понеслись к своему обычному пастбищу.

Между тем в эту минуту в заливе раздался ружейный выстрел.

Левое крыло отряда обошло в это время оконечность острова и направлялось в сторону других частей отряда. Кое-где люди уже разбились на маленькие группы; одни поговаривали о том, что нужно еще раз осмотреть весь остров, другие же находили это совершенно излишним и советовали возвратиться обратно домой.

— Я сразу сообразил, — сказал Смит, низенький толстяк, весь утыканный кинжалами и пистолетами, — что из всего этого дела ничего путного не выйдет. Наши воры слишком умны для того, чтобы устроить себе гнездо, так сказать, под самым носом Сан-Франциско. Они, наверное,

скрываются где-нибудь там, в горных кряжах, тянущихся над заливом, а там сам черт их не найдет.

— Тот, от которого я получил сведения о месте пребывания шайки, человек, заслуживающий полного доверия, — возразил начальник отряда, — и я вполне убежден, что он никогда не позволил бы себе сообщать что-либо такое, что ему достоверно не известно.

— Почему же он сам с нами не отправился сюда?

— Потому что два дня тому назад он тяжело заболел. Кроме того, он не может указать совершенно точно, где шайка, а знает только одно вполне несомненно, что на этот остров выгружались товары и имущество и что здесь же скрывается сама шайка. Вот именно поэтому мы снарядили экспедицию, чтобы произвести вполне точный и тщательный розыск, и стыдно было бы бросить начатое дело только потому, что при первом, поверхностно произведенном, розыске нам не удалось тотчас найти воровское гнездо. Если имущество действительно находится здесь, на острове, в чем я глубоко убежден, то, понятно, приняты меры скрыть его превосходнейшим образом. Помимо этого надо принять к сведению смущение того парня, которого мы допрашивали, когда его спросили о четвертом человеке. Если этого последнего не поймали наш пароход или наш баркас, то он, несомненно, где-либо скрывается здесь, на острове, а где он, там, по всей вероятности, находятся и другие. Настолько же подозрительно то обстоятельство, что их баркас возвратился обратно на берег.

— Все это было бы прекрасно, — сказал один из отряда, — но все это не дает нам ни малейшего права задерживать насильно этих парней. Я охотно готов содействовать всему, что вы сочтете нужным для прекращения воровства и грабительства, но надо иметь веские основания для лишения людей свободы. По одному только подозрению, не имея основательных доказательств, нельзя же вешать людей.

ГЛАВА XXI

Какую помощь оказал Гектор при розыске грабителей и кого несколько позже встретил Георг на этом острове

Пока мужчины вели между собою такого рода переговоры и никак не могли придти к единодушному соглаше-

нию, Георг отошел от них несколько в сторону и взошел на небольшой холм. Под ним берег был очень отлог и весь покрыт чрезвычайно густым кустарником, тогда как местность эта, обращенная к восточной стороне, давала возможность свободно разглядеть залив и материк, а также вход в бухту острова. На веслах шел к бухте баркас, обративший на себя его особенное внимание; он, очевидно, шел по направлению из Сансалиты, и если дальнейшее исследование будет отложено, то Георг имел основание надеяться отправиться на этом баркасе в Сансалиту.

Гектор, стоявший несколько мгновений около него, начал тщательно рассматривать следы и вдруг внезапно обнаружил большое беспокойство и тихо зарычал. Вначале Георг не обратил на него внимания, голова его в это время была занята совершенно иными мыслями. Собака, однако, все ближе и ближе напирала на него так, что он мог поскользнуться на шатком щелбе над крутизной и свалиться вниз, что, конечно, грозило большой опасностью. Это вынудило его отступить шага на два от крутого откоса.

— Фу, Гектор! Как тебе не стыдно! — укоризненно сказал мальчик, обращаясь к собаке. — Да неужели ты никогда не видел баркаса и не слышал шума весел?

Снова зарычал Гектор, но так тихо и осторожно, как будто на охоте хотел обратить внимание хозяина на какую-либо дичь. Это заставило Георга обратить на собаку серьезное внимание. Когда он повернул голову в сторону собаки, он увидел, что она совсем вплотную стояла над самым обрывом и смотрела внимательно вниз, при чем вся шерсть на спине поднялась щетиною.

— Что же это приключилось с собакою? — сказал подошедший к нему старик из людей отряда. — Я раньше в ней ничего подобного не заметил. Часто это бывает с нею?

— Нет! — почти шепотом возразил Георг. — Весьма возможно, что здесь она чует какого-либо маленького степного волка. Их она терпеть не может, и всегда, когда завидит их, у нее шерсть поднимается щетиною.

— Пустое. Здесь на острове вовсе нет степных волков. А если она почует другого рода дичь, не бывает ли с ней того же самого?

— Иногда бывает, когда почует пантеру; а также тогда, когда почует индейца или негра.

— Странное дело! — тихо прошептал старик. — Успокойся, собака, успокойся, мое славное животное. Постой

тут немножко, Георг, да держи винтовку наготове и зорко смотри вниз, не увидишь ли там чего. Я тотчас вернусь обратно.

Георг изумленно взглянул на него. Но на это старик не обратил никакого внимания, а поспешил к стоявшей в некотором отдалении группе вооруженных людей, которым он поспешно что-то сообщил. Все быстро подошли к тому месту, где стоял Георг, и начальник отряда немедленно отделил как влево, так и вправо патруль, человек по десяти, которые подошли к берегу, в этом месте чрезвычайно обрывистому.

— Ну что, мой милый паренек? — сказал Бентлей, подходя к Гергу. — Что с твоею собакой? Она, как заметно, что-то чует?

— Во всяком случае, сэр, — ответил мальчик, — там внизу обязательно что-нибудь да есть: моя собака никогда попусту не рычит и не оцетинивается. Одно, что могу предположить, не чует ли она там маленького волка црерий.

— Ну, их здесь встретить, безусловно, невозможно, мой молоденький товарищ, — ласково возразил ему начальник отряда. — Но, тем не менее, я уверен, что твоя собака не попусту тревожится. Здесь эта густая поросль, которой покрыт весь этот берег, кажется мне очень подозрительной, так как там виднеется не только густой кустарник, но также набросано много сухого валежника, и я положительно не понимаю, как это мы не заметили все это раньше.

— Здесь заметны следы, ведущие вниз, — сказал, обращаясь к Георгу, возвратившийся обратно старик, тщательно рассматривавший почву. — В мягком грунте они отлично заметны. Однако именно в этом месте никто не осмелится спуститься вниз, так как неизбежно сломает себе шею.

— Нет ли выхода по ту сторону обрыва?

— Нет; я нигде ничего подобного не вижу.

— Отлично! В таком случае мы захватим этих господчиков. Ускользнуть от нас они также не могут, так как все место окружено, и я полагаю, мы заставим их подняться наверх.

В одно мгновение воцарилась мертвая тишина, и даже Гектор перестал рычать, но с места не сходил и зорко поглядывал вниз.

— Эй вы! Кто там внизу? — крикнул начальник отряда, но никакого ответа не последовало. Тишина была полная, и совершенно отчетливо слышался тихий плеск воды в заливе.

— Эй вы, там внизу! — еще раз крикнул начальник. — Да будете ли вы отвечать наконец или придется вас оттуда повытягивать?

Опять никакого ответа.

— Долго вы будете кричать, да все бесполезно, — сказал Смит. — Да кто там будет торчать под корнями кустарников! Ведь весь обрыв на виду.

— Следы идут туда вниз, — еще раз решительно удостоверил старик, — и кто знает, быть может, тут внизу имеется пещера, каких очень много по всему берегу.

— Это я сейчас посмотрю! — вскрикнул Георг. — Подержите немного мою винтовку.

— Что ты хочешь делать? — спросил его старик.

— Полезть наверх на это нависшее над обрывом дерево, — ответил Георг, бросая свою винтовку, одеяло и охотничью рубашку в сторону, чтобы быть налегке. — Оттуда отлогую стену обрыва можно, во всяком случае, лучше разглядеть, нежели отсюда.

— Ради Бога, милый, будь осторожен! — озабоченно воскликнул старик. — Ведь если обломится какая-либо ветка, ты не только руку или ногу можешь сломать, но, пожалуй, и шею.

— Что вы! — рассмеявшись, сказал Георг. — Ведь я легок и влезаю, как кошка.

— Молодчина, мой милый паренек! — воскликнул начальник отряда. — У тебя и голова и сердце золотые. Смит, вот с кого вам не мешало бы брать пример.

— В самом деле? — возразил толстяк. — Да, если бы я полез наверх, так все дерево вместе с корнями выворотил бы из земли и лежал бы там внизу, как мешок.

Все засмеялись, а Георг побежал к нависшему над обрывом низкорослому дубу, окруженному густым кустарником, и полез наверх. Все стоявшие на берегу с крайне напряженным вниманием следили за его движениями. Однако, несмотря на то, что мальчик влез настолько высоко, как было не только сколько-нибудь возможно, но даже мыслимо, все же оказалось, что и теперь ветви были так густы, что невозможно было видеть стену. Быстро и решительно вынул он из ножен уже заранее открытый охотни-

чий нож и энергично обрубливал все ветки, которые возможно было достать ножом.

— Паренек, мой паренек, будь осторожен, — заботливо воскликнул старик. — Ты слишком смело лезешь вперед и наверно упадешь вниз.

— Пусть себе работает, — обратился к старику начальник отряда, — это молодчина и поможет нам теперь больше, нежели десять мужчин. Такой, как он, сумеет о себе позаботиться.

— Ура! — вскрикнул сверху Георг. — Теперь я вижу дыру: это вход в пещеру в горе.

— Я так и предполагал! — обрадованно воскликнул начальник. — Видишь ли ты кого-либо там?

— Нет, кустарник мешает!

— Берегись! — крикнул в это мгновение старик. — Корни трещат — спускайся вниз. Скорее спускайся обратно.

— Скорее! Скорее! — кричали все другие, и Георг, испуганный громкими возгласами, поспешил последовать их совету. Но это было уже поздно. Размягченная недавними дождями почва была рыхлая, и корни старого дуба отчасти переломились, отчасти высунулись наружу, и ствол медленно начал опускаться над оврагом, и прежде чем Георгу удалось спуститься вниз, дуб внезапно опустился вниз.

— Боже мой! Он погиб! — в смертельном страхе вскрикнул старик, подбегая к самому краю обрыва. В первое мгновение все остальные люди отряда стояли кругом в сильном искуге и безмолвно глядели на мальчика, пораженные несчастьем, и с секунды на секунду ожидая падения несчастного вниз почти с восьмидесятифутовой высоты на берег, сплошь покрытый острыми камнями. Однако дерево не вполне отделилось от земли: несколько корней оставалось еще в земле, и дерево еще висело над пропастью. Но по положению, в котором оно находилось, можно было предполагать, что мальчик уже полетел вниз.

Но вдруг раздался смех и послышался голос:

— Все в порядке!

Пока Георг, цепляясь за кустарники и вьющиеся растения, высвобождался из ветвей дуба, отряд дружно и громко кричал: ура!

Все руки протянулись к Георгу, и через секунду он уже прочно и крепко стоял на твердой почве.

Пока старик дружески делал ему выговоры и советовал

побольше обращать внимания на сохранение жизни и целостность членов, отряд не терял времени и большими охотничьими ножами пообрезал остальные корни для того, чтобы дерево упало вниз. То, что они задумали, удалось вполне. Дерево полетело наконец вниз и вместе с тем увлекло за собой все, что около него было, и таким образом образовался просвет, благодаря которому они отлично могли рассмотреть часть отвесной стены.

Тем временем уже возвратились и принесли топоры и лопаты два человека, отправленные ранее к хижинам, где были примечены эти орудия. Несколько человек поставили ружья в сторону и принялись за работу; некоторые расчищали кустарник и валежник, другие раскапывали землю и устраивали вполне удобный путь к находящейся внизу пещере.

Не прошло даже полчаса, как практичные американцы уже успели соорудить нечто вроде лестницы и, срубивши длинное дерево с помощью каната, образовали из него надежный поручень. Кроме того, был спущен вниз еще один канат, так что через четверть часа устроен был вполне надежный спуск вниз, к входу в пещеру.

— Ну вот, ребята! — снова крикнул начальник. — Мы теперь вам приготовили насколько можно удобное сообщение, так пожалуйста сюда наверх. Но, быть может, вы желаете, чтобы мы сами пришли за вами?

Опять никакого ответа и всюду мертвая тишина.

— Черт побери! — проворчал один из отряда. — Боюсь, что мы, как дурни, только попусту потеряли время на устройство сообщения, а птички давно уже упорхнули.

— В этом мы тотчас удостоверимся, — сказал начальник. — Кому из вас охота полезть туда?

С минуту люди отряда молча поглядывали друг на друга; вдруг Георг, которому кровь уже прилила в голову, хотел было выступить вперед и предложить себя. Но старик вовремя схватил его за руку, отстранил в сторону и обратился к нему с какой-то странной усмешкой.

— Ты здесь останешься, молокосос. Нет тебе надобности всегда и всюду лезть вперед. Вообще, это не детская забава и притом я дал себе слово сдать тебя твоим родителям не искалеченным, а с целыми руками и ногами.

В эту минуту выступил молодой, здоровенный мужчина около двадцати двух лет и сказал с каким-то деланным смехом, но с решительным видом:

— Ну, особую охоту лезть туда, не могу сказать, чтобы

я имел, и, конечно, есть много иного, что я сделал бы гораздо охотнее. Но, раз уже нужно кому-нибудь туда полезть, полагаю, что я могу это сделать не хуже другого. Я полезу.

— А знаешь ли, приятель, что ты там должен сделать?

— Полагаю, что знаю. Если есть там кто-либо, то я его найду и, быть может, притащу сюда или сам там останусь.

Совершенно спокойно ответив этой фразой на вопрос, он осмотрел замок своей винтовки, поправил у пояса охотничий нож и тотчас пополз вниз. Крепко держась за спущенный до земли канат, он поровнялся с отверстием и, едва достигнув его, воскликнул:

— Входов сюда достаточно, а выходов что-то незаметно. Если эти господчики там, то выйти им трудно.

Тотчас вслед за этими словами он, не обращая ни малейшего внимания на опасность положения, всунул голову в отверстие пещеры и громким голосом вскричал:

— Здорово! Кто там? К вам пожаловали гости. Да разве никого нет дома?

— Если ты, малый, еще один шаг сделаешь, так я прострелю тебе голову пулей! — услышался грозный окрик из пещеры.

— Стреляй и будь ты проклят! — вскричал в ответ молодчина, нисколько не смущенный угрозой. — Но можешь быть уверенным, что мои товарищи там, наверно, на ближайшем же дереве повесят тебя за ноги. Эй вы там, сколько вас?

Никакого ответа на это не последовало, но несмотря на то, что молодец вошел во вход в пещеру, никакого выстрела не было произведено.

— Ну, ребята, я вам вот что скажу, — смело обратился к пойманным разбойникам молодой американец, — понятное дело, одному мне невозможно вас втащить наверх. Но если вам пришла такая страшная охота прятаться здесь, Бог с вами, забавляйтесь по-своему.

Быстрым взглядом окинув всю пещеру, он, схватив винтовку в левую руку, спокойно полез обратно наверх.

— Ну, Джемс, в чем дело? — тотчас обратились к нему с вопросом семь или восемь человек разом. — Не хотят наверх?

— Нет, не хотят! — отвечал парень. — Они хотят остаться внизу и мой совет не отказывать им в этом удовольствии и оставить их там. Но теперь подавайте-ка сюда лопаты. В течение часа мы отсюда сверху легко

забрасаем весь вход в пещеру. Пара всунутых в насыпь бревен довершит дело, и тогда эти господчики могут совершенно удобно прозимовать там.

— Ура! Ловко придумано! — крикнули все другие, которым, по всей вероятности, не особенно нравилось напасть в самой пещере на доведенных до отчаяния разбойников, и все быстро порешили лишить таким образом всякой возможности спастись бегством людей, скрывшихся в пещере. По несчастью для последних, несколько ниже входа в пещеру стена образовывала значительный выступ, на котором земля легко задерживалась, и если даже часть ее осыпалась ниже, усердно работая лопатой, можно было насыпать порядочную кучу земли и камня.

— Господи Боже мой! — тревожно сказал Георг, обращаясь к своему старому другу, — да неужели же они хотят заживо похоронить этих несчастных?

— Не беспокойся, — смеясь, ответил старик, — до этого, конечно, не дойдет. Как только разбойники убедятся, что с ними шутить не намерены, они наверное оттуда выйдут добровольно. Впрочем, ведь, в сущности, это безразлично, так как, по всей вероятности, они все-таки будут повешены.

Земляная насыпь внизу быстро становилась все выше и выше; половина входа была уже заполнена, и все-таки захваченные хранили упорное молчание. Двадцать молодых людей таскали большие камни, которые они сбрасывали на земляную насыпь таким образом, чтобы они скатывались по направлению к входу. Два из этих камней были кем-то изнутри пещеры выброшены обратно. Это доказывало, что в пещере уже заметили, в чем дело, и сознавали свое положение, а потому еще быстрее посыпались земля и камни. В это время насыпь была уже много выше половины входа, и все усердно работали, чтобы поскорее закрыть весь вход.

Вдруг внизу раздался возглас:

— Стойте!

— Вы желаете выйти? — спросил Бентлей.

— Да! — послышался ответ, но какой-то нерешительный и не тотчас же. — Только бросьте нам лопату, чтобы мы могли прочистить себе выход.

— Что, вы нас дураками считаете, что ли? — закричал говорившему начальник. — Отбрасывайте ее руками

внутрь пещеры; первому же, кто выбросит ее наружу, прострелим голову.

На это не последовало никакого ответа, и несколько мгновений царила полная тишина. Очевидно, захваченные совещались между собой. Наконец, оказалось, что они решились выполнить приказание, так как через четверть часа из отверстия показалась голова.

Человек довольно свирепого и дикого вида с большим трудом пролез сквозь узкое отверстие и, поглядев вверх на своих врагов взглядом, полным злобы и коварства, полез наверх при помощи каната. Там его тотчас схватили, связав руки за спиной.

Затем полез второй, потом третий и четвертый, наконец, набралось семь человек, между которыми было два негра.

— Надо будет поглядеть, ребята, нет ли там склада товаров. Все ли вы вылезли оттуда или есть там еще кто-либо? — спросил начальник, обращаясь к захваченным рабителям.

— Я полагаю, что вам довольно и нас одних, — проворчал вылезший первым. — Если не верите, можете осмотреть.

— Да, милый мой, мы так и сделаем, но для этого нужна свеча.

— Когда я ходил за лопатами, — сказал тот, кого за ними посылали, — мне пришло в голову, что, быть может, нам придется осматривать такое место, где нужно освещение, и потому захватил в хижине две свечи.

— Вот это дельно! — воскликнул начальник. — Теперь все у нас ладно. Ну что, Джемс, не ползете ли еще раз?

— Уж если мне сегодня суждено лазать, — засмеявшись, ответил молодой человек, — так я ничего против этого не имею. Взять ли с собой винтовку?

— А вот, возьмите лучше мой шестизарядный револьвер, это гораздо удобнее, — сказал один из отряда.

— Да, действительно, это лучше. Посмотрим, что я там еще открою.

С этими словами он спустился вниз и через минуту исчез в пещере. Но он пробыл там недолго, так как менее чем через десять минут уже был наверху и передавал, что там ровно ничего не оказалось, кроме голых стен. Пещера, несомненно, вырыта человеческими руками для пользования ею в подобных крайних случаях, и только благодаря собаке они смогли ее найти.

Пленные, смотревшие мрачно и озлобленно, были отве-

дены к хижинам, и здесь требовали от них признания, где они скрыли награбленное имущество. Но они упорно все отрицали, утверждая, что не украли даже на какой-нибудь доллар, что они матросы, бежавшие с судов, спрятавшиеся в пещере из боязни, потому что вообразили себе, что их хотят изловить для водворения на оставленных ими судах. Кроме этого, ничего другого от них добиться оказалось невозможным.

— Товарищи! — сказал наконец начальник, обратясь к людям своего отряда, — что вся эта шайка лжет, конечно, совершенно понятно каждому из вас. Но если они не хотят добровольно сознаться, ставить им это в вину нельзя, так как признание привело бы их к виселице. Во всяком случае, у нас остается еще в виду возможность выудить у них это признание. Но прежде чем прибегнуть к подобному средству, постараемся сначала сами найти место, где скрыты товары. По-моему, они должны быть спрятаны в такого же рода пещере, в которой мы нашли этих молодцов и, по всей вероятности, весьма недалеко отсюда, и раз мы здесь, нам надлежит еще потрудиться произвести надлежащий розыск.

Ко всему этому Георг внимательно прислушивался. Так как он тотчас вспомнил о том, что Гектор упорно обнюхивал одно место в лесу и не хотел оттуда удалиться, он выступил вперед и сказал предводителю:

— Не найдете ли вы возможным дать мне в помощь двух человек? Когда мы проходили лесом, Гектор в одном месте очень упорно рыл землю, чем возбудил во мне подозрение. Весьма возможно...

— Да, верно! Совершенно верно, мой милейший мальчик! — порывисто вскрикнул начальник. — Твой Гектор оказал нам сегодня такие важные услуги, что мы имеем полное основание безусловно доверять ему. Я даже сам с тобою пойду; а вы, Кук и Гопкинс, возьмите лопаты. А далеко это отсюда?

— Как раз в том месте, где мистер Фальш застрелил быка.

— Фальш? Разве твоего старого спутника зовут Фальш?

— Да.

— Гм... Странное имя! Но пойдем скорее, чтобы не терять попусту время. А вы, Смит, подайте сигнал, чтобы пароход пристал к острову, так как теперь дальнейшее крейсирование уже не нужно. Баркас также должен по-

дойти к берегу. Как я недавно заметил, он на буксире имеет какую-то лодку, вероятно, тоже кого-либо задержал. Пока мы всех этих господ соединим вместе, посмотрим, может быть, от тех мы большего добьемся, чем от этих.

После этих слов он быстро зашагал рядом с Георгом по небольшому спуску, направлявшемуся вниз к указанному месту, где они вскоре нашли лежащего в крови быка. С ними вместе пошел старик.

Гектор радостно прыгал вокруг них, по-видимому, несколько не подозревая, что при этом новом расследовании он играет самую главную роль. Однако, прежде чем Георг подвел его к замеченному месту, Гектор начал уже внимательно осматриваться и принюхивался к следам.

Начальник отряда, хотя и одетый в городское, последнего фасона платье, был опытный, бывалый охотник, много лет скитавшийся преимущественно в Скалистых горах. Испытующим взглядом оглядывал он местность и тотчас обратил внимание на то, что Георг заметил после выстрела старика, а именно то, что было совершенно очевидно, что в этом месте на земле не навеяны ветром, а просто рассыпаны были повсюду листья таких деревьев, которые даже не росли поблизости.

Тем временем Гектор тотчас нашел то место, где он царапал прежде, и начал его обнюхивать кругом. Однако, он недолго этим занимался, но что-то разыскивал на земле несколько дальше, точно признавал себя обязанным разыскать где-то упавшую дичь.

Впрочем, дружинники, завидев такие несомненные признаки, уже не нуждались в помощи собаки. Чем внимательнее осматривали местность, тем очевиднее становилось, что здесь далеко не все имело свой природный вид. Несомненно было, что в недавнее время здесь сделана была земляная насыпь, и после нескольких раскопок лопатами, как раз в том месте, где Гектор царапал землю, около куста они натолкнулись лопатами на что-то деревянное.

Очень быстро была отброшена в этом месте земля, и оказалось, что это была довольно большая поперек лежащая дверь, закрывавшая вход в погреб, выкопанный в холме и очень искусно скрытый насыпанными вперемежку с землею листьями.

Все, что они до сих пор так усердно искали, было найдено; тайный товарный склад разбойников был обнаружен; следовательно, их виновность и преступление были вполне доказаны.

Однако, едва они успели радостными возгласами выразить удовольствие от такого приятного открытия, как это было прервано появлением экипажа баркаса, приведшего с собой двух пленных.

Георг весьма равнодушно поглядел на прибывших, притом только вскользь, так как не встретил между ними знакомых лиц. Но вдруг он быстро вскочил и с радостным возгласом подбежал к одному из пришедших, радостно вскрикнув:

— Джим Логгинс! Джим Логгинс!

— Георг! Милый мой! Пресвятая Богородица, да ты как сюда попал? Ну, что же, нашел ты отца? — спросил его Логгинс, крепко и ласково потрясая руку мальчика.

— Нет! — возразил Георг. — Но я вот тотчас намерен отправиться в Сансалиту и отыщу его там.

— В Сансалиту? Да за каким чертом ты туда отправишься? Отца там наверное не найдешь! Однако, об этом поговорим после. А теперь я тебе вот что скажу: сегодня утром мне удалось поймать такую птицу, что теперь, встретив тебя именно здесь и в такую минуту, чуть не лопну от радости и восторга.

С этими словами он быстро выпустил руку Георга, отступил несколько шагов и из середины людей экипажа без церемонии схватил за плечо одного из пленников и сильным толчком выдвинул его вперед, поставив перед мальчиком. Пленник сверкнул на Георга взглядом, выражавшим глубочайшую ненависть.

— Узнаешь ли ты этого парня? — воскликнул Логгинс.

— Еще бы; тот самый, который в игорном доме!.. — вскричал изумленный донельзя Георг. — Да где же вы могли его поймать?

— Где? В лодке! — засмеявшись, ответил долговязый. — Здесь на острове ему, вероятно, показалось слишком жарко, и оба эти господинчика понадеялись на свою быстроходную и легкую лодочку, надеясь ускользнуть от нашего тяжелого баркаса. Это им чуть было не удалось, если бы я не догадался выстрелить в другого негодя на той же лодке. Посчастливилось мне попасть пулей в весло и выбить из руки его. Прежде чем они его поймали, мы уже очутились на расстоянии ружейного выстрела, и они вынуждены были сдаться. Теперь же, черт побери, мы сейчас же поглядим, не удастся ли мне возвратить тебе

обратно твой кошелек; мне почему-то сдается, что он до сих пор еще цел у этого негодяя.

В кратких словах, но обильно приправленных разными ругательными словами, долговязый парень рассказал своим товарищам, а также подошедшему в это время предводителю отряда приключение в игровой палатке города Сакраменто и о том, как один из этих двух захваченных негодяев оклеветал и обманул мальчика. Как раз в эту минуту подошел к группе прибывших старик и, подтвердив достоверность рассказа Логгинса, дополнил его, сообщив о событии, предшествовавшем именно той ночи, когда Георг спас ему жизнь и, по всей вероятности, прострелил разбойнику руку.

Несмотря на сопротивление, негодяй был обыскан, и рана действительно оказалась на нем, хотя уже зажившая. Так же точно нашли при нем не только тот кошелек с золотом, который искали, но еще три других кошелька, которые разбойник носил при себе замотанными в пояс.

Логгинс с торжествующим и радостным видом поднял кошелек Георга высоко над головою.

— Он! Он самый! — крикнул старик. — Клянусь всеми святыми! Только много грязнее стал он против прежнего, но зато немножко тяжелее стал. Кто знает, сколько людей обокрал и обманул с тех пор этот гнусный кровопийца? Но так как удостовериться в этом невозможно, я полагаю, что по всей справедливости это золото должно принадлежать Георгу. Кто из вас имеет что-либо возразить против этого?

— Никто и ничего! — воскликнул начальник отряда. — Этому юному молодчине и его собаке обязаны мы всем успехом нашего сегодняшнего дела и, конечно, он вполне заслуживает прежде всех других получить обратно украденное у него имущество. Тем лучше, если там теперь оказывается на каких-нибудь две унции больше. Ну, а затем, господа, поскорее позаботимся о том, чтобы пленников разместить на пароходе, а охранять их будет мистер Смит. Все другие дружно займутся переноской товаров к берегу и погрузкой их на баркас. До вечера все должно быть погружено.

Вначале Георг колебался и не хотел принимать кошелек, который казался ему втрое тяжелее прежнего. Но Логгинс настаивал на своем, и так как он приступил к сообщению мальчику собранных им сведений о родите-

лях, Георг тотчас подчинился его требованию и принял кошелек, думая только об отце.

Последний ни в коем случае не мог отправиться в Сан-салиту, но сегодня утром действительно имел намерение туда поехать с первым парохомом. Но Логгинс встретил его на пристани, дал ему все сведения, которые только могли быть желательны, и при этом посоветовал ему немедленно написать и послать письмо в рудники, по тому адресу, который сообщен ему был Георгом.

Но отец Георга нашел невозможным терпеливо выждать ответа, так как он сам мог немедленно туда отправиться, ввиду того, что он разыскал в Сан-Франциско старинного соседа из Миссури, у которого может оставить жену и ребенка, а сам отправится в Сакраменто, а оттуда наверх в горы за своим сыном. Закончил Логгинс свои сообщения тем, что, по его соображениям, отец Георга уже отправился туда с последним парохомом.

Георг торопливо расспрашивал Логгинса о том, как зовут миссурийского соседа, у которого он может найти свою мать. Но Логгинс в суматохе отплытия баркаса, совершившегося так поспешно сегодня утром, забыл спросить об этом. Все, что ему оставалось теперь предпринять, это: поджидать отхода первого парохода в Сакраменто и там встретиться с отцом.

Но когда же отходит ближайший парохом? Джим этого не знал. Некоторые из отряда утверждали, что сегодня на рассвете отошел один парохом, на который отец не мог попасть, а что следующий парохом отойдет только завтра в шесть часов вечера. Если он своевременно попадет на этот парохом до его отхода, то во всяком случае захватит своего отца прежде, чем он отправится из Сан-Франциско.

Так или иначе, но надежда после такой продолжительной разлуки наверное встретиться с родителями наполнила сердце Георга восторгом. Он громко выражал свою радость, вполне уверенный, что отец его действительно в настоящую минуту находится в Сан-Франциско, и если бы они скоро туда отправились, то была бы возможность увидеться с родителями сегодня же вечером. Но, к сожалению, пришлось его терпению подвергнуться большому испытанию, так как погрузка товаров на баркас заняла гораздо больше времени, чем предполагали раньше. Оказалось, что шайка, по всей вероятности, уже многие месяцы занималась грабежом, так как собраны были громадные запасы; всякого рода ящики и тюки с весьма ценными

товарами беспрестанно появлялись на свет божий из бесчисленных темных углов хитро устроенного погреба. Как ни горячо принялся Георг за погрузку товаров, как ни интересовало его открытие тайного склада, но время тянулось для него мучительно долго.

Наконец, подошел к нему начальник отряда, занятый до того со своими людьми, и, дружески обращаясь к нему, ласково сказал:

— Послушай, милый мой дружок! Мне очень досадно, что я не могу тебя отправить в Сансалиту. Но ты сам видишь, как много тут дела и до какой степени здесь необходимы нам люди. Но если ты желаешь, можешь со мною отправиться в Сан-Франциско, а оттуда ты, наверное, еще сегодня вечером найдешь возможность...

— Так вы хотите отправиться в Сан-Франциско? — радостно воскликнул Георг.

— Да, в лодке. Мне туда необходимо отправиться, чтобы дать отчет о счастливом окончании и успехе нашего похода.

— И желаете меня взять с собой?

— От всего сердца рад это сделать. Беру тебя и твоего славного Гектора.

— Но в таком случае возьмите с собою также и моего старого друга; с ним расставаться мне очень не хотелось бы, — застенчиво и смущенно сказал Георг.

— Твоего мистера Ложного? — засмеявшись, сказал начальник. — Гм... сказать по правде, нам будет очень тесно, но что же делать, потеснимся, если тебе этого так хочется. Однако, отправимся поскорее, потому что ветер немного поднялся и теперь нам благоприятен. Мы должны им воспользоваться, чтобы скорее попасть в Сан-Франциско.

ГЛАВА XXII

Бой гризли-медведя с двумя быками и семью волками

Они очень быстро доплыли до Сан-Франциско. Ветер был свежий и чрезвычайно попутный, так что менее чем через час они уже причаливали к длинной пристани. Однако тщетными оказались все их поиски до самого глубокого вечера. Тщетно они снова обратились к соседу из Миссури. Джон Оаклей вовсе сюда не возвращался. Так же точно на следующее утро они попусту блуждали по

грязным улицам города. Наконец, им оставалось одно только средство: поджидать отхода парохода в Сакраменто, отплытие которого, по наведенным справкам, действительно назначено было на шесть часов вечера. Там они имели основание надеяться, что найдут утерянных.

В городе в это время только и разговоров было, что о захвате разбойников на Лос Анжелесе и о скрытом там награбленном имуществе, так удачно разысканном. Допрос разбойников был назначен на послезавтра.

Было несомненно, что некоторые из них будут повешены, так как в последнее время разбойничество приняло громадные размеры и совершено было столько убийств, что необходимо было примерно наказать такого рода шайку, чтобы отбить охоту следовать ее примеру.

Однако, пока граждане Сан-Франциско толковали так об участи своих преступных сограждан, деловая жизнь города шла своим обычным ходом, и там, где зарабатывалась и находилась в обращении такая масса денег, люди желали пользоваться чем-либо, доставляющим им удовольствие и развлечение.

Помимо игорных домов, этих питомников всяких преступлений, было уже открыто несколько театров. Но в то время в городе было еще весьма немного представительниц прекрасного пола, и потому эти мирные и спокойные удовольствия привлекали мало посетителей. Большинство публики требовало чего-либо возбуждающего, и в Миссии Долорес, отстоящей только в часе ходьбы от Сан-Франциско, состоялось уже несколько боев быков, доставлявших замечательные барыши их устроителям.

Но под конец и это надоело публике, так как приходилось смотреть постоянно на одно и то же. Вот почему необычайный восторг овладел обывателями Сан-Франциско, когда в один прекрасный день появилось объявление одного ловкого и находчивого предпринимателя, в котором оповещалось: «Бой между взрослым гризли-медведем и дикими быками в Миссии Долорес».

Все население устремилось поглядеть на это зрелище, и входную плату от двух до трех долларов все с удовольствием платили.

Медведь, о поимке которого рассказывались по городу самые удивительные истории, оказался действительно великолепным, неимоверно могучим животным. Но «дикие быки», которых на него выпускали, несколько не могли оказать ему сопротивление. До чего-либо похожего на

настоящий бой никогда не доходило, так как медведь первым же ударом своей могучей лапы сваливал быка на землю; так же легко он управлялся со вторым и с третьим быком, которых на него выпускали по очереди. Вследствие этого зрители каждый раз уходили после таких боев весьма неудовлетворенные, ожидая гораздо большего при таком громком объявлении и такой высокой плате. Однако сегодня публике обещалось нечто необычное.

Громадных размеров афиши были расклеены по всем улицам, на которых, в сквернейшем образом исполненной гравюре, был изображен отчаянный бой медведя с двумя сильными быками, которых с флангов защищали семь волков, смело нападая на грозного врага.

Разъяснение под гравюрой сообщало, что сегодня в два часа пополудни в Миссии Долорес, в месте, специально для этого сооруженном и вполне безопасном, будет происходить бой между до сих пор непобедимым гризли-медведем и двумя необычайно сильными быками, приобретенными на ранчо¹ дона Санхес, причем, чтобы сделать зрелище более интересным, содействовать быкам в нападении на медведя будет несколько прерийных волков, специально для этого пойманных и подготовленных. Входная плата по-прежнему была назначена за первые места три, а за вторые — два доллара.

— Знаешь что, Георг, — сказал старик, когда они остановились около одной из таких афиш, — мне кажется, что этот медведь, пожалуй, не кто иной, как наш старый знакомый. Здесь, понятно, по рисунку этого признать нельзя, но если его тот янки доставил живым в Сан-Франциско, то более чем вероятно, что он именно таким образом выручает свои расходы.

— Мне тоже пришла тотчас в голову такая же мысль, — смеясь, ответил Георг. — Хорошо бы на него посмотреть. Я наверное убежден, что узнаю его с первого же взгляда, так как мы оба так были близко друг к другу, что и забыть это трудно.

— Времени на это у нас хватит, так как пароход отходит только в шесть часов, а все представление окончится никак не позже, как к четырем часам. Да и кроме того, — добавил старик, усмехаясь, — ведь ты теперь чертовски

¹ Так назывались в Калифорнии небольшие земельные поместья, в которых преимущественно занимались скотоводством.

богатый парень, и тебе ничего не стоит вышвырнуть какие-нибудь три доллара за вход.

— А если это не тот самый медведь? — возразил Георг.

— Ну так что же? Не велика беда. Однако, погляди-ка туда, видишь этого длинноногого молодца в черном фраке и высокой шляпе. Мы его где-то встречали.

— Да ведь это тот самый янки из рудников! — воскликнул Георг, едва взглянув на указываемого человека.

— Не так ли тот самый, который купил медведя?

— Конечно. Он же его повез.

— Ну так сейчас же пойдем поглядим! — воскликнул старик, переходя на другую сторону по глубокой грязи улицы. — Здравствуйте, сэр! — обратился он к янки, смотревшему на него с некоторым изумлением и, очевидно, не узнававшему их. — Вы, кажется, нас не узнаете?

— Я? Вас? — кажется, не имел удовольствия, — слышалось в ответ.

— Ну этого-то юнца вы могли бы припомнить, — продолжал старик. — Разве вы уже забыли, как он вам пригнал медведя в яму?

— Ах! Ведь и действительно это он! — воскликнул янки, протягивая Георгу руку. — Очень рад вас видеть. Надеюсь, что вы придете сегодня в Миссию, полюбоваться нашим медведем?

— Так, значит, это тот самый?

— Конечно. Вы представить себе не можете, до какой степени мне было трудно привезти его сюда и каких это стоило громадных издержек. Да, господа, можете быть уверены, что я ничего на этом не заработал, а напротив, пожалуй, еще и своих приложил две сотенки долларов. Но, пожалуйста, приходите сегодня да приведите с собою двух-трех из своих знакомых. Ничего подобного вы наверно никогда еще не видели. Два страшных быка и семь волков. Я боюсь, что они сегодня моего бедного гризли так отделают, что и кожу нельзя будет продать. Да что будешь делать: всем нам приходится тяжелым трудом добывать кусок хлеба, на то воля Божья! Начинается ровно в 2 часа дня, и, чтобы получить хорошее место, необходимо вам явиться по крайней мере часом раньше. Все по поводу сегодняшнего боя прямо как помешанные. Мне еще кое-что надо тут устроить в городе, а после того я тотчас отправляюсь туда. До свидания, до свидания. Не забудьте же, ровно в два часа!

С этими словами он торопливо пошел вдоль улицы, но все же очень осторожно, боясь выпачкаться.

— По-настоящему следовало бы ему предложить нам даровые билеты на вход. Ну, по крайней мере, хотя бы тебе, — заметил старик.

— Да; но тогда бы это не был настоящий янки, — смеясь, возразил Георг. — Они из всего умеют выбивать копейку. К нам в Арканзас они часто приезжали и продавали часы и жестяные изделия, умея выжать доллары всюду, где только это оказывалось возможным.

— Ну что же, пойдем?

— Неужели же нет надежды встретить отца?

— Там настолько же, как и здесь. Весьма возможно, что он также туда отправился.

— Боже милосердный, — воскликнул Георг, — если отец за это время так же, как и мы, занялся раскопкой золота, то и ему посчастливилось, чего я, однако, не предполагаю; если же нет, то откуда у него могут взяться два доллара на подобное зрелище? А впрочем, я согласен: все же мне будет легче; время не будет казаться мне бесконечно долгим. А не оставить ли нам здесь наши винтовки?

— Не знаю, что тебе на это ответить. Я вообще неохотно оставляю свое оружие в незнакомом мне месте. Если какой-либо молокосос возьмет его в руки и будет им забавляться, легко может что-либо испортиться, а потом поди-ка разыскивай то, что окажется нужным для его исправления, мы ведь уже привыкли таскать оружие с собою, да и одеяла нам пригодятся; на них мы там сядем; ведь скамьи там деревянные, без обивки.

— Так в таком случае пойдем тотчас, потому что теперь очень близко к полдню, а поесть найдется и там что-либо.

Старик ничего не имел против этого, и они быстро зашагали по направлению к заливу. Путь был не из легких.

Еще в Сан-Франциско начался песок, в котором они вязли всей ступней. Несколько месяцев позже не только эта дорога, но весь город был исправно вымощен толстыми досками, чем установилось по всему городу великолепное и вполне удобное сообщение. Между тем в описываемое нами время дорога шла вверх по песчаному холму, а потом спускалась вниз, окаймленная низкорослыми дубами и лавровым кустарником. Только после быстрого хода в течение целого часа достигли они цветущей, приятно ласкающей взор местности, в которой была расположена

Миссия Долорес, состоящая из больших, четырехугольных миссионерских построек, окруженных маленькими, низенькими домами испанской постройки.

Что там сегодня должно было произойти нечто необычайное, было совершенно очевидно, так как их постоянно нагоняли и опережали то калифорнийцы, то американцы, скакавшие, несмотря на глубокий песок, на своих бодрых, проворных лошадях. Попадалось также множество пешеходов, из которых многие, истомленные трудной дорогой по песку, укрылись под тенью кустарника, едва дыша и заливаясь потом.

Встретили они также два небольших отряда мексиканских золотоискателей с парой мулов, деревянными снарядами для промывки и маленькими железными ломami; они направлялись в горы кружным путем, вдоль всего залива.

Добравшись наконец до самой миссии, их внимание было всецело поглощено ожидаемым зрелищем. Прежде всего они приобрели входные билеты, а после этого отправились в ближайшую, весьма скромную кухмистерскую, чтобы там купить и взять с собою что-либо съестное. Там бы они охотно оставили свои винтовки, но такая масса народа входила и выходила, двигаясь взад и вперед и занимая все закоулки, что они не решились оставить свое оружие, тем более потому, что хотя хозяин заведения и разрешил им это, но на сегодняшний день не ручался за его целость. Ввиду этого, не желая рисковать, они взяли оружие с собою. Собаку же они вынуждены были оставить, так как в такой толпе невозможно было держать ее при себе. Да и, наконец, Гектор умел и сам о себе позаботиться и в обиду себя не даст. Георг бросил ему свое одеяло и был вполне уверен, что если бы он даже цолдня пробыл в цирке, так, во всяком случае, и собаку, и одеяло найдет там, где их оставил. Однако они не решились оставить около Гектора винтовок и, вскинув их на плечи, вошли в высокое, круглое строение, в котором не более, как через полчаса, должен был произойти бой.

Строение это состояло из довольно прочной ограды из бревен около четырнадцати футов вышиною, так что медведь, вообще не отличающийся умением лазать, не в состоянии был перелезть. Место это в известной своей части имело земляную выемку в несколько футов; это было необходимо потому, чтобы не делать деревянных сооружений для зрителей задних рядов. Обеспеченных платой

определенных мест, понятно, не было, так как это потребовало бы чересчур много места. Сколько могло поместиться на скамейках, протискалось туда, и нашим друзьям, несмотря на входные билеты, с большим трудом удалось поместиться на второй передней скамье. Всего было четыре скамьи, а за четвертой уже приходилось стоять на очень прочной и укрепленной настилке. Места было на тысячу человек, и через полчаса все строение было почти уже переполнено зрителями, так что янки очевидно лицемерил, определяя свои барыши. Если бы даже медведь был убит, то даже мясо и кожа его возместили бы ему ту сумму, которую он заплатил за медведя в рудниках, а между тем это было уже третьим представлением, в котором приходилось участвовать гризли к великому его огорчению.

Вплотную ко входу находилась большая прочная клетка из бревен, образовавших стену; там лежал медведь и прилажен был опускающийся затвор для впуска медведя на арену. Оба быка находились вне строения, в ограде, называемой по-местному *коралл*. Публика выказывала уже большое нетерпение; слышались громкие крики; требовали начала представления.

Во всяком случае, уже было немногим более двух часов, когда владелец медведя появился на особо отведенном для него месте впереди публики и, приветствуя ее движением шляпы, обратился со следующей речью, говоря довольно громко, но несколько в нос.

«Джентльмены! Я несказанно рад иметь честь приветствовать сегодня настолько многочисленную публику. Вскоре вы убедитесь, что вы *сегодня* не потратили попусту ваши деньги. Я вам предложу нечто до сих пор *никогда и нигде* не виданное. Даю вам честное слово, что я сам этим в высшей степени заинтересован. Сейчас начнется представление».

Он снова замахал шляпой, и два тоненьких голоса прокричали: «Ура, янки!» Но их тотчас заглушили многие голоса, прокричавшие: «Тише, тише!» В эту минуту открылся до сих пор не заметный затвор, и все с трепетом ожидали, что оттуда появится нечто необычайное. Но ничего не появлялось, а за затвором было темно и пусто.

Вначале в толпе царил тишина; все напряженно чего-то выжидали, но так как ровно ничего не появлялось, двое засмеялись, и это мгновенно дало всему толчок, точно

волшебной палочкой. Со всех сторон сотни людей засвистели, зашипели, захохотали.

Сам янки привстал, очевидно, взволнованный, и со страшно напряженным вниманием чего-то ждал. Зрители кричали:

— Что же, янки? Подавай своего гризли-медведя. Тащи его сюда!

— Джентльмены!— снова крикнул длинноногий, поднявшись во весь рост, но целая буря свистков и криков заглушила слова его, и он мгновенно исчез, точно сквозь землю провалившись. Но, как видно, внизу он проявил значительную деятельность, так как тотчас в отверстие появилась небольшая серая голова с заостренной мордой.

— Ура! Вот и он!— заревела толпа. Но голова опять моментально скрылась.

Снова послышались топот, смех, свист и крики; но всему этому положен был конец новым появлением длинноногого. С лицом, красным от злости, шляпой в одной руке и красным фуляровым носовым платком в другой руке он вскочил на свою скамейку, и, так как все догадывались, что он желает что-то высказать, а главным образом что-то разъяснить, мгновенно воцарилась мертвая тишина.

— Джентльмены!— кричал длинноногий,— если вы будете так драть горло, тогда не может быть сомнения, что ни один волк не появится.

— «Ура, янки!» Тише, тише там, в задних рядах. Не дерите горло!

Хотя умиравшие кричали и топали еще больше других, тем не менее кончилось тем, что, наконец, водворилась тишина, и янки получил возможность закончить свою речь.

— Если вы желаете стучать ногами и кричать,— вскричал он, надевая шляпу и плотно насовывая ее на голову,— тогда вы можете быть вполне уверены, что сегодня за весь день ровно ничего не увидите, так как ни одна бестия не решится показаться!

— Ура, янки!— закричали некоторые.

Но зато большинство заорало, обращаясь к задним рядам:

— Да заткните же горло, черт побери!

Мало-помалу успокоилась пестрая толпа, собравшаяся увидеть невиданное и неслыханное зрелище.

Тем временем особо назначенные для того люди употребляли всевозможные усилия, чтобы выгнать волков из

их логовища на открытую арену. Так как зрители сидели теперь относительно спокойно, хотя и было еще несколько крикунов, появился один из волков, но, завидев такое множество людей, хотел было попытаться обратно, но это оказалось невозможным, так как сзади на него напирало еще несколько волков, выгнанных из клетки зажженным факелом. Как только они вышли, тотчас опустился затвор, и обратный путь волкам оказался невозможным. Так как теперь криком нельзя было помешать, крикуны снова обрадовались возможности работать горлом.

Семь прерийных волков почувствовали себя очень неприятно при полном освещении и в таком многолюдстве. Они трусливо жались к бревенчатой ограде, усевшись рядом и образовав полукруг. Если кто-либо из сидящих над ними постукивал палкой по ограде, они, сердито щелкая зубами и оскаливая пасть, злобно смотрели вверх, но положения своего не изменяли. Они пытались было найти выход из своего рокового положения, но увидели себя со всех сторон окруженными высокою оградю.

Вдруг внезапно открылись широкие ворота, и в ту минуту, как от них быстро отскочили испуганные прерийные волки, или, как их иначе называют, *койоты*, выскочил из ворот с высоко поднятым хвостом, сверкающими глазами и задорно поднятой могучей головой, сильный, черный, как смоль, бык. Раздалось громовое «ура!», изумившее быка и заставившее его как вкопанного остановиться на середине арены. Наклонив голову, он яростно рыл копытами землю и, глухо рыча, отбрасывал ее далеко за спину. Но первые противники, которых он здесь встретил, были только волки, стоявшие неподвижно и, очевидно, изумленные неожиданным появлением быка. Однако последний не дал им много времени на размышления. Наклонив рога и свирепо заревев, он устремился на волков, но трусливая стая, поджав хвосты, опрометью бросилась врассыпную.

Публика кричала: «Браво! Ура!» Ворота были ограждены решеткою.

Понятное дело, неповоротливый, тяжеловесный бык ничего не мог поделаться с маленькими, юркими, проворными хищниками, в крайнем случае, проскакивавшими у него между ног. Возня эта продолжалась минут десять, после чего бык остановился посреди арены и свирепо поглядывал на волков. В это мгновение сдвинута была решетка у ворот, и появился второй бык, еще сильнее первого,

с бурными и черными пятнами. Ворота очень быстро закрылись, как только он из них выскочил.

Едва взглянув друг на друга, быки тотчас с дикой яростью принялись рыть песчаный грунт короткими толстыми ногами, и затем, обойдя раза два друг друга, свирепо столкнулись рогами. Так как пространства было мало, они не могли сделать значительного разбега, а потому, при почти равной силе, борьба длилась довольно долго, но без заметного результата.

Бой между двумя быками, которые в конце концов могли нанести друг другу серьезные повреждения, несколько не входил в программу сегодняшнего представления. Янки воспользовался только этим временем, чтобы, пока могучие враги возились друг с другом, поскорее приподнять заслон в клетке медведя.

Как раз вблизи клетки прижались волки, изумленно смотревшие на бой быков. Когда один из них увидел внезапно появившийся выход, ему показалось, что является возможность бежать. Не имея ни малейшего понятия о том, кто сидел в клетке, волк бросился туда, а за ним бросились и другие волки. Но еще быстрее, чем туда вбежали, ринулись они обратно оттуда, а вслед за ними, наискось пересекая арену, почти вплотную около быков, промчался расшвырявший медведь с откинутыми назад ушами и открытой пастью. Тотчас опустил заслон в клетке, и раздались крики восторга, вознаграждавшие янки за удачный подбор различных животных в таком тесном пространстве.

Так же быстро, как выскочил из клетки серый, настолько же быстро он остановился и стал неподвижно, уставившись на двух быков, продолжавших стоять, упершись могучими лбами. Серый взглянул даже на клетку с таким видом, как будто подумал: «хорошо бы уйти туда обратно». Но отступление было уже отрезано, и, сердито и недовольно посматривая вокруг себя, медведь уселся на песок и, по-видимому, расположился терпеливо выжидать, что будет дальше. Ему сегодня приходилось в третий раз выступать на этой арене, с которой до сих пор он возвращался победителем, и, по-видимому, казалось, что он совершенно спокойно относится к своему положению.

Быки, стоявшие к медведю боками, как только заметили общего врага, тотчас прекратили бой и направились на медведя, тогда как испуганные волки метались, как угорелые, не зная, куда деться.

— Действительно, это он! — сказал, смеясь, Георг, обращаясь к старику, когда серый уселся на песок. — Когда он выскочил вслед за волками, он имел такой же точно вид, как и тогда, когда он поджидал Москито и меня.

— Оба вы могли поступить тогда немного поумнее, — отвечал, усмехнувшись, старик, — а все-таки медведь был единственной причиной нашей встречи с Джемсом Логгинсом и знакомства с ним, благодаря чему мы напали на след твоего отца. Кожаный кошелек купил ты на деньги, полученные на твою долю, и по-настоящему мы должны быть за это благодарны старому серому и желать ему самого лучшего успеха. Однако, погляди-ка, какие у него ужасные когти и как спокойно он смотрит на обоих быков. Мне очень любопытно видеть, кто первым начнет.

И действительно, медведь этот был замечательно могучим животным: голова почти такая же широкая, как и у быков, а исполинские лапы вооружены страшно длинными, желтыми когтями. Гризли славится именно своей изумительной силой, и о нем говорят, что он с замечательной легкостью уносит лошадь и может с одного раза разгрызть самую толстую, крепкую кость быка. Несмотря, однако, на эту силу, он вначале держал себя очень спокойно и, по-видимому, выжидал, на что по отношению к нему решатся его противники. Если они на него нападут, так он был совершенно уверен, что в состоянии защитить свою шкуру.

По-видимому, оба быка тоже отлично сознавали такое положение дела. Они поднимали высоко вверх свои широкие ноздри, втягивали в себя воздух, доносивший им запах противника, фыркали и рыли передними ногами песок, отбрасывая его за спину. На волков, точно так же, как и медведь, они не обращали ни малейшего внимания.

Несколько минут серый смотрел на все это весьма терпеливо. Но вслед за тем, потому ли, что хотел поближе ознакомиться с местом, в котором находился, или сидеть ему надоело, он неспешно встал и медленно пошел вдоль барьера, обнюхивая шпалы и никакого внимания не обращая на быков. Но это круговое движение заставило прерийных волков бежать перед ним и вызвало неприязненные действия со стороны быков. Опустив рога, они осторожно наступали на медведя, который, впрочем, несмотря на то, что быки были от него менее чем в десяти шагах, никакого внимания на них не обращал и спокойно про-

должал свое медленное шествие, по-видимому, направляясь к тому самому месту, где он сидел раньше.

Публика все это время держала себя довольно спокойно, потому что все отлично сознавали, что ужасный бой может каждую минуту начаться, вызванный какою-либо случайностью. Все с напряженным вниманием следили за каждым движением, но больше всего их интересовало, кто первым начнет.

Когда серый возвратился на свое прежнее место, до некоторой степени находившееся, так сказать, около двери его жилища, от которого, к глубокому его сожалению, не имелось ключа, он уселся в таком же положении, как и прежде, но презрительно повернувшись спиною к быкам, и начал одной из лап выгребать песок, точно намереваясь устроить себе постель. Но, как видно, он одумался и нашел, что теперь еще время к тому не совсем подходящее; он начал ворочать головою влево и вправо, через плечо взглянул на обоих быков, затем медленно приподнялся и совершенно невозмутимо пошел прямо на ближайшего к нему быка. Надо полагать, что ни малейшей злобы он не чувствовал и ничего худого у него и на уме не было, так как он на ходу остановился и правой передней лапой почесал себе живот с левой стороны и потом снова спокойно и беззаботно продолжал свое шествие.

Пятнистый бык, на которого он шел, пригнувши рога к земле, немного отступил назад и угрюмо поджидал противника. Медведь же, нисколько не смущаясь угрожающим положением противника, очень медленно подвигаясь, вплотную подойдя к нему, вытянул вперед нос и, обнюхивая быка, почти касался его. Едва бык почувствовал горячее дыхание медведя, как метнулся вбок и задел правым рогом плечо медведя. Это уже медведю совсем не понравилось, и он с быстротой молнии нанес лапой такой удар по голове быка, что содрал порядочный кусок кожи и тотчас спокойно повернулся, направляясь к своему прежнему месту с таким видом, будто все дело только этим должно было окончиться.

Бык громко заревел от страшной боли и ярости, и, вероятно, набравшись смелости, потому что медведь повернулся к нему спиною, следовательно, до некоторой степени обратился в бегство, он впился рогами в песок и затем бешено кинулся на врага сзади.

Но бык глубоко заблуждался, предположив, что враг от него бежал; как только тот почувствовал приближе-

ние быка, тотчас с такой скоростью, какую немислимо было предполагать в таком грузном теле, повернулся налево кругом. В тот же момент, прежде чем рога быка успели коснуться медведя, он нанес ему лапой такую ужасную оплеухину, что отбросил его в сторону на ограду, у которой бык, почти оглушенный ударом, упал на колени.

По всей вероятности, медведь имел намерение броситься на быка, и тогда, конечно, было бы с ним навсегда покончено. Он наполовину привстал и повернулся в сторону врага, в этот момент сделавшегося не опасным.

Однако товарищ быка сообразил, что если он сейчас не нападет, то впоследствии ему одному придется иметь дело с таким страшным противником. Возможно также, что его гордость возмущена была, видя поражение товарища от такого неуклюжего противника. Так или иначе, без всякого иного объявления войны, как только короткий, глухой рев, нагнул он рога и, разбежавшись с расстояния в пятнадцать шагов, яростно и со всей силы бросился на медведя, который, ошеломленный ударом, свалился на рога другого быка.

Этот уже пришел в себя и, почувствовав такую тяжесть на рогах своих, встряхнул могучим затылком и, яростно заревев, вскочил на ноги.

Однако, медведь, очевидно, потерял всякое терпение и рассердился не на шутку. Мгновенно он выпрямился, сел на задние лапы, вытянув передние, и приготовился встретить новое нападение второго быка. Несколько уклонившись от натиска, так как он заимел некоторое уважение к силе, выказанной последним в первом нападении, он сбоку бросился на заревевшего от боли и ярости быка, впилился ему когтями в затылок и спину, захватив, кроме того, могучими клыками. Но в то самое мгновение оправился уже и другой бык. Несмотря на то, что кровь лилась у него изо лба, он со всей силой бросился на врага и так ловко хватил его рогами сбоку, что, несмотря на громадный вес медведя, отшвырнул его в сторону, освободив измятого товарища.

Хотя серый мгновенно поднялся, по, по-видимому, был несколько оглушен нападением, а также неистовыми криками зрителей, и потому замедлил продолжение боя. Победоносный бык, высоко подняв хвост и голову, с довольным и радостным ревом обегал арену кругом.

Волки, все это время сбившиеся в кучу, вовсе не по-

мышляли о том, чтобы принять какое-либо участие в бое. Однако теперь, когда ревущий бык ворвался в их кучу, они испуганно метнулись во все стороны, так что один из них, оглядываясь на быка, второпях наткнулся как раз на медведя. Но настроение серого в эту минуту было крайне неблагоприятное для волка, весьма поздно заметившего свою ошибку, так как ужасная лапа серого мгновеннохватила его так жестоко, что в буквальном значении слова разорвала пополам. В это же самое время один из быков подхватил на рога одного из пробежавших мимо него волков и, точно перышко, высоко подбросил в воздухе. Восторг публики был безграничен.

Все кричали, стучали ногами, хлопали руками, кричали «ура!» и неистово размахивали шляпами. Даже янки, сидевший впереди всех, вскочил и, как помешанный, бешено прыгал на одной ноге. Вероятно, он в это время радовался, полагая, что этим битва окончится и он сохранит своего драгоценного медведя еще для четвертого представления.

Однако такого рода предположение могло оказаться весьма ошибочным. Медведь только что понюхал кровь и крайне был оскорблен полученными ударами, да и оба быка пришли к убеждению, что их противника нельзя признать непобедимым.

По-видимому, по крайней мере в то время, пока длились топот, крики и гам всякого рода, медведь решил ограничиться исключительно обороной. Только в сторону волков бросал он иногда свирепые взоры, как будто бы приписывая им вину за все понесенные неприятности.

Но бедняги были в самом скверном положении. По природе своей вовсе не задиристым, в особенности при виде сильного противника, им было теперь по горло работы, так как они заботились только о том, как бы не попасть на рога и в лапы трех страшных противников. Хотя они и грызлись между собою, но это было весьма естественно, так как, убегая от врагов, они постоянно сталкивались друг с другом, но как только приближался к ним кто-либо из быков, междоусобие тотчас прекращалось. Тогда они тотчас разбегались врассыпную, беспомощно оглядываясь и тщетно отыскивая, где они могли бы считать себя в безопасности.

В самом начале боя побежденный бык тем временем вполне оправился от сурового приема медведя и, полный сознания испытанного позора и страдая от нанесенной

раны, он выказывал теперь самое воинственное настроение. Целыми облаками взбивал он песок ногами; фыркающая и ревя, неистово потрясал широкой головой, стараясь стряхнуть кровь, лившуюся ему на глаза.

Черный бык держал себя не так задорно и даже весьма скромно; он, очевидно, не мог забыть, как быстро сгрел его мишенька под себя; однако и он вскоре набрался смелости при виде спокойного состояния противника, а еще более подстрекаемый воинственным задором товарища.

Вдруг медведь внезапно встает, направляясь к тому месту, где находилась его клетка; теперь около нее разместились волки, моментально кинувшиеся во все стороны, увидев приближение серого. Момент этот янки счел совершенно подходящим для окончания представления и приказал одному из своих людей отворить затвор клетки. Он находил, что выполнил все, что обещал публике, и считал себя свободным от каких-либо дальнейших обязательств. Однако оказалось, что он вовсе не понимал характера своих зрителей, воображив, что они могут с этим смириться.

Как только начал подниматься затвор, моментально поднялась целая буря проклятий и ругательств, направленных против него.

— Опустить! Опустить! Бросьте самого янки туда вниз, если он намеревается нас обмануть! — гремела толпа. Это ей очень не понравилось. Забава только что началась, а теперь они должны были, заплатив по три доллара, ограничиться только тем, что медведь поцарапал немного быков и разорвал одного волка.

В своей жажде крови человек, раз он сильно возбужден, становится хуже дикого зверя и уже не ограничивается одним только глотком, а жаждет опорожнить кубок весь до дна.

Янки, имевший в виду только свою выгоду, пытался, но совершенно тщетно, объясниться с публикой. Он вскочил на скамью, махал шляпой и кричал что-то толпе, но не только никто его не слушал и не слышал, да и слушать никто не хотел. Они все, во что бы то ни стало, требовали продолжения боя, и, видя возбуждение и ярость зрителей, янки, ради сохранения собственной жизни, вынужден был уступить. С недовольным и сердитым видом он отменил свое приказание о впуске медведя в клетку. Наполовину приподнятый затвор опустился обратно вниз при громовом

«ура!» публики, а янки сердито и раздосадованно надвинул на лоб шляпу и грузно опустился на свою скамью.

Но никто на него не обращал внимания, так как пятнистый бык, еще более освирепевший от страшного топота и криков, вскинул бешено рогами и ринулся снова в бой.

Прежде чем медведь успел к нему повернуться, он, набросившись, опрокинул его, но и сам, перелетев через серого, упал. За это ему пришлось сильно поплатиться, потому что, прежде чем бык поднялся, серый уже сгреб его и впился ему в шею могучими когтями. Но медведю не удалось удержать его под собою, так как бык вырвался, хотя кожа висела на спине громадными клочьями и он страшно ревел от боли и ярости.

Прежде чем медведь как следует поднялся на лапы, налетел на него черный бык и со всей силы ударил его в плечи. Но лапа медведя так сильнохватила его по морде, что разнесла нижнюю челюсть быка; однако ярость последнего была так велика, что он точно не ощущал ни малейшей боли и, только освирепев еще больше, неистово кинулся на врага, запустив острые рога в верхнюю часть брюха с такою силою, что коснулся лбом кожи медведя.

Медведь оказался смертельно раненным и, понятно, чувствовал себя плохо. Зрители, восхищенные великолепным боем, стучали и орали, как сумасшедшие, а гризли, внезапно поднявшийся на задние лапы, дико озирался кругом.

Пятнистый бык едва держался на ногах, но, несмотря на это, собрал все силы для нового нападения. В свою очередь, черный бык, почти обезумевший от полученных ран, рыл ногами залитый кровью песок и, нагнув рога, снова неистово бросился на медведя.

Но медведь находил, что это уже ему совсем не по силам, так как сегодня много уже ударов пришлось ему вынести и кровь лилась струею из смертельной раны. Он собрал последние силы, подбежал к ограде и, в диком отчаянии подскочив, впился когтями в брусья ограды как раз в том месте, где сидели старик и Георг.

Громкий крик ужаса вырвался из груди всех сидевших в переднем ряду, и они необдуманно бросились к сидевшим позади их. Эти, в свою очередь, напирали на сидевших дальше их, а те отталкивали их обратно; давка была такая, что все перила, окружавшие зрительные места, обломались, и все полетели, рискуя сломать ноги, руки и шею, вниз. Но, по счастью, упали они на мягкий песок.

Нельзя сказать, что их бегство было бестолково; они были отчасти правы, так как в этот момент гризли уже добрался к верхнему краю и, охватив его своими страшными когтями, пытался укрепить задние ноги в ограде, чтобы дать надлежащую опору туловищу. Через минуту или две он уже мог перелезть ограду, и горе тому, кто попадется на его пути!

— Застрелите его! Ради бога, застрелите! — кричали сидевшие влево и вправо от середины и в этот момент находившиеся в менее опасном положении, но кто же мог предвидеть, в какую сторону вздумает бежать пришедший в отчаяние зверь. Большинство зрителей были вооружены пистолетами, так как там редко кто выходит без оружия. Но опасность так поразила их и такой страх овладел всеми, что им и в голову не пришло употребить в дело оружие. Все видели, с какой страшной силой медведь пустил в ход свои когти, а между тем никому не пришло в голову оказать ему противодействие.

Единственные два человека, в этом бурном натиске бегущих не покинувшие своих мест, и притом единственные два человека, имевшие при себе винтовки, были оба наши друга, старик и Георг. Надо сказать правду, что Георг, когда увидел на ограде лапы медведя, в первую минуту хотел было бежать, но рука старика опустилась на его плечо, и он услышал:

— Теперь, Георг, мы выступаем на сцену; цель ему, милый мой, прямо в глаз, как только он поднимет голову.

Заслышав эти слова, мальчик опомнился. Мгновенно заговорило ретивое и проснулся в нем охотничий задор. Моментально схватил он винтовку и взвел курок, а тем временем старик, вскочив, отодвинулся немного в сторону на не занятой теперь людьми скамейке, намереваясь, как только медведь еще немного поднимется, принять его с другой стороны. Оба они с винтовками в руках, готовые к прицелу, стояли хладнокровно, выжидая наступления опасного момента.

В эту минуту черный бык со всей силы накинудся на спасающегося бегством медведя, но как раз в это время тот поднял вверх задние лапы, и бык не попал в серого, а со всего размаха хватившись о бревна ограды, обломал себе рога и, ошеломленный, упал на песок почти замертво. В то же мгновение поднял гризли голову вверх. Правой передней лапой он еще выше захватил верхний край ограды

и даже другой лапой захватив одну из скамеек, в следующей за тем момент мог уже быть наверху, за оградой.

Так как он все это время непрерывно ворочал головой, оба охотника не решались стрелять, не имея неподвижной цели. Теперь же, когда он забросил на забор заднюю лапу, на минуту голова оставалась в покое. В действительности это длилось только одно мгновение, но этого вполне было достаточно: в один и тот же момент, до такой степени одновременно, что, казалось, сделан был только один выстрел, а не два, оба спустили курки и выстрелили; обе пули попали в бывшего уже в двух шагах от них медведя через глаз прямо в мозг.

В тот момент, когда в него было произведено два выстрела, в последней борьбе за существование медведь еще держался за ограду; но вдруг веки опустились, лапы беспомощно повисли, и серый полетел обратно на арену, из которой только что вылез.

ГЛАВА XXIII

Невообразимая сумятица произошла в цирке. Часть зрителей, хотя и слышавшая два выстрела, но тем не менее не знавшая о том, что медведь навсегда обезврежен, выскочила на улицу и разбежалась во все стороны, распространив страшное известие по всему поселку, вызвавшее во всех страх и ужас.

Повсюду встречались бегущие женщины с детьми, искавшие убежища в каком-либо надежном доме; скакали всадники во весь дух с распущенными поводьями; мчались вырвавшиеся лошади, и тревожные, полные страха возгласы: «Медведь! Медведь!» — беспрестанно раздавались по всем улицам от одного края Миссии до другого.

А между тем в самом цирке раздавались крики радости и восторга. Энтузиазм овладел теми, кто не успел убежать из цирка и таким образом оказался свидетелем счастливого исхода двух выстрелов. Раздавалось громовое «ура!», теперь, понятно, обращенное по адресу двух стрелков. Даже янки был доволен, что дело окончилось таким образом, потому что, если бы медведь бежал, то, конечно, он был бы для него навсегда потерян. Теперь же, хотя четвертого боя и не удалось устроить, но зато мясо и кожа дадут ему порядочные деньги, и этим приходится быть вполне удовлетворенным.

Все теперь устремились к обоим стрелкам, стоявшим

совершенно спокойно на прежних местах и не торопясь снова заряжавшим свои винтовки. В особенности всем хотелось пожать руку мальчика, выказывавшего такое спокойное, хладнокровное мужество. На арену битвы, залитую теперь кровью, никто уже не обращал внимания; она была притом далеко не привлекательна.

В громадной луже крови, в центре арены, лежал уже бездыханный пятнистый бык; почти в таком же положении оказывался черный бык; он был до такой степени изувечен, что его пришлось тотчас прирезать. На волков тоже не обращали ни малейшего внимания. Едва отворили ворота, как они бросились даже между ног публики, испуганно от них отпрянувшей, и во весь дух пустились к ближайшему лесу, улепетывая так, как будто за ними гналась тысяча врагов.

Но никто уже на них не обращал внимания, за исключением янки, бранившего своих рабочих за то, что так опрометчиво выпустили на свободу зверей, с таким трудом добытых им. Зрители спешно расходились, некоторые обратно в Сан-Франциско, а другие разбрелись по трактирам потолковать о приключениях сегодняшнего дня и об испытанном удовольствии.

Георг также, вместе со своим старым другом, собрался в обратный путь. Было еще немногим менее четырех часов, и у них было совершенно достаточно времени, чтобы прийти к пароходу до его отплытия. Но они намерены были прибыть туда на полчаса раньше, чтобы иметь возможность хорошенько пересмотреть всех пассажиров.

Понятное дело, прежде всего направились они к тому месту, где привязали Гектора, и бедное животное, целыми часами страшно здесь скучавшее, было в восторге, увидев своего молодого хозяина. Гектор высоко подпрыгивал, обнимая его лапами, лизал руки, визжал, выл, забегал вперед и опять быстро возвращался с громким, радостным лаем. Георг едва в силах был от него отделаться.

Однако, оказалось, что об уходе из Миссии нечего было и думать. Весть о том, что старик вместе с мальчиком убили медведя и таким образом предотвратили большое несчастье, с быстротою молнии распространилась от одного к другому, и всякий, кто с ними встречался, подзывал их и желал приветствовать их и чем-либо выразить свое расположение к ним. Они принудили наших друзей войти в питейную палатку и заставили их выпить стакан вина в честь успешного исхода дела, и, если бы не упорное их

сопротивление, им бы пришлось пить по стакану с каждым из присутствовавших.

Наконец они прямо-таки вырвались из рук толпы. Время уходило, а терять его было невысказано. Они вскинули на плечи винтовки, пожалы еще раз руки стоявших около них поближе и хотели уйти. Старик уже рассказал многим, что мальчик в горах потерял своих родителей и теперь спешит в Сан-Франциско разыскивать их. Это еще больше усилило интерес к Георгу, вызванный среди публики.

В те времена в Калифорнии жители не ограничивались одними словами и пожеланиями. Деньги всегда и во всех случаях играли большую роль. Даже во время танцев в Мексике и Калифорнии лучшим танцовщицам вместо «браво» сыпали доллары и даже целые унции золота, бросая их к ногам с выражением восторга и признательности. Так и теперь один из практичных американцев придумал прибегнуть к более вещественному средству выразить мальчику общую признательность.

Он снял шляпу и начал собирать деньги; все толпились и спешили принести скорее свою лепту счастливому стрелку. Менее чем за десять минут шляпа была уже до половины наполнена долларами, между которыми блесло даже несколько золотых монет. Когда Георг наотрез отказывался принять такой значительный подарок, многие даже рассердились не на шутку. Притом и отказ ни к чему бы не привел, так как они его не хотели отпустить, пока он не примет подарок.

Старик стоял, улыбаясь, и, очевидно, несколько растроганный происходившим. Когда Георг вопросительно поглядел на него, он кивнул ему утвердительно головой, сказав:

— Ты имеешь право это принять, Георг. Люди этим выражают радость, что ты, такой еще юный мальчик, так мужественно вел себя; то, что так охотно дают, как здесь, например, можно принимать, а в особенности здесь, в Калифорнии. Подумай о том, что это очень пригодится твоим родителям.

Смущаясь и краснея вследствие похвал, слышавшихся со всех сторон, а еще больше из страха опоздать к пароходу, мальчик поспешил принять деньги, кланяясь на все стороны, но никак не мог разместить все деньги, так что старику пришлось завернуть часть их в свое одеяло.

Наконец им удалось распрощаться и уйти. Но было

уже больше четырех часов, а с их грузом они не могли рассчитывать менее чем на полтора часа ходьбы. Теперь уже публика сама торопила их, опасаясь, чтобы они не опоздали к пароходу, и, в последний раз прокричав «ура!», провожала их по кратчайшей дороге, ведущей в Сан-Франциско.

Когда они дошли до холма, где дорога прямо спускалась к ручью, Гектор, весело и беззаботно бежавший до того впереди, совершенно внезапно сделался озабоченным и внимательно за чем-то следил, обнюхивая и быстро бегая взад и вперед. Георг это тотчас заметил, но не обращал внимания, так как по этой дороге сегодня прошло и проехало несколько сот человек и, понятно, никакой дичи здесь быть не могло, да и притом теперь не было ни времени, ни желания заняться охотой. Ввиду этого они хотели уже спуститься вниз с холма, как вдруг Гектор, тихонько завизжав, отпрыгнул на два шага назад, обнюхал следы и тотчас, сколько было сил, пустился стрелою в сторону от холма. Георг кричал вслед, звал его обратно, но он его или не слышал, или не хотел слушать, и все мчался вперед по направлению к бухте.

Оба друга недоумевали, чем мог быть вызван такой бешеный бег собаки.

Вдали, как они ни приглядывались, ничего не было видно такого, что могло бы привлечь всегда спокойное и рассудительное животное и заставить его так несвоевременно убежать. Несколько человек, очевидно, прогуливались, пользуясь хорошей погодой. Двое всадников направлялись со стороны бухты в Миссию, да еще виднелась вдали небольшая повозка, или скорее тележка, в которую впряжена была одна только лошадь. По всей вероятности, это был переселенец, направлявшийся в рудники. Повозка очень медленно двигалась по песку. В эту минуту собака добежала до телеги, отстоявшей приблизительно шагов на пятьсот от того места, где находился Георг. Добежав, Гектор начал ласкаться и прыгать на человека, шедшего рядом с лошадью, а тот остановился и начал ласкать собаку.

— Боже милосердный! — порывисто крикнул Георг, уронив на землю узел, который держал в руке.

— Георг! Георг! — раздался в эту минуту издали громкий голос.

— Отец! — радостно вскрикнул Георг, почти обезумев

от восторга, и, бросив на песок винтовку, помчался стрелю к бежавшему ему навстречу человеку.

— Отец! Отец! Мой милый, хороший отец!— бросившись к отцу на грудь и рыдая, восклицал Георг.

— Мой милый, мой дорогой, мое доброе, хорошее дитя!— восклицал, лаская его, отец.

— А где же мать?— крикнул Георг, порывисто освобождаясь из объятий отца.

— Там... в телеге...

Георг побежал к телеге, откуда со слезами на глазах протягивала к нему ручонки сестра. Там же, откинувшись назад, бледная, с закрытыми глазами, с накрест сложенными руками, лежала женщина и не слыхала восклицаний потерянного ребенка, простирившего к ней руки.

Собаку она видела, слышала возглас мужа, звавшего сына, но когда издали послышался ответный возглас сына, она не выдержала и упала в глубоком обмороке.

Но радость очень редко убивает; это далеко не то, что огорчение. Поцелуи и ласки сына скоро вызвали бедную мать к жизни, и, когда она пришла в себя, радость ее была безгранична.

Тем временем отцу Георга было очень трудно успокоить Гектора; он бросался на него ежеминутно, обхватывал всеми четырьмя лапами, и ни лаской, ни угрозой нельзя было его успокоить. Наконец его позвала Мария, сестра Георга. Одним прыжком вскочил он в телегу, чуть не опрокинул девочку, все перевернул и смял под лапами в одну кучу и, бросившись на мать Георга, начал неистово лизать ей лицо и руки. В восторге он до такой степени перевернул в телеге все вверх дном, что Георг был вынужден, без дальних околичностей, вышвырнуть его прочь.

Пока происходила эта сцена свидания, несколько человек столпились вокруг телеги. Но все они тотчас почувствовали, что присутствие посторонних нарушает спокойствие и мешает свободному выражению святого чувства радости неожиданного свидания с близкими. Все разошлись и оставили семью в покое.

Многое хотелось им всем порассказать, многое услышать, но ни один из них не знал, с чего начать. Георг сидел около матери в телеге, держа на коленях сестренку, и одной рукой держал руку матери, а другой пожимал руку отца, прислонившегося к телеге.

В кратких словах передавал ему отец, что как только

услышал, что Георг находится в рудниках около Юба-Сити, он хотел оставить жену и дочь в Сан-Франциско у богатого соседа на родине. Но он был бы вынужден в таком случае возвратиться обратно за ними, а между тем надобно было работать, чтобы добыть деньги. В силу такого соображения он наконец решил взять их с собою и теперь направлялся в Сакраменто, огибая залив.

— А мы тоже хотели поехать туда на пароходе, чтобы вас там разыскать. Какое счастье, что Гектор нашел тебя по следу. А иначе мы опять бы не разыскали друг друга.

— Да я бы во всяком случае охотно поехал пароходом,— отвечал отец,— потому что еще в Сан-Франциско меня напугали, говоря, что с телегой пробраться по болотам Иохима положительно невозможно, в особенности в дождливое время. Но, Боже милостивый, Калифорния съела у меня все имущество, все запасы до последнего цента, и нам придется, Георг, усиленно работать, чтобы добыть хоть сколько-нибудь денег.

— Деньги!— воскликнул Георг, и в ту же минуту тысячи самых разнообразных мыслей промелькнули у него в голове, как молния.— Деньги! Боже мой, да разве у меня нет моего старого друга, который обо мне до сих пор заботился, как о собственном сыне, а я о нем до сих пор и не вспомнил, предавшись радости неожиданной встречи. Но странно, почему он не пошел вслед за мною?

— Кто же это такой?— спросил отец.

— Старик, которого я случайно встретил в горах; он все это время не разлучался со мною и очень много мне помогал. Но разыскали ли вы дедушку?

— Нет!— почти шепотом сказал отец, а мать при этом тяжело вздохнула.— Во всем Сан-Франциско никто его не знает. Да и вообще, если он и находится еще в Калифорнии, и главное, если он еще жив, то он наверное находится на рудниках, и туда мы намерены были отправиться.

— Как? С больной матерью, с маленькой сестренкой!— воскликнул испуганно Георг.— Ах, отец, они это не выдержат!

— Нельзя иначе, мой бедняжка!— возразил отец серьезным и печальным голосом.— Где же я их здесь оставлю, где заработать на это деньги?..

— Да вовсе тебе не нужно зарабатывать деньги,— прервал его Георг, и слезы радости заблестели в его глазах.— У меня есть деньги; у меня достаточно денег!—

сказал он, плача и смеясь в одно и то же время и ласково поглаживая руку матери.— У меня денег больше, чем нужно, чтобы начать какое угодно выгодное дело.

— У тебя? Да откуда же?— изумленно спросил его отец.

— Все это я вам расскажу позднее,— весело воскликнул Георг,— а сегодня прежде всего отправимся обратно в Сан-Франциско, чтобы не пришлось снова матери и сестренке спать на открытом воздухе; там, в городе, мы обсудим вместе с моим старым другом, отлично знакомым с Калифорнией, что именно нам следует предпринять.

— Да как зовут его и где он теперь находится?

— У него странная фамилия,— смеясь, ответил Георг,— он называется Фальш, а между тем отличается славным, добрым сердцем, а теперь, ах Боже мой, обрадованный встречей с вами, я совершенно забыл о нем, он остался там, около моего золота и винтовки.

Отец несколько минут стоял в нерешительности. Он не вполне все понял из сбивчивого и торопливого рассказа сына. Но, наконец, он повернул телегу обратно и поехал по направлению к Миссии. Георг сидел в телеге с матерью, а Гектор радостно лаял и прыгал вокруг лошади.

Когда они доехали до того места, где Георг покинул своего старого друга, его уже там не оказалось и не было ни тяжелого узла, ни винтовки. Выскочив из телеги, Георг озирался во все стороны, изумляясь отсутствию старика и, наконец, заметил его на другом холме, по направлению к Сан-Франциско, куда он пошел один, несмотря на тяжелую ношу и две винтовки.

— Вот он там идет!— обрадованно воскликнул мальчик.— Там, наверху, он наверное будет нас поджидать. Он, должно быть, заметил, что мы повернули в эту сторону телегу.

Маленькая повозка опустилась с холма и опять поехала прежней дорогой, направляясь в Сан-Франциско. Она доехала до ручья, но и там старик не хотел подождать ее, а пошел к ближайшим высоким холмам, с которых хорошо видна была вся Миссия, и там же начинался лес. Но теперь он уже сидел, положив около себя ношу, и вытирал пот с пылающего лба.

Тем временем по дороге уже редко кто встречался: только изредка проезжали отдельные всадники.

Дорога круто поднималась вверх, и телега двигалась очень медленно. Мать Георга вышла из телеги и шла

с девочкой сзади телеги, опираясь на руку сына. Георг тем временем рассказывал ей вкратце о своих приключениях, и она с наслаждением внимала, прислушиваясь к голосу дорогого ребенка, которого уже считала почти потерянным, и вдруг так неожиданно он был ей возвращен, и теперь она восторженно в него всматривалась, видя его около себя здоровым, бодрым и сильным.

Таким образом беседуя, достигли они верхнего гребня горы, от которого пошла несколько лучшая и ровная дорога. Там сидел старик немного в стороне от дороги около двух узлов и винтовок, поджидая приближающуюся группу. Когда к нему подошел Георг, он казался страшно бледным и безмолвно смотрел на землю, опустив глаза вниз.

Тем временем отец Георга достаточно уже узнал из рассказа мальчика, чтобы прийти к убеждению, какой громадной благодарностью он обязан старику. Свернув немного с дороги, чтобы не мешать проезжающим, он бросил поводья на шею терпеливого животного, и все пошли к тому месту, где сидел старик.

— Вот он, тот самый добрый человек, — воскликнул Георг еще издали, — без помощи которого я никогда бы вас не нашел. Вот он, тот чудный человек, который заботился обо мне, как родной отец о сыне!

Старик встал, а быстро подошедший к нему отец Георга схватил его руку и, горячо потрясая ее, глубоко тронутый, с большим чувством сказал:

— Милейший господин, я, право, не знаю, как выразить вам мою глубокую благодарность за все, что вы сделали для моего сына. Я всю жизнь буду благословлять вас. Дай Бог, чтобы вам доставило утешение и внутреннее удовлетворение сознание, что вами глубоко осчастливлены добрые люди и вечно будут вам благодарны.

Старик держал в руках протянутую ему руку крепко, точно в железных тисках, и смотрел при этом на говорившего своими ясными голубыми глазами, но не говорил ни слова; затем взор его устремился на женщину, подошедшую уже довольно близко.

Она так же, как и муж, спешила пожать руку старика и уже протянула руку. Но вдруг рука ее так и повисла в воздухе; она смотрела в упор и с каким-то испугом на старика.

Он, медленно взяв ее за руку, почти прошептал:

— Мария!

— Отец! Отец!— вскрикнула вне себя от радости женщина и, рыдая, бросилась на грудь старика.

— Дедушка!— вскрикнул Георг в изумлении, радости и испуге, не зная, происходит ли все это наяву или во сне.— Как же это,— думалось ему,— прошло так много времени, а дедушка мне ни слова не сказал и допустил искать себя, точно булавку, по всему Сан-Франциско?

— Дитя мое! Дорогое дитя мое!— говорил старик, беспрестанно целуя лоб дочери, голова которой покоилась на груди его. Обняв дочь одной рукою, он протянул другую руку отцу Георга и растроганным голосом, с чувством сказал:

— Добро пожаловать в Калифорнию, Джон Оаклей! Приветствую твой приезд. Отец такого отважного молодца, как вот этот юный охотник, тоже должен быть славный человек, и я благодарю Бога, что он здесь свел нас всех вместе, и надеюсь, что мы никогда уже не расстанемся.

— Мой милый, добрый отец!— ответил отец Георга.

— Если злые люди, в чем я теперь убедился,— продолжал старик,— поселили раздор между нами, то да простит им Бог, который сделал их орудием своих предопределений, чтобы устроить впоследствии все к лучшему. А теперь позвольте старому Гарди позаботиться о том, чтобы отныне вы не терпели никакой нужды и заботы; да, пожалуй, и этот молодчина уже кое-что для этого подготовил.

Мужчины сердечно и безмолвно пожали и потрясли еще раз руки друг другу; вслед за тем старик, протянув правую руку мальчику, сказал:

— А все-таки, милый мой, нам придется еще раз съездить в Сакраменто, хотя, конечно, не сегодня. Не оставлять же там нашего пони и нашего Москито.

— Однако, дедушка,— воскликнул Георг,— ты нехорошо поступил со мною. Зачем же ты сказал, что твоя фамилия Фальш? ¹

— Ну что же?— усмехаясь, возразил старик.— Разве я сказал неправду? Разве это действительно не была ложная фамилия?

— Да, если ты имел это в виду,— с огорченным выражением сказал мальчик,— тогда, пожалуй, это верно.

Старик взял на руки маленькую Марию, которая ни-

¹ «Falsch» по-немецки значит: ложный.

сколько его не боялась, целовал, ласкал ее, называя своей милой маленькой калифорнийкой. Солнце было уже близко к заходу, прежде чем счастливая семья вспомнила о том, что пора ехать дальше.

Золото и оружие было сложено в телегу; туда же поместили маленькую Марию, которой было бы трудно идти по песку. По дороге в город отец Георга рассказывал о том, как он вынужден был бросить посуду и некоторый другой скарб, что и помешало Георгу найти его своевременно. Впрочем, все это объяснялось очень просто.

Дело в том, что пока он поджидал мальчика, нагнала его другая такая же точно отставшая повозка, и так как погода ужасно испортилась и, по-видимому, все больше и больше выпадало снега, а между тем жене сильно нездоровилось, так что грозила опасность серьезной болезни, все это вынудило его принять радушное предложение проезжающих взять с собою жену и ребенка. Он бы охотно остался один, поджидая на месте разлуки возвращения сына, но между тем нельзя же оставить жену одинокой, без надлежащего ухода. Но, желая дать знать Георгу, где они будут находиться, он крепко прикрепил записку к полотну на оставленной посуде, в которой он его извещал, что будет его ждать у истока реки Феатерривер, впадающей в Сакраменто. По несчастью, табор бродячих индейцев, по всей вероятности, попал туда и овладел посудой и другим скарбом, а как распорядился бумагой, наполовину изорванной и скрученной для головного убора, о том мы уже раньше рассказывали.

В ту достопамятную ночь Георг со стариком проезжали мимо того места, где родители поджидали его, но на обратном пути они уже туда не попали, потому что поехали другим берегом Сакраменто, так как дорога та оказалась лучше.

Если они не нашли дедушку в Сан-Франциско, так и это очень просто объясняется. Он там вовсе не жил и никакой собственности там не имел. Но в Сан-Хосе, весьма значительном в прежние времена городе Калифорнии, он имел большую, превосходно устроенную ферму и теперь на время передал ее управляющему, чтобы встретить своих детей, если они приедут, или, по крайней мере, получить о них сведения.

Дорога, которой поехал отец Георга, по левому берегу ручья, была совершенно никуда не годная; в этом, к своему несчастью, убедился человек, отказавшийся помочь

Георгу, так как его повозка вместе с волами полетела в пропасть. Телега, на которой они оттуда поехали дальше, переехала ручей и направилась вниз, в другую долину, где они хотя нашли безопасную и удобную дорогу, но вследствие этого разминутись с Георгом и сопровождавшим его стариком.

Но теперь все это миновало; теперь все это совершенно забылось; уже не помнили ни стараний, ни затруднений, и счастливые люди, довольные и веселые, спешили в Сан-Франциско.

С этой минуты обо всем заботился старик. Несмотря на сопротивление отца Георга, он поместил всю семью в одном из лучших отелей и первым делом снабдил их хорошим бельем и платьем.

Тремя днями позже, в течение которых Георг по вечерам должен был подробно рассказывать обо всех своих приключениях и впечатлениях, маленький караван снова потянулся той же дорогой, по которой приехал в Сан-Франциско; проехав Миссию, они прибыли в Сан-Хосе и там поселились на ферме дедушки, на которой предполагалось всем сообща вести хозяйство.

Перед этим, впрочем, старик разлучился с ними дня на два, так как поехал в Сакраменто за своими пони и Москито, а затем в рудники, за палаткой и другим оставленным имуществом, которое там же и продал. Однако после того они безвыездно прожили на ферме все дождливое время, что и представляет собою калифорнийскую зиму. Наслаждались они там полным покоем и довольством и совершенно забыли обо всех страданиях, вызванных миновавшей разлукой.

Георг очень прилежно работал и, по-видимому, дело земледельца, с которым он уже и раньше успел познакомиться, пришлось ему по сердцу. Только тогда, когда наступила весна и распространились слухи о вновь открытых богатых золотом россыпях, им овладел снова золотоискательский зуд и он начал частенько поговаривать о том, что хотелось бы снова попытать свое «счастье». Он никак не мог забыть о найденном им громадном куске золота.

Отец его был, понятно, против этой затеи, но старик, смеясь, сказал:

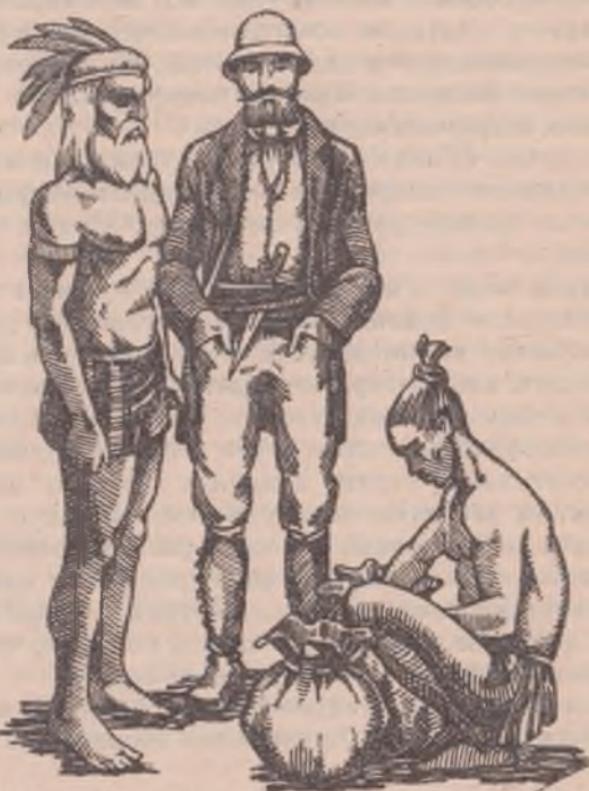
— Пусть себе отправится. Это самое лучшее средство отбить у него охоту увлекаться этим делом, потому что он очень долго будет работать киркой и лопатой, пока выпадет на его долю такое же счастье, как тогда.

Старик подарил ему своего Москито для перевозки поклажи и послал с ним одного из служащих с фермы, человека вполне надежного, так что Георг, снабженный палаткой и всем необходимым, мог предпринять вновь основательную попытку золотоискательства. Но оказалось, что старик совершенно верно предсказывал.

Два месяца Георг и его спутник пробыли в горах, работая неустанно и бодро. Хотя они и зарабатывали достаточно для удовлетворения насущных потребностей, но счастье не пожелало им улыбнуться, как в былое время. Кроме того, теперь у Георга было уже родное место, куда его сильно тянуло. Словом, суровая жизнь в горах надоела ему скоро. В свою очередь, и спутник его уже не в первый раз пробовал счастье в горах, но ему постоянно не везло настолько, как и в этот раз. Как только в один прекрасный день оба они, по зрелом размышлении, пришли к заключению, что они дома, работая спокойнее и равномернее, зарабатывали если не больше, то ни в коем случае не меньше, чем здесь, в горах, — они продали палатку, орудия и снаряды вновь прибывшим переселенцам и тотчас возвратились обратно на ферму, где были приняты с восторгом.

С этого дня Георг уже не покидал больше родителей. Земледелие в Калифорнии процветало все больше и больше, и, помогая своему отцу и дедушке в обрабатывании полей и уходе за стадами скота, с годами из маленького золотоискателя вышел превосходный земледелец и дельный фермер, настолько образцовый хозяин, что соседи относились к нему с любовью и полным уважением, а родители гордились им.

ЛУИ БУССЕНАР
ЗА ДЕСЯТЬЮ
МИЛЛИОНАМИ
К
РЫЖЕМУ ОПОССУМУ
(ЧЕРЕЗ ВСЮ АВСТРАЛИЮ)

ГЛАВА 1¹

После тридцати пяти дней плавания 10 января 1876 года мы приблизились к берегу настолько, что уже виднелся мыс Отуэй. Нам оставалось лишь пересечь на следующий день залив Порт-Филипп, высадиться в Сэндридже и сесть в поезд, который буквально за несколько минут доставит к цели нашего путешествия — Мельбурну.

Было одиннадцать часов вечера. Мы нетерпеливо шагали по полуяху, пытаясь хоть что-нибудь увидеть сквозь медленно опускающуюся завесу мглы. На небосводе мерцало созвездие Южного Креста, ветер доносил с берега густой запах водорослей.

Наш пароход «Твид» стоял под парами, ожидая рассвета, чтобы сняться с якоря. Мы так жаждали высадиться на берег, что не сомкнули глаз всю ночь. Время тянулось мучительно.

— Друзья мои, — обратился к нам судовой врач доктор Стивенсон, — я знаю, как вам не терпится добраться до берега. Завтра вы попадете в страну чудес, и я не хочу предвосхищать тот восторг, который вы испытаете вскоре, поэтому не стану описывать то, что сможете увидеть сами. Но если позволите рассказать вам о своих первых шагах в этой удивительной стране двадцать лет тому назад, мне будет приятно рассеять, если удастся, законное нетерпение, которым вы охвачены. В нашем распоряжении четыре часа до снятия с якоря. Прошу вас терпеливо и благожелательно выслушать мой рассказ... Патрик, — обратился он к юнге, — дитя мое, сходи к стюарду и попроси, чтобы нам подали пунш и сигары. Госнода, я начинаю.

Вам, вероятно, известен печальный исход предпринятой в 1853 году попытки Британской Королевской акаде-

¹ Luis Boussenard. Les Dix Millions de l'Opposum Rouge.

© Перевод с французского «Вокруг света», 1990 г.

Печатается с незначительными сокращениями.

мии основать университет в Мельбурне, но вы, конечно, не знаете всех подробностей. Судно, на котором находились посланные в Мельбурн профессора, было разбито жестокой бурей и выброшено на коралловый риф. Это произошло в период равноденствия, когда грандиозные приливы наступают на берег волнами необычайной высоты. Судно, севшее на риф, стойко держалось, но когда начался отлив, мы увидели, что подводная часть его была рассечена от форштевня до ахтерштевня, и потому не было никакого смысла снимать его с рифа. Поскольку судно находилось менее чем в трехстах метрах от берега, а шлюпка каким-то чудом удержалась на шлюпбалке, удалось спасти часть груза.

В то время после окончания школы я работал преподавателем на кафедре анатомии и попал в состав экспедиции потому, что мой дядя сэр Джеймс Стивенсон должен был стать деканом будущего факультета анатомии и читать лекции по этому предмету.

Я активно участвовал в спасении многочисленных ящичков с физическими приборами, химикалиями, различной аппаратурой и анатомическими экспонатами, необходимыми для практических занятий студентов.

Нам удалось перевезти на землю научные ценности, сложить их в палатке, сооруженной из паруса, после чего мы принялись за поиски чего-либо съедобного, так как наши запасы провизии были испорчены морской водой.

Вокруг стоянки вскоре начали собираться любопытные аборигены, для которых крушение судна — большая удача.

Видя наше бедственное положение, они с помощью жестов дали понять, что готовы снабдить нас продуктами, но, конечно, в порядке обмена. Мы неосторожно согласились.

Первая порция провианта состояла из рыбы, тут же выловленной сетями, искусно сплетенными из волокон формиума¹. Однако последствия этого дара были для нас малоприятными. Поскольку мы не имели ни бус, ни других стекляшек, которые так привлекательны для всех туземцев земного шара, пришлось подчиниться прямо таки ростовщическим условиям этих злодеев. Скучный обед был оплачен несколькими медными кранами, сняты-

¹ Ф о р м и у м — весьма ценный новозеландский лен, цветы, стебли и листья которого используются в различных целях. (Здесь и далее прим. перев.)

ми с физических приборов, двумя метрами каучуковой трубки, мензурками, морской подзорной трубой и большей частью пуговиц, которые мы спорили со своей формы.

Ночью вокруг стоянки вспыхнуло бесчисленное множество костров и неумолчно звучали дикие крики. На следующий день число аборигенов удвоилось, и продолжали прибывать все новые и новые. Через сорок восемь часов после крушения их было уже более ста пятидесяти человек. Аборигены были вооружены копьями, каменными топорами и ножами, а также бумерангами, действие которых мы узнали позднее.

Нас же было тридцать два человека, хоть и хорошо вооруженных, но не имевших самого необходимого для жизни. Кроме того, договориться с аборигенами было очень трудно, поскольку наши жесты порой ими истолковывались превратно. С нас драли три шкуры, и дело могло обернуться куда как плохо, если бы провидение не послало нам европейца, которого мы с удивлением увидели в окружении столь странных друзей.

Он был обнажен, как и все аборигены, и загорел настолько, что почти невозможно было определить цвет его кожи, к тому же покрытой пестрой татуировкой. Его выделяла огромная огненно-рыжая борода, которая, видимо, придавала ему большой вес в этом окружении.

Это был бывший каторжник¹, бежавший восемь лет назад из заключения; ближайшее племя приняло его и, потрясенное силой, ловкостью и смелостью этого человека, избрало помощником вождя, о чем свидетельствовали перо сокола, прикрепленное к его левому уху волокнами тростника, и браслет из змеиных зубов — символ власти, — который он носил на левой руке.

Радость этого человека была безгранична. Поначалу он выражал ее в основном жестами, так как почти забыл родную речь, усвоив странный язык племени, которое приняло его в число своих членов. Он оказался шотландцем из графства Думбартон по имени Джо МакНайт и взялся довести нас до Мельбурна, на что требовалось более пятнадцати дней. «Но, — сказал он на почти разборчивом английском языке, — прошу вас, джентльмены, подчиняться всем требованиям аборигенов, в противном случае они вас бросят и вы умрете с голоду, или же они

¹ До середины XIX века Великобритания использовала Австралию как место ссылки.

подавят вас своей численностью, и ни оружие, ни храбрость не спасут вас».

Совет был разумный, и забота о собственной безопасности заставила нас принять его.

На следующий день мы получили новый запас пищи, но поскольку мелочи у нас иссякли, пришлось идти на мучительную жертву — разборку приборов и распаковку остальных предметов, вынутых из ящиков, чтобы иметь возможно больший обменный фонд.

Затем мы провели переговоры при посредничестве Джо, который играл роль переводчика.

В итоге был составлен следующий протокол, условия которого были приняты без возражений: «Местные жители провожают нас до Балларата, откуда мы можем без труда добраться до Мельбурна. Они обеспечивают необходимый нам провиант и несут багаж на условии, что мы отдадим аборигенам аппаратуру и оборудование будущей лаборатории».

После того как стороны пришли к соглашению, оставалось поклясться в соблюдении протокола. Эта церемония, всегда устрашающая для аборигенов, — потому что, дав слово, они никогда его не нарушают, — не представляла серьезного значения для нас. Я едва подавил желание расхохотаться при виде того, как после этой церемонии мой дядя сэр Стивенсон сидит на голой земле на скрещенных ногах, положив руки на бедра представителя племени, вероятно знахаря, сидящего в таком же положении. Один — одетый с иголочки, гладко выбритый, несмотря на все бедствия, другой — со шкурой опоссума на плечах и странными украшениями в ушах и в носу, напоминающий лесную сову.

После того как сакраментальные формулировки были произнесены той и другой стороной, союз был скреплен несколькими бутылками рома, и мы поспешили приступить к выполнению пункта, который касался нас. Нелегкая это была задача — отобрать предметы, которые должны были стать товаром. Но меркантильность не является исключительным достоянием цивилизации. Поэтому мы не удивились, когда под эвкалиптами и камедными деревьями раскинулся настоящий базар.

Самым ходким товаром были, помимо предметов из меди и железа, химикалии в виде порошка или кристаллов: желтые, синие, красные, зеленые и т. д. — в том числе и токсичные. Аборигены раскрасились этими веществами,

смешав их со своими снадобьями, и проявили чудеса изобретательности, чтобы приспособить на себе украшения из металлических изделий.

Несмотря на весь трагизм ситуации, мой дядя не смог удержаться от улыбки.

На следующий день мы тронулись в путь, и, благодаря строгому соблюдению договора, все шло прекрасно. Ни одного инцидента на протяжении восьми дней. Но, увы! Согласие, благодаря которому мы спокойно двигались к цели, было внезапно нарушено, и, к чести аборигенов, виноват в этом был один из наших — матрос по имени Бен Френч, никудышный как человек, но обладавший торсом Геркулеса, профессиональный боксер, напористый как носорог. Так вот, он в течение нескольких дней с вожделием поглядывал на одну молодую красивую аборигенку.

Платонические отношения его не устраивали, и он совершил несколько покушений на честь этой особы, хотя я утверждаю, что она не нарушила супружеской верности. Но ее здоровяк муж, весьма чувствительный в этом вопросе, как все его соплеменники, разозлился донельзя. Состоялось объяснение, и, несмотря на примирительные слова Джо, ссора закончилась тем, что Бен нанес мужу удар кулаком, равный по силе действию ядра 24-го калибра, и бедняга упал как дерево, подрубленное топором.

Внезапно поднялся дикий вой, который спугнул всех птиц с деревьев. Это был боевой клич!..

Мгновенно Бен, виновник конфликта, упал, сраженный ударом в грудь каменного топора. Тут же полетели еще пять или шесть топоров, которые вонзились в него.

Совершив этот акт возмездия, туземные поборники справедливости, не тронув никого из нас, разлетелись, как стая воробьев. Крики, призывы, просьбы — все было бесполезно. Нас оставили безо всякого провианта в пустынной местности.

К счастью, остался Джо. Он выкрасил свое тело и лицо в желтый цвет — знак мира, необходимый каждому посланцу, некий флаг парламента аборигенов Австралии, и отправился на поиски бежавших, пообещав нам использовать все свое влияние, чтобы вернуть их.

Прошло два дня... Два дня жажды, голода и волнений под палящими лучами солнца. Мы уже совсем отчаялись, как вдруг услышали знакомый возглас. Это был наш посланец, вернувшийся в сопровождении одного из бежавших, разрисованного белой краской, — цветом войны.

Все туловище и конечности аборигена были покрыты рисунком, смутно напоминавшим жуткие очертания скелета.

Представитель аборигенов с гордым видом оперся на древко копья с каменным наконечником и прежде всего потребовал безоговорочной сдачи нами всего оружия и багажа. Нам ничего не оставалось, как повиноваться. Вскоре подошли и все остальные, успокоенные нашей капитуляцией. Кара завершилась. Вновь в изобилии появились съедобные корни, и раскраска, означавшая войну, была стерта в знак примирения.

— Мне остается добавить, господа, — продолжал доктор Стивенсон, — нечто совершенно невероятное. Три огромных ящика, содержавших анатомические экспонаты — части тела человека, — были раскрыты аборигенами в одно мгновение, и содержимое предстало пораженным взорам мародеров, которые не ожидали увидеть ничего подобного. Они решили, что это запас, который мы держали для себя, и что, будучи, как и они, любителями человеческого мяса, от жадности спрятали это сокровище.

Вам известно, что анатомические экспонаты особым образом обрабатываются, о чем сейчас нет нужды говорить подробно. Напомню только, что в вены и артерии впрыскивается специальный состав, который делает части тела твердыми и сохраняет их первоначальный вид и размеры. Состав, впрыскиваемый в вены, — синего цвета, в артерии — красного. Сохраняются также с помощью подкрашивания все оттенки тела, что создает полную иллюзию живой плоти.

То, что произошло затем, было не просто грабежом, а оргией каннибалов. Аборигены, как безумные, раздирали высушенные части тела, похожие на изделия из папье-маше. Стремясь поскорее удовлетворить свой аппетит, они разожгли с полдюжины костров, где жарились наколотые на вертела куски. Аборигены поглядывали на них с нетерпением. Под воздействием жара необычное жаркое немного помягчало, и стекавшие с него капли падали в большие перламутровые раковины, которые предусмотрительные повара поставили вместо поддона.

Можете вообразить, что это был за соус!

К нашему ужасу, аборигены извлекли из могилы труп несчастного Бена, которого мы похоронили у подножия мирты, разрубили на куски своими каменными топорами и тоже зажарили.

В нашем багаже находилось с полдюжины мозгов и до-

вольно много больших банок с зародышами, хранившимися в спирте крепостью 75°. Аборигены раскупорили соуды, я бы сказал, с религиозным благоговением, и выпили спирт с необыкновенной жадностью. Эта адская жидкость, которая должна была обжечь внутренности, лишь одурманила их. Пьяные и объевшиеся, счастливые аборигены орали во всю глотку и блаженно похлопывали себя по животам.

В конце концов они заснули мертвецким сном¹.

На следующий день радостное щебетанье попугаев ара и разноцветных маленьких попугайчиков разбудило аборигенов. Они потянулись, поднялись, свежие и бодрые, и принялись скакать и прыгать, как молодые кенгуру. Если бы не мрачный вид костей, никто не заподозрил бы, какой пир был здесь устроен накануне. Удивительный все же орган — желудок коренного австралийца.

Верные своему обязательству, аборигены довели нас до Балларата, куда мы прибыли буквально нищими.

Напоследок эти дети природы горячо пожелали нам всяческого благополучия. Три дня спустя мы были в Мельбурне.

ГЛАВА II

Затем доктор с увлечением рассказал нам о золотой лихорадке, охватившей Мельбурн двадцать лет назад, о том, как, баснословно разбогатев за короткий срок, золотоискатели, которым повезло найти слитки, за один вечер просаживали в казино целые состояния.

Его рассказ прервал свисток. Утреннее солнце поднималось на горизонте, и его золотисто-красный диск отбрасывал лучи, разгонявшие дымку, нависшую над рейдом. Машина нашего судна работала под сильным давлением, и пар вырывался из предохранительных клапанов. Якоря медленно поползли вверх, пароход несколько раз качнуло, и он величественно двинулся к берегу. Лоцман, поднявшийся на борт накануне вечером, вел его по фарватеру между коралловыми рифами. Еще несколько минут, и мы ступим на землю.

— А теперь, господа и дорогие друзья, — закончил

¹ Вышеописанная сцена каннибализма всецело на совести автора романа, поскольку авторитетные британские источники никак не подтверждали массового людоедства среди аборигенов.

доктор Стивенсон, — благодарю за внимание. Страна, которую вы увидите, очень изменилась за двадцать лет, и вы сможете сравнить свои впечатления с тем, о чем я вам рассказал.

Позвольте проститься с вами. Через несколько минут я должен буду доложить представителям карантинной службы, что на борту нет больных: к нам приближается лодка с членами медицинской комиссии, судя по желтому флагу, который держит матрос.

Приглашаю всех завтра к себе на Коллин-стрит, «Скотс-отель». Я угощу вас жареной бараньей ножкой и ростбифом — отведаете свежайшего колониального мяса, по которому соскучились ваши желудки и которое, не сомневаюсь, вы оцените.

ГЛАВА III

Я отправился на борту «Твида» в Австралию не в качестве эмигранта, моряка или репортера, который не останавливается ни перед какими жертвами, чтобы поразить читателя сообщениями о событиях и фактах во всех концах планеты.

Не будучи ученым, я обладаю достаточными познаниями, чтобы живо интересоваться всем происходящим в природе. Я люблю эксперименты, и мое единственное желание — увидеть, чтобы узнать. Хотя я путешествую ради удовольствия, мои странствия никогда не бывают бесплодными. Я побывал в четырех частях света как натуралист-любитель и особенно как охотник, и мне уже приелись пампасы, джунгли и саванны. Австралия же, страна почти неизвестная в Старом Свете, притягивала меня. Поэтому-то я и сел на пароход в Глазго, желая увидеть собственными глазами чудеса, описанные английскими авторами. Плавание протекало исключительно благополучно. Никаких волнений в негостеприимных морях, которые повергли в ужас первых мореплавателей: всего лишь пустяковая непогода в тропиках, но ее наш пароход выдержал играючи.

Наконец я ступил на австралийскую землю. Не могу сказать ничего нового о Мельбурне; его описаний — истинных или с долей вымысла — великое множество. После безумия молодости Мельбурн с годами посерьезнел. Это уже «состоявшийся» город. Все было прекрасно, но я проплыл на пароходе 6 тысяч лье не для того, чтобы смотреть, как европейцы, особенно англичане и немцы,

топают по асфальту, наводняют бары и позволяют себе невинные шалости. Я жаждал экзотики, а вовсе не пребывания в городе, скроенном по образцу своих европейских собратьев, если не считать ужасного китайского квартала.

Однако случай, эта Полярная звезда скупающего человека, осчастливил меня: я встретил трех джентльменов, которых знавал в Мадрасе, и встреча с ними сулила мне новые удовольствия.

Ярые спортсмены майор Харви, морской лейтенант МакКроули и лейтенант Робартс были всегда готовы оседлать чистокровного коня и гонять без удержу по самым фантастическим местам, есть что придется и спать под открытым небом.

Однажды вечером, когда мы ужинали в каком-то казино, зашел разговор об охоте на гигантских кенгуру. Тут же решив отправиться в экспедицию, мы быстро обо всем договорились, ибо, как истые путешественники, не терпели канители. Отъезд был назначен на следующий день — 22 января.

Я зашел попрощаться с доктором Стивенсоном, откровенно сказав ему, что здесь я задыхаюсь и потому предпочитаю экзотику пустынь, вольную жизнь и свежий воздух.

— Куда же вы намереваетесь отправиться? — осведомился он.

— На север, — ответил я. — Уезжаю завтра с восходом солнца в компании трех славных друзей, все верхом. Беру своих собак. Отправляемся за 120 лье отсюда к сэру Риду, охотнику на кенгуру. Как видите, предстоит отличная прогулка!

— По Австралии не прогуливаются, — нахмурился он. — По ней блуждают и часто умирают от голода среди благоухающих рощ, столь же опасных, как полярные льды или песчаные пустыни. Хочу дать вам несколько советов, которые вы оцените позднее. Повторяю, остерегайтесь обширных пустынь, которые будете пересекать, — они опаснее африканских, ибо здесь склонны пренебрегать предосторожностями, которые принимаются в других местах. Не бойтесь нагрузиться провиантом, особенно водой. Иногда можно проехать 100 лье и не найти ни капли влаги. И еще: благополучие путешественника часто зависит от ног его коня. Ну, ладно. Счастливого пути! — И он пожал мне руку.

На следующий день, только мы погрузили в специальные вагоны лошадей и собак, собираясь добраться по

железной дороге от Мельбурна до Эчуки, как ко мне подошел какой-то человек и передал маленький упакованный ящичек, на котором было написано: «Г-ну Б. от его старого друга доктора Стивенсона (не открывать ранее чем через месяц после начала путешествия или в случае большой опасности)».

Адмирал предоставил моим друзьям отпуск. Вскоре мы прибыли в Эчуку, откуда в отличном настроении отправились к сэру Томасу Риду, владения которого находились в десяти днях в сторону от железной дороги.

Свора, заботу о которой я поручил Сирилю, моей правой руке, состояла из десяти превосходных вандейских собак. Багаж тащил мул. Каждый из нас запасся компасом — в Австралии это абсолютно необходимо.

В качестве проводника мы взяли старого аборигена Тома, питающего собачью преданность к майору, который некогда спас ему жизнь.

Скотоводческое хозяйство с обширными пастбищами, именуемое в Австралии «стоянка», принадлежавшее скваттеру¹ сэру Риду, носило название «Три фонтана». Вокруг дома постоянно царил шум и оживление. В первом дворе стояли шесть огромных повозок, крытых брезентом, почти все длиной 6 метров, на четырех колесах, с одним дышлом, в которое впрягаются 10 лошадей.

О нашем приезде сообщили хозяину, и он вышел нам навстречу. Это был на редкость симпатичный старик лет шестидесяти, с волосами белыми как снег, голубыми глазами и добрым, грустным лицом. Вместе с ним подошли два молодых человека, старший — лет двадцати пяти, другой на несколько лет моложе.

Увидев майора Харви, своего друга детства, сэр Рид расцвел в улыбке, и друзья обнялись.

— Генри!.. Том!.. Какая честь, дорогой друг!

Харви представил скваттеру МакКроули, Робартса и меня.

Два молодых человека оказались племянниками сэра Рида. Старшего, офицера британского военного флота, звали Эдвард, младшего, корнета конной гвардии, — Ричард.

Приведя себя в порядок, мы спустились на веранду, чтобы воздать должное обильному завтраку. Некоторое

¹ С к в а т т е р — богатый скотовод.

время спустя к нам присоединился майор, у которого был озабоченный вид.

— Майор, вы что-то невеселы, — сказал я. — Что случилось? Кенгуру сбежали на север?

— Вы недалеко от истины. Я рассчитывал, что наше путешествие продлится несколько дней, а придется странствовать несколько месяцев. Какое счастье, что мы приехали сегодня! Священный долг повелевает нам отправиться намного дальше... Нас ждут величайшие трудности и опасности... Но какое это имеет значение, если мы добьемся успеха!

— Мне нет надобности знать цель, побуждающую вас изменить планы. Она священна и для меня. Я отправляюсь с вами, раз счастливый случай, который привел нас сюда, требует изменения маршрута.

— Рад, что вы будете с нами. Время не терпит, все приготовления закончены, маршрут намечен, хотя возможны уточнения. Нам предстоит пересечь почти две тысячи километров Австралийского материка.

— В добрый час!

— Что касается цели такого путешествия, совершенного до сих пор очень немногими европейцами, то ее определило письмо, которое мне разрешено вам зачитать и которое позволит вам понять все лучше, чем длинные объяснения. Письмо было доставлено из Австралии в Англию.

Его привезли восемь дней назад два племянника сэра Рида, приехавшие сюда со своей сестрой, чтобы заняться поисками отца, который исчез двадцать лет тому назад.

Вот что в нем говорится:

«Дорогие мои дети!

После долгих лет разлуки со всем, что было мне дорого, я теперь на грани смерти, вызванной таинственной и страшной причиной.

Хотя я не имел счастья наблюдать, как вы росли, по крайней мере, время от времени через посредство одного друга, умеющего хранить тайну, я мог обеспечить самые необходимые расходы семьи и помочь вашей достойной матери вырастить вас и дать вам образование.

Эдвард, Ричард, Мэри! Восстановите доброе имя вашего отца, пострадавшего от судебной ошибки.

Могучие враги, которых я прощаю, поклялись погубить меня. Дважды чудом я спасся от них. В конце концов, тяжело раненный, я был подобран племенем аборигенов,

которые бежали, подобно мне, от страшных белых людей. Они приняли меня по-братски...

Судьба, столь жестокая ко мне до тех пор, стала более милостивой. Вождь племени нга-ко-тко, которое меня приняло, бывший беглый каторжник. Его зовут Тта-Оийа, что означает Рыжий Опоссум. Прозвище это дано ему из-за длинной рыжей бороды, которая потрясла аборигенов. Его настоящее имя Джо МакНайт.

Вскоре между нами установилась крепкая дружба. Он стал моим благодетелем и помог мне установить хорошие отношения с людьми своего племени. Ведя кочевую жизнь с аборигенами, я открыл неслыханно богатые золотоносные участки. С помощью моих новых друзей, которых симпатия ко мне превратила в старателей, я сумел собрать большое количество золота, оцениваемое приблизительно в десять миллионов.

Это сокровище спрятано в четырех местах, точно известных только Джо и его сыновьям. Доблестный тид-на, что означает «голова», то есть «вождь», женился на аборигенке, родившей ему трех мальчиков, которых я воспитал как мог и чьи познания просто удивительны.

Итак, приезжайте в Австралию, мои дорогие дети. Но прежде заинтересуйте в вашем походе нескольких надежных и преданных людей. Посоветуйтесь с моим дорогим братом, превосходным человеком. Он вас любит и, уверен, поможет вам.

Племя нга-ко-тко, давно ведущее оседлый образ жизни, можно найти в районе площадью 100—150 лье, который пока, слава богу, еще не захвачен английскими властями. Эта территория находится под 135—137-м градусами восточной долготы и 19—21-м градусами южной широты.

Достигнув этих мест и увидя леса камедных деревьев, вы должны как можно чаще вырезать острием ножа на белой коре этих деревьев голову змеи. Поскольку аборигены вас ждут, голова змеи даст им знать о вашем появлении. Змея — это коббонг, то есть эмблема или нечто вроде тотема племени нга-ко-тко.

Увидев этот герб, мои добрые друзья будут вас искать. Благодаря этим знакам, моему письму, в конце которого изображен коббонг, а также знанию некоторых подробностей из вашего детства, в которые я их посвятил, Джо, равно как и его сыновья, поймут, что вы — мои дети...

Вам зададут вопросы, на которые только вы сможете ответить. После этого вам передадут мое состояние.

Прощайте».

— Какая удивительная история! — вскричал я после того, как письмо было прочитано. — Доктор Стивенсон был прав, когда сказал, что я не могу знать, сколько времени продлится наша «прогулка». Значит, мы выезжаем завтра?

— Завтра с восходом солнца наш караван тронется в путь. Я посылаю курьера в Мельбури для передачи письма с просьбой о продлении отпуска нам троим. Как вы, Робартс? Вы, МакКроули?

— Конечно, дорогой майор, — ответили одновременно оба офицера.

— Каков наш маршрут?

— Пока не знаю, но сэр Рид скажет нам сейчас. Вон он на лужайке со своей племянницей мисс Мэри. Я попросил его подойти, и скоро он будет здесь.

ГЛАВА IV *

На следующее утро в указанный час мы отправились на поиски грандиозного состояния брата сэра Рида, отца Мэри и ее братьев Эдварда и Ричарда.

Английский флаг развевался во главе каравана, состоявшего из шести повозок, которые мы накануне видели во дворе. Десять лошадей были впряжены в каждую из них, следом за ними бежало шестьдесят превосходных чистокровных лошадей. Завтра они заменят тех, что впряжены сейчас. Таким образом, лошади будут тащить тяжелые повозки через день.

Сегодня мы должны пройти сорок километров в северном направлении. Пока мы движемся, позвольте рассказать кратко о караване, маршруте и заодно представить вам моего неизменного спутника Сириля, с которым в течение 12 лет я путешествовал по свету.

Наши повозки нагружены прежде всего съестными припасами. В Австралии никогда не знаешь, найдешь ли завтра какую-нибудь пищу! Двадцать человек, из которых состоит наша группа, запаслись провизией на шесть месяцев в количестве, достаточном для всех: сухарями, кофе, сахаром, спиртными напитками, соленой рыбой, сушеным мясом, рисом, мукой и овощными консервами. Голод нам не угрожал, если только повозки с припасами не будут потеряны. В каждой повозке помещались и по две бочки емкостью 800 литров, которые мы заполним в реках, обоз-

наченных на карте последними на нашем маршруте. Это запас на тот случай, если заблудимся в бескрайних просторах.

Четверо из путешественников, составляющих авангард, выполняют и функции разведчиков. Двигаясь по пути, указанному накануне, двое из них, обследовав дорогу, ежедневно должны возвращаться к сэру Риду и сообщать о малейших трудностях на пути следования.

У нас есть непромокаемая ткань для палаток и спальные мешки.

Поскольку может случиться, что нам придется защищаться от многочисленных вооруженных аборигенов, каждый из нас имеет при себе превосходный карабин Ремингтона и по 50 патронов к нему в патронташе, топор, нож и револьвер. В одной из повозок находятся боеприпасы в непромокаемой упаковке. Сэр Рид в качестве меры предосторожности захватил даже легкий пулемет, который можно за несколько секунд установить на лафете.

Предусмотрено также, что в случае, если мы встретим на пути глубоководные реки и не найдем брода, одна из повозок длиной 12 метров может быть легко превращена в средство для переправы. Она покрыта листовым железом, и оси прикреплены чеками. В повозке есть мачта и парус, руль и свой запасной провиант. Для того чтобы она стала лодкой, надо с помощью тросов снять колеса с осями, предварительно вытащив чеки. Водоизмещение этого плавучего средства — десять тонн, и оно может взять на борт изрядное количество людей.

Что касается моего постоянного спутника Сириля, то он мне названный брат. Мы родились 32 года тому назад в один и тот же день в Эскренне, маленькой деревушке в департаменте Луарэ. Нам было по 15 лет, когда Сириль в течение нескольких дней потерял обоих родителей. И тогда моя мать его усыновила. С тех пор он не покидал нашей семьи. Прошло много лет, и его привязанность ко мне еще больше возросла. У него доброе сердце, каких мало. Рост Сириля 5 футов 10 дюймов, торс атлета. У него небольшие серые глаза, его крепкие ноги не знают усталости. Сириль умен, хитер, отчаянно смел, но благоразумен, как крестьянин себе на уме, даже самые неожиданные события не нарушают его неизменно безмятежного спокойствия.

Он в восторге от участия в нашем путешествии хорошенькой ирландки по имени Келли, служанки мисс Мэри,

которая пожелала сопровождать братьев и дядю в надежде застать отца в живых.

Если присутствие красотки и восхищает Сириля, то на помощника сэра Рида по организации каравана он бросает косые взгляды и ворчит по поводу его присутствия. Этот тип — немец. Их много в Австралии. Сириль, который носит ленточку военной медали, полученной за мужество, проявленное в битве при Шампиньи, ненавидит пруссаков, и не случайно. Его кожаная каскетка прикрывает рубец, пересекающий лоб, и хотя вюртембергский драгун, сабля которого нанесла рану, заплатил за это своей жизнью, Сириль питает сейчас столь же острую ненависть к немцам, как и во время памятного для него сражения¹.

Герр Шэффер, высокий блондин с бесцветной внешностью, лет сорока, производит впечатление опытного человека. Он давно служит управляющим у сэра Рида, который всегда его хвалит за честность и сделал своим помощником в караване, потому что тот хорошо знает равнину Бюиссон. Среди путешественников еще четыре немца, остальные, кроме меня и Сириля, англичане и один канадец. Мне — а я очень верю первому впечатлению — герр Шэффер тоже весьма неприятен.

Что касается Эдварда и Ричарда, то редко встретишь людей с такими открытыми, добродушными, симпатичными лицами. Меня влечет к ним с первого часа. Их сестра Мэри — очаровательная золотоволосая девушка с черными глазами, и, несмотря на несколько болезненный вид, все в ней дышит энергией.

Цель нашего путешествия — место пересечения 135-го градуса восточной долготы и 20-го градуса южной широты. Именно там согласно странному письму-завещанию мы найдем племя нга-ко-тко, аборигенов — хранителей сокровища.

Овечье пастбище сэра Рида заканчивается примерно в 450 лье, или в 1800 километрах от цели нашего путешествия. Мы рассчитываем продвигаться каждый день не более чем на 35 километров и будем счастливы, если весь путь удастся пройти за два месяца, учитывая необходимые остановки, чтобы дать отдых лошадям, а также всевозможные препятствия, которые придется преодолевать.

¹ Речь идет об участии Сириля во франко-прусской войне 1870—1871 гг.

Следуя по берегам мощной реки Муррей, вдоль которой пройдем вверх по течению 100 километров, мы должны достигнуть точки, где ее пересекает 140-й градус. Затем мы повернем налево и направимся к озеру Уайт. Мы не хотим удаляться от известных рек, ибо предпочитаем избегать ненужных встреч с аборигенами.

Ориентируемся мы не только по звездам, у нас имеется большой ассортимент компасов, секстантов и хронометров лучшего качества. Ежедневно пройденный путь отмечается на карте.

Возможно, мы дойдем до озера Эйр, этого внутреннего моря Австралии, восточная и северная часть которого только приблизительно отмечены на картах, затем последуем по каменистой и песчаной пустыням, где постараемся проявить крайнее благоразумие.

Пока же, свободные от забот, мы весело продвигаемся скорее как люди, отправившиеся на прогулку, нежели в трудное путешествие.

Поскольку «Три фонтана» простираются почти до границ цивилизованных зон, мы вскоре попадаем в дикую Австралию, такую, какую я мечтал увидеть. На каждом шагу нам встречаются камедные деревья, бесчисленные стада быков и овец пасутся на бескрайних лугах.

Я вовсе не был намерен отказываться от того, чтобы поохотиться. Моя свора следует за нами, и я рассчитываю, что вскоре она мне понадобится: хочу поохотиться на кенгуру. Сириль тоже полон надежд и все время что-то говорит Мирадору, моей ищейке. Терпение, Мирадор! Если не ошибаюсь, абориген, слуга майора, должен хоть что-нибудь обнаружить. Эта двуногая старая ищейка одарена необычайной интуицией.

— Эй, Том, что ты там увидел?

— Кенгуру, — отвечает он и, отчаянно коверкая английские слова, продолжает: — Там... Все господа на лошади — хоп!

— Тогда вперед! — вскричал я. — Если наш командир сэр Рид позволит.

— Пожалуйста, господа, — вежливо ответил старый джентльмен.

— Но где же кенгуру?

— Там! — Том схватил меня за руку и показал на странный силуэт, мелькающий среди деревьев.

— Майор! МакКроули! Робартс! Сириль! Вперед! Животное в наших руках! Вперед!

Собак моментально спустили с привязи, и каждый из нас, взяв охотничий рожок, стал трубить во всю силу своих легких. Мы приблизились к кенгуру, которого теперь видели отчетливо. До чего же удивительное животное! Высотой по меньшей мере два метра. А как мчится! Для этого он использует только задние конечности. Передвигается прыжками по 8—10 метров, чем-то напоминая огромную лягушку. Время от времени животное останавливается и на несколько секунд опирается на хвост, такой же длинный, как туловище, поглядывая на нас озадаченным видом. Потом снова возобновляет бег, к большому удивлению собак, которые лают изо всех сил. Поистине увлекательная охота!

— Вперед! Вперед! — кричим мы и углубляемся в рощу, куда скрылось животное.

Мирадор, как истая ищейка, вместе с другими собаками вырвавшись вперед, оглушительно лает. Остальные подвывают ему. Собачий вой сливается со звуками наших рожков. Охота набирает темп. Мы преследуем животное, которое время от времени среди деревьев.

Сейчас мы находимся на равнине Бюиссон и, хотя уже знакомы с великолепием австралийской флоры, не устаем любоваться ею. Наше внимание к охоте ослабевает при виде растений с ослепительной расцветкой. Мои товарищи — азартные спортсмены-любители, но и они опьянены красотой природы.

Наши бравые гончие продолжают лаять вдалеке, и мы скачем в их сторону. Собаки бегут среди пахучих магнолий, мимоз, пеларгоний, напоминающих георгины, и тысяч других цветов необычайной формы. Мы пробираемся среди зарослей рододендронов, где то и дело виднеются камедные деревья с ослепительно белой корой. Тут и там поднимают ввысь свои кроны софоры. А над всей этой пышной растительностью возвышаются эвкалипты, высота которых достигает 350—400 футов, и огромные араукарии. Встречаем на пути мирты и разного вида пальмы. Попадаются и деревья, не отбрасывающие тени: их листья обращены ребром к солнцу.

Описать миллионы птичек, которые с щебетаньем мелькают между ног наших коней, я не берусь. Это целые легионы микроскопических пташек, напоминающих бабочек, покрытых перьями, — настоящие живые жемчужины, что ищут нектар в венчиках цветов.

...Мы скачем уже два часа. Мучительно хочется пить,

да и голод дает о себе знать, но роскошная растительность не может снабдить нас съедобными фруктами, ягод совсем нет. И никто из нас не решается отведать, несмотря на соблазн, незнакомые плоды. Инстинкт лошадей, которому мы вполне доверяем, привел нас к ручью, и мы отведали свежайшей воды. В это время до нас донесся, впервые почти за час, лай собак.

Преследуемый ими кенгуру, уставший сверх меры, выскочил на открытое пространство. Его уши повисли, язык вывалился наружу, шерсть слиплась от пота — все это говорило о том, что силы животного подошли к концу. Оно поспешило к воде и тщетно пыталось освежиться. Собаки бросились на него и начали кусать. Кенгуру выскочил на другой берег ручья, но и там собаки продолжали его атаковать. Обессиленное животное, ища защиты, прислонилось к стволу огромного дерева, потом опустилось на более короткие передние конечности и, повернувшись спиной к нашим упорным вандейцам, стало отчаянно лягаться сильными задними лапами. К счастью, Мирадор воспользовался тем, что кенгуру неудачно повернулся, подпрыгнул и впился ему в глотку...

Сириль разделал тушу странного животного, которое, казалось, состоит из двух совершенно различных частей. Сзади он напоминает жеребенка, но к его туловищу природа присоединила короткие передние конечности и грациозную головку стройной газели.

Самые лучшие куски мы тут же надели на вертела, остальное бросили оголодавшим собакам. После обильной еды, которую залили водой из ручья, мы поспешили вернуться к каравану и достигли его безо всяких приключений.

ГЛАВА V

По мере того как мы продвигались на север, жара становилась все нестерпимее. В Мельбурне, который находится недалеко от 38-го градуса южной широты, температура сравнительно умеренная и становится мучительной только в периоды особой жары. В отличие от Северного полушария тропическое солнце постоянно немилосердно жжет север Австралии, и только в сезон дождей появляется некоторая свежесть, но бывает, что дожди вообще не выпадают, и тогда вся эта растительность просто засыхает.

Мы проделали 75 лье без всяких происшествий. Физи-

ческое состояние просто превосходное. Поразительно здоровый климат Австралии сотворил чудеса с мисс Мэри, которая чувствует себя отлично, и на ее щеках появились яркие краски, ничем не уступающие по цвету лепесткам розы. Эта девушка являла бодрость духа на всем протяжении пути, находилась ли она в повозке, где для нее имелась постель, или скакала верхом на крупной резвой кобыле Фанни, с которой она умело управлялась.

Немцы, и прежде всего герр Шэффер, чрезвычайно предупредительны. Кажется, они не замечают нашего предубеждения. Шэффер весьма любезен, пожалуй, даже угодлив, по-французски говорит очень чисто, словом, человек весьма воспитанный. Однако, черт возьми, где я видел его физиономию? Впрочем, неважно! Все равно он не внушает мне доверия, и моя антипатия к нему усиливается. Почему? Никаких видимых причин для этого нет.

Двигаясь по течению реки Дарлинг, мы вернулись через три дня к речушке Олэри-Крик. Она привела нас прямо к подножью горы Виктор, где находится ее устье. Мы подошли к самой границе обитаемой зоны страны. Эта часть Нового Южного Уэльса почти пустынна. Перед нами простирается овечье пастбище, бесспорно, последнее. Европейцы, которых мы встречали позже, были такие же путешественники, как и мы, либо золотоискатели или колонисты, которые бродят по всему огромному матерiku. Если мы приблизимся к кабелю телеграфа, который пересекает Австралию с севера на юг, от Порт-Саута в бухте Палмерстон, то, может быть, встретим английские военные патрули, охраняющие безопасность этого молчаливого и быстрого средства связи.

В настоящий момент мы достигли «стоянки» Форстера, земли которого, покрытые ковром цветов, раскинулись у подножия горы Виктор. Его пастбища находятся на пересечении 140-го градуса долготы и 32-й параллели. Нас встречают радостными возгласами, не спрашивая, кто мы и куда направляемся. В любых поселениях австралийцев с удивительным гостеприимством принимают ниспосланных провидением путешественников. И здесь хозяева благословляют наше прибытие. Им так редко удается встречать европейцев! Единственные люди, которых они видят в этих отдаленных краях, владельцы передвижных лавок, приезжающие в Уэлком-Майн, поселок, расположенный на 100 километров выше. Эти торговцы доставляют все необходимое поселенцам и золотоискателям на рудниках.

Кроме того, они получают жалованье от почты, развозя журналы, телеграммы и письма. Их безукоризненная честность вошла в поговорку, и случилось, что они отдавали жизни за вверенные им предметы, защищая их от бандитов с большой дороги, которые, правда, встречаются редко, особенно после того, как полностью исчезли ссыльные.

Вскоре на огромном столе нам был подан обед, сервированный с утонченностью, свойственной выходцу из Соединенного королевства. Мы рассаживаемся с нетерпением проголодавшихся путешественников. Нас обслуживают четыре здоровенных молодца атлетического сложения. Скорее всего это поселенцы или скваттеры, которые дважды в год ценой бесчисленных трудностей гонят на рынки Аделаиды огромные стада быков и овец.

Сэр Форстер, владелец этих пастбищ, посадив справа от себя мисс Мэри, а слева майора, выполняет свои обязанности хозяина дома как истый джентльмен. Лейтенант МакКроули, сидящий напротив него, известный гурман, наслаждается запахами туземных кушаний, которые подаются вперемежку с умело приготовленными блюдами англо-французской кухни.

— За здоровье сэра Форстера! — провозглашаю я тост, поднимая бокал.

— Вы правы, мой дорогой француз. За здоровье сэра Форстера и за успех нашего предприятия! — подхватывает майор.

Несмотря на все уговоры, мы не можем провести здесь больше одной ночи. И, желая пробыть с нами подольше, Форстер провожает нас верхом до северной оконечности своих владений, составляющих не менее четырехсот квадратных километров, где пасутся пять тысяч быков, более сорока тысяч овец и бог знает сколько лошадей.

— До свидания, желаю удачи, — говорит он на прощание, пожимая нам руки. — Не забудьте завернуть ко мне на обратном пути.

— До свидания, до скорой встречи!

День проходит за днем безо всяких происшествий, мы почти не устаем. Только жара допекает все больше. Это единственная неприятность, которую мы испытываем среди местной флоры. А она с каждым шагом становится все более причудливой. Все яснее мы осознаем, что находимся в стране парадоксов, стране невероятного.

Наш караван пересек реки Сиккус и Пастмур и теперь следует вдоль восточных склонов горного хребта Флин-

дерс. Сорок километров отделяют нас от телеграфного кабеля на овечьем пастбище Белтона.

Но куда подевался Шэффер, этот скромный и услужливый помощник сэра Рида? Его нет на обычном месте.

— Он догонит нас, — говорит сэр Рид.

Не знаю почему, но я обеспокоен, и меня вновь одолевают сомнения.

Старый скваттер не ошибся: вечером немец присоединяется к каравану, расположившемуся на отдых. Шэффер, оказывается, гнался за стайей казуаров, этих нелетающих птиц. Удачливый охотник, он демонстрирует огромную птицу, привязанную к седлу.

Я смотрю немцу прямо в лицо, и мне кажется, что он слегка покраснел и опустил глаза. Его лошадь покрыта пеной, бока в кровавых царапинах, ноги разбиты. Какой же невысказанно трудный переход привел в такое бедственное состояние эту чистокровку! И тревожное подозрение пронзает мое сердце. Похоже, что история об охоте — только уловка, чтобы обмануть нас, а на самом деле он ездил куда-то совсем по другим делам. Ради дичи не загоняют лошадей! У сэра Рида их три тысячи, но это не может служить оправданием. У меня появляется безумное желание разmozжить немцу голову выстрелом из револьвера... Нет! Я сошел с ума. Как бы ни был антипатичен мне этот тип, до сих пор его поведение было безупречным, и я не имею права чинить над ним расправу.

И почему только я не поддался тогда этому порыву души, как бы нелепо это ни выглядело? Каких бы несчастий мы избежали!

Мы проследовали без остановки до недавно выросшего в этих местах поселка Уэлком-Майн, где всего несколько домов возвышаются среди беспорядочного нагромождения деревянных бараков и палаток. Улицы поселка были в ямах, полных воды, в которые повозки погружаются до осей, а лошади по грудь. Паровые машины свистят, фырчат и выпускают клубы густого дыма, от которого деревья покрываются черной копотью; везде царит оглушающий шум.

Здешними приисками, расположенными неподалеку от города, владеют почти исключительно крупные компании, обладающие неисчерпаемыми ресурсами. Золотоискатель-одиночек — единицы. Они промывают золотоносный песок в ручьях, вьющихся вокруг поселка. Мы встречаем толпы китайцев, которых можно увидеть повсюду в золо-

тоносных районах. Они шумно перекликаются и без конца перебивают песок, уже отработанный компаниями.

Наконец мы пересекли 30-ю параллель и реку Тейлор, объезжаем озеро Грегори по естественной наезженной дороге, которая пролегает с юга на север. Когда мы проедем еще 110 километров до Купер-Крик, будет закончена половина маршрута, правда, более легкая.

Однажды утром мы шли пешком в нескольких сотнях метров впереди каравана. Я взял на привязь своих собак после того, как накануне они разбежались и нам три часа пришлось их отлавливать. Мои дорогие вандейцы почему-то злятся. Из их глоток вырывается глухое ворчание. Одна из них вдруг сорвалась с привязи и поспешила к густым кустам, перед которыми останавливалась, подняв отчаянный лай.

Благодаря избегая густых зарослей, я направился к собаке, и вообразите мое удивление, когда вдруг передо мной возник высокий мужчина, голый, черный. Увидев меня, он испугался и побежал, издавая непонятные звуки. Это был абориген. И могло оказаться, что этот представитель сильного пола своей расы не одинок, а я как-то не жаждал встретиться с его соплеменниками.

Я достал револьвер и сделал шесть выстрелов по макушкам камедных деревьев. Заслышав стрельбу, абориген повернулся, подпрыгнул и упал на траву, словно получил заряд дроби в мягкое место. Он лежал на траве с таким комичным видом, что я не мог удержаться от смеха.

Тут подбежал Том и сказал этому типу несколько слов на гортанном туземском наречии, одновременно пиная его ногой в бок.

Знакомство состоялось. Абориген поднялся и вытянулся передо мной с таким забавным выражением лица, что я едва сохранил серьезность, подобающую моей неожиданной роли божества.

У бедняги был весьма плачевный вид: худой, истощенный, он, казалось, умирал от голода. Ему дали кусок хлеба весом не менее двух килограммов, и он с дикой жадностью съел его, двигая сильными челюстями, словно голодный крокодил. Размеры его желудка были подобны бездонной пропасти. С пугающей быстротой он уничтожил также закуску и кусок мяса такой величины, что им можно было бы накормить целое отделение английских военных моряков, а вам наверняка известен их мясной рацион. Большой глоток рома окончательно привел аборигена

в прекрасное расположение духа. Он выражал свою признательность невероятными телодвижениями, гримасами, делавшими его похожим на макаку, и оглушительными возгласами. Наконец, повернувшись к лесу, он приставил ладони ко рту и закричал во всю силу своих легких: кооо-мооо-хооо-эээ, повторяя этот призыв бесчисленное число раз.

Его голосовые связки, наверное, прочны, как сталь, если он мог так орать. Какая какофония, друзья мои, но и какая удивительная мощь!

Кооо-мооо-хооо-эээ — это клич, сзывающий аборигенов во всей Австралии от Сиднея до Перта, от оконечности материка у мыса Йорк до Мельбурна. Мы уже неоднократно его слышали и не сомневались, что наш знакомец, восхищенный приемом, что оказали ему белые, звал своих соплеменников на пир, который, по его мнению, им должны устроить, раз уж начался такой кутеж.

Предположение это вскоре подтвердилось, ибо нашим взорам предстала плотная толпа аборигенов, черных, как сажа, прикрытых, как мужчины, так и женщины, лишь солнечными лучами. Они приближались к нам с бесконечными знаками уважения.

Было их около сотни, не считая плодов Гименея, увы, весьма многочисленных, привязанных к спинам матерей волокнами какого-то растения, иногда даже по двое и по трое. Несомненно, аборигены — самые некрасивые существа, виденные нами до сих пор. Их отталкивающее уродство составляет резкий контраст с восхитительной растительностью, которая нас окружала. Эти человеческие существа, что так глупо смеялись, разевая рот до ушей, как мандрилы, не могут быть венцом творения.

Ободренные нашим приветливым видом, они подошли к нам вплотную. По всему видать, бедняги испытывали мучительный голод: они выразительно хлопали себя по животам, жалобно прося пищи, которую не смогли себе обеспечить, и набросились на нее с жадностью. Ободренные и осчастливленные неожиданной удачей, наши гости проявляли безумную радость. А несколько стаканов рома и коньяка окончательно ублажили их. Они благодарили нас всевозможными жестами и гримасами.

Том, казалось, испытывал к ним величайшее презрение. Ведь на нем были брюки из тика, правда, немного тесноватые, но как он ими гордился! Кроме того, его торс прикрывала фланелевая рубашка цвета бычьей крови.

С его блестящего лакового пояса свисал длинный нож, а за поясом торчал револьвер. Безусловно, Том — самый видный абориген на всем континенте, к тому же еще говорящий на нашем языке. Все эти преимущества вскружили ему голову, ведь для других аборигенов он был подобен высшему существу. Какая прекрасная для него возможность совершить переворот и основать династию. Но честолюбие нашего старика аборигена, однако, не простиралось столь далеко.

Поскольку Том знал, что мы любим все неизведанное, он потребовал, чтобы в качестве платы за угощение аборигены станцевали для нас. Невозможно описать, как величественно он произнес, обращаясь к сэру Риду:

— Господин, они для нас хочет танцевать корробори!
Удивительный все-таки человек Том!

Показанный нам танец представляет собой смесь элементов военной пляски, резких поворотов, опасных прыжков вперед, назад, в стороны, прямо-таки акробатических трюков, которым позавидовали бы любые клоуны. Аборигены бросали свои длинные копыя в макушки деревьев так, что те исчезали из виду. Потом ловили их на лету, снова бросали и ловили. Танцоры смешивались, прыгали друг через друга, переплетались, без передышки сохраняя темп, поддерживаемый нечеловеческими криками — оглушительными, как пальба морской артиллерии. Австралийская Терпсихора одарила их мрачным неистовством.

...Полчаса спустя, когда у танцующих уже перехватывало дыхание, устали ноги и пересохло во рту, чернокожие кузнечики наконец остановились и повалились на траву.

Аборигенам роздали еще кое-какую пищу, которую они приняли с благодарностью и с довольным урчанием. Их вождь, чья царственная одежда состояла из пера, прикрепленного к уху, и браслета из змеиных зубов, произнес небольшую речь, благодаря нас за гостеприимство, и, прежде чем удалиться в благоухающие леса, попросил сэра Рида принять в качестве подарка его бумеранг.

Этот знак внимания всех очень тронул. Аборигены, чья дикость нас удручала, морально выросли в наших глазах. Все наперебой вручали свои подарки: кто — копьё, кто — каменный топор, кто — стрелу, украшенную красными перьями, — оружие войны, очень ценное ими.

Мисс Мэри подарила женщинам несколько метров ткани, которую они взяли с радостью, выразив ее забавным кудахтаньем.

На прощание один молодой абориген, объяснивший мне с помощью выразительной пантомимы, как обращаться с бумерангом, продемонстрировал поразительное искусство владения этим оружием. Я никогда прежде не видел, как бросают бумеранг, и мне показали нечто удивительное, можно сказать, даже неправдоподобное.

Бумеранг — оружие, известное только австралийским аборигенам. Это кусок коричневого дерева, твердого, но все-таки слегка гнущегося, длиной от 75 до 85 сантиметров. Он немного изогнут в середине. Изгиб имеет в ширину сантиметров пять и в толщину два — два с половиной сантиметра. Один из его концов закруглен и утолщен, другой — плоский.

Когда абориген хочет запустить бумеранг, он берет его за закругленную часть, поднимает руку над головой и с силой бросает это оружие.

Получается невероятный бросок, который бы потряс любителей баллистики. Бумеранг летит, вращаясь, рывками в десять, пятнадцать, двадцать метров и падает на землю. Это прикосновение к земле, кажется, придает ему новую страшную силу полета. Бумеранг вздымается, будто одухотворенный мыслью, поворачивается и приходит в движение, поражая свою цель с исключительной быстротой и точностью.

Это нечто вроде стрельбы с рикошетом; первый импульс бросающий дает бумерангу совершенно инстинктивно, поворотом руки, которому европейцу ни за что не научиться.

В 25 шагах от нас сел вяхирь и начал ворковать. Молодой воин, заметив его, пожелал дать мне практический урок после того, как объяснил теорию с помощью жестов. Он высоко подпрыгнул и сделал взмах рукой в сторону прелестной птицы, которая продолжала беззаботно ворковать, расправляя жемчужно-серые крылья. Лесной голубь едва успел заметить бумеранг, подлетевший к нему со скоростью молнии, как был тут же достигнут смертельным оружием, которое убило его, обломив заодно и ветку. На этом носитель смерти не завершил свое дело: он продолжил полет, чтобы упасть к ногам своего владельца. Мы были потрясены увиденным.

Возбужденное самолюбие этих примитивных людей приводит к настоящему состязанию, в ходе которого они совершают подлинные чудеса. Я приведу пример прежде, чем закончу эту главу.

Другой абориген отошел метров на тридцать и вонзил свое копьё острием в покрытую травой землю. На конец древка двухметрового копья он насадил убитого вяхиря и вернулся на прежнее место. Затем повернулся спиной к своей цели, взял бумеранг и бросил его перед собой, то есть в направлении, противоположном цели, которую намеревался поразить. Его оружие упало менее чем в десяти шагах, коснулось земли, как в первом случае, затем взметнулось ввысь и, пролетев мимо своего хозяина, который стоял не шелохнувшись, устремилось дальше и ударило по птице с такой силой, что копьё разлетелось на куски, словно стеклянное!..

Наши добрые друзья, с которыми мы познакомились только что, захватили подаренную им провизию, снова поблагодарили нас и скрылись под пологом леса.

Только обглоданные кости, остатки их пиршества, и поразительное оружие, подаренное ими, говорили о том, что нам все это не приснилось.

ГЛАВА VI

За двадцать дней мы прошли 800 километров без помех и закончили половину пути, несмотря на темп праздных вельмож. Река Купер-Крик, близ которой погиб исследователь Берк¹, осталась позади в пятнадцати лье от нас. Уже два дня мы движемся по земле, где не ступала нога европейца. Перед нами — еще не нанесенная на карту территория, простирающаяся примерно на 1000 километров. Мы — первопроходцы и потому тщательно отмечаем на карте каждую реку, измеряем глубину каждой впадины, и теперь те, кто будет путешествовать в этих местах после нас, будут знать, куда идти. Эта экспедиция аргонавтов XIX века принесет пользу не только тем, кто ее предпринял. Наше сотрудничество, сложившееся ради одной семьи, сочетается со значительным научным трудом: непроницаемая завеса, закрывавшая до сих пор тайны этого неисследованного континента, понемногу приподнимается. Мы — мирные завоеватели земли, которую цивилизация освоит заново.

¹ Роберт О'Хмара Берк — бывший ирландский офицер, возглавил экспедицию Мельбурнского географического общества, направленную на северное побережье страны в 1860 году. После долгих странствий, сопряженных с большими трудностями, Берк умер от истощения.

Привыкшие к европейскому ландшафту, мы медленно осваиваемся с местной природой, которая снова и снова преподносит нам всяческие сюрпризы. Каждый день кажется, что перед нами — предел невероятного. Ничего подобного! Следующий день приносит еще более немыслимые чудеса, опрокидывающие все известные научные основы классификации, чудеса, происхождение которых наши усталые мозги усиленно стараются постигнуть...

Кажется, что эта земля, едва образовавшись, воплотила при своем возникновении все фантазии, которые свойственны капризным детям. Похоже, что этот уголок мироздания, где все разбросано в беспорядке, ожидает другого времени, некой геологической зрелости, одним словом, нового развития сотворенного.

Мы часто находим следы золота. Однако в этих местах почва бедная, не родит ничего, кроме травы, и совершенно непригодна для земледелия, хотя наипростейшая растительность приобретает сказочные размеры. Папоротник, например, достигает высоты в 150 футов. Человеку придется немало потрудиться на этих землях.

Родятся здесь почти исключительно односемядольные растения или же те, которые находятся на самой нижней ступени растительной лестницы. На всем этом огромном континенте хищников нет. Все животные травоядные. Но можно подумать, что добрая волшебница, создавая эти странные существа, исчерпала всю свою буйную фантазию и сотворила всех четвероногих почти на один манер. Начиная с гигантского кенгуру, рост которого достигает двух метров, и кончая мышью высотой в один дюйм, почти все австралийские четвероногие имеют сумку, в которой носят своих детенышей, — отличительная особенность млекопитающих только этой страны. У них по четыре конечности, но при беге они используют только две задние. Пожалуй, единственное животное, передвигающееся на всех четырех конечностях, самое странное — это утконос, наполовину утка, наполовину млекопитающее, которое откладывает яйца и кормит молоком детенышей.

Птицы также имеют непривычный для нас вид, начиная с огромного попугая ара величиной с курицу и кончая пестрыми попугайчиками, своего рода птичками-мушками. Я имею в виду, разумеется, лесных птиц, которые живут на деревьях. Окраска их перьев по разнообразию напоминает палитру художника, но их оглушительный крик создает ужасную какофонию.

И наконец, казуар. Это тоже птица, но она не летает. По обе стороны плеч казуара имеются зачатки крыльев длиной шесть дюймов, но лишённые перьев. Самец охраняет дом, растит потомство, приносит пищу, в то время, как самка разгуливает.

Слово «зелень» здесь нельзя употребить в его общепринятом значении, потому что есть деревья с листьями голубоватых, розовых, серовато-белых тонов, мертвые листья и т. д. Их расцветка как бы бунт против зелени европейских деревьев.

Пишу я эти заметки у подножия дерева, не отбрасывающего тени, в адской жаре. Здесь мы устроили привал. Наша пища состоит из куска сушеного мяса и чашки чая.

Радостный крик птиц будит нас на заре. Приоткрыв глаза, мы видим, как они безумно веселятся среди золоченных солнцем крон деревьев.

Мы складываем багаж, и караван возобновляет неизменное движение на север. Столь желанная свежесть ночи сменяется еще более удушливой жарой, чем накануне. Солнце лишь немного поднялось, а кажется, что мы находимся подле огнедышащего жерла вулкана. Ни малейшего ветерка, листья на деревьях неподвижны и выжжены до белизны, поэтому кажутся окаменевшими.

Проходит три часа, и надо подумать о передышке, в которой так нуждаются измученные жарой лошади.

Мы входим в лес, который кажется стерильно чистым и радующим глаз. Повсюду трава и цветы, и среди этого цветущего океана возвышаются гигантские деревья, чьи кроны поднялись так высоко, что их едва видно.

Ни на одном дереве нет плодов, нет нигде и ручейка, который питал бы их корни. И какое странное, необъяснимое явление, свойственное только некоторым деревьям Австралии — а именно они окружают нас, — все их листья опущены вертикально, ребром к солнцу. Вместо того чтобы развернуть поверхность своих листьев между жгучим солнцем и нашими пылающими головами, они пропускают жар его лучей, который, кажется нам, доходит до самых мозгов. Над нами нет никакого прикрытия! Только эти проклятые листья, как будто прикрепленные к деревьям рукой злого гения.

Наконец, поскольку ничто не вечно, даже страдания, идущие впереди увидели полянку, к которой тут же все устремились. Мы уже дымились, как кратеры вулканов. А посреди поляны гордо высилось единственное дерево,

настоящий гигант в сравнении с другими, и какое счастье! — его большие листья, серо-зеленые сверху и серые, как олово, с обратной стороны, росли нормально и отбрасывали тень, сулящую нам дивную прохладу.

Еще минуты три пересекаем последнюю полосу жары и вот-вот устроимся на отдых, который так заслужили.

Но какой неожиданный сюрприз преподносит нам зловредное существо, фантазия которого творит все причудливые явления в Австралии!

Том, старый слуга майора, в страшном волнении. Ведя за собой измотанную лошадь — полукровку Блэк, которую он, между прочим, любит больше себя самого, Том кричит, пытаясь нас остановить. Он протягивает руки, потрясает туземным копьём с костяным наконечником. Том, который обычно говорит на достаточно понятном англо-франко-туземном жаргоне, сейчас пришел в такое волнение, что смысл выкрикиваемых им слов нам совершенно не ясен.

Что случилось? Может быть, у него солнечный удар?

Майор, который лучше его знает, считает, что Том не мог прийти в такое состояние без веской причины. Он просит всех остановиться и подходит к своему старому слуге. Отчаянная пантомима Тома, показывающего на объект нашей мечты, — дерево посреди поляны, — и несколько слов, обращенных к хозяину, производят на последнего сильное впечатление.

— Что случилось, майор? — спрашиваю я. — Ради бога, пожалейте нас, пожалейте мисс Мэри! Ведь тень, майор, желанная тень!

— Мне очень жаль нашу дорогую мисс, но располагаться на отдых в этом месте нельзя. Бежим как можно скорее! Здесь нас поджидает смертельная опасность!

— Господи, почему?

— Вы знаете, что здешняя природа, нам совершенно неизвестная, не скрывает своих секретов от Тома.

— Конечно, без сомнения.

— Так вот, это дерево — вай-вайга. Теперь понимаете?

— Вай-вайга? А что это значит?

— Дерево птиц.

— Но, дорогой друг, здесь на всех деревьях полно птиц.

— Я никогда не видел такого дерева, но слышал о нем из наводящих ужас рассказов связанных, вернувшихся с равнины Бюиссон. Они ничего не преувеличивают. Посмотрите лучше, что творится с Томом!

— По-моему, перед нами дерево, именуемое Уртика гигас, которое мне кажется совершенно безобидным.

— Символ смерти...

— Вы преувеличиваете.

— Ни в коем случае. Это дерево теперь известно некоторым натуралистам. Оно называется деревом птиц, потому что любая из них, прикоснувшись к его листьям, моментально погибает.

— Черт побери! Значит, это действительно серьезно?

— Разве я похож на шутника? Взгляните на эти побелевшие скелетики, разбросанные по траве. Это — жертвы дерева!

— Тогда надо поскорее убираться отсюда.

С любопытством натуралиста я подошел к необычному дереву и с осторожностью осмотрел его.

— Подумаешь! — раздался голос позади меня. — Все это выдумки. Я лично хочу спать, и меня не удержит никакое дерево птиц. Вот растянусь под ним и посплю.

Это был Сириль. Известный скептик, он вознамерился подойти ближе к дереву.

— Берегись! — воскликнул я. — Может случиться несчастье!

— Да будет тебе! Боишься какого-то дерева. Вся эта паника из-за того, что черномазый хочет навредить нам. Какая там опасность? Смотри!.. — Сириль схватился за большой лист и тут же рухнул наземь.

Я вскрикнул, решив, что он погиб.

Том сделал предостерегающий жест, требуя, чтобы мы все отошли от дерева, что мы и сделали, вынеся из-под его тени несчастного молодого человека, недвижимого, как труп.

Пальцы Сириля по-прежнему судорожно сжимали лист, и старый абориген обмотал руку тряпкой, чтобы избежать прикосновения кожи к смертоносному листу, а затем вытащил его с величайшей предосторожностью и отнес подальше.

Мы быстро раздели Сириля. Тщетно я пытался понять, что за чудовищное зло сразило такого здоровяка. Нигде не было видно ни следа внешних повреждений. Но мне сразу бросилось в глаза, что вся правая сторона его тела приобрела мертвенно-бледный синеватый оттенок. Она была обескровлена и нечувствительна, словно долгое время находилась под действием сильного анестезирующего средства. Однако сердце Сириля билось, правда, очень слабо.

И у меня появилась ничтожная надежда. Я попробовал сделать искусственное дыхание, растер его водкой. Несмотря на тщетность всех своих усилий, я все же продолжал надеяться.

Но куда подевался Том? Уже более двадцати минут как он умчался, подпрыгивая, словно кенгуру, и пока не возвращался.

Боже мой! Что делать? Наша наука бессильна, никакие средства, применяемые в цивилизованных странах, не помогли.

Гортанный возглас заставил меня обернуться: передо мной стоял Том, державший охапку травы, которую тут же бросил на землю. Затем, взяв небольшой пучок травы, он разжевал ее и из получившейся кашицы выдавил сок на один из участков пораженного тела Сириля, а затем стал растирать его с такой силой, что чуть не содрал кожу. Я присоединился к нему и тоже стал втирать сок с не меньшим усердием. Бедный старик жевал траву так долго, что у него устали челюсти и прекратилось выделение слюны. Зеленоватый сок разливался по телу Сириля, и его грудь стала заметно подниматься и опускаться. Я перевел дух — наконец-то наметилось явное улучшение.

Желая помочь старому аборигену, я взял горсть травы и, засунув ее в рот, стал энергично жевать. И едва сдержал крик!.. Каким же адским снадобьем Том собирается излечить моего друга! Мне казалось, что я жую кайенский перец, смешанный с раскаленным углем.

Если паралич не поддастся столь жгучему лекарству, придется отказаться от лечения. Я решил освежить рот глотком водки, и она показалась мне настойкой просвирика по сравнению с соком травы, которая, как купорос, сожгла мне нёбо.

Наконец Сириль открыл один глаз, потом второй и слегка пошевелился. Можно было считать, что он спасен. Чтобы ускорить выздоровление, старый чернокожий лекарь растирает на дощечке рукояткой револьвера остаток травы и делает нечто вроде пластыря, которым покрывает затем всю пораженную часть тела пострадавшего. Том просит у меня сигарету, прикуривает, садится на корточки, как факир, и бормочет непонятные слова.

— Ну что, дружище, что скажешь? Ему лучше?

— Лучше будет, когда снимешь.

— Тогда давай снимем эту траву.

— Нет еще.

— Когда же?

— Скоро.

Я успокоил встревоженных людей, ожидавших хоть слово надежды. Через четверть часа я помог Тому снять пластырь, от которого вопил и метался, как безумный, наш паралитик.

Тело моего друга стало красным, как вареный рак. Но до чего же отрадно было видеть эту красноту! Сириль пытается встать, но приподнимается лишь наполовину.

— Друг, — ласково говорит Том и дает ему волшебное зелье. — Ты ешь...

— Слышишь? Том говорит, чтобы ты жевал. Давай-ка быстрее!

— Э-хе-хе...

— Ничего. Жуй, скорее поправишься.

— Я... хочу... одеться.

Подобное возвращение стыдливости, выраженное прерывающимся голосом, заставляет меня улыбнуться. Мы выполняем его просьбу и, взяв под руки с двух сторон, ведем к тому месту, где расположились наши друзья, которых все еще не покидало беспокойство.

— Ты себя лучше чувствуешь?

— Конечно. Только ноги еще слабые. Но что за чертовщина, которую я жую? — спросил он более твердым голосом. — Похожа на щавель...

— Как? У тебя не горит во рту?

— Нет. А почему должно гореть?

— Ну тогда жуй.

Я рассматриваю это растение — оказывается, оно совсем другое и похоже на обыкновенную кислицу. Его листья шириной в четыре и длиной в сорок сантиметров покрыты красными, как кровь, прожилками. Сок, который они выделяют и который я тоже попробовал, чтобы устранить жжение во рту, очевидно, хорошее нейтрализующее средство от ужасной травы.

Благодаря старому лекарю Сириль уже на ногах. Он выражает признательность своему спасителю, сперва так крепко пожав руку, что у того хрустнули кости, а затем, поскольку Сириль ничего не делает наполовину, дарит ему свои серебряные часы, на которые Том давно поглядывал с восхищением. С этого момента часы-луковица моего босеронца висят на шее у австралийца рядом с амулетом из зеленых камней, подобно платиновому медальону на шее модницы.

Отныне эти двое стали друзьями на всю жизнь.

Мы проделали всего несколько километров от места этого злосчастного инцидента, как вид леса (если так можно назвать поистине неправдоподобное скопление странной растительности) вокруг изменился. Исчезли деревья с резными листьями, пронизанными словно медными или цинковыми прожилками; восхитительный ручеек журчал среди цветов. Нас манила прохладная тень.

— Ура, друзья! — вскричал майор, переводя лошадь в галоп. — Два дня отдыха в этом местечке не помешают, не правда ли?

Наш старый друг скакал метров на двадцать впереди, и все прищипорили коней, чтобы как можно скорей бежать из пекла.

Когда майор пересекал последние метры раскаленной местности, спеша укрыться в столь желанной тени, его лошадь слегка задела боком огромный эвкалипт. Нам показалось, что от дерева отвалился кусок коры и упал на круп лошади позади седла. Вдруг животное подпрыгнуло, словно обезумев и менее опытный наездник, чем майор, несомненно бы свалился. Потом лошадь встала на дыбы, начала лягаться и брыкаться, а затем помчалась как стрела. Грива ее развевалась, она жалобно ржала, словно от сильной боли.

— Вперед, господа! — закричал лейтенант Робартс. — Случилось что-то необычайное. Поспешим, не жалейте лошадей!

С десятков наездников вознамерились помчаться вдогонку за майором.

— Нет, господа, вы оставайтесь, не надо всем. Мсье Б., вы со мной, и вы тоже, Ричард! Том, ты тоже следуй за нами, хорошо? Вперед!

— Бедный мастер Блэк! — проворчал Том, поглаживая свою лошадь. Он не без основания опасался мчаться на ней с такой бешеной скоростью.

Мы летели, как ласточки, за лошадью, которая неслась, закусив удила. Ее всадник уже не мог ничего с ней поделать.

— Если бы я посмел, — сказал Робартс, человек редкого хладнокровия и необычайно меткий стрелок, — я бы всадил этой взбесившейся лошади пулю в круп. Тогда бы она сбавила скорость.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Конечно, я не

боюсь, что вы раните майора, но при таком аллюре, если лошадь упадет, всадник погибнет.

Прошло четверть часа. Расстояние между нами и майором, которое составляло метров триста, значительно уменьшилось. Его лошадь, совершенно измученная, начала хрипеть; прерывистое дыхание вырывалось из раздутых ноздрей. Она была на пределе. Мы видели, как она вертит головой из стороны в сторону, два или три раза споткнулась, а затем тяжело повалилась на бок.

Старый офицер армии в Индии, безупречный наездник, был на ногах подле нее благодаря тому, что некогда занимался вольтижировкой и смог вовремя соскочить. Майор был цел и невредим.

— Слава богу, майор! У вас все в порядке?

— У меня — да. Но я не знаю, что творится с моей лошадью — она словно взбесилась!

Когда мы спешили, лошадь майора сделала невероятное усилие, чтобы подняться и снова попытаться бежать, но наездник сумел удержать повод в своей железной руке, заставив ее лежать на месте.

Тут мы увидели то, что вызвало этот сумасшедший бег. Растянувшись на крупе лошади и спустившись по ее бокам, на ней находилось страшное безымянное нечто. Шероховатое и дряблое одновременно, напоминающее грязно-коричневый вздутый нарост, оно сжимало несчастную лошадь и, казалось составляло единое целое с ее окровавленной кожей.

— Какое жуткое животное! — воскликнул я с отвращением. — Никогда не видел ничего более мерзкого.

— Вай ненд, — спокойно сказал Том, выхватывая длинный нож из ножен. — А, ты ешь кровь мастера Али! Погоди!

Слова у Тома не расходились с делом. Славный старый абориген разрезал во всю длину безымянную «вещь», и ее плоть, вязкая и дряблая, закричала под стальным лезвием. Обнажилось нутро, полное крови, как у насосавшейся пиявки. Несколько секунд спустя это «нечто» комком грязного белья упало на землю.

Лошадь, вскоре успокоившись, повернула умную голову к своему спасителю, а потом попыталасьлизать свои бока, по которым сочилась кровь из более чем сорока маленьких отверстий.

Пока Том обмывал свежей водой ранки своего друга «мастера Али», мы рассматривали с любопытством, кото-

рое легко можно понять, странное существо, бившееся в последних судорогах.

Существо это имело примерно 70 сантиметров в длину, 20 в ширину и 8 в толщину. У него не было ни головы, ни глаз, к концам оно сужалось; поверхность шероховатая, как кора эвкалипта.

Я перевернул его ногой, и мы увидели живот, вид которого был страшен и отвратителен.

Расположенные в три ряда 75 или 80 отверстий, напоминающих присоски осьминога, расширялись, образуя ряд карманов, как у пиявки. И действительно, это была живая кровососная банка.

Том, наш опытный профессор по местной фауне и флоре, объяснил, что это животное обычно обитает в углублениях стволов деревьев и там ожидает свою добычу, о появлении которой его предупреждают несколько высокочувствительных волосков, единственный орган осязания, которым оно обладает.

Занимается животное только тем, что сосет: сок молодых деревьев, кровь животных с редкой шерстью, лягушек, ужей и голых аборигенов, которых оно застигает врасплох. Оно присасывается с такой силой, что только смерть может заставить его покинуть свою жертву.

Получив исчерпывающие сведения об этой опасной твари, мы вернулись во временный лагерь, где остальные участники экспедиции уже волновались по поводу нашего долгого отсутствия. Два столь ужасных потрясения за одно утро, которое мы испытали, это уже чересчур, особенно для путешествующих в такой стране, как Австралия, которая, казалось, не таит в себе опасностей.

МакКроули курил сигару, растянувшись в тени гигантской софоры, опустившей ветви почти до земли и создававшей тень, которой он наслаждался как сибарит.

— У нас нет никакой свежей пицци, — сказал он жалобно, ибо моральные переживания никогда не отражались на его аппетите.

— Не беспокойтесь, дорогой МакКроули, — заметил я. — Вам же обещали зажарить на завтрак одного из красивых голубых ара, таких жирненьких и вкусно пахнущих...

— Пожалуйста, прекратите эти гастрономические описания, — взмолился с комичным отчаянием МакКроули.

— Кстати, Робартс, посмотрите, как Том отечески выхаживает «мистера коня». А вы хотели пустить пулю в круп бедного Али. Вот было бы обидно!

— Погодите, у меня идея!

— Говорите, дружище!

— Мне жаль МакКроули. Если у нас нет подходящего жаркого, то для него этот день будет потерян...

— А... я угадал: вы хотите раздобыть для него длиннохвостого попугая ара.

— Именно.

— Робартс, — воскликнул МакКроули, — ваша дружба для меня — величайшее благо. Благодарю вас, я согласен потерпеть, а пока посплю немного...

— Нет, нет, вы пойдете со мной. Я хочу подстрелить для вас одну из заманчивых птиц, разворковавшихся там, на высоте четырехсот футов.

— Ну так и стреляйте, дружище!

— Однако я хочу продемонстрировать вам свою меткость, и мне будет приятно видеть ваше восхищение.

Лейтенант нехотя поднялся, надел парусиновую каскетку с надзатыльником, чтобы не обжечь шею на солнце, и присоединился к нам.

Робартс захватил свой карабин, стреляя из которого в тире он показывал нам чудеса.

— Не иначе как вы решили удивить нас чем-то из ряда вон выходящим, мой друг!

— Это уж точно, — сказал Сириль, который пошел за нами, волоча ногу. — Чтобы сбить птицу, которая сидит так высоко, нужно быть воистину очень ловким и метким стрелком.

— Вы преувеличиваете, когда говорите об этой птице: через шесть секунд она упадет на землю.

— Вполне возможно, ведь вы так лихо стреляете из карабина, лейтенант! — Сириль говорил с искренним восхищением.

Тем временем Робартс, выставив вперед левую ногу, медленно поднял карабин. Через две секунды из дула вылетел белый дымок и прозвучал резкий звук выстрела, сопровождавшийся свистом. Все птицы испуганно разлетелись, и только одна, вцепившись лапкой в ветку и отчаянно крича, продержалась мгновение на макушке дерева, а потом оторвалась от своей опоры и стала медленно падать, распластав крылья.

— Bravo! — воскликнул я с энтузиазмом.

— Блестяще! — одобрил выстрел Сириль без тени зависти.

— Все-таки я поем мяса ары!..

Бедный МакКроули! Между выстрелом и поджариванием дичи на вертеле пролегла целая пропасть!

Птица не упала на землю. Летя вниз, она опустилась на большой лист приятного светло-зеленого цвета, шириной в два фута, толстый, мясистый, резной до половины длины. Вдруг при соприкосновении эти резные зубчики листа, сворачиваясь на наших глазах, стали сжимать птицу, словно щупальцами, и, будто запрятанная в темницу, она исчезла из-под носа у разочарованного гурмана.

Все расхохотались.

— Придется вам все-таки есть сушеное мясо: во второй повозке его запасы еще не тронуты.

— Давайте подождем, может она еще упадет.

— Если вам угодно, стерегите птицу. Что до нас, то мы пойдем завтракать. Пока!

— Прошу вас, подождите пять минут! Признайте, что мы наблюдали нечто весьма любопытное. А вы, мсье Б., как ученый-натуралист можете расширить свои познания.

— Да, это действительно удивительно, — признал я, польщенный, что меня назвали ученым. — Прямо-таки тайна какая-то...

— ...к которой я сейчас подберу ключ, — подхватил МакКроули. В конце концов, не съест же меня этот лист.

— Лейтенант, лейтенант, — воскликнул испуганно Сириль, — не трогайте его! Ведь только что меня сразил лист, словно удар грома. Боюсь, и вас может постигнуть несчастье.

— Дружище, я такой же упрямый, как вы. Я дотронусь рукой до этого листа, а там посмотрим.

МакКроули храбро положил сжатый кулак на самую середину сети прожилок листа, лучики которого, искрясь на солнце, были раскрыты как веер. Мы видели, что явление, которым сопровождалось поглощение ары, повторилось: зубчики листа обхватили кулак МакКроули и сжали его.

— Хм, любопытно... — произнес лейтенант, не моргнув глазом. — Такое впечатление, что на мне слишком тесная перчатка... Однако никакой боли... Вот жмет сильнее... Черт! Рука онемела!

— Ради бога, — я не на шутку забеспокоился. — Достаточно для эксперимента, прошу вас.

— Да будет вам, дружище. Еще немножко терпения: мы проделываем физиологический опыт. Когда настанет время, я попрошу вас срезать ножом этот проклятый лист, сжимающий мою руку словно клещами. Странно... У меня такое ощущение, будто руку жжет горчичник... Стало по-настоящему больно... Кажется, что миллион раскаленных иголок впился мне в руку... Хватит! Срезайте!..

Я моментально отсек лист. Полминуты спустя он отпал от руки МакКроули. Она необычайно распухла и приобрела мертвенно-бледный цвет, вены вздулись и стали похожи на веревки... Крошечные капельки крови или скорее сукровицы, медленно сочившиеся из руки, позволяли мне определить присутствие жидкости, расстраивающей функционирование организма, подобно соку дрозера ротунди-фолия, которую изучал знаменитый Дарвин и которая обладает свойствами, делающими это плотоядное растение похожим на животных.

Мы стали внимательно рассматривать это странное дерево. Оно гораздо ниже своих соседей, по высоте не превосходит шести-десяти футов. У него нет ствола в обычном понимании. Ветви дерева, на которых распускаются цветы, похожи на георгины, правда, не уступающие по размеру кочану капусты, образуют концентрические круги, отстающие друг от друга на равном расстоянии. На верхушке они соединяются конусом, увенчанным букетом. Листья резные, как у веерной пальмы, но толстые, как у алоэ, и имеют множество маленьких коротеньких трубочек, густо их покрывающих, словно волоски щетки. В отверстиях каждой трубочки сверкает, подобно опалу, крошечная капелька.

— МакКроули, — сказал я после завтрака, — исследовав этот уникальный образец растительного мира, я делаю вывод, что дерево съест нашу птицу.

— Уверен, что так оно и произойдет, — согласился он. — В следующий раз Робартсу нужно будет лучше выбирать свою цель. Впрочем, и эксперимент, который мы проделали, тоже научит нас кое-чему.

Наши предположения подтвердились. На следующее утро лист принял свой первоначальный вид, а на земле мы обнаружили скелет ары, к которому еще прилипало несколько пирьев.

— Ну и чудная страна! — пробормотал Сириль. — В ней можно найти пиявок метровой величины, что запросто высосут кровь из лошади, дерева, способные без труда

убить человека, и листья, пожирающие птиц величиной с курицу.

Ей-богу, чудная у тебя страна, старина Том!

ГЛАВА VII

Внезапно, безо всякого перехода, без малейшего изменения характера местности, которое могло бы навести на эту мысль, мы очутились перед знаменитой каменной пустыней. Последние деревья, едва достигающие десяти метров, словно монастырской стеной отгораживали колоссальное пространство, где были повсюду разбросаны валуны всевозможных форм и размеров. До самого горизонта тянулась покрытая камнями пустыня, лишенная всякой растительности. Ее почва — мелкий песок, сухой и белый, — отражала солнечные лучи с такой же интенсивностью, что и солончаковая корка бесплодной земли в Тунисе. Впрочем, еще накануне нас предупредили об этом явлении разведчики, которых мы постоянно высылали вперед. И хотя каждый из нас знал о геологическом феномене, представшем нашему взору, мы были не просто удивлены, а буквально потрясены увиденным.

Ничто не говорило о том, что эти камни были вулканического происхождения. Создавалось впечатление, что они просто свалились с неба, или, если рассуждать более рационально, были занесены сюда в ледниковый период перемещением масс снега и льда, наподобие морен Швейцарии. По последним опубликованным сведениям Географического общества Мельбурна, каменная пустыня имеет не менее пятидесяти километров в ширину и около ста шестидесяти в длину.

Наши странствия через каменные нагромождения, словно воздвигнутые перед самым центром континента какой-то злобной волшебницей, растянулись на три дня. Емкости с водой еще полны, но все равно мы скупно распределяем ее между людьми и животными. Запас травы, заблаговременно сделанный на последних зеленых лугах, каждая лошадь несет на своей спине.

Нам приходится прилагать значительные усилия, чтобы расчистить путь. Вот кто-то воюет с помощью лома с глыбой весом в тонну, которую он тщетно пытается сдвинуть. Потом берется за домкрат — напрасные усилия. Приходится использовать полдюжины лошадей и канат. Чистокровки напрягают свои мощные мускулы так, что

трещат кости! И наконец скала выползает из углубления, переворачивается два или три раза: путь свободен. А через сто метров все начинается сначала. И это при изнурительной жаре, когда камни настолько раскалены лучами солнца, что к ним невозможно притронуться.

Ночь такая же жаркая, как день, ибо каждая каменная глыба отдает накопившееся тепло, и всем нам приходится получать слишком большую часть этого дара.

О боже, когда же мы выберемся из этого ада!

...И все-таки мы продвигаемся вперед, и я надеюсь, что завтра, вероятно, доберемся до свежей воды, которая покажется нам божественным нектаром в сравнении с той, что мы пьем сейчас. Наша вода нагрелась до такой температуры, что еще чуть-чуть, и можно будет заваривать чай, не кипятя ее.

Сегодня утром герр Шэффер ускакал на разведку со своими соотечественниками. Они возвращаются в полдень с радостными лицами. Камни, которые разбросаны впереди на этом раскаленном песке, по размеру еще крупнее, но зато более редки, и наши разведчики обнаружили между ними нечто вроде дороги, по которой караван пройдет без особых усилий.

Можете себе представить, с каким восторгом восприняли мы эту новость!

Действительно, пора выходить из этого пекла, потому что запасов воды и фуража осталось всего на полдня. Совершенно необходимо накормить и напоить лошадей, иначе нам не выбраться...

Вдруг мрачная туча заволакивает солнце. Тотчас начинает темнеть — чудовищные тучи покрывают все небо: черные, с синевой, окаймленные зловещими ободками цвета меди!.. Это буря, застигшая нас совершенно неожиданно, подобно внезапному катаклизму в атмосфере, стремительная, как мощный взрыв упавшего астероида.

Мы находимся в узком каменистом проходе, где повозки могут двигаться только гуськом; направо и налево — камни по три-четыре метра в диаметре, касающиеся один другого и образующие подобие стены...

Караван останавливается. Как раз вовремя! Раздается удар грома, и одновременно молния прочерчивает черное небо с востока на запад. Можно подумать, что это какой-то сигнал.

Две секунды спустя, словно некий титан сгреб в руку все грома́ двух полушарий и сбросил их в одной точке,

удары грома достигают невероятной силы. И уже не отдельные молнии рассекают тучи, а миллионы их вспыхивают в секунду, без малейшего перерыва. Одновременный залп множества артиллерийских орудий — просто невинный хлопок петарды по сравнению с оглушительным грохотом грома.

Лошади оцепенели от страха. Они дрожат, склонив головы. Наши лица стали смертельно бледны и как бы фосфоресцируют, освещенные этим дьявольским светом. Неужели мне почудилось? Кажется, что земля под ногами заколебалась. Трудно разобраться в наших ощущениях: мы ослеплены и оглушены.

Но вот все сомнения исчезли: эта атмосферная конвульсия невиданной силы передается земле. Нас сбивает с ног. Подняться удалось лишь через полминуты, ибо землетрясение длилось тридцать секунд.

Едва мы успели прийти в себя, как ураган вступает в новую фазу. Представьте себе ливень, мгновенно затопляющий местность, когда земля под вами буквально уходит из-под ног, и вы поймете, сколько воды одновременно обрушилось на наш лагерь. К счастью, мы находимся на возвышенном месте, в противном случае наверняка погибли бы под толщей воды.

Ураган длится одну минуту. Это страшное проявление гнева капризного существа, именуемого природой Австралии, прекращается столь же внезапно, как началось. Смолкают раскаты грома, гаснут молнии, рассеиваются тучи, и снова светит солнце...

Мы с радостью встречаем появление дневного светила, поскольку промокли до нитки. Но температура достигает 45, и наша одежда быстро просыхает.

Караван вновь трогается в путь, проходит пятьсот-шестьсот метров, и тут в голове нашей колонны раздаются возгласы разочарования. Движение снова прекращается. Что еще случилось?

Робартс, которому не терпится узнать причину остановки, забирается на брезентовый верх последней повозки, за которой следуем мы.

— Ну что там?

— Беда! Дальше дороги нет!

— Как — нет дороги?

— Путь преграждает скала, огромная, как дом. Надо поворачивать назад.

— Назад? — переспрашивает сэр Харви. — Легко сказать. Как вы хотите повернуть здесь повозки?

Наши повозки едва не касаются бортами скал слева и справа.

— Дьявол! Мы — в ловушке!

Вдруг перед нами появляется высокий канадец, пролезший на четвереньках под повозками. Он шел впереди как разведчик.

— Что там такое, Фрэнсис? — спросил сэр Рид.

— Ошибки здесь нет, метр. Именно по этой дороге мы прошли утром, но, несомненно, в результате землетрясения произошли сдвиги почвы. Какое несчастье! Лес находится менее чем в двух лье отсюда, и там есть чистый источник.

— Что вы предлагаете, Фрэнсис?

— Надо отойти назад.

— Но как это сделать?

— Мы действительно не можем развернуть повозки. Но дышло каждой из них прикреплено двумя чеками. Я вытасу их и прикреплю дышло сзади каждой повозки. Распряженные лошади смогут тогда развернуться. Мы вновь их запрежем и запросто вытащим повозки из тупика.

— Bravo! — вскричали мы хором, услышав такой простой план, дающий реальный шанс выбраться из западни.

— Благодарю вас, Фрэнсис, — сказал скваттер. — Ступайте, мой друг, и быстро принимайтесь за работу.

После часа лихорадочного нетерпения мы трогаемся уже во главе каравана, не ускоряя аллюр лошадей, которые с таким же нетерпением, как и мы, стремятся поскорее выйти из каменистой пустыни. Пройдя менее километра, мы обнаруживаем место, где можно повернуть направо или налево, и, наконец, выбраться из ловушки, в которой оказались все 20 человек и 120 лошадей. Мы радостно обсуждаем перспективу достичь деревьев, пусть даже не отбрасывающих тени, свежей травы и водных источников.

Мисс Мэри идет пешком, опираясь на руку своего брата Эдварда, одаряя всех улыбкой. Сириль подошел к Келли, которая не в силах скрыть своей симпатии к моему товарищу. Они оживленно беседуют, и я улавливаю обрывки фраз.

— Ну, конечно, мсье... уверяю вас! Об этом знает у нас каждый в Англии...

— О, нет, мадемуазель, поверьте мне, что французы не

едят это, а только лягушек. То, о чем вы говорите, не водится в наших реках. Не правда ли, мсье?

Я улыбаюсь, но не отвечаю, предоставив моему товарищу без помех читать лекцию об амфибиях насмешливой ирландке.

— Эдвард, — говорила мисс Мэри своему брату, — я надеюсь, что мы еще застанем его живым. Бедный отец, как он должен был страдать!

— Да, милая Мэри, мы его разыщем, я тоже на это надеюсь. Провидение не оставит его своей милостью!

Меня трогает эта привязанность детей, которая не ослабевает перед лицом трудностей. Их надежда порождена твердой верой, которая заслуживает благополучного исхода.

— Стоп! — раздается внезапно громкий возглас впереди. И волнение сразу охватывает всех путешественников, которые немедленно останавливаются.

— Мы не можем пройти дальше! — продолжает тот же голос, звучащий, как горн. — Дорога перерезана рвом глубиной более ста футов!

Услышав эту новость, дрогнули даже самые мужественные. Мне хочется увидеть, что же там, впереди.

Я подхожу к краю рва. Все верно — никаких преувеличений. Ров шириной 15 и глубиной 30 метров круто обрывается вниз. Перебраться через него совершенно невозможно. Некоторые скалы возле него рассыпались, разбитые бурей, несомненно, достигшей здесь максимальной силы. Если бы мы находились в этом месте во время урагана, то молнии превратили бы в прах всех нас, наших животных и багаж. Что же касается самого рва, то это, конечно, последствие землетрясения.

Положение становится ужасным. Запас воды исчерпан, несмотря на крайне экономное его распределение. Арабские чистокровки держались долго, но если мы останемся в этой раскаленной печи еще двадцать четыре часа, менее выносливые из них погибнут. И тогда мы пропали!

Что делать? Какое решение принять? К счастью, нас много, и перед лицом опасности энергия каждого не только не ослабевает, но, наоборот, возрастает. Это не первый опасный отрезок пути и, вероятно, далеко не последний.

Наш канадец, человек, кажется, весьма изобретательный, предлагает взобраться на повозку, перебраться с нее на одну из наименее отвесных скал и спуститься с другой стороны. Затем нужно будет прорыть под скалой яму

в рыхлом песке, собрать все силы и опрокинуть ее в ров, чтобы перекрыть его, и проехать потом, как по мосту.

План принят, и мы приступаем к реализации его первой части. Однако не успел один из путешественников добраться до вершины скалы, как тут же прижался к ней животом и затем поспешно сполз вниз, крикнув:

— Аборигены!

Хорошо, что он ретировался так быстро! Более пятидесяти туземных копий одновременно ударили в то место, на котором он только что находился, отлетели от скалы и упали к нашим ногам, не причиня вреда.

Аборигены! Возможно, те самые, которых мы так приветливо угощали и у которых после нашего гостеприимства настолько разгорелся аппетит, что они хотят теперь превратить в пищу и нас самих. Подлые люди, лишённые всякой благодарности, они сейчас ожесточились и, несомненно, решили воспользоваться нашим бедственным положением. Вот к нам приблизились две отталкивающих физиономии, которые отвратительно гримасничают. Ну что ж, тем хуже для них! Бах! Бах! — раздаются два выстрела, и оба лица исчезают. Аборигены долго вопят, потом наступает тишина.

Что же будет дальше? Положение осложняется. Мы не хотим погибнуть от жажды, и никто из нас не имеет никакого желания быть наколотым на вертел. Надо действовать! Половина мужчин с оружием наизготовку будут нести охрану, остальные займутся подкопом.

План канадца — единственно реальный для нас. Однако присутствие каннибалов значительно его осложняет. Но наши мужчины — храбрые люди, они намерены взять в руки заступы и мотыги, держа одновременно рядом ружья и револьверы, чтобы мгновенно отправить к праотцам любителей белой плоти. Речь идет о том, чтобы рыть яму под носом у врага, и они ее, безусловно, выкопают. Наши бесстрашные, но благоразумные англичане изготавливают подобие вил, наматывают на них брезент и ставят перед собой. Эта преграда достаточна для того, чтобы не пропустить стрелы с красными перьями, а также гудящие бумеранги.

Мы все стоим на камнях, рядом с нашими «саперами», готовые их защищать. Враги находятся перед нами, вращают глазами и беспрестанно орут во всю глотку. Господи! До чего же они уродливы! Они более отталкивающи, чем страшны.

Ей-богу, это те самые дикари, с которыми мы встретились совсем недавно! У одного на голове красный колпак, который кто-то из поселенцев дал ему в обмен на бумеранг. У многих вокруг грязных тел повязаны платки и куски материи.

Нас разделяет тридцать метров, а аборигены собираются нас атаковать. Красный колпак, несомненно, на голове вождя: именно счастливый обладатель этого украшения командует всеми ими.

Внимание! Звучат шесть выстрелов. О! Ситуация меняется. С полдюжины аборигенов кубарем летят среди камней, и мы видим, как они корчатся в судорогах.

Тут же все остальные, а их более двухсот, рассыпаются во все стороны и благоразумно прячутся. Наши «саперы» хладнокровно спускаются с помощью веревок в вырытую яму и продолжают копать под основанием скалы. Их десять человек, почва рыхлая, и дело продвигается быстро.

Но вот мы, кажется, забыли о противнике, потому что он начинает шевелиться, правда, очень осторожно. И когда кто-то из дикарей высовывается, мы тут же посылаем пулю.

Проходят часы. «Саперы» удваивают усилия, пот струится по их телам. Однако ни один из них не жалуется, никто не думает об отдыхе. Что касается нас, то мы продолжаем следить за аборигенами. Стволы ружей жгут нам руки, камни, на которых мы стоим, поджаривают ноги. Но покинуть свой пост нельзя даже на минуту: аборигены неустанно следят за нами, и то и дело мы вынуждены убеждать их пулей, что им лучше оставаться на местах.

Три часа пополудни. Если мы не хотим умереть от жажды, то должны выбраться отсюда до наступления ночи. Все дышат порывисто. Кое-кто решил смочить рот кашелькой коньяка, но от этого становится только хуже. Состояние наших бедных животных плачевное. Хватит ли у них сил вытащить нас отсюда?

Не сдавайтесь, храбрые «саперы»! Еще немного поработайте заступом, и подкоп будет закончен.

Аборигены, видя безуспешность своих атак и понимая, что мы одерживаем верх благодаря нашей бдительности, затихают.

Наконец-то! Подкоп вырыт. Работавшие выбираются из него один за другим. Теперь остается лишь, объединив усилия, сбросить скалу в ров.

Ободряющие возгласы, рычаги, ломы, деревянные

колья — все, что может помочь усилиям людей, — пустой номер. Мы приходим в отчаяние.

Измученные, едва переводя дыхание, с расцарапанными руками, уставшие до предела, мы вынуждены признать свое бессилие: скала даже не шелохнулась.

Неужели такая огромная работа оказалось бесполезной и весь труд пропал даром? Нет, мы не сдадимся. Если наши руки слишком слабы, чтобы исполнить задуманное, мы прибегнем к последнему средству.

Бочонок пороха, который мы подложим под скалу, за одну секунду совершит то, на что нам потребовался бы месяц мучительных усилий. Мина готова. Шнур от бочонка протянут: на то, чтобы огонь дошел до него, потребуется пять минут.

Робартс просит, чтобы ему оказали честь и позволили поджечь шнур.

Раздается оглушительный взрыв, и густой столб дыма вырывается из-под скалы. Все, как один, мы бросаемся вперед.

Ура! Скала перекрыла ров. Мы спасены! Да будет благословенна тень почтенного Роджера Бэкона!¹

Измученные путешественники покидают наконец это гибельное место, выстроившись в полном порядке, так сказать, повзводно, ибо теперь, когда аборигены следуют за нами по пятам, нельзя, чтобы хоть один человек отстал от плотно сомкнувшегося каравана.

Лошади почуяли близость травы. В воздухе потянуло влагой, и они ускоряют ход, так что мы едва поспеваем за ними. Бедные мои собаки, их пасти в пене, бессильно висят языки.

Вот наконец благословенный лес!

Каменистая пустыня пройдена. Мы ступаем на траву. Здесь тень, здесь вода! Аборигены исчезли. И все же надо смотреть в оба и удвоить бдительность.

Источник имеет в ширину около четырех метров. Он глубок, и вода в нем свежая и прозрачная. Его берега покрыты цветами. Травянистый покров тянется сколько видит глаз.

Все пьют воду с наслаждением, маленькими глотками, долго ее потягивая, как дегустаторы, пробующие волшеб-

¹ Роджер Бэкон (ок. 1214—1292) — английский философ и естествоиспытатель, придававший большое значение опыту, как научному эксперименту.

ный ликер, от которого нельзя оторваться. Надо было испытать пытку жаждой, худшую, чем голод, когда язык не двигается и висит, как сухая пакля, чтобы оценить благо глотка воды!

Какое блаженство ощущать, как вода попадает в сжавшийся желудок и возрождает организм, усиливает циркуляцию крови, нарушенную испарением влаги.

Однако такое опьянение водой может оказаться роковым, и надо сдерживать исступленность, впрочем, вполне понятную, которую проявляют даже самые благоразумные. Лично я выпил лишь несколько глотков кофе, случайно оставшихся в моей фляге, потом пожевал лист эвкалипта. Некогда в Индии я чуть не умер, когда после длительной жажды выпил холодной воды в жуткую жару, и теперь это воспоминание побуждает меня сдерживать нетерпение. Мой героизм объясняется страхом перед болями в желудке.

Том, настоящий туземец, кажется, не испытывает ни голода, ни жажды.

Животных напоили и щедро обмыли водой, а я собираюсь, как гурман, медленно насладиться мелкими глотками воды. И в тот момент, когда я наклоняюсь над источником, чтобы попить в охотку, меня останавливает громкий крик.

Мисс Мэри, бледная, испуганная, с расширенными зрачками, падает на землю и издает сдавленные крики. Майора, МакКроули и Робартса тоже охватывает какое-то недомогание. Они бегут, не разбирая дороги, натываются на деревья и вопят как сумасшедшие. Страшные гримасы искажают их лица. Они закрывают руками глаза от света, который, видимо, причиняет им невыносимую боль.

— Мисс, что с вами? — спрашиваю я с тревогой.

— Мне больно, — шепчет бедная девушка прерывающимся голосом. — У меня горит в груди. Болят глаза. Дядя! Дик! Эдвард! На помощь!

Молодые люди и старик, находящиеся в странном оцепенении, раздражаются нелепым смехом.

Часть путешественников, кажется, пала жертвой той же непонятной болезни. Не иначе, как я попал в сумасшедший дом. Или сам сошел с ума?

Верховые и тягловые лошади тоже вскоре начинают беситься, еще больше усиливая сумятицу.

Я подбегаю к друзьям. Робартс хватается руками воздух,

как эпилептик, потом падает ничком, скребет землю руками и ногами, а затем теряет сознание.

Сириль, мой бедный Сириль, душераздирающим голосом взывает ко мне:

— Брат! Я сошел с ума. У меня горит в желудке. Я ничего не вижу. О, боже, я умираю!

— Не покидайте меня, мсье Б... — жалобно стонет мисс Мэри.

Я стараюсь не терять присутствия духа, хотя сердце мое сжимается от ужаса.

— Том, скорее к своему хозяину!

— Да, друг, бедный мастер! Я идет.

Мисс Мэри теряет сознание, ее челюсти сжимаются, глаза закрыты. Я приподнимаю одно веко и отшатываюсь, потрясенный. Зрачок расширен, по меньшей мере, в три раза против обычного. Радужная оболочка настолько сократилась, что остался едва заметный круглый ободок.

Подхожу к Сирилю, к Робартсу, к другим больным: у всех тот же симптом. У всех одинаково расширены зрачки.

Меня осеняет: они отравились. Это безумие, наступившее чуть ли не моментально и сопровождающееся бредом, конвульсиями, болями в животе, светобоязнью, — все эти явления могут быть вызваны только одним растением — белладонной. Они пропали, если я не найду противоядия. Но почему только Том и я избежали отравления?

— Том, — говорю я аборигену, показывая ему на стебли белладонны, которая произрастает здесь в большом количестве, — ты видишь маленькие красные плоды на этом растении? Никто не ел их, эти ягоды?

— Нет! Нет! — Том вдруг спохватывается. — А... моя знает, — восклицает он в ярости.

И тут же, словно сам обезумев, бросается в источник, тянется к его середине и опускает руки в воду.

...Мне кажется, что сердце мое перестало биться. Ах! Я перевожу дыхание. Том поднимает голову, я протягиваю ему руку и помогаю подняться.

— Видишь, друг, — говорит он, весь промокший, бросая к моим ногам пребольшой пучок травянистого растения, из раздавленных листьев и маленьких плодов которого сочится зеленоватая жидкость.

— погоди! — Том вновь склоняется над источником и вытаскивает еще одну охапку этого растения. Он с успехом повторяет эту операцию и в третий, и в четвертый раз.

Теперь я все понимаю. Аборигены, не сумев одолеть нас силой, отравили источник, бросив в него огромное количество стеблей и листьев дурмана и белладонны, которые они придавили камнями, чтобы те остались под водой. Это один из обычных способов без всякой для себя опасности погубить белых, которые в этом случае не способны защищаться.

Нельзя терять времени! Уже семь часов вечера, через два часа стемнеет. Аборигены, без сомнения, нападут на нас, полагая, что все мы отравлены.

Бедные больные в отчаянном состоянии. Они просят воды, и мне приходится применять силу, чтобы помешать им пить из смертоносного источника.

Я не решаюсь послать Тома на поиски воды, но в это время ко мне, едва волоча ноги, подходит один из поселенцев.

— Мсье, — говорит он. — Мы поищем другой источник воды, но пока все же сможем напиться. Видите группу деревьев в двадцати шагах отсюда?

— Да, это эвкалипты.

— Надо подрезать корень дерева, и из него потечет струйкой свежий сок.

Я решил, что поселенец бредит. Он заметил мое удивление.

— Не сомневайтесь, мсье, я уже чувствую себя лучше. Мне и раньше случалось пользоваться этим приемом. Сок эвкалипта много раз спасал мне жизнь, когда я умирал от жажды, и вылечивал, когда я пил из источника, отравленного аборигенами. Пойдемте со мной.

Он оказался прав: уже несколько его товарищей, лежа плашмя на траве, прижимались губами к корню дерева, ожидая, пока потечет, как из крана, его живительный сок.

Я, в свою очередь, надрезав охотничьим ножом корень одного из деревьев, пью сок и испытываю истинное наслаждение. Все с нетерпением устремляются к драгоценным деревьям и большими глотками утоляют мучительную жажду.

Через час, то ли от благотворного действия сока эвкалипта, который является универсальным средством от всех болезней на Австралийском континенте, то ли по какой другой причине, мне неизвестной, общее состояние путешественников улучшается. Однако на многих напала страшная сонливость. Никто из отравившихся не в состоянии избавиться от нее. Я полагаю, что они спасены, но

пройдет еще много дней, пока все окончательно выздоравливают.

Лошади щиплют траву и тоже как будто чувствуют себя лучше.

Но это слабое утешение. Я чувствую близость аборигенов. Поэтому необходимо встряхнуть моих товарищей, ведь только я и старый абориген не были отравлены. И если все заснут, то проснутся ли они завтра? Я не верю, что сок эвкалипта может послужить лекарством от ядовитых пасленовых растений. Нужно найти еще что-то.

Я лихорадочно ищу выход. Машинально подбрасываю ногой охапку растений, вытащенных Томом из источника. Тонкая лиана стягивает ее как крепкий и прочный шнурок, и я вижу на ней на определенном расстоянии друг от друга плоды величиной с большой палец, напоминающие фасоль, бархатистые, коричневого цвета. Они кажутся мне знакомыми.

Неужели это возможно? Ну, конечно, я вижу калабарские бобы, противоядие от белладонны. Я вспоминаю эксперименты, проводившиеся в больницах Парижа и во французском коллеже. С помощью атропина, который является алкалоидом белладонны, расширяют зрачок пациента, закавав ему каплю раствора в глаз. Потом профессор, убедившись, что зрачок расширился, закапывает в глаз калабарин, алкалоид калабарских бобов. Тотчас зрачок принимает нормальный размер, и произведенное ранее действие нейтрализуется.

Мысль эта промелькнула в моем мозгу подобно лучу света. Теперь я знаю, как спасти своих друзей. Калабарские бобы — сильный яд, но организм наших путешественников, пропитанный белладонной, без труда перенесет его, и нет сомнения, что произойдет нейтрализация действия белладонны и дурмана.

Но по какой счастливой случайности, ниспосланной провидением, аборигены вздумали связать охапки белладонны единственным растением, которое может спасти несчастных? Причина очень простая: эти лианы прочны, а поскольку других растений такого рода здесь не произрастает, вполне естественно, что воспользовались ими, ибо шпагат или шнур — редкость на равнине Бюиссон.

И действительно, эти лианы обвивают деревья, которые нас окружают, но поначалу, охваченный волнением, я их не приметил.

Нескольких минут оказалось достаточно, чтобы собрать

необходимое количество бобов, и Том, который сегодня служит у меня санитаром, кладет их в котелок, превращенный в ступку. Затем он идет к эвкалипту, чтобы добыть сок из его корня, не забывая потом залепить надрез горшечной глиной — иначе дерево может погибнуть, — и с торжествующим видом возвращается с драгоценным лекарством.

Не без опаски я даю первую ложку моего противоядия поселенцу, который объяснил мне свойства эвкалипта. Вообще это здоровенный детина, но все же надо и его подлечить. Он пьет и делает затем ужасную гримасу. Хоть у него и луженая глотка, поселенца буквально трясет. Я с нетерпением жду, когда подействует лекарство. Ей-богу, его действие чудотворное! Всего пять минут спустя больной успокаивается, лучше различает предметы, и свет уже не так раздражает его глаза.

Ободренный первым успехом, даю лекарство всем больным, и можете себе представить, как я обрадовался тому, что все мои пациенты почти сразу приходят в нормальное состояние.

Опасаясь, что это улучшение преходяще, я побуждаю их воспользоваться моментом и принять все меры предосторожности, чтобы отразить возможное нападение аборигенов, невежественных каннибалов, которые, конечно, незнакомы со свойствами калабарина и не подозревают о его воздействии на отравленных белладонной.

Теперь можно заняться животными, прибегнув к тому же средству. К сожалению, у нас нет воды, и приходится собирать сок из надрезанных корней эвкалиптов. И хотя лес состоит по большей части из этих деревьев, мы не решаемся далеко уходить от лагеря, страшась услышать свист летящего копья.

Мы расставляем повозки в конфигурации креста св. Андрея¹, чтобы из этого укрытия можно было видеть противника со всех сторон, не боясь нападения с тыла. Оружие — под рукой. Каждый занимает свое место. Часовые, отобранные из наиболее крепких людей, располагаются в углах. Лошадям спутываем ноги, собак привязываем под повозками. Бедные животные еще больны, и я очень боюсь их потерять. Какое-то время они чувствовали себя лучше, но теперь у собак снова начались конвульсии.

¹ Крест святого Андрея имеет форму буквы «икс».

Настала ночь. Все забылись в тревожном сне. Я же не могу заставить себя закрыть глаза, охваченный мрачными предчувствиями. Благотворное действие калабарских бобов очевидно, но отравление было настолько сильным, что вызванная им сонливость еще окончательно не прошла.

Только бы не проявились вновь все последствия отравления!

Мое лекарство оказало волшебное действие на нервный организм мисс Мэри. Она впечатлительна, как ребенок, и удивительно хорошо воспринимает лекарство, судя по той терпеливости, с которой пьет отвратительный но вкусу напиток. Состояние у нее улучшилось, восстановилось зрение, и мисс Мэри отчетливо воспринимает все окружающее.

Когда я сказал ей, что причина всеобщего недомогания — отравление источника аборигенами, первые слова, которые у нее вырвались, были мольбой простить их.

— Бедные люди, — сказала она. — Их поступки вызваны голодом. Они не имеют ни малейшего представления о гуманности — это несчастные жертвы невежества и нищеты.

— Весьма сожалею, мисс, что не могу разделить ваши иллюзии. А что, если бы вы все умерли? Простить дикарей, которые отравили вас именно для того, чтобы съесть? Достойны ли они вашего сожаления в большей степени, чем волк или тигр, которые вас растерзают?

— Но, мсье, эти несчастные тем не менее — человеческие существа. Надо попытаться их обучить, проповедовать им Евангелие. Я слышала, что некоторым миссионерам удавалось с помощью кротости добиться замечательных успехов.

— Возможно, мисс, но сегодня на это у нас нет времени.

— Ну, хорошо. Однако обещайте мне, что если мы их встретим, вы не прибегнете к насилию. Если бы вы знали, как я страдаю, когда вижу, что проливается кровь!

— Если не удастся покончить дело миром, нам придется защищаться.

— Несомненно, но стреляйте только в крайнем случае.

Я подвожу мисс Мэри к ее повозке, которая находится в самом центре пересечения креста св. Андрея. Она укладывается рядом с верной Келли, пожелав мне спокойной ночи. У входа в повозку под одним покрывалом по-братски расположились два колосса — Робартс и Сириль. Теперь я спокоен: думаю, любовь восторжествует над недугом.

Десять часов! Под сенью огромных деревьев совсем темно, лишь на небосводе мерцают звезды. Их слабый свет не доходит до нас.

После всех дневных волнений и переживаний я, кажется, засну. Звезды танцуют... Деревья тянутся все выше...

Вдруг огненная вспышка, сопровождаемая звуком выстрела, заставила меня вскочить... «К оружию!»... «К оружию!»... Посветлело: это отблески выстрелов из револьверов. Тут же раздаются нечеловеческие вопли. Жалобно скулят собаки. Фыркают лошади. До нас доносится злое: «Кооо-мооо-хооо-эээ!» Аборигены!

С трудом различаю во тьме плотную группу бесноватых фигур. Несмотря на филантропические советы мисс Мэри, я стреляю в самую середину толпы.

Вопли аборигенов усиливаются. Но почему стрельба не оказывает должного действия? Наступающие, вначале захваченные врасплох, снова надвигаются всей толпой. Половина путешественников еще спит. Этого я и боялся. Усыпляющее действие наркотика не прошло.

На каждого боеспособного члена экспедиции приходится более чем по двадцати противников!

Какой бой! Десять раз за одну секунду я оказываюсь совсем близок к каннибалам. К счастью, наше ничтожное число компенсируется огнестрельным оружием. Кроме того, мы физически сильнее своих врагов. Это нас спасает. Наконец одурманенных людей пробуждает оглушительный шум, поднявшийся вокруг. Они тоже берутся за оружие.

Мои глаза постепенно привыкли к темноте, и я вижу, что те из нас, кто только что проснулся, не промахнулись ни разу. Можно сказать, что в темноте они видят так же ясно, как среди бела дня, настолько метко они стреляют.

Конечно, аборигены намного превосходят нас по численности, и желание завладеть караваном, который представляет для них неслыханное богатство, дает им новые силы.

Создается впечатление, что они вырастают буквально из-под земли! Мы уже расстреляли все патроны из револьверов и карабинов и вступаем в рукопашную схватку. Ну что ж! Каждый начинает действовать топором, ножом, прикладом, рукояткой револьвера.

Но так долго продолжаться не может, и нас теснят. А ведь к аборигенам подходят все новые подкрепления.

Битва во тьме, глухие удары по человеческим телам,

крики ярости и хрипы умирающих — все это приобретает страшный, фантастический характер.

Несколько аборигенов проползли к повозкам, чтобы взобраться на них. Новая тревога охватывает нас: противник овладевает инициативой. Неужели все кончится тем, что нас съедят?

Но нет, об этом, видимо, еще рано думать. Именно в тот момент, когда на нас надвигается новая волна атакующих, звучный голос кого-то из наших, перекрывая шум, подобно голосу моряка, отдающего команды в бурю, кричит:

— Ложись! Все — на землю!

Команда выполняется мгновенно, и сразу же тьму прорезает серия вспышек. Нас оглушают выстрелы, следующие непрерывной чередой. Град свинца обрушивается на аборигенов, которые тут же разбегаются с дикими воплями.

Мне знакомы эти выстрелы — пулемет! Браво! Как раз вовремя!

Положение резко меняется. Призыв аборигенов к сбору звучит в последний раз: все они исчезают.

Трое из наших как будто тяжело ранены. Остальные перепачканы кровью... Но после первого же осмотра выясняется, что ранения поверхностные и неопасные.

Все окружают и поздравляют Эдварда и Ричарда, которые поставили пулемет на лафет и тем самым выиграли битву, поливая пулями атакующих.

Но я не вижу ни майора, ни сэра Рида. А где Робартс и Сириль? Поскольку все еще темно, прошу осветить мне. Я весь дрожу: вдруг найду их тела среди трупов, усеявших землю.

— Зачем свет? — спрашивает МакКроули. — Я прекрасно и так различаю все предметы.

— Что? Вы все видите?

— Конечно.

— И я тоже, — говорит Эдвард.

— И я, — подхватывает его брат.

Любопытное физиологическое явление. Сегодня днем никто ничего не видел, кроме меня, а сейчас все вдруг стали никталопами¹.

— Робартс! Сириль! Где же они?

Глухой стон раздается в ответ на мои возгласы. Я бро-

¹ Никтало́н — человек, видящий ночью.

саюсь вперед и натываюсь на распростертые тела, одно рядом с другим.

Это лейтенант и мой бедный босеронец. Они лежат возле повозки, где находятся мисс Мэри и Келли. Семь или восемь бездыханных аборигенов валяются вокруг них в позах, которые свидетельствуют, что здесь развернулась жестокая битва.

У обоих на головах раны, нанесенные, вероятно, чем-то тяжелым — топором или камнем. Напали на них, несомненно, сзади, судя по характеру ран.

Я боюсь, что повреждены черепные коробки, и раздвигаю волосы с чрезвычайной опаской. К счастью, страхи не оправдались. У обоих черепа невредимы, и содрана только кожа. Возможно, что сила удара была смягчена шлемами и вызвала лишь потерю сознания.

Глоток рома, который я вливаю каждому, с трудом разжав их зубы, возвращает обоих к жизни.

Робартс поднимается, блуждающим взглядом смотрит на окружающих и взволнованно спрашивает:

— А где мисс Мэри?

Услышав этот вопрос, Эдвард одним прыжком вскакивает на повозку, в которой должна находиться его сестра. Через несколько секунд он появляется вновь, и страшное предчувствие леденит нашу кровь, когда он восклицает душераздирающим голосом:

— Моя сестра! Мэри! Ее нет!

Нет нигде и майора, и его друга сэра Рида. Мы обыскиваем поле битвы и прилегающую к нему местность... Безуспешно!

Приходится признать неумолимый факт. Отсутствуют шесть человек, а именно — сэр Харви, сэр Рид, герр Шэффер, канадец Фрэнсис, мисс Мэри и Келли. Они — в плену у аборигенов!

ГЛАВА VIII

Это страшное открытие на какой-то миг приводит всех в растерянность. Все суетятся, взволнованно дают советы, которые никто не слушает, предлагают всякие несуразные планы. Только Эдвард, морской офицер, не потерял головы. Он мужественно старается не думать о свалившемся на него горе и пытается найти средство, чтобы спасти положение. Это человек неиссякаемой энергии, завоевавший доверие всех тем, что благодаря своему хладнокровию

сумел обеспечить победу над аборигенами. Обращаясь к тем, кто еще возбужден недавней битвой и не избавился полностью от тяжелого воздействия пасленовых, которыми был отравлен источник, он призывает сохранять спокойствие.

— Господа, — говорит он, — ваши мнения в общем сводятся к тому, что нужно как можно скорее найти похитителей и вырвать у них жертвы. Для того чтобы успешно провести эту операцию, необходимо действовать с величайшей осторожностью. Сердце побуждает меня нестись вдогонку за похитителями, но долг повелевает остаться здесь. Мсье Б..., ваш Мирадор обладает удивительным нюхом, он любимец моей сестры, которая его часто ласкала и кормила всякими лакомствами. Считаете ли вы, что он сможет, не подавая голоса, чтобы не привлечь внимания врагов, повести вас по следам аборигенов?

— Я в этом убежден, Эдвард. Моя собака — ищейка, она не подает голоса, когда я иду с ней по следу. Дайте мне какой-нибудь предмет, принадлежащий мисс Мэри, Мирадор его понюхает и, уверен, приведет нас к нужному месту.

— Прекрасно! Робартс, дорогой друг, хватит ли у вас сил сопровождать мсье Б...?

— Конечно, — ответил лейтенант, все еще бледный, с окровавленной повязкой на голове, но твердый как скала. Он подчеркнул свои слова решительным жестом.

— Ваш друг Сириль — храбрый человек. Я думаю, что он не откажется вас сопровождать.

— Прошу вас об этом, — сказал с достоинством мой босеронец, — и благодарю за лестное мнение обо мне, мсье Эдвард. Даю вам слово, что мы спасем вашу сестру, или я сложу там свои кости.

— Том тоже пойдет с вами, и выберите по своему усмотрению еще двух человек, наиболее надежных.

— Хорошо..

— Когда Мирадор найдет след и вы обнаружите, где находятся пленные, возвращайтесь. Тогда уж мы будем действовать сообща и вызволим их. Возьмите каждый по два револьвера и отвечайте огнем на первую же атаку. Ваши выстрелы подскажут нам, где вы находитесь, в случае, если завяжется бой. Мы примчимся вам на помощь.

Поразительное спокойствие и неизменное хладнокровие молодого офицера не могут не восхищать. Он действительно достоин командовать этой рискованной операцией.

Эдвард подобен капитану, стоящему на мостике гибнущего корабля, который старается с редким бесстрашием найти способ все-таки спасти доверившихся ему людей. У него хватает мужества остаться здесь, обречь себя на временное бездействие, пока мы не выполним миссию разведчиков, которую он на нас возложил. Мы берем с собой лошадей и ведем их под уздцы, чтобы можно было быстро отступить в случае непредвиденной ситуации и вернуться к основной группе путешественников.

Молодой командир пожимает нам руки с нервной дрожью, которую он пытается скрыть за внешней невозмутимостью.

К нам присоединяются два наиболее физически сильных поселенца. Я отвязываю Мирадора, даю ему понюхать шарф мисс Мэри, и славная собака как будто понимает, что мы от нее ожидаем. Она жалобно скулит, делает несколько шагов по моей команде и увлекает нас за собой.

Как ни хотели МакКроули и молодой Ричард присоединиться к нам, они должны остаться, чтобы подготовиться к решающей битве, которая вскоре предстоит. К тому же наша роль заключается не в том, чтобы атаковать, а, напротив, действовать осторожно, не выдавая своего присутствия.

Мы идем быстро и бесшумно по траве и мху, которые заглушают шаги. Для меня и Тома тьма непроницаема, тогда как четверо моих спутников сохраняют с вечера удивительное свойство, весьма ценное в данный момент, — видеть в темноте. Я уверенно иду за своей ищейкой, которую взял на поводок, опасаясь, что, несмотря на все свое послушание, в какой-то момент она может рвануться к добыче.

Вскоре мы поворачиваем на восток, следуя безошибочному нюху умницы Мирадора. Поскольку аборигены могли разделиться на несколько групп, время от времени я даю понюхать ему шарф мисс Мэри.

Мы идем уже три четверти часа. Пройдено, по меньшей мере, четыре километра. Аборигены опередили нас не более чем на час, и мы вскоре настигнем их.

Сириль временами наклоняется к земле и рассматривает травяной покров. Он обладает удивительной способностью различать следы и действительно обнаруживает наряду со следами различных животных отпечатки копыт на примятой траве.

Каннибалы, несомненно, увели нескольких наших ло-

шадей, а мы этого не заметили, потрясенные тем, что дорогие нам люди попали в плен.

Мы подошли к небольшому склону, по которому двигаемся с бесконечными предосторожностями. На траве следы крови, и, натягивая поводок, Мирадор издает глухое ворчание. Вероятно, мы приближаемся к цели.

С возвышения, на котором мы находимся, видны вдали красноватые огоньки. Они освещают долину. Откос у наших ног невелик. Деревья стоят как будто более редко. По словам моих спутников, нас окружают не эвкалипты, а камедные деревья.

Свирепые жители австралийских лесов найдены!

Мы шепотом советуемся и уже склоняемся к решению возвратиться в лагерь, ибо поставленная перед нами задача выполнена. Однако случилось непредвиденное, и мы оказались втянуты в авантюру, развязку которой невозможно было предвидеть.

Мирадор делает сильный рывок, поводок остается у меня в руке, а он со всех ног несется вперед, в сторону огоньков, которые светятся в долине, при этом лает во весь голос, словно выгоняет зверя из логова.

Одновременно вспыхивают деревья. Похожие на огромные столбы искусственного огня, они образуют грандиозное зарево на пути к мигающим огонькам.

Моя собака, несомненно, подняла тревогу среди аборигенов. Нельзя терять ни минуты. Мы вскочили на лошадей и пришпорили их. Дорога освещена как в дневное время. Это пожарище, должно быть, видно даже в нашем лагере. А лес горит и горит. Пожар распространяется с невероятной быстротой: ветви и стволы камедных деревьев, пропитанные смолой, служат прекрасной пищей для огня. Эти деревья воспламеняются как бочонки со смолой и потрескивают подобно факелам. Воздух густо пропитан удушливым дымом.

Равнина Бюиссон превратилась в Храм огня!

Какая мизансцена для готовящейся драмы! И нам предстоит опасный выход среди этих декораций, где страшное так тесно переплелось с величественным.

— Вперед! — зовет приглушенным голосом Робартс, громадный англичанин с обнаженной головой, обмотанной окровавленной повязкой. С револьверами в обеих руках он немилосердно пришпоривает лошадь. Благородное животное, не привыкшее к такому обращению, жалобно ржет и как безумное буквально несется по воздуху.

Перед боем этот офицер словно утратил свою британскую флегматичность; его крик подобен львиному рыку. Таким я вижу его впервые, и моя симпатия к Робартсу удваивается, если только это возможно.

— Вперед! — кричит Сириль, припадая к шее своей лошади, которую какие-то узы заставляют держаться рядом с лошадью Робартса.

Эти два гиганта кажутся людьми иного века, случайно затесавшимися среди измельчавших соотечественников. Через несколько минут они причинят немало хлопот мрачному божеству, которое царит в этом южном аду.

Я несусь за ними, отставая на полкорпуса, рядом с Томом. Если не ошибаюсь, он будет жестоко драться со своими соплеменниками. Ведь Том не забыл до сих пор той ночи, когда майор спас его от страшной смерти.

Метрах в двух сзади от нас — оба поселенца, невозмутимые, как каменные изваяния, хотя глаза их блестят. В руках у них оружие, и сидят они в седле как на параде. Настоящие храбрецы.

Мы летим над травянистым покровом, как метеоры, оставляя под собой мертвые стволы, преграждающие нам путь, овраги, рытвины, ручьи, в которых отражается зарево пожара. Рушатся горящие деревья. Поистине скачка с препятствиями в преисподней.

Аборигены уже близко. Разноцветные отблески — синеватые, белые, фиолетовые — ослепляют нас, но крики каннибалов позволяют нам ориентироваться.

Все шестеро, мы появляемся как страшное фантастическое видение и врываемся в середину круга, образованного отвратительными существами, которые беснуются, воют и отчаянно жестикулируют, — сущий бедлам. Все они голые. Их лица разрисованы белым — это цвет войны. Белые линии покрывают также торс и конечности, как бы изображая человеческий скелет. Этот танец скелетов — мрачное вступление к пиршеству каннибалов. Лошади, украденные у нас, убиты и зажариваются на кострах. Многие людоеды украсили свои головы хвостами бедных животных. При свете костров мы наконец увидели наших двух девушек и четырех мужчин, связанных по рукам и ногам. Они находятся в сидячем положении и над их головами уже занесены руки с каменными топорами и ножами.

Одной секунды было достаточно, чтобы оценить ситуацию.

Из наших глоток вырывается дикий крик. Аборигены с тревогой замирают, и на мгновение наступает тишина. Но ее прерывает зловещее рычание. Это Мирадор. Умный пес бросается на группу аборигенов, впивается в горло одного из туземцев, и вот они вместе катаются по земле. Со слепой и неумолимой силой метательного снаряда мы влетаем в кишашую массу вражеских тел. Первых аборигенов, с которыми сталкиваемся, наши лошади топчут ногами или разбрасывают грудью. Грохот наших револьверов приводит дикарей в необычайное замешательство, и под деревьями, недавно еще такими мирными, царят ужас и смерть.

Видит бог, нам хотелось избежать кровопролития.

...Бумеранг ударяется о землю, подскакивает, чтобы затем впиться чуть ниже колена в ногу лошади Робартса. Почти одновременно каменный топор одного из аборигенов со свистом обрушивается на голову лошади Сириля.

Приложив величайшие усилия, мы, то есть два поселенца, Том и я, прорываемся к нашим бедным пленникам. Том в мгновение ока спрыгивает с лошади и быстрее, чем я об этом рассказываю, перерезает веревки, которыми туго были стянуты их руки. Он отплачивает за добро, спасая своего хозяина. Майор встает во весь свой огромный рост: теперь, по крайней мере, он может умереть как солдат. Герр Шэффер, сэр Рид и канадец разминают онемевшие члены, подбирают с земли все, что можно использовать в бою, и встают рядом с нами. У них нет оружия, но они заберут его у убитых. Храбрая Келли не растерялась. Она хватается головешку и бросает в лицо аборигена, который с криком убегает. Мы прикрываем женщин своими телами.

Сириль и Робартс, спешившись, сражаются в нескольких шагах от нас. Геркулесова сила моего товарища удесятеряется от безумной ярости. Он размахивает как палицей своим тяжелым карабином и наносит глухие удары по головам и телам противников.

Сознание опасности вернуло Робартсу обычное хладнокровие. Он точен как на дуэли. Стреляя из револьвера, он каждый раз попадает в цель. Когда барабан опустел, он бросает револьвер в голову врага. Оставшись без оружия, Робартс хватается топор, подвешенный к ленчику седла своей лошади, и с новой силой продолжает бой.

Никто из нас не бездействует, каждый прилагает все силы, чтобы отбросить воющую ораву, которая не даст

нам передышки. Мы, четверо, все еще сидим верхом. Наши лошади прыгают, как крылатые кони, и стряхивают копыя, впившиеся в их бока. Беспрерывно приходится поднимать их на дыбы, чтобы расчистить пространство вокруг нас, куда все время лезут враги.

Я вскрикиваю, у Робартса сломалась рукоять топора, и храбрый лейтенант по инерции падает лицом вниз. Кучка негодяев устремляется к нему, но этот джентльмен тут же вскакивает и разбрасывает противника.

— Тысяча чертей! — возмущается Сириль. — Конца им нет, паразитам.

Два или три удара, нанесенных им с сокрушительной силой, заставляет самых назойливых нападающих отступить, но, к несчастью, оружие моего товарища тоже ломается. Таких гигантов, как Сириль и Робартс, надо было бы вооружить стволами деревьев, ибо их руки ломают все, к чему ни прикоснутся. Один из поселенцев, видя опасность, угрожающую Сирилю, заставляет свою лошадь брыкаться, отбрасывает аборигенов, очищает проход, и два атлета присоединяются к нашей группе.

На секунду можно перевести дух. Однако наша малочисленность придает смелости аборигенам. К тому же они наверняка еще не ели: куски лошадиного мяса — между прочим, наших чистопородных лошадей! — пригорают на тлеющих угольях. Пленных, по-видимому, они берегли на закуску. Но это мы еще посмотрим, как говаривал мой босеронец.

Перезаряжаем оружие. Все мы более или менее здоровы и невредимы, не считая легких ранений, болезненных, но не опасных.

Наступившее затишье держится недолго. Массы нападавших снова пришли в движение. Трещат выстрелы, но они не останавливают аборигенов, которые бросаются на нас с яростными криками. В нас летят копыя и бумеранги. Мы делаем все возможное, чтобы от них уклониться.

Догорают последние деревья. Пожар не распространяется дальше. Мы сражаемся при свете едва тлеющих углей. Мои товарищи видят лучше, несмотря на темноту, которая сгущается. К счастью, они еще остаются никталопами.

Удары противника становятся менее точными, тогда как наши обладают устрашающей меткостью.

Но, какова бы ни была наша храбрость, мы будем побеждены, если что-то не изменит ход битвы. Мы окруже-

ны, устали, пот льется градом. Мы теряем силы от ранений, правда, не тяжелых, но многочисленных. Нас не страшит смерть, но тошно от мысли, что нас зарежут как скот на бойне, а нашими могилами станут желудки этих негодяев. Если бы только среди нас не было женщин!.. Может, нам удалось бы сделать отчаянный рывок, оторваться от аборигенов, вскочив по двое на каждую из оставшихся лошадей. Хоть и раненые, животные, наверное, смогли бы вынести нас из этого осинового гнезда. Но нечего и думать о такой отчаянной аванюре с двумя несчастными девушками, которых мы намерены защищать до самой смерти. Но что будет потом? Когда мы все будем убиты, что станет с ними? Каждый из нас думает об этом с содроганием.

Мой бедный Сириль в отчаянии. Между двумя выстрелами он украдкой бросает на Келли выразительные взгляды. Келли видит в этом добром больном ребенке защитника и настоящего друга, единственное стремление которого любить и быть верным своему чувству, и одаривает его печальной улыбкой.

— Наверное, мне надо убить ее сейчас, чтобы избавить от мук, — шепчет он мне и прерывает фразу выстрелом в каннибала. — Послушай, брат, я хочу сказать тебе, что очень люблю ее... и она тоже... Я хотел бы поцеловать ее перед смертью... Уже недолго осталось... Мы пропали...

Робартс... Храбрый офицер бросает на мисс Мэри взгляд, полный любви, который побуждает ее, несмотря на весь ужас происходящего, спрятать зарумянившееся лицо на груди у подружки...

Услышав шорох, я поворачиваюсь. Рука аборигена тянется к девушкам. С быстротой молнии один из поселенцев отрубает руку сильным ударом тесака.

Мисс Мэри теряет сознание.

В этот момент противник теснит нас. Я падаю и чувствую на своей груди невероятную тяжесть. Вижу над собой занесенную руку с каменным топором — сейчас она обрушится на мою голову.

Но прежде чем орудие смерти опустилось, я вдруг услышал приглушенный звук. Абориген скатывается с меня. Я вскакиваю, и в тот же момент раздаются выстрелы, которые заглушают вопли каннибалов. Пули летят справа и слева с интервалами в пять секунд, как будто их выпускает цепь отборных стрелков. Нет ни одного промаха. Четверо справа, четверо слева. Каннибалы дрогнули. Наш

маленький отряд, истерзанный и окровавленный, снова сплачивается. Сгущающуюся тьму прорезают яркие вспышки. Противник ничего не может противопоставить этой атаке и постепенно отступает, оставляя убитых, число которых возрастает. Мы переводим дух.

Прекращается ливень стрел, копий и каменных топоров, который обрушивался на нас. Каннибалы объаты ужасом. Их страшит смерть, наступающая издалека, неизвестное число нападавших, множество выстрелов.

— Кооо-мооо-хооо-эээ!..

Призыв к сбору звучит под гигантскими деревьями. Теперь это жалобный вопль, лишенный недавних победных интонаций.

Это — сигнал к отступлению. В мгновение ока аборигены исчезают, подобно ночным птицам, вспугнутым утренней зарей.

И действительно, небо на востоке светлеет. Оно принимает светло-голубую окраску. Звезды блекнут.

За сигналом к отступлению следует радостный крик, но на чистом английском языке, который издают восемь мужчин. Они приближаются к нам верхом, в строгом порядке, тесным строем, с оружием наизготовку.

В тропиках, по сути дела, нет ни зари, ни сумерек. Солнце тут же выкатывается из золотого облака, и мы видим во главе отряда Эдварда, рядом с ним МакКроули, затем пять поселенцев, и замыкает отряд юный Ричард.

Галопом они подскакивают к нам. Их встречает тройное «ура». Мой храбрый Мирадор присоединяется к общему ликованию, виляет хвостом и радостно визжит.

— Боевая готовность! — командует Эдвард, который, оставаясь в седле, обнимает сестру и сажает ее перед собой. — Нельзя терять ни минуты, джентльмены! В седло! Те, у кого нет лошадей, садятся позади всадников. Соберите оружие. МакКроули, возьмите моего дядю. Сэр Харви, садитесь с Ричардом. Будьте внимательны, джентльмены! Здесь больше нельзя оставаться!

Молодой моряк просто великолепен. Какое хладнокровие! И все же он бледен. Что стало бы с нами, если бы он и его товарищи не подоспели вовремя?

Я отдаю свою лошадь Сирилю.

— Бери, мой храбрый друг, садись на мою лошадь и возьми с собой мисс Келли. Ты это заслужил.

Теперь — в лагерь! И благородные чистокровки, не-

смотря на двойной груз, несут нас, измученных, окровавленных, к оставленным повозкам.

Наступил день. Чудовищный ночной кошмар улетучился, изгнанный солнцем. Мы купаемся в солнце. Какое блаженство!

Один их англичан скоро возвращает меня к реальной действительности.

Это МакКроули, который с тех пор, как отравился, мучительно ищет объяснения непостижимого для него физиологического явления:

— Мой дорогой ученый, объясните мне, пожалуйста, почему после того, как я выпил этой мерзкой воды из источника, отравленного аборигенами, я вижу в темноте почти так же хорошо, как среди бела дня?

— Очень просто. После того как белладонна расширила зрачок, сетчатка, поврежденная слишком большим количеством лучей, которые на нее воздействуют, не в состоянии их воспринять. Отсюда усталость, нарушение зрения, невозможность смотреть на дневной свет. Но то, что вызывает неприятное ощущение при солнечном свете, становится преимуществом ночью. Тот же самый зрачок, расширенный сверх меры ядовитым веществом, пропускает в глаз гораздо большее количество лучей...

— Понял. Действительно, любопытно. Белладонна случайно наделила нас свойством видеть ночью, как кошки.

— Совершенно верно, ваше сравнение вполне уместно.

— Какое счастье, что аборигены не знают этой особенности, иначе они напали бы на нас в дневное время.

— Несомненно. И именно это их незнание позволило нам уверенно действовать в темноте и сорвать их преступный замысел.

— Да, интересная история. Благодарю за разъяснение. Наш отряд вскоре прибывает в лагерь.

Аборигены, к счастью, исчезли и даже не пытались вернуться, чтобы снова совершить нападение. Это великое благо, потому что они могли бы без труда овладеть нашим оставленным богатством, например лошадьми, которых охраняло всего трое раненых.

Мы застали стражей в напряженном ожидании: двое лежали, скрючившись, на траве, третий сидел прямо, готовый открыть стрельбу из пулемета, установленного на лафете. Невозможно, да и нет нужды описывать радость, которую они испытали при нашем возвращении.

Мирадор, гордый ролью, которую он сыграл в ночной

драме, разыскал своих собратьев, сердечно поздоровался с ними, по-собачьи. Казалось, он рассказывает им о своих приключениях.

ГЛАВА IX

Доктор Стивенсон оказался прав. По Австралии не прогуливаются. Бесконечные неожиданности, с которыми мы сталкивались в путешествии, следовали одна за другой с головокружительной быстротой на протяжении нескольких дней. И, несмотря на все меры предосторожности, конечный результат экспедиции мог бы быть плачевным.

В настоящее время все живы, хотя несколько человек ранено. Однако у нас нет ни капли воды, чтобы облегчить жажду. Нам необходимо как можно скорее покинуть это злосчастное место и найти источник или ручей, которые аборигены еще не успели отравить.

Не знающий усталости Том отправляется в поиск на свежей лошади, сопровождаемый четырьмя поселенцами, вооруженными до зубов. Тем временем мы впрягаем в повозки несчастных лошадей, которые грустно поворачивают головы к отравленному источнику, вдыхая влажный воздух и не понимая, почему им не дают утолить жажду после таких героических усилий.

Снова приходится надрезать драгоценные корни эвкалиптов, и их благотворный сок, скупно распределяемый между всеми, дает некоторое облегчение.

Трогательная сценка разыгралась перед повозкой с нашими девушками.

Все еще бледная после страшной опасности, мисс Мэри со слезами на глазах от всего сердца благодарит тех храбрых, которые спасли ей жизнь, рискуя своей собственной.

Сэр Рид, майор, Эдвард и Ричард крепкожимают нам руки и велеречиво выражают горячую благодарность, что никак не вяжется с английской флегматичностью. Мало того. Все по очереди обнимают друг друга с чисто французской экспансивностью.

Но как случилось, что генеральный штаб не в полном составе? Где Робартс? И Сириль, который так отличился минувшей ночью? Почему он не идет получить заслуженную награду за свою храбрость?

Эта робость плохо вяжется с их недавней удалью. Создается впечатление, что для них проще сражаться со свирепыми каннибалами, нежели выдерживать взгляды

прелестных глаз, к тому же если они выражают нечто большее, чем просто благодарность.

МакКроули показывает нам в сторону одной повозки, и мы видим храброго лейтенанта, сидящего в ее тени. Он поставил перед собой несессер из телячьей кожи, в котором поблескивают в лучах солнца хрустальные флаконы с серебряными пробками. Тщательно смыв кровь и пот, покрывавшие лицо, Робартс расчесал и надушил свою небольшую белокурую бородку и, забыв о ране на голове, надел новый пробковый шлем взамен потерянного.

Сириль же, наверное, уже в десятый раз расстегивает и застегивает кожаные гетры, пытаясь решить, идут ли они ему.

Они чувствуют на себе наши взгляды и от этого еще больше смущаются.

— Черт возьми, чем вы там заняты, мой дорогой Робартс? — кричит майор. — Мы ждем вас обоих.

Лейтенант встает и подает знак Сирилю, который перестает наконец возиться с гетрами.

Оба медленно подходят, как будто у них вдруг отнялись ноги.

Каждый из нас выполнял свой долг, они же вели себя как герои. Они инстинктивно чувствуют, что сделали больше других, во всяком случае, стремились к этому, и им кажется, что истинная причина их подвига известна всем.

Юная мисс, несомненно, тоже испытывает тайное чувство. Она смотрела, леденя от страха, как героически сражался офицер, как он упал, и подумала, что он убит. Любовь вспыхнула в ней как молния во время бури. И каждый раз, когда Робартс приближается, она краснеет, бледнеет, протягивает ему руку, шепчет слова благодарности.

Что касается моего босеронца, то он буквально потерял голову. Все его поздравляют, и он не знает, кого слушать среди сердечных рукопожатий и выражений дружбы, которые раздаются со всех сторон. Он подходит к очаровательной ирландке, которая смотрит на него восторженными глазами. Пробормотав какие-то банальности, Сириль берет протянутую ручку и тут же на глазах у всех, без раздумий, простосердечно, как будто она его землячка, запечатлевает на обеих щечках Келли по смачному поцелую.

Он это заслужил, и никто его не порицает.

В этот момент раздается радостный лай. Это мой вер-

ный Мирадор, сопровождавший группу, с которой ушел Том. Инстинкт не подвел ищейку и на сей раз.

Том и поселенцы, посланные на поиски источника, прискакали во весь опор на лошадях, покрытых пеной.

— Ура! — кричит один из них, канадец Фрэнсис, размахивая кожаной каскеткой. — Вода, джентльмены, вода!

Полчаса туда и полчаса обратно потребовалось Тому и поселенцам, чтобы найти воду. Однако с тяжелыми повозками, у которых рассохлись колеса, скрипящие теперь так, что у нас болят барабанные перепонки, передвигаться гораздо труднее. На протяжении трех часов наши раненые, поддерживаемые только собственной силой воли, вновь испытывают тяжкие страдания. Их раны, не перевязанные вовремя, начинают воспаляться.

Наконец после длительных мучений мы подъезжаем к ручью. Как только путешественники утолили жажду, мне приходится спешно мобилизовать свои познания в хирургии и приступить к делу. У некоторых сильная лихорадка; другие, напротив, находятся в полной прострации. К счастью, я имею в своем распоряжении ценное терапевтическое средство, которое составители старой фармакопеи¹, постоянно искавшие экстравагантное сырье, никогда не думали прописывать. Я имею в виду воду, успешно заменяющую мази и припарки, что часто превращают безобидную болячку в неизлечимую рану.

Итак, я становлюсь главой «полевого госпиталя». Прежде всего надо установить очередность. У меня пять раненых: трое поселенцев, которых оставили охранять лагерь, а также Робартс и Сириль. У остальных неопасные царапины. По моему указанию между четырьмя деревьями горизонтально натягивается брезент на высоте человеческого роста, чтобы защитить раненых от солнечных лучей. Под навесом кладем четыре толстых матраца из непромокаемой ткани, набитых листьями.

Уложив пациента, я приступаю к первой операции. У одного раненого сломаны обе кости левого предплечья. Принять решение насчет хода операции нетрудно: я могу, не причиняя особой боли пациенту, соединить кости с помощью МакКроули, который мне ассистирует, и наложить из имеющихся материалов такую повязку, которая привела бы в восторг моего учителя и друга профессора

¹ Фармакопея — книга рецептов.

Берже. Второму раненому копьё попало в бедро и сломалось, а его острие полностью осталось в мышцах. Попытаться вытащить его бессмысленно, так как острие зазубрено, как пила. Необходимо сделать надрез с противоположной от раны стороны, найти наконечник и вытащить его. Для меня это сложная задача, потому что я новичок в хирургии. Бедняга громко стонет. Наконец мне удалось ухватить пинцетом острие копья и вытащить его, разумеется, причинив немалую боль страдальцу. И это сделано как раз вовремя, поскольку кровотечение сильное. Я накладываю четыре слоя бинта — компресс, пропитанный водой, и кровотечение останавливается.

У третьего — чудовищное ранение лица, причиненное не знаю чем: то ли ножом, то ли ударом каменного топора. Обе челюстные кости с правой стороны лица обнажены. К счастью, наша походная аптечка хорошо укомплектована. Я нахожу в ней длинные тонкие булавки, наподобие тех, на которые энтомологи накалывают насекомых. Они помогут мне наложить крестовидный шов.

Легко представить себе, какую боль терпел мой пациент, зная, что при такой процедуре понадобится не менее одиннадцати булавок, которые втыкаются в живую плоть на расстоянии примерно двух сантиметров одна от другой.

Что касается Сириля и Робартса, то тут оперировать гораздо проще, и для них не так болезненно. Кожа головы менее чувствительна, чем кожа лица и рук. Мне приходится выбрить волосы вокруг краев раны, которая сшивается таким же способом.

Самое трудное сделано. Остается дальнейшее лечение. Оно совсем простое. Это непрерывное поливание холодной водой, которая служит лучшим средством против воспаления, наиболее эффективным терапевтическим методом в серьезных случаях, который ныне применяется всеми хирургами. Холодная вода обладает тем преимуществом, что оставляет рану в полном покое и позволяет избежать преждевременного наложения повязки; это очень важно, потому что, как показывает опыт, контакт с воздухом в первые дни может быть пагубным.

Поэтому я беру четыре мешка из водонепроницаемой ткани, которые подвешиваю с помощью шнурка над четырьмя ранеными. Пятый может ходить с больной рукой на перевязи. Я проделываю в мешках маленькие отверстия, вставляю в них подобие трубочки из тонкой веточки эвкалипта, из которой удаляю шомполом сердцевину.

Наполнив мешки водой из ручья, я регулирую струю, затем, направив на раны тоненькую струйку, оставляю дежурного, который должен пополнить мешки, как только вода вытечет.

Надеюсь, что через четыре дня такого лечения, а может быть, и раньше, раненые начнут поправляться и мы сможем продолжить путешествие.

Этот вынужденный отдых, на который нас обрекло несчастье, приключившееся с нашими товарищами, небесполезен и для других участников экспедиции, а также для лошадей, как тягловых, так и верховых. В лагере царит оживление, которое приятно наблюдать. Тут поселенцы чистят карабины, почерневшие от пороха, там надраивают до блеска чистое оружие или чинят порванную одежду с ловкостью прилежной хозяйки. Я думал, что только французские солдаты способны так умело ставить заплатки или штопать мундиры. Теперь я с удовольствием отмечаю, что и англичане отлично усвоили эти навыки.

Двадцать четыре часа проходят спокойно, ухудшения здоровья среди больных тоже не наблюдается. Том отлично за ними ухаживает. Достаточно сказать, что они начали есть, даже тот, у кого я оперировал щеку. Я не сторонник диеты, особенно для таких молодцов. Они потеряли много крови, и я стараюсь поддержать их теми продуктами, которые они в состоянии съесть. Диета только затягивает лечение и, следовательно, увеличивает плату врачу. Лично я не хочу никакой другой платы, кроме крепкого рукопожатия, а его я уже получил.

Но двоих моих пациентов тяготит такое бездействие. Как лучшие представители армии, они должны были бы подавать пример дисциплины. Ничего подобного. Они ропщут, хотят встать и готовы рыскать по кустам за дичью. Я использую весь свой авторитет, чтобы запретить им подниматься. Сириль ворчит, Робартс тоже выражает неудовольствие.

— Послушай, — говорит мой босеронец, — как можно вести такую жизнь?

— А я! — подхватывает Робартс. — Вы думаете, мне тут очень весело? Пусть мне дадут виски, джина, все равно что. И разрешат снова вести нормальную жизнь. Ради бога, Б..., позвольте мне проехать верхом.

— Немного терпения, друзья. Вы уже делали, что хотели. Вы храбро сражались, а теперь надо умерить пыл.

— Как — умерить? — вскричали они одновременно. —

Что значит — умерить пыл? Нам уже вот как хватило спокойствия!

— Потерпите, — настаиваю я. — Вы ранены. Еще три дня, и вы будете делать что хотите. Но пока вы подчиняйтесь мне. Иначе, дорогие друзья, я пришлю санитаров, которые заставят вас успокоиться.

В двадцати шагах от «полевого госпиталя» я сталкиваюсь с двумя девушками, которые приветливо со мной здороваются.

Мисс Мэри пожимает мне руку, как принято у англичан.

— А вы, мисс Келли, — говорю я хорошенькой ирландке, — не хотите поздороваться со мной за руку?

— Но, мсье...

— Признайтесь, что вы на меня сердитесь.

— Я, мсье? Почему?

— Конечно, я ничего не знаю, но, может быть, вы считаете, что я не излечиваю достаточно быстро кое-кого, кто тоже полагает, что время тянется слишком долго, и отчаянно скучает.

— О мсье! Если бы я смела...

— Что бы вы тогда сделали, мисс?

— Я бы попросила у мисс Мэри разрешения пойти ненадолго к этим джентльменам.

— Я не только разрешаю тебе, дорогая Келли, но и хочу спросить мсье Б..., не можем ли мы обе, не утомляя раненых, побыть там немного.

— Пожалуйста, я разрешаю. Это единственный способ удержать их от безрассудства.

Будучи уверен, что мои предписания теперь будут выполняться, я иду к повозке, в которой находится мое оружие, беру ружье, охотничьи патроны и четыре боевых — кто знает, что может приключиться! Затем отвязываю Мирадора и зову Тома, который, увидев, что я снаряжен для охоты, делает то же самое.

Уже в течение нескольких дней происходит нечто странное, какая-то чехарда в отношениях. Сириль, продолжая любить меня по-братски, теперь всецело подчиняется Робартсу. Том по-прежнему питает к своему хозяину — майору — фанатичную привязанность, а между тем постоянно ходит за мной по пятам.

Никто и не думает сетовать по этому поводу, ибо отношения наши стали более близкими после пережитых вместе опасностей. Но эта симпатия особенно сильна меж-

ду теми, кем владеют одинаковые чувства, и поэтому Робартс и Сириль, два простодушных гиганта с любящими сердцами, стали неразлучны так же, как ваш покорный слуга и Том, старый туземный неграмотный врачеватель, прирожденный колдун Австралийского континента.

Я делаю знак МакКроули, который понимает меня с полуслова, и мы втроем отправляемся на охоту, вооруженные, однако, как для войны.

— Эй, господа! Куда это вы направились? — окликает нас сэр Рид.

— Выход из лагеря запрещен, господа.

— Но, сэр, мы же не в одиночку.

— Пожалуйста, не возражайте, господа дилетанты. Вы должны получить разрешение на выход и взять с собой четырех человек.

Мы опускаем головы как провинившиеся школьники. Том пытается спасти положение, приводя свои доводы.

— Мастер, он ушел, далеко, назад, еще солнце.

— Ты с ума сошел, старина. Аборигены, возможно, находятся в ста шагах. Так что компания не помешает, не так ли?

— Конечно, сэр.

— Фрэнсис, — позвал скваттер канадца, — сопроводите этих господ и возьмите с собой еще трех человек.

— С удовольствием, метр! — ответил бесстрашный канадец.

— Мсье, — обратился он ко мне, — я счастлив получить возможность поговорить с вами по-французски. Я ведь из Квебека.

— Значит, вы любите Францию? — спросил я, протягивая ему руку, которая исчезла в его огромной ладони.

— Да, мсье, — отвечает он по-французски. — Мы там все в душе французы.

— Ну что ж, дорогой соотечественник, на охоту! Мы еще успеем наговориться.

Менее чем через час мы очутились в земном раю для охотников. Куда ни глянь — мириады птиц со сверкающим оперением, яркие, как фейерверк, они улетают от нас, шумно взмахивая крыльями. Стада кенгуру, порой насчитывающие более трехсот особей, удаляются огромными скачками, унося малышей в сумках.

Мирадор бегает, вертится, носится, высунув язык, он радостно возбужден.

— Эй, пес, что ты там нашел? Отлично, Мирадор, отлично, умница!

Собака издает глухое рычание, шумно вдыхает воздух. Ее черный нос подрагивает, уши встают и опускаются, как будто она призывает слух на помощь обонянию. Значит, здесь прошел зверь. Мирадор рвется вперед, ускоряя бег...

— Молодец, Мирадор! Давай! Молодец, пес!

Под оглушительные крики полугаев я продвигаюсь шаг за шагом, заинтригованный, держа палец на курке. И вот до меня доходит волна воздуха, пропитанная характерным запахом зверя, который я прекрасно различаю. Это похоже на запах лисицы, только более резкий, ближе к запаху животных, именуемых вонючками¹.

Вскоре Мирадор загоняет какое-то животное в заросли гелиотропов, где оно бьется и хрипит, чувствуя свой конец, бросается вперед, потом отстывает назад. Мне это начинает надоедать.

— Пиль, Мирадор, пиль! — кричу я.

Собака делает рывок. Мы следуем за ней, но, к нашему удивлению, Мирадор вдруг останавливается и начинает с остервенением лаять на удивительное животное величинной с кошку, которое передвигается или прыжками, как жаба, или ползет, как летучая мышь.

Животное издает странный крик, похожий на воронье карканье, а затем тяжело взлетает более чем на пятьдесят метров, поддерживаемое крыльями без перьев, и усаживается на ветке камедного дерева.

Мы открываем огонь, но без особого успеха. Наши ружья заряжены мелкой дробью, может быть, в этом все дело. Перезаряжаем ружья на более крупную дробь и все вместе, держа пальцы на курках, крадемся к дереву, на котором сидит, свесив хвост и вцепившись когтями в ветку, летающее четвероногое. Однако хитрая бестия не ждет, пока мы приблизимся: она снова взлетает, расправив, сколько можно, свои неуклюжие крылья.

Шлепая перепончатыми крыльями, животное достигает высоты по меньшей мере 150 метров. Оно уже явно устало и тяжело опускается на ветку, вцепляется в нее и крепко держится, несмотря на то, что та прогнулась и сильно качается.

¹ Речь идет о скупсах.

Теперь дело за нами.

Звучит выстрел, и животное падает с легким шумом.

— Вот чудеса! — восклицает МакКроули. — Как оно приспособлено к полету: ведь хвост служит ему рулем. Черт побери! Да у этого животного сумка на животе, а в ней два детеныша. Как, по-вашему, мсье ученый, именуется это животное?

— Увы! — говорю я растерянно. — Такое я вижу впервые. Однако некоторые авторы, если не ошибаюсь, называют его галеопитеком, что по-гречески означает примерно «летающая кошка».

— Давайте-ка попробуем это животное, — плотоядно смотрит на «кошку» голодный МакКроули.

— Bravo! А где?

— Прямо здесь. Вот ручеек и попугаи, которых можно через несколько минут подстрелить и поджарить. А зеленый ковер послужит нам скатертью.

Сказано — сделано. Костер разожжен, дичь жарится, потрескивая, и немного времени спустя мы усиленно работаем челюстями.

Несмотря на полную безвредность жидкости, добытой из ручья, нас охватывает приятная истома, и мы следим сонными глазами за спиралью дымка от сигары.

Канадец Фрэнсис складывает охотничий нож, лезвие которого убирается со щелчком. Прежде чем кто-либо из нас отдает себе отчет в том, что он собирается сделать, мы видим, как он вдруг вскакивает и, расставив длинные ноги, посылает пулю из карабина в сторону ручья.

— Попал! Теперь не уйдешь! Ах, разбойник, на этот раз ты не уйдешь от меня! — закричал Фрэнсис, сияя.

— Кого вы подстрелили?

— Мсье Б..., — восклицает канадец, — я убил его для вас.

— Но кого?

— Орниторинхуса¹!

— Вы убили орниторинхуса?

— Уверен в этом. Посмотрите на кровавый след, который тянется за ним.

Действительно, мы видим широкую красную полосу,

¹ Орниторинхус — утконос.

ведущую к ручью, на поверхности которого булькают пузырьки.

— Подождите, сейчас он сам всплывет. Тогда его и возьмем. Ручаюсь.

Канадец оказался прав. Проходит с полминуты, и мы видим, как животом вверх всплывает самое удивительное животное из всех существующих.

Хотя теоретически я знаю строение и необычную анатомию этого животного, все равно не спеша рассматриваю его. Остальные охотники разделяют мое любопытство, ибо, кроме канадца и старого австралийца, никто из нас никогда не видел ничего подобного.

Мы поворачиваем его из стороны в сторону и все более громко выражаем свое удивление.

Первое сообщение, полученное в Европе об этом необычном четвероногом животном, вызвало всеобщее негодование ученых всех стран. По какому праву это животное, не имеющее никакого «гражданского статуса», пытается опровергнуть все классификации? Слишком поздно оно появилось, и тем хуже для него! Все места уже заняты.

И вообще, к какому виду его отнести, как назвать? К птицам его не причислишь, ибо оно не летает. У него есть четыре лапы для того, чтобы бегать и плавать, есть и сосцы, чтобы кормить детенышей, значит, его можно отнести к четвероногим? Но как тогда быть с перепончатыми лапами и утиным носом? И в довершение всего его самка откладывает яйца!..

Отчаявшись найти решение этой трудной проблемы, ученые единственный раз дружно расписались в своем неведении и единогласно решили, что такого австралийского животного попросту не существует.

Однако то, что происходило в другом полушарии, не имело никакого значения для самого животного. Самки продолжали откладывать яйца и заботливо питать молоком свое потомство.

Если решение ученых не тревожило покой животного, то австралийские колонисты, не желая слыть обманщиками и справедливо возмущившись оскорблением, нанесенным одному из обитателей их новой родины, решили проучить скептиков. В один прекрасный день зоологи Европы остолбенели, узнав, что два скваттера, приехавшие в Глазго, привезли с собой шесть прекрасно законсервированных экземпляров этого животного, существование которого не признавал ученый мир.

Оживленно беседуя на эту тему, мы вернулись в лагерь с превосходной добычей, которая, можете мне поверить, была весьма желанной, поскольку уже три дня члены экспедиции питались исключительно консервами.

Я боялся, что мой бедный Сириль, оставшийся в «полевом госпитале», узнав о наших подвигах, пошлет к черту свою рану. Вовсе нет, он сияет, несколько не сожалея о том, что не сделал ни одного выстрела. По-моему, он даже благословляет свое ранение, ибо оно обеспечило ему свидание с милой Келли: Ну что ж, мой герой, все прекрасно, подождем завершения экспедиции, и все это может закончиться, как в романе.

Я же тщательно почистил свое ружье, а потом принялся свежевать добытого утконоса. Благодаря захваченному с собой запасу мыла, содержащего мышьяк, мне удастся сохранить шкуру животного в прекрасном состоянии. Хочется привезти ее домой, где она хорошо будет смотреться в большом стеклянном шкафу с трофеями охотника-натуралиста.

ГЛАВА X

— Двадцать три с половиной градуса южной широты и сто тридцать пять градусов восточной долготы, — объявил майор, определявший наше местонахождение. — Господа, мы пересекаем тропик Козерога.

— Спасибо, майор, — сказал МакКроули, растянувшись под квадратным куском парусины, прикрепленным к четырем большим деревьям, не отбрасывающим тени. — Хронометр так же, как и солнце, сообщает нам, что сейчас полдень, не так ли? Мы шли с трех часов ночи и проделали примерно семь-восемь французских лье.

— Превосходно, — ответил старый офицер. — Мы пробудем здесь до завтра. Славу богу, со времени схватки с аборигенами мы значительно сократили расстояние, отделяющее нас от цели.

— И, к счастью, без помех.

— Если бы, мой лейтенант, — сказал Сириль, обращаясь к МакКроули, как всегда, официально, — мы каждый раз сталкивались с аборигенами, которые хотят насадить нас на вертела или рассечь нам головы своим каменным оружием, то это было бы пренеприятно.

Я вполне разделяю ваше мнение, дорогой охотник,

и до сих пор с содроганием вспоминаю о встрече с аборигенами. Да, горячая была схватка!

— Бедняги! И почему только они ведут себя подобным образом по отношению к таким людям, как мы, которые и мухи-то не обижают.

— Да, вы, французы, — филантропы. Но, дорогой друг, когда делают омлет, разбивают яйца. Если хочешь колонизировать страну, нельзя останавливаться ни перед чем. Лучше убить каннибалов, которые хотят помешать другим попасть в этот рай, чем быть убитыми ими.

— Минуточку, мой лейтенант! Я бы предпочел, чтобы меня мучила боль, чем пролить кровь ближнего.

— Благодаря заботам нашего друга мы уже на ногах, наши раны зажили, мы прошли триста километров после того злополучного дня, который мог быть нашим последним днем, — вмешался Робартс. — Еще одна неделя, и мы завершим путешествие. Так забудем же этот кошмар и простим несчастных, которые — увы! — более невежественны, чем виновны.

Сам МакКроули был олицетворением тех английских филантропов, которые препятствуют торговле чернокожими и поддерживают эмиграцию китайских кули, а будучи членами общества против злоупотребления спиртными напитками и табаком, экспортируют колоссальное количество крепких ликеров и опиума. В Европе они возражают против смертной казни и требуют лучших условий содержания для заключенных, но преследуют без сожаления коренных жителей своих колоний.

Сириль бесконечно великодушен и храбр от природы. Он добр по натуре и делает добро без раздумья, как ньюфаундленд, главная функция которого — спасать. Это характерный тип необразованного, но истого француза с примесью свойств потомственного босеронца.

МакКроули — английский патриот, фанатически любящий свою страну, но эта любовь кончается там, где не развевается британский флаг.

Сириль же безотчетно и без всяких различий распространяет свою любовь на все существа, обитающие на земле.

Разговор оборвался, и каждый постепенно впал в дремотное состояние. Под деревьями с пыльно-серыми листьями было жарко, как в домне. Часовые, опершись на ружья, отчаянно боролись со сном.

Прошел едва лишь час, как вдруг собаки начали то

унывно завывать, то отрывисто и приглушенно лаять — они почуяли приближающуюся неведомую опасность. Неужели снова придется отбиваться от аборигенов?

Но что это творится с собаками? Они словно взбесились! Какие адские завывания! Эй, Брико, Мирадор, молчать! Перестань, Равод! Тихо! Но собаки срываются с поводков, и вся воющая свора устремляется вперед, держа нос по ветру и хвост трубой, как во время охоты на зверя. Если это аборигены, то бедные собаки пропали.

Мы мгновенно окружаем повозки, как всегда, стратегически поставленные в форме креста св. Андрея. Внимательно смотрим во все стороны и держим пальцы на курках, готовые отразить атаку таинственного врага.

Проходит десять минут. Лай, который постепенно отдалялся и стихал, вдруг переходит в стелание, и наши собаки возвращаются гораздо быстрее, чем убегали. Окровавленные, с разодранными ушами, они скулят так, будто их отхлестали кнутом. Собаки буквально ползают у наших ног, как бы прося прощения за опрометчивость и умоляя, чтобы их поскорее и понадежнее защитили. У нас нет времени осматривать их раны. Враг уже здесь! Трава исчезает под массой маленьких четвероногих, надвигающихся плотным потоком, который тянется сколько видит глаз. Они повсюду: карабкаются на деревья, скользят по ветвям, сгибают ветки кустов. Они непрерывно движутся, сталкиваются, перелезают друг через друга, падают, снова поднимаются, производя шум, словно при нашествии саранчи.

Это — крысы!

И откуда они взялись? Какая таинственная причина привела к столь грандиозной миграции этих грызунов? В силу каких фатальных обстоятельств мы оказались на пути этой живой лавины?

Пока мы не можем ответить на эти вопросы. Наши продукты, лошади, тягловые и верховые, мы сами, наконец, перед лицом реальной опасности. Жутко подумать, что нас сожрут эти мерзкие свирепые животные. Вы можете сказать, что, поскольку нас много и все мы хорошо вооружены, нечего бояться крыс. Это так, если бы их были сотни. Но когда полчище крыс растянулось в ширину метров на 500—600 и насчитывает сотни тысяч особей, только поспешное бегство может спасти от их острых зубов.

Бывали случаи, когда стада овец и даже отдельные

быки, настигнутые нашествием крыс, пожирались ими за несколько минут, и оставались лишь чисто обглоданные скелеты, которые сделали бы честь любому анатому.

Девушки быстро задвинули полог и спрятались в своей подвижной крепости. Мы открываем частый огонь по первым рядам грызунов. Бесплезно! Наши пули попадают в немногих. Живые крысы тут же пожирают мертвых. У нас нет времени, чтобы перезарядить оружие. Крысы лезут на нас со всех сторон, карабкаются по ногам, забираются на повозки, грызут брезентовые верха и ремни. Нас буквально тошнит от их гнусного прикосновения. Мы давим их сапогами, тогда как собаки, оправившись от первого испуга, мечутся во все стороны, уничтожая крыс своими крепкими зубами. То, чего мы боялись с самого начала, происходит очень скоро. Лошади, напуганные этим нашествием, отчаянно брыкаются и затем, порвав пути, разбегаются.

Мы прыгаем поочередно то на одной ноге, то на другой, давя подкованными железом каблуками эту нечисть и обрушивая на крыс тяжелые приклады наших ружей. Но мы не можем до бесконечности давить крыс, ибо число их возрастает, а все мы начинаем уставать. От жгучих укусов болят ноги. Надо срочно придумать что-нибудь, иначе мы пропади.

А-а! Наш канадец Фрэнсис, кажется, нашел выход. Но что он собирается делать? Вот Фрэнсис несет на своем могучем плече 40-литровую бочку и врзается в самую гущу крыс.

— Смелее, джентльмены! Бейте их! Расчистите немного места, остальное я сделаю сам!

Мы удваиваем усилия, а Фрэнсис, вытацив затычку, льет из отверстия во все стороны наше лучшее виски.

— Bravo, Фрэнсис, мы поняли!

Канадец разливает виски в радиусе двадцати метров. Воздух пропитывается запахом алкоголя.

— Метр! — кричит он сэру Риду. — Зажгите вы этот пунш, потому что я так пропитан виски, что боюсь загореться, как пакля.

Идея эта пришла на ум Фрэнсису как нельзя вовремя: подходят все новые полчища грызунов. Сэр Рид поджигает кусок просмоленной ткани и бросает ее на политую виски землю. Вот это да! Какое отрадное для нас зрелище.

П-ш-ш... Трава мигом загорается. Травинки коробятся. Застигнутые врасплох крысы хотят повернуть обратно, но

это невозможно. Ближайшие к нам отшатываются назад и попадают в огонь, который не видят из-за жгучих лучей полуденного солнца. Их серые шкурки горят, наполняя воздух отвратительным запахом.

Но этой передышки явно недостаточно.

Виски выгорает, и огонь начинает гаснуть, отчасти и потому, что его заваливают трупы сгоревших крыс.

— Назад, джентльмены! Ко мне! — снова раздается громкий голос Фрэнсиса.

Полагаясь на его опыт, мы быстро отходим назад, к повозкам — нашему последнему укрытию.

Пока разбрызганное виски довершало свое дело, мы открываем два небольших бочонка в кожаных чехлах. Каждый из поселенцев всыпает в свою кожаную каскетку две или три горстки отличного английского пороха и, повторяя маневр, только что примененный канадцем, с опасностью для жизни разбрасывает порох на расстоянии нескольких шагов от себя, туда, где еще тлеет огонь. К счастью, им удается завершить операцию за несколько секунд.

— Да пусть нам сопутствует удача! — восклицает Сириль.

Все мы сбились в кучу, ожидая, когда вспыхнет огонь. Порох, попавший в разные места различными порциями, загорается от одной искры, но не одновременно. Взрывы происходят то тут, то там, огонь бежит маленькими ручейками, соединяя загоревшиеся места и охватывая все большую площадь. Горит земля, повсюду поднимаются белые облачка, и наши враги, растерянные, сбитые с толку, не знают, куда податься... Вся масса крыс растерянно копошится и, поняв наконец, что им не пройти через огненный барьер, сворачивают влево от нас.

И на этот раз мы спасены.

Нашествие крыс на лагерь прекращается. Некоторые искалеченные грызуны выползают из горящей травы и пытаются догнать остальных, но собаки, разъяренные полученными ранами, загрызают жалкий арьергард.

Теперь мы можем рассмотреть этих пакостных животных, которые чуть не съели нас. Австралийские крысы примерно тех же размеров, что и их собратья в захолустьях Парижа, но отличаются от них во всех отношениях. Усищи у них, как у старого служаки. Передвигаясь на задних лапах, они напоминают кенгуру, как по манере

бегать, так и по строению. Подобно кенгуру, они носят детенышей в сумках на животе.

Но новая забота отвлекает нас от научных наблюдений, какими бы интересными они ни были.

Слова, произнесенные Сирилем, возвращают нас к действительности:

— Лошади! Где теперь их искать?

Сириль прав. Если паника, охватившая лошадей, не улеглась, они могут убежать далеко. Необходимо как можно скорее отправиться на поиски и привести беглецов. Шесть человек остаются охранять повозки, остальные расходятся группами по трое в разных направлениях.

Вдруг до нас доносится радостное ржание, и мы видим менее чем в двухстах метрах вышедшего на полянку Али, превосходного мустанга майора. Благородное животное, привыкшее к людям, как собака, медленно приближается к лагерю. Али вытягивает свою красивую голову, делает несколько шагов вперед, топчется на месте, отступает, ходит вокруг людей, не желая, однако, быть пойманным. Но мы не можем терять время. Надо изловить эту лошадь возможно быстрее, и тогда станет легче заманить остальных.

— Мсье, — говорит Том, направляясь к повозкам, — моя ловить мастера Али.

— Давай, — отвечает хозяин, — только поторапливайся.

— Моя хочет взять что-то в повозке.

Пошарив в повозке с продуктами, Том через минуту возвращается и затем идет к лошади, которая сразу замирает. Том, облаченный в свою неизменную красную рубаху, медленно идет навстречу животному, вытянув вперед руку, на черной ладони лежит что-то белое. Али, узнав старого товарища, тянет к нему свою умную морду и, в свою очередь, не спеша приближается шаг за шагом, потом слегка приоткрывает пасть, берет то, что лежит на ладони, и начинает похрустывать.

Не говоря ни слова, Том опять достает что-то белое, ломает его на две части, съедает половину, дает вторую Али, а затем, пятясь, повторяет маневр. Так, шаг за шагом, кусочек за кусочком, человек и лошадь уже почти среди нас. Слышно, как Том приговаривает:

— Это мастеру Али, это Тому, для вас, красивый мастер Али, для тебя, добрый Том...

Секрет Тома прост. Он любит сахар, и чистокровка не

меньше. Каждое утро, чистя лошадь, Том делится с Али любимым лакомством, которое припрятывает весьма ловко. Теперь он ласкает и даже обнимает Али, а тот благожелательно позволяет оседлать себя и взнуздать.

Сириль, которому лавры канадца не дают покоя, просит разрешения отправиться на поиски лошадей.

— Ну что ж, отправляйтесь, — разрешает майор, — желаю успеха.

Сириль вешает через плечо охотничий рожок, треплет шею лошади, свистом сзывает собак, и вот он уже сидит как влитой на чистокровке, которая галопом устремляется в лес. Вскоре мы слышим настойчивые призывы рожка, которые звучат под листвой деревьев, возбуждая собак, и до нас доносится их ответный лай.

Однако пока нам не ясен план Сириля.

Охотник делает большой круг, центром которого является наш лагерь, и в течение получаса мы слышим вибрирующие звуки его рожка. Вдруг справа от нас раздаются несколько выстрелов, а затем — тишина. Нас охватывает беспокойство: неужели поселенцы вступили в схватку с аборигенами?

Через пять минут снова слышатся звуки рожка, доносится улюлюканье охотников. Сириль теперь сзади нас, не более чем в километре. И вновь раздаются выстрелы, на этот раз впереди. Рожок по-прежнему звучит, и кажется, что его звуки приближаются к лагерю. Опять тишина... Снова — рожок... Мы совершенно сбиты с толку.

...Примерно через час слышатся радостные возгласы «ура», перемежающиеся со ржанием лошадей. Двенадцать человек, посланные на поиски лошадей, возвращаются верхом медленной рысью, и каждый ведет за собой вторую лошадь. Герр Шэффер, Фрэнсис, Сириль скачут впереди. Это возвращение похоже на чудо.

— Вот вам пять лошадей, — кричит мой лихой наездник, как только приблизился к лагерю.

— Но как вы их поймали? — спрашивает сияющий Робартс.

— Очень просто. Однако без Фрэнсиса ничего бы не получилось, поверьте.

— Вы мне льстите, — возражает гигант-канадец. — Идея-то ваша.

— О какой идее вы говорите? — поинтересовался я.

— Вот о какой. Я подумал, что наши верховые лошади привыкли к охоте, а потому должны узнать звуки рожка

и прискакать как полковые кони на звук трубы. Так и получилось. Как только они услышали звуки рожка, сразу же явились — сначала лошадь Робартса, потом Ричарда, затем три или четыре других...

— Умные лошади! — говорит Том, улыбаясь и растягивая рот до ушей.

Сириль опускает свою мощную руку на плечо старого аборигена в знак дружбы.

— Одно меня беспокоило, — продолжает Сириль. — Я не знал, куда вести лошадей, и потому находился в растерянности. И вдруг — паф, паф, паф! — три выстрела отвечают на призыв моего рожка. Я направляюсь в сторону, откуда прозвучали выстрелы, и что вижу? Наш друг Фрэнсис с Беном и Диком, у всех троих в руках лассо. «Ясненько», — говорю себе. Замедляю бег своей лошади, и три лассо летят и падают на шеи трех лошадей, а наши молодцы в мгновение ока вскакивают им на спины, показывая высокий класс вольтижировки. С тех пор как нас стало четверо верховых, другие лошади следовали за нами. Вот и все.

— А как же остальные? — спрашивает МакКроули, поглаживая свою лошадь.

— Остальные, — отвечает Фрэнсис, — были пойманы таким же манером. Герр Шэффер, который понял наш сигнал, тоже начал стрелять и мы направились к нему. Так мы собрали все четыре группы, в то время как Сириль продолжал дудеть в свой рожок, создавая видимость охоты.

— Дети мои, — говорит сэр Рид, — прекрасно, что вы привели двадцать пять лошадей, но как вы намереваетесь поймать тех, что еще не вернулись?

— Не беспокойтесь, метр, они сами вернутся сегодня ночью, раз их товарищи находятся в лагере.

Канадец не ошибся. Прошло всего два часа после захода солнца, как из леса раздалось ржание в ответ на призывы вернувшихся лошадей. И когда на следующее утро караван выступил в путь, все до единого животного были на месте.

Прибытие в страну нга-ко-тко — это уже вопрос дней, и если, как мы надеемся не без основания, наше предприятие увенчается успехом, каждый из нас сможет похвалиться, что он действительно решил сложную задачу.

Пока же в ожидании этого торжественного момента мы испытываем смутную тревогу, которая возникает бессознательно и которую не удается подавить.

Мы нервничаем, горим нетерпением, и хотя никто не пресытился все новыми чудесами, с которыми сталкиваемся ежедневно, надежды и опасения, сжимающие сердца, мешают нам наслаждаться, как в начале путешествия, теми странными и разнообразными феноменами, которые мы не перестаем открывать.

Преодолев необитаемые луга, каменистую пустыню, леса, полные цветов и необычайных деревьев, в полдень мы ступаем на огромную равнину, голую, как ладонь, и выжженную беспощадным солнцем.

Зрелище этой пустынной местности никак нас не радовало. Веселые возгласы, которыми раньше встречался каждый привал, сменились угрюмым молчанием, а тоскливый лай собак и печальное ржание лошадей отнюдь не вызывают радости у людей.

Осматривая в подзорные трубы расстилающееся перед нами пространство, мы видим только песок... И если на горизонте возникают какие-то холмики, то и они такие же безжизненные, как эта бесконечная пыльная равнина.

Но наши поселенцы не дети, они не нуждаются в банальных словах ободрения, чтобы исполнить свой долг. Это сильные и преданные люди.

— Дети мои, — говорит сэр Рид, — наши бедствия скоро кончатся. Вы храбро выполнили свой долг как лояльные англичане и верные слуги. Еще несколько дней самоотверженных усилий, и наши мучения окупятся с лихвой. Так же, как и вы, я не знаю, как далеко простирается эта пустыня, которую мы должны пересечь. Мне неизвестно, какие опасности могут нам угрожать, но вера в вас дает мне твердую надежду на победу. Вперед, во славу нашей страны!

— Хип-хип-хип, у-р-р-а-а! Англия во веки веков! — кричат взволнованные колонисты.

Все идет хорошо, дурное настроение развеялось. Вторая половина дня используется для пополнения запасов воды. Смазываем колеса повозок, наводим порядок в одежде, готовясь к предстоящему переходу, который, по всей вероятности, будет коротким, но трудным.

Наступает ночь, но мы по-прежнему как в жерле печи, и ни малейшего дуновения ветерка, который освежил бы перегретый, душный воздух. Почва рыхлая, ноги погружаются в раскаленный песок. Лошади тянут повозки с огромным напряжением. Наш молчаливый караван движется при свете звезд. Поднятая нами неосязаемая пыль про-

никает в глаза, нос и легкие и делает передвижение мучительным; потребность в воздухе все больше и больше усиливается, но каждый вздох становится настоящей пыткой. До самого восхода солнца от головы каравана до его хвоста слышится непрерывное чиханье и покашливание.

Горизонт загорается внезапно, диск солнца появляется в окружении палящих лучей. Измученные, разбитые, обливающиеся потом, с руками, бородами и лицами, покрытыми пылью кирпичного цвета, все останавливаются, как только звучит команда: «Стоп!» Несмотря на то, что мы много раз прикладывались к флягам, в горле пересохло, словно оно покрыто жезью. Несколько глотков горячего чая дают удивительное облегчение и на какое-то время утоляют жажду, а впереди еще несколько часов утомительного перехода.

Насколько видит глаз, равнина сохраняет безнадежное и мрачное однообразие.

Пошли! Надо продолжать путь! Мы не остановимся, пока передвижение не станет физически невозможным. Любой ценой надо двигаться вперед. И каждый, без жалоб, занимает свое место и следует отважно вперед, натягивая узду измученной лошади, заставляя ее идти.

В этой пустынной местности лишь время от времени встречаем казуаров. Вспугнутые нами, они вскакивают с гнезд, полных огромных яиц, и удирают, вытянув шею. Казуары так быстро передвигают свои огромные лапы, что в скорости не уступят скаковой лошади.

Песок цвета охры раскален. Такое впечатление, что мы ступаем по плитам горячей меди. Странные миражи встают перед глазами, ослепленными, слезящимися, полными пыли, с покрасневшими и распухшими веками. Мы все время мигаем. Это неприятные симптомы офтальмии. Однако надо идти, чего бы это ни стоило, потому что остановки так же невыносимы, как и движение при жаре.

Лошадям недостает свежей пищи, и воды им выдается самая малость. Животные буквально на пределе. Оси повозок скрипят, и рассохшиеся ободья колес грозят развалиться.

К довершению несчастий заболевание глаз тревожно прогрессирует. И хотя в порядке предосторожности каждый прикрыл лицо зеленой сеткой, по крайней мере, половина мужчин почти ослеплена. Видеть, как этих храбрых людей с повязками на глазах ведут товарищи, которые и сами видят ненамного лучше, — удручающее зрелище.

И вот пять тягловых лошадей падают замертво. Красные орлы, которых первым заметил Том, теперь кружат целой стаей над трупами лошадей, ожидая, пока мы уйдем, чтобы наброситься на них. Не ожидает ли и нас такая же судьба?.. Даже самые мужественные страшатся этой мысли, и каждый потухшим взором всматривается в горизонт, мечтая увидеть купы деревьев, которые положили бы конец этой проклятой равнине.

Но им нечем утешить себя! Все время один песок с кровавым оттенком, краснеющий под вертикальными лучами солнца, что кажется шаром из раскаленного металла!

Этот мучительный переход продолжается уже три дня и три ночи. Две трети лошадей пало. А те, что еще плетутся, немного стоят. Сначала мы облегчили повозки, выбросив часть провианта, боеприпасов и все принадлежности для обустройства лагеря, но потом нам пришлось бросить три повозки. Запас воды почти исчерпан. Остался один деревянный бак с теплой тошнотворной жидкостью. Верховые лошади, силы которых мы всячески берегли, теперь наша последняя надежда. Но если случится беда и не удастся скоро выйти из этого ада, мы будем доведены до крайности.

Эта пустыня — смертельна! Офтальмия, свирепствующая в экспедиции, началась через двадцать четыре часа труднейшего перехода. Ничто не могло в большей степени повредить нашему передвижению, чем эта ужасная болезнь. Неужели пострадавшие больше никогда не увидят света?

Наши героические девушки мужественно поспевают повсюду, не думая о себе. Они прикладывают влажные платки к горячим лбам, сменяют компрессы на потухших глазах мужчин, находящихся в бреду, смачивают их растрескавшиеся губы, подбадривают каждого добрым словом, пробуждают в сердцах надежду на спасение.

Мисс Мэри и Келли, к счастью, избежали этой болезни благодаря тому, что их не выпускали из повозки, чтобы избавить, насколько возможно, от изнурительной усталости, которую они не в состоянии были бы перенести.

Видели ли вы когда-нибудь отправляющийся на битву хорошо экипированный полк, со сверкающим оружием, бойцы которого маршируют в строгом порядке, полные энтузиазма, силы и надежды? Но порой достаточно нескольких часов, чтобы превратить эту образцовую часть в неорганизованную толпу растерявшихся дезертиров,

оборванных, с почерневшими лицами, едва волочащих ноги, стонущих от боли и представляющих картину полного разброда.

Так и наша экспедиция, еще недавно выглядевшая столь процветающей, ныне стала неузнаваемой из-за неумолимо суровой стихии.

Нам казалось, что мы прошли намного больше, чем на самом деле. Между тем экспедиция не отклонилась от маршрута благодаря компасу, с которым сверялись майор и сэр Рид, менее серьезно пострадавшие, а также благодаря инстинкту Тома — такого же бодрого, как и в начале пути.

Среди животных продолжался падеж, и сейчас у нас осталось только две повозки, каждую из которых с величайшим трудом тащат по шесть лошадей. Одна из повозок — это та, которая обита листовым железом и может быть превращена в лодку. В ней сложены продукты, боеприпасы, оружие, измерительные приборы; вторая повозка предназначена для больных.

Нетрудно предвидеть катастрофу, если такое ужасное положение не изменится.

Наступает ночь. Тревога усиливается, в ушах гудит, никто не в состоянии сделать и шага, хотя жалоб ни от кого не слышно. Смертельное оцепенение охватывает больных. Все ли они увидят наступление дня?

Мои бедные собаки на последнем издыхании, а те, которые, быть может, близки к бешенству, заунывно воют. Четыре из них уже погибли от истощения.

Мне кажется, что слышу легкие шаги. Приоткрываю покрасневшие веки. Ночь темна. Я ничего не вижу.

— Том, это ты?

Никакого ответа. Может быть, мне почудились шаги? Но нет, мой ослабленный слух улавливает нечто похожее на топот лошадиных копыт, приглушенный песком.

Проходят долгие часы, и тот же шорох снова выводит меня из оцепенения. Кто-то ездил на поиски. Вероятно, Том. И я не ошибаюсь: старый абориген обращается ко мне шепотом на своем жаргоне:

— Держи, друг, это для твои глаза.

Его холодная рука кладет мне на веки легкий пластырь, довольно приятно пахнущий. Вначале я ощущаю болезненное покалывание от прикосновения вяжущего вещества к набухшей слизистой оболочке глаз.

— Том, — шепчу я, — мне ужасно больно.

— Ты спокойся. Лечишься быстро. Это дерево от лихорадки.

— Как — дерево от лихорадки?.. Эвкалипт!.. Ты нашел свежие листья?..

— Да, там, много.

— Значит, пустыня кончилась? Там — лес, и мы спасены!..

— Да.

Мое восклицание разбудило часть спящих. На меня сыплются вопросы, произносимые взволнованными, прерывающимися голосами. После того как Том положил мне на глаза пластырь, боли утихли как по волшебству. Мне кажется, что я заново родился.

— Джентльмены! — вскричал я. — Том снова спас нас. Он обнаружил лес и принес лекарство, которое нас вылечит. Джентльмены, еще несколько минут терпения!

В ответ раздается взрыв радостных возгласов. Улетучившаяся было надежда вновь оживает.

Старый абориген не бездействует. Я слышу его быстрые шаги то в одной стороне, то в другой: он ищет во тьме бедных спутников, растянувшихся на песке, дает каждому горсть драгоценных листьев, рекомендует разжевать их и приложить кашицу к глазам. Предписание тут же выполняется, и быстрый результат приносит страдальцам такое же облегчение, какое испытываю я.

Известие о том, что рядом находятся лес и ручей, придает силу даже самым слабым. Все встремятся к лесу. Темнокожий доктор не возражает, но рекомендует не снимать с глаз пластырь, а заменить его свежим, когда мы войдем в лес. Он становится во главе путников и идет на север, а мы следуем за ним гуськом.

Майор, сэр Рид, Эдвард, Ричард и Фрэнсис, не столь ослабленные болезнью, как прочие, направляют повозки, в которых спят те, кто не может идти. Девушки, решившие пройти необходимое расстояние пешком, подбадривают своим присутствием и ласковыми словами тех, кого покидают последние силы.

В этот момент я чувствую прикосновение чего-то холодного к моей руке. Это лижет ее Мирадор, у которого бока ходят ходуном от долгого бега. Он последовал за Томом и после освежающего купания примчался поприветствовать меня. Мой четвероногий друг выражает свою привязанность. Его влажный нос убеждает меня в том, что он ожил.

Лошади, безошибочно почувствовавшие близость воды, напрягают свои последние силы.

— Вперед! Мы уже у цели! — раздается нежный голос мисс Мэри. — А! Вот и солнце! Я вижу деревья, совсем близко!

Никогда еще появление дневного светила не вызывало такого восторга. Англичане, обычно холодные и невозмутимые, жаждут увидеть эту обетованную землю, на которую уже не смели рассчитывать, и лично убедиться, что это не мираж. Несмотря на просьбы Тома, они срывают повязки и, преодолевая боль, смутно видят густую полосу зелени, пронизанную багряными лучами. Какое для них имеет значение, что вспышки света отзываются в мозгу прикосновением раскаленного железа? Какое значение имеет кровавая завеса, как будто возникающая перед ними и закрывающая горизонт? Они все же узрели, что в нескольких шагах впереди кончается проклятый песок.

Крики радости и боли вырываются у измученных путников и, сделав последнее невероятное усилие, обезумевшие поселенцы, только что с трудом сдвинувшиеся с места, бросаются как одержимые в ручей.

Такое погружение в воду крайне неблагоприятно, но никто не в состоянии перебороть в себе муки жажды, и никакая человеческая сила не могла бы помешать страждущим осуществить свое страстное желание. Их усталые и ноющие члены приобретают былую гибкость, воспаление глаз и опухоль век излечиваются свежей водой, лучшим противовоспалительным средством: организм вновь получил необходимое количество жидкости, при отсутствии которой прекращается циркуляция крови.

Это не купание, а оргия в воде. Она продолжается более часа, после чего пожар, сжигающий все тело, окончательно потух. Больные растягиваются на нежном густом травянистом ковре, и освежающий сон вскоре смыкает им глаза, на которые предварительно были наложены новые компрессы из растертых листьев эвкалипта. Вечером общее состояние путешественников заметно улучшилось, и когда яркий дневной свет потускнел с приближением ночи, мы были уже в состоянии различать предметы, не слишком удаленные от нас.

Какое поразительное все же это дерево эвкалипт! Душистый сок его листьев не только вернул зрение нашим

потухшим глазам. Он обладает к тому же свойством, аналогичным хинину, излечившему нас от лихорадки.

Теперь страна нга-ко-тко уже близка. Поскольку мы уверены в хорошем приеме, единодушное мнение — завтра же двинуться в путь. В лесу мы нашли тень, некоторую свежесть и листья, чтобы завершить лечение.

Благословенный ручей, протекающий на границе между лесом и песчаной равниной, не превышает десяти метров в ширину и полутора метров в глубину. Множество рыб снует в его спокойных водах, не стиснутых отчетливыми берегами. Вероятно, в период дождей ручей превращается в широкую реку, так как по обе его стороны местность представляет собой углубленную размытую долину шириной более 500 метров, которую, несомненно, часто и внезапно затопляют потоки воды.

Наш лагерь разбит в этой низине, где и трава имеется в изобилии, и тень более густая.

— Если ручей выйдет из берегов от проливного дождя, нас здесь непременно зальет, — сказал сэр Рид, обращаясь к майору.

— Вы шутите! Да в этот сезон, когда все земля растрескалась от засухи, она впитает сколько угодно воды, даже если разверзнутся хляби небесные.

— Как сказать! Вы еще не знаете наших ураганных ливней.

— Ну что вы! Я прекрасно помню ливень в каменной пустыне...

— ...Который длился всего лишь минуту. Кроме того, мы находились на возвышенности, а здесь — самая низина, являющаяся, по-видимому, естественным водосливом для потока, что устремляется из леса.

— Но ведь завтра мы продолжим поход.

— Только это меня и утешает. Иначе мы передвинули бы лагерь в самую глубь леса.

— Вы правы. Но пусть наши больные спокойно отдохнут до завтрашнего вечера.

— Мой дорогой Харви, — продолжал скваттер, пожимая руку друга, — вы наверное, знаете, что наша цель уже близка?

— Осталось пройти самое большее двадцать пять лье.

— Возможно, этот ручей представляет собой южную границу территории, принадлежащей нашим чернокожим друзьям. Не считаете ли вы, что уже пора подавать знаки о нашем присутствии?

— Вы правы. С сегодняшнего дня надо начать вырезать на коре деревьев коббонг, о котором говорилось в письме... вашего...

— В письме того, кого я жажду застать в живых. Бедный брат! Я надеюсь, что скоро он сможет обнять своих детей!

— Уверен, что так и будет, дружище. Надеюсь, что время испытаний прошло. Дня через три самое позднее ваша миссия будет окончена.

— Пойдемте разведаем местность. Возьмем с собой Фрэнсиса, Ричарда и Шэффера. Определим свое местонахождение и вырежем на коре как можно больше эмблем нга-ко-тко.

— На лошадей и в путь!

— А я, сэр Рид? — спросил я у скваттера. — Вы оставляете меня в «полевом госпитале»?

— Вы еще слишком слабы. Длительная поездка вас утомит.

— Уверяю вас, что никогда еще я не был так бодр. Бездействие, поверьте, утомляет больше, чем движение. Возьмите меня с собой, прогулка завершит мое исцеление. — Потом я добавил, обращаясь к Харви: — Майор, поддержите меня. МакКроули мечтает поесть маленького кенгуру, поджаренного на вертеле. И я обещал ему подстрелить дичь. Вы же знаете, что наш друг — раб своего желудка. Если я обману его надежды, он просто заболит от огорчения.

— Пусть будет по-вашему, — улыбнулся старый офицер. — Вы всегда потакаете нашим фантазиям.

Ноги у меня были еще немного одеревенелые, но как только я сел в седло, то почувствовал себя молодцом. Мы медленно поднялись на небольшой пригорок, отделявший лагерь от леса, и очутились под высокими деревьями. Мирадор бежал перед нами, радостно ныряя в кусты.

Может быть, я ошибаюсь или мои больные глаза все еще плохо различают контуры, но мне кажется, что трава, которая совсем рядом была густой и зеленой, здесь бледнее и приобрела желтоватый оттенок. Да и деревья как будто порыжели, их листья свернулись и слегка сморщились, мелкие ветки высохли и повисли.

Я приближаюсь к сэру Риду, молчаливому и нахмуренному. Он погружен в свои мысли и не видит меня.

— Послушайте, Фрэнсис, — говорю я канадцу, — вы

знаете эту страну, скажите мне, что это значит: у этих деревьев такой вид, будто их побил морозом.

— Ах, мсье, — ответил он тихо, — я боюсь большого несчастья.

— О боже! Что еще может с нами приключиться?

— Надеюсь, что ничего особенного. Но если и дальше лес имеет такой вид, наше положение станет очень серьезным.

Я не стал уточнять. Но если такой закаленный человек, как мой собеседник, настолько обеспокоен, значит, действительно происходит что-то ненормальное.

Далее лес становится все более унылым. Трава жесткая и сухая. Листья, которые еще остались на ветках, приобрели такой же рыжеватый цвет, что и наши леса после первых заморозков. Большая часть листьев опала и образует на земле сплошную подстилку, которую с шуршанием разбрасывают копыта наших лошадей. Почки на деревьях черные и затвердевшие. Макушки деревьев лишены листьев и напоминают гигантские щетки. Всюду, насколько видит глаз, царит такая же картина запустения. Нет ни шепота свежей листвы, ни многокрасочных цветов, ни веселого щебетанья птиц. Только зеленые ящерицы карабкаются по стволам деревьев, да, шурша, среди травы ползают отвратительные змеи.

Я начинаю понимать. Лес, как выразился Фрэнсис, получил «солнечный удар». Дождей, несомненно, не было, и все деревья, лишенные возможности черпать в земле живительную влагу, зачахли под лучами тропического солнца.

Только растительность по берегам ручья избежала этого бедствия. К сожалению, есть основание полагать, что опустошению подверглось огромное пространство.

— Все против нас, — тихо бормочет сэр Рид. — Вернемся обратно, нечего и думать о путешествии по этим унылым местам. Там, в долине, и решим, что делать. Но рекомендую вам, господа, сохранять крайнюю сдержанность. Нет смысла увеличивать страдания наших спутников, сообщая им об этом новом несчастье.

Молчаливые жесты согласия были нашим единственным ответом, и мы вернулись к месту, где стартовали.

— Где мой кенгуру? — спросил МакКроули, как только увидел меня.

— Нет кенгуру.

— Так я и думал. Ваше зрение не восстановилось

полностью. К счастью, Том раздобыл прекрасное жаркое. Майор, у вас бесценный слуга.

ГЛАВА XI

Позади нас песчаная пустыня, впереди — мертвый лес, невозможно ни продвигаться вперед, ни отступить назад. Положение удручающее, ибо запасы продовольствия почти исчерпаны, и нет никаких возможностей их пополнить. Единственный выход состоит в том, чтобы, как только больные окончательно поправятся, следовать по течению ручья, ведущего, к сожалению, на запад и, следовательно, уводящего нас от нужного направления. Необходимо быстро принять решение, ибо нельзя терять драгоценные минуты.

За ночью следует жаркий гнетущий день. Большие черные тучи, между которыми виднеются бледные просветы, быстро бегут с запада на восток, гонимые знойным ветром, несущим облака пыли, — нечто вроде австралийского самума. Спящие мечутся в лихорадочном сне, я же не могу сомкнуть глаз. Я испытываю, как говорят в просторечье, ломоту в ногах; надо пройтись, размяться, и за неимением лучшего я брожу по берегу ручья, в котором отражаются мерцающие звезды. Но вскоре почти все они скрываются за тучами.

Мой тонкий слух, различающий малейший шум, улавливает слабый рокот, который то усиливается, то затихает в зависимости от силы ветра. Я с тревогой прислушиваюсь. Шум усиливается. Он чем-то напоминает шум града, барабанищего по листе. Я прикладываю ухо к земле и слышу непрерывный гул, похожий на шум идущего поезда. Взволнованный, я встаю и иду будить Тома, чей безошибочный инстинкт поможет разобраться в характере этого явления. Мне кажется, что воды ручья, которые я с трудом различаю при слабом свете звезд, бурлят и текут сильнее.

Услышав мой окрик, Том вскакивает. Он таращит глаза, прислушивается и, насколько это возможно, раздувает ноздри своего приплюснутого носа. В течение нескольких минут он неподвижен. Вдруг на его черном лице появляется выражение неопишуемого ужаса. Он поднимает свои длинные, худые руки в жесте отчаяния и издает гортанный возглас, который заставляет вздрогнуть и вскочить больных.

— Ооак!..

— Что случилось? — спрашивает майор кратко, без видимых эмоций.

— Вода!..

— Что ты этим хочешь сказать?

Абориген с растерянным видом невнятно произносит длинную фразу, которую я не понимаю, но смысл которой тотчас уловил его хозяин, привыкший к грамматике Тома.

— Ладно.

Несколько больших шагов, и майор уже возле сэра Рида, устремившегося ему навстречу.

— Что такое, Харви? — спрашивает сэр Рид.

— Наводнение. Вода движется на нас со скоростью кавалерийского эскадрона.

— Что теперь делать?

— Выбираться как можно скорее из низины.

— У нас есть время?

— Нам много надо успеть сделать.

— Харви, возьмите на себя командование. Я займусь детьми.

И, обретя вновь юношескую энергию, скваттер спешит к девушкам.

— Все ко мне! — кричит старый офицер голосом, привыкшим командовать во время грохота битвы, и этот голос проникает в сердце каждого.

Все на ногах и слушают приказы. Ветер усиливается. Слепительные молнии пронзают сплошные тучи. Лишь немного отдохнув от усталости, с опухшими, воспаленными глазами поселенцы вновь готовы к бою, хотя и не знают, какая опасность им угрожает.

— Запрягайте лошадей!

Двенадцать человек без сутолоки и паники впрягают лошадей в две повозки. Справа от повозок два фонаря освещают сцену поспешных сборов, хотя для этого было достаточно и вспышек молний.

— Каждому взять запас еды на два дня и по пять пачек патронов.

Крышка большого ящика отлетает, поддетая топором, и все разбирают консервы. Запасаются также и боеприпасами.

Если людям удастся сохранять спокойствие, то стихия, напротив, неистово разбушевалась. Гремит гром, сверкают

молнии, гул водного потока, который катит свои бурные воды в узкой лощине, сливается с раскатами грома.

Голос командира подобен звуку горна:

— Все готово?

— Да,— отвечает МакКроули, на которого возложены обязанности помощника командира и который спокоен, как на параде.

— Отлично! Эдвард, возьмите большую карту, поручаю ее вам.

— Есть, командир!

— Фрэнсис, вам даю компас и секстант. Помните, они для нас важнее продуктов.

— Я их буду беречь, сэр,— невозмутимо отвечает гигант.

Эта краткая фраза говорит о том, что он скорее умрет, чем выпустит их из рук.

В момент, когда караван трогается, перед нами вспыхивает громадный язык пламени. Высохшие деревья загораются, как спички. Возникшие от молний пожары возникают в десятках мест и тут же охватывают площадь в квадратное лье. Ветер с безумной яростью раздувает огонь, распространяющийся с невероятной быстротой.

Лошади отпрянули от этой огненной стихии.

Менее чем в пятистах метрах справа от нас при свете пожара мы видим затопленную долину, исчезнувшую под водой, которая наступает беспощадной, грозной стеной высотой в два метра, увенчанной шапкой белой пены. Куда бежать? Что нас ожидает? Не будем ли мы поглощены этим водным потоком?

Нам угрожает смерть от двух грозных стихий, объединившихся против нас. Даже у самых хладнокровных на лбу выступает пот.

Однако, перекрывая треск горящих деревьев, шум катящихся волн и раскаты грома, звучит человеческий голос, отдающий команду сухо и резко:

— Спустить на воду повозку, обитую железом!

Один из путников бросается к головной лошади, хватая ее под уздцы и поворачивает всю упряжку к ручью. Испуганные лошади фыркают и отказываются идти. Приходится подталкивать их острием ножа.

— Режьте постромки лошадей второй повозки. Пять добровольцев — верхом на этих лошадях. Поднимитесь на косогор. Следуйте по течению. В галоп! Остальные — в лодку!

Команды тотчас выполняются. Пять поселенцев вскакивают на перепуганных чистокровок и устремляются из тьмы в зону, освещенную пожаром. Вскоре они исчезают, скача бешеным галопом и издавая победные клики.

В повозке, обитой листовым железом, нас пятнадцать человек. С колоссальными усилиями мы вводим повозку в маленький залив, где она стоит неподвижно, повернутая носом к надвигающейся волне, что пенится от нас метрах в тридцати.

Раздаются крики отчаяния. И тогда один из поселенцев, стоящий на дышле, одной рукой цепляется за обшивку борта, а другой пытается вытащить чеку, которой прикреплен упряжь. Нос лодки поднимается, корма опускается... Лодка опасно раскачивается, готовая вот-вот зачерпнуть воду. Шесть лошадей, скованные сбруей, унесены водой. Они пытаются добраться до берега, но — тщетно! Вся долина покрыта желтоватой бурлящей водой. Ручей разбух и превратился в неукротимый поток шириной более полукилометра. Агония бедных животных длится недолго.

Килевая качка прекращается, однако две оси с колесами утяжеляют лодку, которая становится игрушкой бурного потока. Она неуправляема, кружится в водоворотах и вот-вот перевернется. У нас не было времени установить руль, но, к счастью, имеются все снасти благодаря предусмотрительности и опыту сэра Рида, снабдившего лодку всем необходимым. Четыре весла опускаются на воду, и поселенцы, теперь матросы, гребут на редкость слаженно. Когда удается установить руль, управление лодкой поручается Эдварду, который вновь становится нашим командиром.

Остается выполнить последнее — вытащить чеки, которыми прикреплены оси. Теперь, когда повозка так чудесно превратилась в лодку, оси с колесами не только не нужны, но просто опасны. Они, как я уже упоминал, утяжеляют лодку и препятствуют ее управлению. Потому двое решают рискнуть. Им пропускают под мышками цепь, закрепляют ее, и они храбро ныряют в поток, в котором отражаются блики пожара.

Наглотавшись воды, задыхаясь, они всплывают, так и не сумев вытащить чеки.

— Поднимайтесь на борт, поднимайтесь!

— На этот раз, хозяин, — говорит один из них, — я вас

ослушаюсь. Я знаю, где чеки, и теперь все будет в порядке.

Он снова погружается в воду и находится там так долго, что мы боимся худшего.

Лодка несколько раз сотрясается и неожиданно поднимается на десять сантиметров, а оси с колесами уходят на дно. Мужественных ныряльщиков осторожно вытягивают на борт. Они почти без сознания. Облегченная лодка теперь подчиняется рулю, и несколько умелых взмахов весел заставляют ее принять почти идеальное положение. Поборов разбушевавшуюся стихию, она величественно плывет по волнам, легко одолевая водовороты.

Теперь главное — использовать течение, чтобы найти плодородный участок местности, где мы могли бы высадиться и продолжить путь пешком в страну нга-ко-тко, от которой мы не особенно удалились.

Мы не слишком беспокоимся о судьбе пяти наших спутников, ускользавших верхом на лошадях. Они, безусловно, объехали пожарище, следуя по небольшому косоугру, отделяющему долину от горящего леса. Надеемся, что скоро наши товарищи объявятся.

Мы плывем всю ночь и теперь идем близко к берегу, движимые течением. Судя по всему, наводнение не будет длительным, и поток недалеко унесет нас. Конечно, хотелось бы остановиться возможно раньше: нам кажется, что водный поток удаляет нас от намеченного маршрута.

Хотя лодка очень удобна и хорошо оснащена, она несколько маловата для пятнадцати человек. Оружие, боеприпасы, провизия — увы, ее слишком мало — все же занимают много места. Мне грустно. Мои бедные собаки, несомненно, погибли. Я так любил этих славных животных, особенно моего старого товарища Мирадора, но никак не мог позаботиться о них в момент катастрофы.

Отдельные реплики на лодке постепенно сменяются всеобщим разговором. Все ломают головы над причиной, вызвавшей этот катаклизм, но никто так и не может прийти к определенному выводу. Хотя подобные явления довольно часты в Австралии, в данном случае его невозможно объяснить только ливнем, учитывая колоссальные размеры наводнения. Майор объясняет это землетрясением, которое изменило течение реки или направило в долину воды какого-нибудь озера. Фрэнсис разделяет это мнение, приводя многочисленные примеры.

Однако беспокойство о нашем положении возвращает

всех к реальной действительности. Какое значение имеет причина, если остаются ее последствия? Консервов у нас осталось дня на полтора, максимум — два. Из нашего великолепного каравана скорее всего выжило пять лошадей. Но где они и их наездники? Из шести повозок осталось единственное средство передвижения — лодка, на которой мы плывем. Из пятнадцати ее пассажиров двенадцать еще больны. Так что будущее далеко не утешительное.

Меж тем голод дает себя чувствовать. Хорошо бы пристать к берегу и там приготовить еду, потому что на лодке огонь не разведешь. Несколько взмахов весел подводят лодку к берегу, и мы привязываем ее к стволу великолепной софоры. Наш ответственный за питание вскрывает охотничьим ножом оловянные пакеты, в которых хранятся продукты. Вдруг он замирает, бледнеет, бросает нож и кричит:

— Тысяча чертей! Консервы испортились!

Новый удар судьбы не только не сгибает нас, но, напротив, вызывает прилив энергии.

— Ну конечно, мой лейтенант, мне это представляется совсем простым делом, и если командир разрешит...

— С радостью! Но поскольку вам одному было бы опасно пускаться в неведомые пустынные места, пусть половина мужчин сопровождает вас.

К нам присоединяется и МакКроули. Мы с Робартсом едва удерживаемся от улыбки при виде того, как наш друг, побуждаемый неумолимым голодом, жертвует беззаботным ничегонеделанием, которое он предпочитает всему другому.

Когда мы уже собрались уходить, он с чарующей простотой совершает бескорыстный поступок: изящным жестом щеголя сняв каскетку с надзатыльником, МакКроули достает из полотняной котомки две съедобного вида галеты и галантно преподносит их мисс Мэри.

— Бедняжки хотя бы сегодня не умрут с голоду, — говорит обрадованный сэр Рид. — До скорой встречи, господа! Я не выражаю пожелания удачной охоты, потому что, быть может, это пожелание так и не сбудется.

День обещает быть трудным. Солнце печет по-прежнему, а мы ведь не верхом на послушных и выносливых лошадях. Приходится идти пешком, и мы почтем себя счастливыми, если немного дичи вознаградит нас за труды. Где ты, мой верный Мирадор? Как бы нам сейчас

пригодился твой безошибочный нюх! Что делать, Том тебя заменит. Все надежды мы возлагаем на его инстинкт человека, выросшего среди этой природы.

Мы шагаем быстро, несмотря на муки голода или скорее подстегиваемые ими. В течение некоторого времени мы идем по ущелью, похожему на высохшее русло ручья. Справа и слева высятся деревья, корни которых нашли достаточно влаги, чтобы выдержать тропическое пекло. Однако нас удивляет отсутствие птиц. Возможно, что огонь вчерашнего пожарища спугнул их. Песок приобретает все более красноватый оттенок, и в некоторых местах он напоминает огромные скопища ржавчины. Ущелье сначала сужается, потом вдруг расширяется, и мы входим в круглую долину шириной более двух километров. Здесь нас ожидает новый сюрприз. На этом красновато-коричневом гравии, окрашенном окисью железа, посреди которого тянутся полосы известковой глины, произрастают какие-то чахлые кустики. С подобным пейзажем мы знакомы давно: эта земля, пыльная, пустынная, блеклая и бесплодная, — золотое поле. Природа, которая не дала себе труда украсить богатым одеянием из зелени и цветов, подобна миллионеру в рубище, уверенному в том, что он всюду желанный гость. Наносная почва, по которой мы ступаем, вполне пригодна как хранилище металлических руд.

Представшее перед нами золотоносное поле полно неслыханных богатств. Но — увы! — мы можем уделить этим миллионам лишь мимолетное внимание. Мне невольно приходят на ум слова из басни о петухе, который нашел жемчужное зерно:

А я бы, право, был гораздо более рад
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно.

Эти строки Лафонтена как нельзя лучше подходят к нашей ситуации. Нас мучит голод, а находим мы только золото.

Подкованный железом ботинок Сириля отбрасывает нечто желтое величиной с куриное яйцо и весом, вероятно, в 700—800 граммов. Это изумительный самородок в форме груши, хорошо отшлифованный, без блеска, как бы слегка задымленный.

— Сколько же их тут! — говорит Сириль со смехом. — Ведь это надо: золото растет здесь как у нас картошка!

— А ты предпочел бы картошку этому самородку? Ну что ж, жалуйся, гурман, ничего тут не поделаешь.

— И все-таки я положу этот слиток в карман, мало ли что может с нами случиться.

— Не стесняйся, тебе только достаточно наклониться. Но ты, кажется, надеешься найти ресторан?

— Ну если бы мы натолкнулись на таверну, я заплатил бы за завтрак для всей компании и не взял бы ни с кого ни полушки.

С Сирилем вдруг что-то произошло... Глядя по сторонам, перебегая с места на место, он возбуждается и начинает собирать слитки, обладание которыми, видимо, заставляет его забыть о голоде. Его пример заражает поселенцев. Они присоединяются к Сирилю и, в свою очередь, начинают жадно разгребать драгоценный песок. МакКроули, Робартс и я, удерживаемые самолюбием, остаемся холодными к этому богатству, столь же бесполезному, сколь и неожиданному. Однако любопытство постепенно делает свое дело. На несколько минут мы превращаемся в золотоискателей-любителей и ковыряем ножами верхний слой песка, затвердевшего от смены солнца и дождей. На какой-то момент мы забываем о цели нашего похода, подчиняясь неодолимому опьянению, что овладевает всеми европейцами, когда они первый раз начинают копать золотосную почву.

Но скоро пустой желудок напоминает о себе: золотая лихорадка лишь ненадолго победила усталость и голод. Покрытые потом и задыхаясь на солнце, мы трое смотрим друг на друга и не можем удержаться от смеха.

— Что скажете, МакКроули?

— Стыжусь своей выходки. А вы?

— Какая нелепость. Том созерцает нас уже полчаса, и, верно, у него сложилось о нас неважное мнение.

— О! Если бы я был в Мельбурне, — говорит Том, — собирать бы песок — пить виски. Здесь виски у майора в повозке, зачем мне работать?

Та же мысль, по всей вероятности, приходит в голову поселенцам. Голод возвращает их к действительности, и они прекращают поиски золота.

— Пошли, ребята, — зовет их Робартс. — Урожай-то хоть приличный?

— Да, сэр Робартс. Как жаль, что нельзя набрать побольше.

— Несомненно. Однако не забывайте, что дома вы получите компенсацию за все перенесенные страдания, потому что сэр Рид намерен обеспечить вам всем хоро-

шее будущее. Найденное золото вам еще пригодится, пока же надо искать пищу. Здесь, к сожалению, мы ее не найдем.

Золотая лихорадка отняла у нас немало драгоценного времени. Уже почти четыре часа пополудни, а мы ничего не ели со вчерашнего дня.

Покинув золотоносную долину, мы попадаем в эвкалиптовый лес. Деревья здесь несколько порыжели, но в общем все еще полны живительных соков. Надрезав корни, мы утоляем жажду.

Том, который рыскает повсюду, время от времени отыскивает среди листьев, покрывающих землю, каких-то червей и личинок и тут же с удовольствием их поедает. Славный старик, нетребовательный, как и все его соплеменники, переживает, что нам нечего пожевать, и усердно ищет добычу, которой пока нет.

Наконец он останавливается перед высоким эвкалиптом, внимательно рассматривает кору, отходит, измеряет на глазок высоту ствола и вдруг начинает пританцовывать, отчаянно жестикулируя.

— Опоссум,— кричит он своим гортанным голосом.

— Где ты видишь опоссума?— заинтересованно спрашивает Сириль.

— Там,— отвечает старик, ударяя по стволу дерева топором.

— Откуда ты знаешь, что он еще там?

Том пожимает плечами и показывает Сирилю царапину на коре.

— Я тоже ее видел, но, может быть, след давний или опоссум мог поцарапать кору, когда спускался...

Молча абориген показывает на несколько песчинок, прилипших к царапине; они могли остаться только тогда, когда животное поднималось, и это для него, как и для нас, неоспоримое доказательство, что животное все еще находится в дупле этого дерева.

— Но как он забрался туда?— спрашивает Сириль, все еще недоверчиво.

Том тянет свой черный и сухой палец, напоминающий солодовый корень, и показывает скептику круглую дыру диаметром в шапку примерно в сорока футах от земли.

— Да, ты прав. Но как ты собираешься его оттуда извлечь? И потом опоссум весит всего пять или шесть фунтов. И на восьмерых-то недостаточно такого рагу. Что уж говорить тогда о тех, кто ждет в лагере...

Том считает на пальцах, но в арифметике он явно не

силен. Он сбивается и снова пересчитывает пальцы на обеих руках, потом на ногах и, наконец, говорит:

— Три, четыре, пять, еще, еще, много!

Впрочем, Том привык не говорить, а действовать, руководствуясь правилом: «Acta, non verba»¹. Поэтому он берет топор и делает глубокую зарубку на стволе в метре от земли. Четырьмя ударами он вырубает ступеньку, забирается на нее и столь же быстро метром выше делает новую. Такой способ взбираться на высоченные деревья очень хорош, но не всякий может воспользоваться этим приемом.

Поднявшись до отверстия, которое служит входом в нору сумчатых, Том останавливается, наклоняется к дыре и обращается к животному с длинной речью, предупреждая, что ему будет оказана честь — поджариваться в ямке, набитой раскаленными камнями, и потом своим вкусным мясом насытить сжавшиеся от голода желудки белых людей.

Речь его, однако, не увенчалась успехом, и будущее жаркое упорно прячется в глубинах эвкалипта. Старый охотник спускается на землю еще быстрее, чем поднимался, и размышляет, запустив пальцы в свои взлохмаченные седые волосы.

Вдруг Том подпрыгивает, и мы понимаем, что он решил проблему. Он ищет камень, но не находит ни одного. Потеряв терпение, он обращается к Сирилю и просит у него золотой слиток. Сириль, не желая выпускать золото из рук, сопротивляется, но Том настаивает, ничего не объясняя.

— Хорошо, — произносит Том, беря самородок, — приложи ухо там. Слушай, когда он падает, мой надо знать, как высоко опоссум.

— Понял? — спрашиваю я босеронца. — Том просит тебя приложить ухо к стволу и прислушаться, когда упадет слиток, чтобы узнать глубину дупла, чтобы срубить дерево на нужной высоте.

— Так, так, — подтверждает старый абориген, снова забираясь вверх по «лестнице».

— Теперь что?

— Мой бросает туда, в дыру. Вот!

Дерево оказалось полым до самой земли. Том отрубает

¹ Дела, а не слова (лат.).

ветви справа и слева, отбивает куски коры и закрывает ими отверстие, из которого может выскочить зверек, пока мы будем валить дерево.

Эвкалипт имеет почти восемь метров в объёме, и свалить его чрезвычайно трудно. Правда, дерево полое, но толщина коры, по словам Тома, более сорока сантиметров. У нас всего три топора, и понадобится более часа, чтобы проделать отверстие, в которое мог бы проникнуть человек. Поскольку нет другого выхода, работа начинается. Дерево старое, и кора его твердая. Топор отскакивает от его тугих волокон.

Вдруг у меня возникает дерзкая идея. Я запускаю руку в ягдташ и нащупываю пачку патронов с разрывными пулями. Испробовав некоторое время назад страшный эффект этих пуль, я был поражен разрушением, которое они производили. А почему бы и нет? Стоит попробовать. Я прошу лесорубов прекратить работу и раздаю патроны.

Робартс понимает мою идею, но сомневается в успехе. Сириль подсекает в трех футах от земли полосу коры, по которой мы должны стрелять. И вот, встав в десяти метрах от цели, поселенцы ждут сигнала.

— Огонь!

Еще не смолк грохот взрыва, как мы уже мчимся к дереву. Сколько же разрушений может сделать этот маленький кусочек металла, что не весит и сорока граммов! Древесина разбита, выворочена, размельчена на высоте в шестьдесят сантиметров и в ширину на полтора метра. Если дать залп с другой стороны, дерево наверняка упадет. Но в этом уже нет необходимости: Том пролез в дыру.

Из отверстия доносятся пронзительные крики: Том хватается опоссумов, не давая им удрать, и возвещает об этом. Вскоре он выбрасывает наружу одного из них, потом второго, третьего. Вот уже фунтов двадцать свежего мяса для завтрака. Но возня внутри дерева усиливается, и один из поселенцев присоединяется к Тому, которому одному, видно, не справиться. Вскоре мы с невыразимым блаженством насчитываем десять сумчатых, предназначенных для наших желудков.

— Вот вам, МакКроули, молочные опоссумы, — я вытаскиваю из огромной сумки особи женского пола несколько детенышей величиной с крысу.

— Ах, дружище, старый или молодой — мне безразлично. Сейчас я могу стать и каннибалом. — это гастроно-

мическое богохульство наш гурман, конечно, произносит в шутку.

— Ну как, Том, закончил свои дела?— спрашиваю старого аборигена.

— Ищу камень Сириль. Держи,— говорит он, вылезая с самородком в руках.— Видишь, мой не потерял.

И вот горит костер, на вертеле поджаривается дичь. Подкрепившись, мы подумываем о возвращении.

— Что ты там делаешь, Том?— вдруг спрашивает МакКроули, поглощая последний кусок мяса.

— Я рисовать коббонг для нга-ко-тко,— отвечает австралиец, который вырезал своим ножом грубые очертания головы змеи на белой коре камедного дерева.

— Он прав, мсье,— одобряет действия Тома МакКроули.— Я думаю, что надо срочно вырезать эти знаки, ибо мы находимся в самом бедственном положении, и только показав свое присутствие на земле нга-ко-тко, можем избежать новых несчастий.

Нагруженные добычей, мы направляемся к лагерю, который так далеко от нас. Нет смысла вновь пересекать раскаленное солнцем золотое поле, и мы его огибаем. Дорога стала длиннее, но идти по траве менее мучительно.

Все мы спешим вернуться.

— Оак!— вдруг вскрикивает перепуганный Том, идущий впереди.

— Стой!— останавливают нас двое поселенцев, следующие за ним.

— Что случилось?

— Аборигены!

— Откуда здесь аборигены?

— Чтоб они провалились, эти проклятые аборигены!

— Где вы их видите?— спрашивает МакКроули у одного из поселенцев.

— Вот, смотрите.

— Но я ничего не вижу.

— Ах, сэр МакКроули, они прошли здесь совсем недавно, и нам, местным жителям, известны признаки их присутствия. И, право слово, их очень много. Трудная будет битва,— заканчивает поселенец, ударяя прикладом ружья о дерево.

— Да, вы правы, это сделано недавно, потому что сок еще капает.

— А знаете ли вы, о чем говорят эти метательные

копья с красными перьями, кремниевый наконечник которых вбит в ствол дерева или воткнут в землю?

— Признаюсь, не имею ни малейшего понятия об этом.

— «Деревья с татуировкой, означающей войну» предупреждают белых, что территория, по которой они идут, запретна для них, а копья с перьями цвета крови призывают всех чернокожих не пускать белых на эту землю любыми средствами... Они объявили нам войну на истребление, войну без перемирия и пощады. О, боже! Этих дьяволов должно быть великое множество, если они ведут себя так дерзко.

— Однако нам надо пройти!

— Я того же мнения, сэръ Робартс. Именно поэтому я и сказал, что нам предстоит потрудиться.

— Вперед, господа! В лагерь!

Тревога подстегивает нас. Бедняги, оставшиеся в лагере, наверное, умирают с голода. Надо, не мешкая, доставить им провизию, а затем держать совет о том, что делать дальше.

Сириль, у которого такой же обостренный слух, как и у абригенов, время от времени прислушивается к шуму, несомненно, воображаемому.

— Что там, дорогой? — спрашиваю у него.

— Наверное, в ушах шумит.

К счастью, это никакая не иллюзия: мой добрый пес лает так, что у него срывается голос. Вскоре он и прибегаёт, не отрывая носа от травы.

Позади него — какая приятная неожиданность! — скачут верхом на лошадях наши пять товарищей, которых мы едва уже надеялись увидеть. У одного из них на крупной лошади огромная туша кенгуру — ценное пополнение наших съестных припасов.

— Аборигены, господа, по меньшей мере в пятистах метрах от нас! — кричат они в один голос, едва мы успеваем им пожать руки и поздравить с благополучным возвращением.

Несмотря на удушающую жару, мы едва не бежим к ручью и через полчаса, измученные, оказываемся в лагере, где все были обеспокоены нашим долгим отсутствием.

Пока жарится дичь, мы в двух словах вводим своих товарищей в курс дела. Решено, что пойдем на крайние меры только в том случае, если никак не удастся договориться с аборигенами. Пока же речь идет о том, чтобы

собрать все силы и прикрыть подступы к лагерю. Водный поток, который мчится позади нас, мог бы послужить преградой для противника, если тот захочет предпринять обходной маневр. Но, к несчастью, вода спала так быстро, что ручей уже принял свои первоначальные размеры — от силы четыре метра в ширину.

Мы спешно спускаем на воду лодку и используем валежник в качестве своеобразных фашинов, как защиту от стрел и копий аборигенов. Едва только работа по укреплению этой нашей последней цитадели завершена, как часовые сигнализируют о появлении вражеского авангарда. Сэр Рид вновь категорически запрещает стрелять до тех пор, пока мы не исчерпаем все средства для примирения.

Аборигены разрисованы краской войны. Их более трехсот, и они продвигаются вперед с криками, потрясая копиями.

Хотя нам и запрещено открывать огонь по людям, тем не менее надо продемонстрировать атакующим, что, несмотря на малую численность, мы достаточно грозный противник.

Им, вероятно, неизвестен радиус действия огнестрельного оружия, а тем паче эффект разрывных пуль. Что ж, аборигенов ожидает сюрприз. Робартс, увидевший аборигенов на расстоянии 400 метров, прижал к плечу карабин и прицелился в молодое деревце, которое возвышается среди толпы. И вот страшная пуля перебивает белый ствол на высоте человеческого роста. При виде этого чуда удивление аборигенов быстро переходит в смятение, заставляя проявлять большую осмотрительность. Они бросаются на землю и втыкают рядом с собой копия, украшенные разноцветными тряпочками. Разумная тактика, применяемая всеми народами мира, когда под удары врага подставляется лишь незначительная часть тела.

— Ага, храбрецы! — гордо восклицает меткий стрелок, перезаряжая карабин. — Пока вы удивлены. Теперь мы вам покажем еще несколько образчиков нашей сноровки. Если у вас хватит духу продолжить начатое, можно будет избрать и другую цель.

— У меня есть идея, — заявляет, в свою очередь, майор. — А что, если вам дать залп по группе молодых деревьев?

— Прекрасно! — одобрили это предложение хором братья и их дядя.

— Тогда к делу! Присмотреться и каждому выбрать

себе цель, — говорит Сириль. — Стреляйте как на деревенском празднике, когда каждый мечтает попасть в фаянсовую тарелочку.

Раздается дюжина выстрелов, и деревья валятся в разные стороны, словно подкошенные. В мгновение ока чернокожее войско подскакивает, как на пружинах, и скрывается из виду.

— Должен признаться, что у них занятная манера убежать, а, Фрэнсис? — обращаюсь я к канадцу. — Хотелось бы знать, что у них сейчас на уме?

— Хм! Их сейчас довольно много, — озабоченно отвечает канадец. — Боюсь, как бы они вскоре опять не перешли в наступление.

Проходит полчаса.

— А что я вам говорил! — восклицает Фрэнсис. — Поглядите! Видите, они ползут по траве, словно пиявки? Бог мой! Да они, кажется, хитрее, чем я полагал. Вот-вот, мсье, видите там, справа, возле огромного папоротника, кучка малорослых пальм? Их только что не было. Этот прием аборигенов нам известен давно.

Мы направляем в эту сторону бинокли, и они позволяют нам наблюдать довольно любопытные маневры, которые аборигены выполняют нарочито медленно. Да, Фрэнсис не ошибся. В лесу, состоящем лишь из больших деревьев, как по волшебству появляются многочисленные кусты, которые двигаются почти незаметно, образуя полукруг, в центре которого находимся мы. Конечно, для нас это новый источник опасностей, но при всем том это поразительное зрелище нас живо волнует.

— Не думаете ли вы, дорогой друг, — говорит майор сэру Риду с озабоченным видом, — что следовало бы немедленно пустить пули в каждый из этих странствующих кустов и изгнать из прикрития негодяев, которые там спрятались?

— Я полагаю, что надо попробовать послать парламентаров.

— А вы не думаете, что это рискованно?

— Пока нет. Пусть три человека пойдут им навстречу, медленно, благоразумно. Том будет их сопровождать, и он попробует обратиться к аборигенам, когда будет в пределах слышимости. Здешние диалекты не так уж сильно отличаются один от другого, и я надеюсь, что его поймут.

— Но если все-таки аборигены нападут на парламентаров?

— А на что мы здесь? Мы прикроем их. У нас есть пулемет. Не сбрасывайте со счета и револьверы, которые будут у них в руках.

— У вас на все есть ответ, дорогой друг.

Без промедления трое мужчин в кожаных жилетах рыжеватого цвета направляются в сторону аборигенов вместе с Томом, на котором, как всегда, красная рубашка.

Около тридцати аборигенов спокойно садятся на землю, втыкая рядом копья, и наша четверка направляется к ним, не упуская из виду кусты, медленное движение которых внезапно прекращается. Проходит пять долгих минут, и — поразительное дело! — расстояние, отделяющее парламентаров от аборигенов, не уменьшилось ни на фут. Кажется, что аборигены не обращают никакого внимания на белых: одни сидят к ним спиной, другие лицом или боком. И в нашем лагере это вызывает не меньшее удивление, чем то, которое испытали аборигены при виде падающих деревьев.

Дикость какая-то! Поселенцы продолжают идти, однако расстояние между ними и врагами остается абсолютно неизменным. И наконец до нас доходит, что аборигены располагаются не на прежних местах: сейчас они позади покалеченных деревьев, тогда как только что были шагах в шестидесяти впереди. Мы не суеверны и не верим в колдовство, а потому наводим на них свои бинокли. И сразу видна тактика аборигенов. Она необычайна, и для того, чтобы осуществить ее, нужны обезьянья сила и ловкость.

Опираясь на кулаки, аборигены незаметно приподнимаются и медленно, плавно, чуть-чуть передвигаются, сохраняя без изменения первоначальное положение тела.

Иллюзия неподвижности усиливается еще и тем, что копья, которые мы считали воткнутыми в землю, передвигались вместе с аборигенами. Это поразительная хитрость, которая состоит в том, что каждый из них предельно напрягает мускулы и держит древко копьа между пальцами ног, сохраняя его вертикальное положение.

— Они заманивают наших парламентаров в ловушку; всех нужно немедленно вернуть! — кричит скваттер и пронзительно свистит в свисток.

Как только привыкшие к этому сигналу охотники останавливаются, мы, замирая от удивления, видим, что позади них поднимается, наверное, двадцать огромных листьев, и под каждым из них согнулся каннибал, раскрашенный в цвет войны.

Поселенцы ошеломлены, словно наступили на клубок змей. Их удивление настолько велико, что им и в голову не приходит стрелять в аборигенов, удирающих с быстротой оленей.

Еще немного, и нашим поселенцам пришел бы конец.

Какая же ловкость требовалась аборигенам, чтобы так замаскироваться листьями, что, даже глядя в превосходные бинокли, мы их не видели! Они обманули и зоркий глаз поселенцев, отлично ориентирующихся в лесах.

Легион черных демонов исчез. Наши поселенцы возвращаются, обескураженные всем этим, но все же счастливые, что избежали страшной опасности.

Итак, поскольку примириться не удалось, будем приносить силу.

Наступает ночь, усиливающая неведомые опасности, которые нас окружают. Никто не может предугадать, что скрывается за плотной завесой тьмы. За каждым деревом, каждым кустом может таиться засада. Все словно сговорилось против нас... Прежде всего нам надо разжечь костры, чтобы хоть что-то видеть, дабы отразить возможную атаку. Вскоре зажигается костер, и его пламя словно становится сигналом: со всех сторон вспыхивают огни. Их более двухсот, и они освещают огромное пространство. Раздается так хорошо нам знакомый клич, которым аборигены зывают своих соплеменников.

В нашем лагере, мрачном и молчаливом, каждый удваивает бдительность. Мы пытаемся разглядеть аборигенов, расположившихся перед нами. Немеют руки, сжимающие оружие. И эта тишина еще более тревожна, чем галдеж, поднимаемый аборигенами, когда они готовятся к нападению.

Мой пес заунывно воеет уже несколько минут. Как видно, его охватил страх, и он льнет к моим ногам.

И вот жалобное завывание пса внезапно перекрывают оглушительные вопли, поднимающиеся со всех сторон. Целая армия каннибалов врывается в лагерь, как поток, и, прежде чем мы успеваем что-либо предпринять, нас хватают безжалостные руки и связывают. Неожиданность нападения и огромное число врагов лишили нас возможности оказать сопротивление.

Прежнее молчание и неподвижность аборигенов сменяются шумными возгласами и бесконечными прыжками.

Кооо-мооо-хооо-эээ! Сигнал к сбору звучит непрерывно, призывая соплеменников прибыть, чтобы отпраздно-

вать поражение белых. Некоторые аборигены бросаются во тьму и приносят охапки смолистых веток, которые вспыхивают, освещая сцену скорби: мы стали печальными жертвами. Скрутив путами из волокон формиума, нас положили, как дрова, вокруг лодки. По крайней мере две сотни аборигенов пляшут и поют, едят продукты, что нам так дорого достались. Число аборигенов растет непрерывно. Прибывают все новые и новые люди. Они выглядят гораздо менее свирепыми, чем те, с которыми нам приходилось иметь дело раньше, и слабая надежда зарождается в наших сердцах. Мы пришли сюда не как враги, и, быть может, удастся объяснить, что наше путешествие носит сугубо мирный характер и преследует единственную цель — найти племя нга-ко-тко.

Рассматривание предметов, находящихся в лодке, сопровождается радостными возгласами этих неискушенных детей природы при каждой новой находке.

Один из аборигенов, видимо, главный, держит в руках приоткрытый чемодан. Он перебирает его содержимое, напоминая любопытную обезьяну, и разбрасывает вещи, которые там обнаруживает, во все стороны. Вот он вытаскивает маленький серый бумажный пакет, и, кажется, этот пакет его заинтересовал. Абориген медленно раскрывает его, вынимает предмет, который я не могу издали рассмотреть и вид которого производит на аборигена необычайное впечатление.

Я вдруг вспоминаю о подарке доктора Стивенсона.

Из груди аборигена вырывается гортанный звук, и он простирается на земле в позе величайшего смирения.

Пляски и пение прекращаются как по мановению волшебной палочки, и все аборигены собираются у лодки. На их лицах выражение, близкое к страху.

— Коббонг! Коббонг! — шепчут они тихо.

В это время появляется новая группа аборигенов, во главе которой идет атлетически сложенный молодой человек лет двадцати пяти; нагота его прикрыта несколько больше, чем у соплеменников. Он носит эмблемы помощника вождя. Кожа его более светлая, у него длинная борода. Приблизившись к таинственному талисману, заставившему всех склонить головы, он, в свою очередь, издает радостный крик, напоминающий рычание, и произносит несколько слов на местном наречии.

Путы с нас снимают гораздо скорее, чем завязали. Нам

дружески пожимают руки. Тем временем помощник вождя говорит на ломаном английском языке:

— Великая эмблема нга-ко-тко спасла вас, джентльмены. Я — сын Рыжего Опоссума.

ГЛАВА XII

Финал наших странствий напоминает триумфальное шествие. Аборигены так неистово проявляют свою благосклонность к нам, что она становится просто утомительной. Поминутно нас угощают то ягодами, то вкусными кореньями, то изысканной дичью, причем в таком количестве, которое, хотя и свидетельствует о наилучших намерениях, но явно превышает вместимость наших желудков.

После того как вода в ручье спала, удалось найти колеса нашей повозки-лодки и снова поставить их на место. Пять лошадей, единственные, что уцелели от всего эскадрона, впряжены в повозку.

Все аборигены беспрекословно подчиняются авторитету Джо-второго. Сын Рыжего Опоссума — очень красивый метис. Его кожа цвета кофе с молоком, рыжеватая борода, правильные черты лица и ум, светящийся в глазах, выдают его европейское происхождение. Он сносно говорит по-английски, и это унижает нашего старого аборигена. Том чувствует, что здесь его отодвинули на второй план, несмотря на его манеру покровительственно смотреть на туземцев, восхищенных его рубашкой цвета бычьей крови и каталанским ножом стоимостью 6 франков 75 сантимов.

— Пожалуйста, дитя мое, — ласково обратился сэр Рид к молодому помощнику вождя, — объясни мне, из-за какого рокового недоразумения ваши люди приняли нас за врагов и могли перерезать нам глотки.

— Они бы вас не убили, — ответил наш новый друг. — Всему племени и нашим союзникам уже давно отдан приказ уважать белых людей.

— Но чем тогда объяснить это внезапное нападение? Молодой человек, смутившись, ответил после колебания, как бы испытывая стыд за наивность своих соплеменников:

— Дело в том, что белый цвет у нас — цвет войны; когда племя нга-ко-тко увидело, что большинство из вас одето в белое, то решило, что вы пришли с враждебными намерениями.

Пусть и необычное, это объяснение было вполне правдоподобным.

— А почему маленькая деревянная скульптурка, найденная одним из ваших людей, вызвала такое благоговейное к ней отношение?

— Это великая эмблема нашего племени. Она вырезана из корня вай ненд, дерева смерти, и представляет собой голову змеи, глаза которой сделаны из двух маленьких кусочков золота. Мой отец подарил эту голову двадцать лет тому назад одному белому ученому, который был его другом.

— Он вручил ее доктору Стивенсону, который отдал ее мне в момент отъезда! — воскликнул я, потрясенный.

— Да, именно так звали друга Рыжего Опоссума.

Поскольку сэр Рид захотел побыть наедине с молодым человеком, мы тактично оставили их вдвоем, обсуждая по дороге цепь событий, столь невероятных.

После длительного разговора с Джо скваттер, бледный, расстроенный, разыскал своих племянников и их сестру.

Увы! Их отец умер. Вскоре после того, как написал письмо, которое один возница привез в залив Карпентария. Старик тихо угас на руках друзей, прошептав в последний раз дорогие имена своих детей. Теперь он покоится в лесу камедных деревьев, его могила священна для аборигенов, часто совершающих туда благочестивые паломничества.

Вот в основном то, что мы узнали, пока проделали последний отрезок пути.

Быстроногие гонцы заранее возвестили о нашем предстоящем прибытии в деревню нга-ко-тко, и здесь нас ожидал восторженный прием.

Рыжий Опоссум вышел нам навстречу. Он сердечно пожимал нам руки, бросал нежные взгляды на детей своего дорогого друга, и на его глаза набегали слезы.

Джо МакНайт — замечательный старик с белыми как снег волосами, прямой, как дуб, со все еще живыми черными глазами. Кажется, что годы нисколько не ослабили его мощную мускулатуру. Человек доброй души, он с искренним интересом расспрашивал меня о докторе Стивенсоне, о котором сохранил самые теплые воспоминания. Любопытно, что, хотя он давно порвал с цивилизованной жизнью, МакНайт прежде всего поинтересовался, как восприняли соотечественники описание его приключений, давно опубликованных в книгах и журналах. Его радость

была поистине безграничной, когда он узнал, что ему посвящен целый доклад, хранящийся в библиотеках Мельбурна и Сиднея.

Деревня нга-ко-тко состоит по меньшей мере из трехсот просторных хижин, сложенных из солидных ветвей. Ветви эти воткнуты основанием в землю и соединены сверху необычайно прочными растительными волокнами. Щели заделаны растертой землей, снаружи все сооружение покрыто специально обработанной корой. Эта разумная система делает хижины непроницаемыми для ветра и дождя. Вход, неизменно обращенный к восходящему солнцу, просто прикрывается занавесом из коры или шкуры кенгуру. Несколько слоев сухого душистого вереска, застеленного шкурами, служат кроватями, удобными и мягкими.

И наконец, нечто удивительное и даже уникальное для аборигенов Австралийского континента — много гектаров земли вспаханы, и целые поля белоуса, ямса, батата и разных корешков, названия которых мы не знаем, служат защитой от голода всему клану, возглавляемому нашим другом.

Все мы испытываем глубокое удовлетворение при виде того, что зачатки цивилизации проникли в это пустынное место. Энергия одного белого человека, подкреплённая его добротой и примером неустанного труда, позволила привить известные навыки этим обездоленным. Они стали людьми, эти несчастные, которых англичане преследуют и уничтожают огнестрельным оружием как диких зверей, вместо того чтобы улучшить условия их жизни и помочь им воспользоваться благами европейской цивилизации.

Подлинная деликатность, которую они проявили в день нашего прибытия, окончательно укрепила самое лучшее мнение о них.

Потом самые видные люди племени, не столь обнаженные, как аборигены, которых мы встречали до сих пор, отвели нас за триста метров от деревни — к месту захоронения усопших племени нга-ко-тко.

Племя отказалось от древнего обычая бросать тела умерших под открытым небом и стало закапывать их в землю, как это делают в Европе. Но, не имея возможности увековечить память усопшего в бронзе или мраморе, на которых — увы! — часто начертаны лживые слова скорби, эти простодушные дети солнца и лесов усеяли последнее прибежище своих друзей и близких цветами,

которые из года в год вновь расцветают. Они превратили кладбище в ослепительный цветник. И насколько же отличается это скромное австралийское кладбище, где поют птицы и распускаются цветы, от скорбных огороженных участков цивилизованных наций.

Теперь нам нет надобности доказывать подлинность наследников. И после недели, полностью посвященной отдыху, в котором каждый из нас остро нуждался, Рыжий Опоссум, добросовестный душеприказчик, приступил к передаче детям своего друга состояния их отца.

Количество золота, собранного бывшим каторжником с помощью аборигенов, действительно колоссально. Первый тайник, который открыл Рыжий Опоссум, содержит золота примерно на четыре миллиона, по словам поселенцев, которые в той или иной степени занимались золотоискательством. Это отборные слитки, почти все величиной с куриное яйцо. Их около двухсот пятидесяти.

Должен сказать, что это богатство занимает довольно мало места, поскольку удельный вес золота в 19,25 раза превосходит удельный вес воды. По этой цифре можете судить о том, сколько оно занимает места. При виде бледно-желтых, дымчатых самородков мне вдруг приходит в голову банальный образ, но, ей-богу, мне кажется, что я вижу три или четыре буасо¹ только что вымытого картофеля. Таково единственное впечатление, которое производит на меня эта кучка золота, что могла быть достойным выкупом даже для короля.

Во втором тайнике находились двадцать восхитительных кусков чистого золота стоимостью, вероятно, более полутора миллионов. Слитки волнистые, с параллельными бороздками, как будто их медленно охлаждали, причем каждый слой по очереди.

В третьем тайнике стояли рядами около сорока бочонков, сплетенных из толстого бамбука. Все они до краев наполнены кусочками золота разной величины — от размера пальца до пули крупного калибра. Невозможно оценить стоимость этой феерической кладовой. Но вид сокровища производит отрадное впечатление на его обладателей, как бы равнодушны они ни были к материальным

¹ Буасо — старинная мера сыпучих тел, равна 12,5 литра.

ценностям. Подобная находка не может не вызвать радости.

И наконец в четвертом и последнем тайнике находились два огромных слитка, засверкавших на солнце, когда их вынули. Размеры и ценность слитков настолько уникальны, что музей Мельбурна был бы счастлив обладать ими.

Если, судя по всему, стоимость сокровищ достигает десяти миллионов, то общий вес всей массы золота должен составлять более трех тысяч трехсот килограммов.

Такую тяжесть невозможно везти на лошадях в дополнение к весу повозки, обитой листовым железом. Потребовалась бы упряжка по меньшей мере из десяти совершенно свежих тягловых лошадей, привыкших к хому. И это при том, если тянуть повозку по хорошо укатанной дороге, а не по траве и песку.

Но поскольку наша повозка в этом случае будет бесполезна как средство передвижения по суше, ее можно опять превратить в лодку. Если мы найдем реку — эту «движущуюся дорогу», — то она без препятствий доставит сокровище к заливу Карпентария.

Мы должны находиться совсем рядом с полноводной Харберт-крик. И хотя карта, вверенная заботам Фрэнсиса, несколько пострадала после последней встречи с аборигенами, мы все же сможем найти на ней полезные данные, определить свое местонахождение и наметить маршрут следования.

Аборигены племени нга-ко-тко поистине проворные и ценные помощники. Распределив золото по ста пятидесяти небольшим тючкам, каждый из которых весит в среднем от 24 до 27 килограммов, они завернули слитки в куски гибкой, но прочной коры, затем оплели их тонкими лианами, соорудив упаковку, прекрасно выдерживающую тяжесть свертков при их небольшом размере. С обеих сторон такого свертка они пропустили веревки из растительного волокна, и получилось нечто вроде ручки корзины, что позволяло носильщику нести тючок на руке или повесить его через плечо.

Все приготовления завершились менее чем через три часа.

...Прежде чем распрощаться с этими славными людьми, оказавшими нам такое сердечное гостеприимство, рассеявшими наше прежнее предубеждение в отношении коренных австралийцев, необходимо обсудить в мельчайших деталях важный вопрос о пути возвращения домой. Пре-

жний вариант — вернуться тем же путем, каким мы пришли к племени ига-ко-тко, — оказался неприемлем. У нас нет ни лошадей, ни повозок, ни провизии. Приходилось избирать другой путь.

Общее мнение сводилось к тому, чтобы двигаться до залива Каррентария. Пустая лодка будет завтра доставлена к Харберт-крик. Поскольку у нас немало рук и наши помощники весьма усердны, будет нетрудно одновременно перетащить на спине и все тючки. После того как груз будет уложен, останется место для двух девушек и провизии, потому что водоизмещение лодки, как вы помните, составляет 10 тонн. Одного человека у руля и двоих на веслах достаточно для того, чтобы управлять ею.

Харберт-крик впадает в реку Грегори, довольно крупный приток реки Николсон, широкое устье которой несет воды всех этих рек в залив Каррентария.

— Этот проект, господа, — сказал майор, который проследил маршрут по карте, — во всех отношениях превосходный, но что мы будем делать, когда прибудем на берег моря с нашим сокровищем после такого утомительного пути? Ждать корабля, следующего через этот пункт, к которому суда приближаются крайне редко?

— Сэр Харви, если позволите, я изложу план, который обдумывал много дней и выполнение которого столь же просто, сколь и надежно, — заговорил герр Шэффер. — Я считаю, что это единственный план, который может нас спасти.

— Говорите, герр Шэффер.

С того момента, когда ему, наконец, удалось оторвать глаза от слитков золота, высокий пруссак, похоже, был погружен в какие-то раздумья. Казалось, блеск золота его заворожил. Я никогда не доверял тевтонам-кладоискателям, мечтающим о миллиардах. Но раз у него есть план, послушаем его. Мне много раз приходилось встречать людей, у которых были всевозможные планы!

— Совсем кратко, господа. Вам известно расстояние, которое отделяет нас от трансавстралийского телеграфа?

— Хм... четыре или пять градусов.

— Всего три. Семьдесят пять лье. Наши лошади отдохнули и резвы, как в самом начале экспедиции, и это расстояние они смогут преодолеть самое большее за пять дней, а может быть, даже за четыре. Пусть они падут

в пути, но люди все равно придут в отделение телеграфа в поселке Барроу-Крик.

— Замечательно! — воскликнул майор. — Таким образом наш посланец свяжется с цивилизованными пунктами. Сдоблаговолите продолжать, герр Шэффер.

— Из отделения Барроу-Крик легко связаться с Саутпортом и Порт-Деннисоном. Я упоминаю об этих пунктах потому, что они ближе всего расположены к истоку реки Николсон. В Порт-Деннисоне полно судов, и можно легко договориться с капитаном какого-нибудь парохода, и он будет несколько дней курсировать в ожидании нашего прибытия на берега залива Карпентария. Поднявшись на борт парохода, мы достигнем Мельбурна западным путем, так как проход через Торресов пролив довольно сложен. Что вы думаете о моей идее, сэр Рид? Приемлема ли она?

— Во всех отношениях, герр Шэффер. Но на кого бы я мог возложить выполнение этой миссии?

Пруссак, казалось, на минуту задумался.

— На меня, если я удостоюсь этого поручения.

— Подумать только, вот мерзкий лицемер, — тихо проворчал возмущенный Сириль, враждебность которого к немцу усилилась еще больше.

— Вы отправитесь завтра с четырьмя своими товарищами. Загоните лошадей, если потребуется. В Барроу-Крик вы купите других для обратного пути. Не жалейте денег. Время важнее всего.

На следующее утро немец отправился в путь, облеченный скваттером всеми полномочиями; кроме того, сэр Рид дал ему портфель, набитый банкнотами, который он предусмотрительно всегда носил с собой. Герр Шэффер взял трех немцев, в том числе одного ганноверца, которого он, видимо, полностью подчинил себе, а также одного простоватого поселенца.

— До скорой встречи! Желаю удачи! — напутствовал отъезжающих сэр Рид.

— До скорой встречи! — ответил немец, салютуя по военному.

Перенесение золота в лодку должно было начаться лишь после возвращения нашего посланца, поэтому каждый решил провести оставшееся время по своему усмотрению. Кто прогуливался по лесу, кто занимался рыбной ловлей, кто отправился на охоту. Со смешанным чувством удовольствия и сожаления теперь вспоминаю я время, проведенное среди аборигенов. Эта неделя, как и все

хорошее, миновала очень быстро. Однако наш посланец все не возвращался. Правда, опоздание на два дня не могло слишком уж взволновать нас, но хорошо известная пунктуальность немца заставляла опасаться, что задержка вызвана каким-то несчастьем.

Наконец, когда наше беспокойство переросло в тревогу, на поляну перед деревней выскочили два всадника. Они были верхом на крупных пегих лошадях хорошей стати, совершенно загнанных. Это были герр Шэффер и ганноверец. Их одежда была разорвана в клочья, лица усталые и мрачные. Бока лошадей расцарапаны, у ганновельца перевязан лоб.

— Где остальные? — вскричал сэр Рид.

— Погибли!

Мы были потрясены. Только когда вместе идешь в поход, вместе подвергаешься одним и тем же опасностям, спишь бок о бок под открытым небом и делишься последним куском хлеба, можно понять, какие неосознанные узы связывают вас с вашими спутниками. Двое из погибших принадлежали к вражеской нации, но, несмотря на то, что мы, французы, не питаем к ним симпатии, мне казалось, что в сердце моем образовалась пустота. В конечном счете, они выполняли свой долг, сотрудничая в нашем предприятии.

После благополучного прибытия в отделение телеграфа в Барроу-Крик герр Шэффер немедленно начал переговоры с капитаном одного парохода, которые увенчались полным успехом. Имя сэра Рида помогло устранить все трудности. Капитан заверил, что немедленно выходит в море. Раздобыв лошадей, пятерка покинула отделение телеграфа и направилась в деревню нга-ко-тко. Однако на одном из привалов на них внезапно напала группа враждебных аборигенов, и трое из поселенцев были убиты, не успев оказать сопротивления. Двоим все же удалось вскочить в седла и ускакать...

— Наши жизни принадлежали не нам, — с достоинством закончил герр Шэффер свой рассказ, — нам надо было во что бы то ни стало вернуться сюда. Приказ есть приказ. А наши товарищи погибли, выполняя свой долг.

Наконец наступило время уходить. После трогательного прощания на покрытом цветами кладбище мы тронулись в путь. Все племя нга-ко-тко высыпало из хижин, чтобы проводить нас. Сопровождаемые мужчинами, которые несли тучки с золотом, мы направилась к реке Хар-

берт-Крик, на которой покачивалась наша лодка, охраняемая группой аборигенов во главе с сыном Рыжего Опоссума и усиленная четырьмя поселенцами.

Укладывание груза не отняло много времени. Эта операция не представляла особого труда, поскольку достаточно было равномерно разложить тучки с золотом на плоском дне лодки, чтобы не нарушить ее осадку.

Рыжий Опоссум, отправив часть своего племени в деревню, оставил с собой двух сыновей и двадцать лучших воинов: наш друг никак не мог заставить себя расстаться с нами и решил проводить как можно дальше, снабжая едой в незнакомой местности, по которой нам предстояло идти.

Всем, кто возвращается в деревню, мы подарили топоры, ножи, одежду и все безделушки, которые еще сохранились, — жалкие остатки бывшего богатства. Аборигены приняли эти подарки с огромным удовольствием. Но больше всего были обрадованы девушки, которые получили полдюжины маленьких карманных зеркалец.

Мисс Мэри и Келли удобно расположились под небольшой занавеской, натянутой над лодкой вместо тента. Эдвард занял место у руля, Фрэнсис и Сириль сели за весла, и, подхваченная течением, наша лодка заскользила по воде.

От залива Карпентария нас отделяло три с половиной градуса. Мы считали, что сможем пройти это расстояние самое большее за пятнадцать дней. В реке полно всевозможной рыбы, а леса, тянувшиеся справа и слева, где обитают опоссумы и кенгуру, сулили нам отличное жаркое. Нам не на что особенно жаловаться, хотя духота, которая еще больше усилилась с тех пор, как мы вступили в жаркий пояс, подчас мучительна.

Печальный момент расставания настал. Джо надо возвращаться к своим соплеменникам. Этот замечательный человек в глубокой печали. Он трогательно прощается с детьми своего умершего друга. Старый дикарь-европеец рыдает как ребенок. У Эдварда, Ричарда и их сестры глаза полны слез.

— Джо, дорогой Джо, — говорит сэр Рид, сжимая его руки, — мы еще свидимся, клянусь! Мне хочется помочь в вашей благородной миссии, которую вы взяли на себя. Дети меня понимают. Теперь они богаты благодаря вашей преданности их отцу. Они не забудут ни вас, ни ваше племя. Не пройдет и года, как мы пригоним к вам стада

быков и овец, а также лошадей, доставим вам земледельческие орудия для обработки ваших земель. Руководимые и просвещаемые вами, при нашей помощи, аборигены, надеюсь, смогут в будущем побороть голод. Не прощайте, Джо, а до свидания!

Наконец мы пересекли Австралию с юга на север!

Крик радости вырвался из груди каждого при виде парохода, стоявшего на якоре в естественной бухточке меньше чем в четырех кабельтовых от берега. Герр Шэффер — человек слова.

Едва только наша группа показалась в виду судна, как с парохода спустили шлюпку. Сидящие в ней матросы приветствуют нас оглушительным «ура!». Высокий мужчина с грубым загорелым лицом и живыми глазами, типичный моряк, ловко спрыгивает на землю и представляется нам. Это капитан «Уильяма» — так называется пароход, который должен доставить нас к месту назначения. Капитан строго придерживался инструкций, переданных по телеграфу из Барроу-Крик в Порт-Деннисон, и, выбросив балласт, чтобы идти как можно быстрее, прибыл на место встречи, назначенной немцем, на четыре дня раньше срока.

Любезное предложение подняться на борт парохода, чтобы оговорить условия погрузки, немедленно принято, и сэр Рид, майор, Эдвард, МакКроули, Робартс и я, короче говоря, генеральный штаб экспедиции, вскоре поднимаемся на палубу «Уильяма». Капитан принимает нас с исключительным вниманием и быстро заключает сделку со скваттером, который платит, не торгуясь.

После превосходного завтрака с отличным вином, который мы поглотили с величайшим аппетитом, осматриваем пароход сверху донизу. На нем царят безупречный порядок и идеальная чистота. Капитан демонстрирует нам все до мелочей, и наш визит заканчивается осмотром пушки, заряжаемой с казенной части, присутствие которой на борту успокаивает нас, поскольку возможна встреча с пиратами.

Итак, все отлично, и мы возвращаемся на берег, восхищенные увиденным. В последнюю ночь, которую мы проводим на берегу, никто не смыкает глаз.

На следующее утро шлюпка с парохода вновь пристает к берегу, и начинаются организованная перевозка и погрузка сокровища на борт «Уильяма». Герр Шэффер

находитесь на пароходе, наблюдая за прибытием тючков, и поскольку команда судна достаточно многочисленная — двадцать человек, не считая тех, кто работает в машинном отделении, — операция проходит с невероятной быстротой. Шести ездов шлюпки достаточно, чтобы перевезти три тысячи и несколько сот килограммов золота. Матросам по окончании работы обещан двойной рацион, и эта перспектива стимулирует морских волков. Наша бедная лодка, освобожденная от своего ценного груза, танцует на волнах у самого берега. Затем мы вытаскиваем ее на песок со всей оснасткой и переворачиваем килем кверху, чтобы она не пострадала от дождя. Это филантропическая идея скваттера, который надеется, что в случае необходимости ею смогут воспользоваться потерпевшие кораблекрушение или исследователи. Остается только перевезти на пароход участников экспедиции. На борту судна все готово. Пар со свистом вырывается из предохранительных клапанов. Пора перевозить на борт семнадцать членов экспедиции, ибо — увы! — кости троих выбеливает тропическое солнце. Мы прощаемся с берегом залива Карпентария.

Но нет! Это — немыслимо! Тут можно сойти с ума! Шлюпка с парохода прижимается к его борту, а шесть матросов, находящихся в ней, в мгновение ока поднимаются на борт. Звучит свисток. Якорные цепи сбрасываются через клюзы в море. Вдымая пену, закрутился корабельный винт, и судно удаляется от берега со скоростью морской птицы. А мы... мы остаемся на берегу, бессильные что-либо предпринять.

Раздаются возгласы ярости и отчаяния. Все выхватывают оружие и стреляют по бандитам, которые не только украли наше золото, но и вероломно оставили нас без малейших запасов провизии на этом негостеприимном берегу. Бесполезные выстрелы! Никого из негодяев нет на палубе, от которой со свистом отскакивают наши пули. И последняя наглая бравада: английский флаг, который реял над кормой, скользит вниз по фалу, а вместо него на гафель бизань-мачты поднимается кусок черной материи. Это — пиратский флаг!

А где Шэффер?

Он остался на пароходе, мерзавец!

Хотя пиратам и не было нужды опасаться нас, они тем не менее еще больше увеличили скорость; пароход удаляется. Для нас все кончено.

И тогда к сэру Риду, хладнокровно обдумывающему последствия постигшего нас бедствия, подходит один из путников, смертельно бледный, спотыкающийся, как пьяный, с блуждающим взором. Это — ганноверец.

— Убейте меня! — бормочет он прерывающимся голосом. — Я жалкий человек, не достойный сожаления. Убейте меня из милости, иначе я сам покончу с собой.

Он уже приставил револьвер ко лбу, но майор выхватывает оружие из его рук.

— Герман, вы предали своего благодетеля, вы помогли разорить наших детей! Вы подвергли опасности самое наше существование! Но я вас прощаю. Пусть угрызения совести будут для вас самым тяжким наказанием.

— Но вы еще не все знаете. Шэффер — сообщник и самый преданный друг главаря пиратов — уже давно придумал эту аферу. Помните, когда его не было и он якобы охотился на казуаров? Он тогда загнал лошадь, потому что помчался в отделение телеграфа предупредить своего сообщника и обсудить с ним, как вас ограбить. Я знал об этом, но трусливо молчал.

Я сразу вспомнил, как у меня зародилось подозрение при виде взмыленной лошади Шэффера и что я хотел разmozжить голову негодяю.

— Теперь же, — продолжал ганноверец, — когда вы послали его в Барроу-Крик, он и сообщил пирату, что экспедиция завершается и чтобы тот спешно выходил в море. Но поскольку он боялся разоблачения со стороны товарищей, он не остановился перед убийством.

У нас вырвался крик ужаса и негодования.

— Да, господа, — продолжал несчастный вне себя от горя, — именно он подло перерезал горло трем своим спутникам во время сна, а меня пощадил только потому, что я ему был нужен в качестве свидетеля. Никаких аборигенов мы не встречали, а рану, которая у меня на лбу, я нанес себе сам, чтобы придать больше правдоподобия нашей лжи... Вы, которого я предал, теперь видите, что я не заслуживаю никакого прощения!..

— В последний раз, Герман, заявляю вам, что мы не имеем права быть судьями, а тем более палачами.

— Ну, что ж, коли так, я не могу нести груз ваших благодеяний, стыд замучит меня, и я сам совершу суд, потому что не достоин жить среди вас.

Молниеносным движением руки он всадил себе в грудь

охотничий нож по самую рукоятку и упал замертво вниз лицом.

— Бедняга... — произнес грустно майор среди всеобщего оцепенения.

Это было единственное прощальное слово над телом ганноверца.

ГЛАВА XIII

Никогда еще наши люди не переносили столь мужественно новые огромные беды. Ведь это было полное крушение всех надежд, уже почти реализованных, равносильное потере всего у порога дома. Тем временем братья и юная мисс, кажется, забыли о собственном несчастье и были заняты лишь тем, чтобы ободрить смельчаков, которые проделали вместе с ними весь этот трудный путь и которым теперь предстоят новые тяготы.

— Дети мои, — говорит скваттер, — мне нравится ваша стойкость духа, которую ничто не может сломить и которая помогает вам сопротивляться ударам судьбы. Обладание огромным состоянием оставило вас равнодушными, а его потеря — спокойными. Это хорошо. Надеюсь, мы скоро будем дома. И мы больше не будем расставаться. Вы мои приемные дети, вы будете моими единственными наследниками. Вы молоды, полны сил и энергии и станете скваттерами. Жилой дом в «Трех фонтанах» обширен. Предлагаю вам поселиться там вместе со мной.

В то время, как Ричард и мисс Мэри, растроганные, бросаются в объятия этого благородного человека, Эдвард не отрывает глаз от моря и, кажется, не слышит, что говорит его дядя. Все его чувства сконцентрированы на какой-то полоске, сливающейся с горизонтом. Нахмуренные брови и наморщенный лоб выдают его величайшее волнение.

— Дядя, господа, — говорит молодой моряк, — может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что там, в открытом море, я вижу дымок. Небо совершенно чисто, и это не может быть облаком.

— Ей-богу, — восклицает Робартс, вытаскивая маленькую подозрительную трубу из футляра и наводя ее на бесконечное пространство, — я думаю, дорогой Эдвард, что вы правы. Взгляните сами.

— Теперь я в этом уверен. На горизонте виден корабль. Скорее сигналы! Разожгите костер! Том, заберись

на это дерево и прикрепи там наш флаг. Быстрее, господа. Речь идет о нашем спасении, быть может, и о мести.

— Месть — это мне по душе, — пробормотал Сириль, совершенно не признававший заветы Евангелия.

— Но зачем поднимать наш флаг?

— Для того, чтобы находящиеся на борту корабля люди не подумали, что огонь разожгли каннибалы. Увидев английский флаг рядом со столбом дыма, капитан корабля поймет, что мы — англичане, потерпевшие кораблекрушение.

— Тогда за работу!

Нас не надо было понукать. Уже через несколько минут начинает потрескивать огромная куча веток, от костра медленно вздымается к небу густой столб дыма. В огонь все время подбрасывается влажная трава.

Эдвард, снова взяв подзорную трубу, рассматривает детали корабля, который поворачивает в нашу сторону.

На лице обычно невозмутимого Эдварда отражается сильное волнение. Он узнает фрегат по его форме, оснастке, по различным неуловимым для непосвященного признакам, которые в совокупности создают особый облик каждого судна и которые способен уловить только моряк.

— Майор, — говорит он дрогнувшим голосом, — это «Королева Виктория».

— «Виктория»? — переспрашивает потрясенный старый офицер.

— Она самая. И командует ею капитан Харви — ваш брат!

— Вот это да! На этот раз мы, кажется, посмеемся последними! — восклицает грозно майор. — Ну, теперь держитесь, господа пираты! В трюме «Виктории» есть и порох, и уголь, а храбрый офицер, который командует фрегатом, не питает нежных чувств к вашему брату.

Второй раз за последние двадцать четыре часа в этом пустынном месте происходит необычное событие: к берегу пристаёт шлюпка.

Капитан лично встречает нас, как только мы вступаем на палубу его корабля. И он тотчас узнает брата.

— Господи! Это ты, Генри? Какого черта ты здесь делаешь?

Братья обнимаются, после чего майор, официально представив брату всех участников экспедиции, быстро знакомит капитана боевого корабля со сложившейся обстановкой.

— Так ты говоришь, Генри, что пираты на «Уильяме»?.. Это одно из самых быстроходных судов, какие мне известны...

— Досадно.

— Более того. Негодяй, который является капитаном судна, пекий Боб Дэвидсон, очень опытный моряк.

— Только этого еще не хватало.

— Не волнуйся, брат. Мы обязательно захватим «Уильям» и вздернем весь его экипаж на реях моего фрегата, а сокровище отдадим тому, кому оно принадлежало.

— Как хочется на это надеяться.

— Я лично в этом уверен. Я уже давно слежу за этим пиратом. И скорая наша встреча будет для Боба Дэвидсона последней. Праведный суд не за горами.

Фрегат оказался в проливе Карпентария совсем не случайно. Капитан Харви, которому было поручено пополнить запасы станции Норман-Маут, должен был, кроме того, сделать съемку местности той части побережья, где нас оставили пираты. (Строго следуя по маршруту, он и заметил наш сигнал.) После выполнения этих двух заданий он был должен доставить на мыс Йорк двадцать пять военных моряков на замену гарнизона, который уже два года охраняет проход через Торресов пролив.

— А теперь в погоню! Время не ждет!

Теперь нужно подождать хотя бы до завтра, чтобы принять окончательное решение, что делать дальше. Когда мы избежали тех страшных невзгод, что были нам уготованы, нами владеет лишь одно чувство: настичь пиратов и наказать их за чудовищное предательство. И все складывается так, что можно надеяться на исполнение этих надежд. Помимо четырех пушек калибра 16 сантиметров, на борту корабля имеются еще два орудия калибра 24 сантиметра, которые помещаются в бронированных башнях на палубе. Эти мощные орудия поворачиваются во все стороны и способны выпускать своих посланцев смерти в радиусе 10 тысяч метров. Экипаж «Виктории» состоит из лучших моряков, каких только можно найти в английском флоте, а капитан принадлежит к числу людей, обладающих несгибаемой волей, направляемой недюжинным умом. Такие люди, приняв решение, идут к цели, не оглядываясь.

...Топки котла паровой машины набиты углем. Скорость фрегата все больше возрастает, его острый нос рассе-

кает волну, и сотрясение, вызываемое работой поршней, чувствуется даже на палубе. Мы держим курс на Торресов пролив, находящийся от нас почти в семи градусах. Мы должны достичь пролива менее чем через тридцать часов. И пусть трепещут негодяи, которых мы надеемся увидеть завтра!

Первая половина ночи проходит быстро в приятных разговорах, которые почти полностью посвящены нашим приключениям; потом далеко за полночь, растянувшись на настоящих кроватях или, точнее, койках, с простынями и одеялами, мы испытываем неизъяснимое блаженство. Те, кому приходилось спать на голой земле, поймут это.

На рассвете наш слух, привыкший к оглушительному крику птиц, населяющих австралийские леса, с удивлением улавливает воинственные звуки приготовления к бою.

Быстро ополоснув лицо, выскакиваем на палубу, жадно всматриваемся в море. Но пока ничего нового. Несмотря на ранний час, капитан с сосредоточенным видом шагает по полуяту и тепло здоровается с нами.

Один из молодых офицеров в сопровождении матроса, несущего морскую подзорную трубу, ловко взбирается по вантам правого борта на грот-мачту и пристраивается на стенге. В то же время марсовый, уцепившись за реи брамселя, уже ведет наблюдение, тоже рассматривая в подзорную трубу бесконечный горизонт. Видим мы и несколько матросов, находящихся на разных вантах рангоута, которые пристально всматриваются в морские дали, чтобы немедленно сигнализировать о появлении морских разбойников: рвение экипажа стимулируется большой наградой, обещанной тому, кто первым увидит пиратов.

Текут часы, долгие и изматывающие. Ни у кого нет аппетита. На палубе фрегата царит полная тишина, нарушаемая лишь шумом, доносящимся из машинного отделения. Наше волнение настолько велико, что все молчат.

Полдень... Ничего нового!

Если капитан не ошибся в своих расчетах, если избранный маршрут правилен, значит, пираты идут с огромной скоростью. Погоня продолжается уже почти двадцать часов, пройдено более ста лье, но ни единой точки не появляется на неподвижной линии, где сходятся небо и море...

Но вот громкий крик сиплого, словно простуженного голоса заставляет нас поднять головы.

— Впереди — судно! — кричит матрос, уцепившись за реи брамселя. — Это пароход! — И, слетев вниз с проворст-

вом настоящего виртуоза, матрос уверяет, что ясно видел в направлении курса фрегата высокие мачты судна, из трубы которого тянулся легкий дымок.

Нет сомнения, это они! Быстро снимаются чехлы с орудий, все матросы и офицеры занимают свои места по боевому расписанию. Однако пароход виден только тем, кто забрался высоко на мачты. Сигнальщики на вантах марса пока ничего не сообщают.

Снова звучат хриплые крики, и их уже много. Около двадцати матросов видят пиратов и, в свою очередь, подают сигналы.

Капитан вызывает механика.

— Дайте на клапаны максимальную нагрузку!

— Да, капитан!

Вряд ли капитан американского парохода на Миссисипи или на Амазонке мог бы придумать что-нибудь лучше, чтобы «сжечь» судно, принадлежащее соперничающей компании.

Уголь буквально пожирается топками, колосники которых, раскаленные добела, начинают деформироваться. Корабельный винт яростно вращается, а из слишком узких труб вырываются клубы черного дыма.

Нет сомнения в том, что пираты нас заметили. Их судно ускоряет ход, и хотя ему не удастся сохранить дистанцию, которая разделяет два парохода в данный момент, оно прилагает энергичные усилия, чтобы удрать.

Через два часа судно, наконец, видно всем. Оно несется как морская птица, но наш фрегат устремляется вперед с несокрушимой мощью кита.

В пять часов пополудни расстояние между нами не более десяти километров; но это колоссальный разрыв, если учесть скорость пиратов. Какая адская машина находится в чреве их судна, позволяющая ему соперничать с одним из самых быстроходных кораблей британского флота?

Если бы на его борту не находилось сокровище наших друзей, с каким бы удовольствием канониры «Королевы Виктории» выпустили по нему несколько снарядов, которые находятся наготове возле орудий.

О! У капитана возникает какая-то идея!

Зашевелился экипаж парового катера. Приготовлены к работе тали, по которым его будут спускать на воду; коцегар катера разжигает огонь в его топке. Через полчаса он будет готов к действиям.

Неужели капитан собирается на этом углу суденышке гнаться за пиратским судном, которое одерживает верх над фрегатом? Что ж, посмотрим, что задумал наш капитан.

Громкий выстрел раздается с нашего борта. Это выпалила одна из пушек, приказывая пароходу поднять свой флаг.

Однако пираты не обращают никакого внимания на наше предупреждение. Звучит второй выстрел, сопровождаемый хриплым ревом снаряда, разрезающего воздух. Снаряд вдребезги разбивает рею фок-мачты и уходит дальше в море.

Над бортом пиратского парохода, в свою очередь, вздымается белое облачко. Прежде, чем мы услышали звук выстрела, снаряд ударяет в броню на носу фрегата. И тут же зловещий черный флаг поднимается на гафель бизань-мачты.

— Вот наглецы! — восклицает майор, покраснев. — Они что, считают себя недосыгаемыми? Ах, если бы на их борту не находилось состояние детей, то с четырьмя снарядами в корпусе они стали бы прекрасным угощением для акул в этом заливе.

— Не беспокойся, брат! — флегматично отвечает капитан. — Через час — да что я — через полчаса все будет закончено.

Через несколько минут «Уильям» как будто замедляет ход. Он находится от нас самое большее в тысяче метров, но огня не открывает. Это естественно, ведь наш корабль, к счастью, неуязвим для снарядов.

«Королева Виктория» тоже сбавляет ход. Четыре матроса с носовой части корабля непрерывно измеряют глубину. Тенерь следует двигаться с бесконечными предосторожностями, потому что глубина значительно уменьшается. Мы приближаемся к коралловым рифам.

Машина катера под давлением, его экипаж находится на своих местах и только ждет сигнала.

На невозмутимом лице капитана появляется легкая улыбка.

— Наши дела идут неплохо, — оборачивается ко мне старый матрос с обветренным лицом. — Наш капитан не часто смеется. Наверняка он намерен им здорово всыпать.

Рифы совсем близко от «Уильяма», по крайней мере, всего в тысяче метров от правого борта. Пароход останавливается на несколько секунд, а потом вдруг чуть ли не разворачивается на месте и под полными парами вдруг

пускается с безумной храбростью в узкий фарватер, куда фрегат не может пройти.

Из наших уст вырываются возгласы гнева и разочарования.

Их рулевой, вероятно, блестяще знает проход между рифами, потому что судно лавирует в извилинах фарватера с полной уверенностью.

«Королева Виктория» подошла ко входу в фарватер, по которому пытается ускользнуть пиратское судно.

Здесь нам приходится остановиться: пройдя еще сто метров, фрегат неминуемо бы сел на мель.

Фрегат останавливается в то время, как пираты, находящиеся от нас в восьмистах метрах, продолжают двигаться среди рифов, верхушки которых видны над поверхностью воды.

Капитан внимательно рассматривает карту, отмечает ногтем какое-то место и говорит словно с самим собой.

— Вот здесь, — слышится его тихий голос.

Он поднимает голову и снова улыбается.

Пораженный столь редкостным событием, экипаж словно забыл о своих обязанностях, застыв в полной растерянности.

— А теперь, дети мои, — вдруг кричит капитан громовым голосом, — не стесняйтесь! Перебейте ему ноги, сломайте крылья, продырявьте брюхо! Судно наше! Бортовой залп! Топить его!

Фрегат повернут бортом к фарватеру. Поэтому движение «Уильяма» перпендикулярно линии стрельбы. Несмотря на рифы, затрудняющие движение, он поддает пару. Однако в момент, когда капитан Харви отдает команду «огонь», изгиб фарватера заставляет «Уильям» повернуться параллельно нашему кораблю. Две 16-сантиметровые пушки, которые высунули железные пасти в портики правого борта, начинают представление. Два выстрела звучат одновременно. Снаряды разносят в щепы часть левого борта пиратского судна, сбивают трубу, которая, покрутившись как кегля, со скрежетом падает на палубу. Тяги в тонках больше нет, и дым выбивается из всех щелей.

Однако пираты не сдаются. Их машина работает плохо, но словно по волшебству опустившиеся было фок, фок-марсель, грот, грот-марсель и бизань надуваются ветром.

Тогда наступает очередь двух 24-сантиметровых орудий, которые и заговорили своим громким голосом. Грот-

мачта, переломленная в двух метрах от палубы, качнулась вперед-назад и, ломая ванты и штаги, с грохотом рушится на палубу, накрывая ее парусом. Неописуемое смятение царит на «Уильяме». Потеряв управление, он останавливается.

Тем временем наши канониры вводят поправку в прицел на два градуса ниже. Теперь уже четыре орудия грохнули одновременно. Страшный квартет сотрясает воздух. В борту пиратского парохода пробито равное отверстие величиной с ворота на уровне ватерлинии. В нее тут же врывается вода. Пароход тяжелеет, останавливается, шатается, как пьяный, и начинает медленно погружаться.

— Брат, что ты делаешь? — восклицает майор, придя в себя после неожиданных результатов канонады, которая длилась всего несколько минут.

— Я его топлю.

— Черт подери! Я это вижу! А как же сокровище?

— Оно попадет в то место, где может не бояться грабителей.

— Но оно же потеряно! Оно погружается на дно моря!

— Несомненно. Я этого и хотел. Зато теперь оно в безопасности. Морское дно надежнее любого сейфа.

— Ничего не понимаю.

— Сейчас поймешь.

«Уильям» идет ко дну посреди обломков, качающихся на волнах. И вскоре мы видим на поверхности, словно мертвые деревья, верхушки его фок- и бизань-мачты.

— Что же дальше? — спрашивает майор, видя, что разрушительная операция закончена.

— Подожди, брат. Нам надо сделать еще три вещи. Прежде всего — потопить ялик, который, я надеялся, захлебнется в бурунах от тонущего корабля.

Сказано — сделано. Расстрелянный картечью маленький ялик с пиратского судна завертелся, как подбитый заяц, и погрузился в воду.

— Так, с этим все в порядке, — как всегда, невозмутимо говорит капитан, которого это все, по-видимому, забавляет. — Ну, а что касается бандитов, которые спаслись вплавь, то мы их и оставим на рифах, где они закончат свою жизнь, как того заслуживают, если не захотят сдаться на милость победителя.

— О, помилуйте их! — восклицает мисс Мэри, охваченная волнением при мысли об их страшной участи.

— Мы попытаемся сделать все возможное, мисс. Ваше желание для меня приказ.

— Вы так добры!

— Нет, мисс, это не я добр, это вы — совершенство.

— Вторая задача, мой дорогой Генри, — продолжает капитан, обращаясь к майору, — пустить на воду паровой катер. Он пойдет туда, куда нам не проникнуть. Спустить катер на воду!

Катер со своим экипажем скользит по внушительным таям. На борту он казался неуклюжим, как тюлень на песке, но в море он становится легким и изящным, как морская птица.

— Лейтенант, захватите спасшихся негодяев.

— Есть, капитан, — отвечает бодро лейтенант, который, вероятно, получил от своего начальника соответствующие инструкции.

Катер возвращается через полчаса после того, как сделал промеры глубин во всех направлениях вокруг того места, где затонуло пиратское судно. Матросы катера много раз производили замеры, а тем временем лейтенант набросал рельеф морского дна и обозначил контуры затопленного судна, а также промерил глубину в том месте, где оно находилось.

— Прекрасно, благодарю вас, — сказал капитан. — Это все?

— Есть один пленный, капитан. Остальные... погибли.

— А-а-а... Ну, введите его сюда.

Четверо матросов подняли пленного на борт. Судовой врач осмотрел его, оказал помощь, и тот скоро пришел в себя.

О, неожиданная месть судьбы! Это — герр Шэффер.

Он приходит в себя и приходит в неистовство, видя всех нас, столпившихся вокруг него.

— Ваша жизнь сейчас вне опасности. Благодарите эту девушку, которая замолвила за вас словечко, — холодно сказал ему капитан Харви. — Вы будете находиться под домашним арестом до нашего возвращения в Мельбурн. Было бы хорошо, если бы вы раскаялись.

— Мне не нужно ваше прощение, — прорычал бандит. — Я ненавижу всех вас. Слышите? Я вас ненавижу и отомщу.

Он выхватывает из кармана револьвер, и наводит его на сэра Рида, который стоит от него в двух шагах.

— Получайте, мой благодетель! — вскричал Шэффер, скриннув зубами.

Прозвучал выстрел. Однако быстрый, как молния, Фрэнсис рванул вверх руку Шэффера, и пуля ушла мимо. Одновременно второй рукой он повергает противника на палубу...

Девушек уводят вниз, а к фок-рее в это время привязывают веревку с петлей.

Пятнадцать минут спустя труп предателя болтается на высоте десяти метров.

— Одно слово — пруссак, — изрекает Сириль. Остальные молчат.

Так закончил свой жизненный путь герр Шэффер. МакКроули проводит какие-то расчеты.

— Чем вы заняты? — спросил его майор.

— Снаряд 16-сантиметровой пушки стоит 200 франков. Было произведено шесть выстрелов. Итого — 1200 франков. Зарядный картуз для 24-сантиметрового орудия стоит 320 франков. Четыре выстрела, таким образом, обошлись в 1280 франков. Всего затрачено 2480 франков, чтобы вернуть сокровище стоимостью в 10 миллионов. Я считаю, что эти деньги вложены очень выгодно.

— Вы говорите, что деньги были вложены для того, чтобы вернуть 10 миллионов?

— Да, дорогой мой. Я, кажется, понял план капитана. Впрочем, сейчас вы все сами увидите.

На борту фрегата имеется несколько превосходных скафандров. И вскоре команда водолазов поднимает ценный груз, который она нашла в полной сохранности в трюме «Уильяма».

Теперь и мы разгадали план капитана Харви, когда он приказал открыть огонь в точно обозначенной им точке.

Итак, после всех необыкновенных приключений тучки с золотом водворяются в каюту капитана. Там они теперь в полной безопасности...

Два часа спустя «Королева Виктория» взяла курс на Мельбурн в западном направлении. Она обогнет эту огромную часть Австралийского континента, которая простирается от 140 до 111 градусов западной долготы. Фрегат пересечет Тиморское море, проследует по Индийскому океану, чтобы через три недели бросить якорь в заливе Порт-Филипп, доставив туда всех, кто принимал участие в экспедиции, а также сокровища ценностью в десять миллионов, хранившиеся у Рыжего Опоссума.

ЭПИЛОГ

Два месяца спустя после окончания нашего путешествия в церкви Сент-Элизабет состоялись две свадьбы. Наш друг Робартс женился на мисс Мэри, а Сириль на очаровательной ирландке Келли.

Все участники экспедиции присутствуют при венчании. Поселенцы, разбогатевшие благодаря щедрости братьев Эдварда и Ричарда, не хотят, однако, покидать своего хозяина. Все они собираются вернуться туда, где жили до сих пор.

Фрэнсис назначен управляющим «Трех фонтанов» вместо Шэффера. Том красуется в новой яркой одежде. Что касается Сириля, то он просто счастлив. Мисс Мэри, ныне миссис Робартс, дала в приданое Келли двести тысяч франков. Теперь мой добрый друг обладает не только прелестной, но и богатой женой, что его, однако, ни в малейшей степени не испортило. Он во всех отношениях достоин такой двойной удачи.

Мы все собрались, чтобы приветствовать новобрачных. Тут и майор, который уже поговаривает о намерении вновь повидать племя нга-ко-тко, и его брат капитан, который завтра уходит в море, и МакКроули, желающий продать свою лейтенантскую должность и мечтающий остаться в Австралии, где едят такие вкусные вещи, и, наконец, почтенный доктор Стивенсон, который был счастлив вновь увидеть нас всех.

Я выступаю в качестве свидетеля на свадьбе моего славного друга и ставлю свою подпись в присутствии французского консула. Церемония завершена.

— Ну, как, — спрашиваю я Сириля, пожимая ему руку, — теперь, когда ты остепенился, небось не захочешь больше бродить со мной по белу свету?

— Женитесь тоже — это не так уж трудно. Потом, начав с Боса, поедем охотиться в Англию. А сейчас мне надо познакомиться со своей новой семьей. И если сердце нам подскажет, мы, быть может, совершим новое путешествие сюда, в Австралию. Не так ли, женушка?

Я вернулся к суетной жизни Парижа, и прошло уже два года с тех времен, полных тревог и счастья. Когда же я вновь увижу добрых друзей, о которых постоянно вспоминаю, но от которых меня отделяет несколько тысяч лье водных просторов океана?..

СОДЕРЖАНИЕ

Фридрих Герштеккер. Маленький золотоискатель в Калифорнии. <i>Перевод с немецкого М. Мазуренко</i>	3
Луи Буссенар. За десятью миллионами к Рыжему Опоссуму (Через всю Австралию). <i>Перевод с французского Н. Лосевой</i>	251

Приложение к газете «Пул» («Деньги»)

Литературно-художественное издание

ФРИДРИХ ГЕРШТЕККЕР

МАЛЕНЬКИЙ ЗОЛОТОИСКАТЕЛЬ В КАЛИФОРНИИ

ЛУИ БУССЕНАР

ЗА ДЕСЯТЬЮ МИЛЛИОНАМИ К РЫЖЕМУ ОПОССУМУ
(ЧЕРЕЗ ВСЮ АВСТРАЛИЮ)

Ташкент Фирма «Фонд» ИПК «Шарк» 1992

Редактор *Клюева О. Н.*

Художественный редактор *Соин С. Е.*

Сдано в набор 08.04.92 г. Подписано в печать 05.06.92 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печать офсетная.
Усл. п. л. 20,16+0,21 форз. Усл. кр-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 25,15+0,38 форз. Тираж 100000.
Заказ 369. Цена договорная.

Фирма «Фонд». Ташкент. Аллея Парадов 2
ИПК «Шарк». Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфическом концерне
«Шарк». Ташкент, ул. Газеты «Правда», 41. 1992.

